А. Е. ПРЕСНЯКОВ

ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

ТОМ II

ВЫПУСК 1

ЗАПАДНАЯ РУСЬ И ЛИТОВСКО-РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА · 1939

9(47)
П—73

В I выпуск II тома «Лекций по русской истории» А. Е. Преснякова вошли лекции по истории западной Руси и Литовско-Русского государства, читанные им в Петербургском университете в 1908/09 и 1909/10 гг. Текст воспроизведен по собственным записям автора.

ОТ РЕДАКЦИИ

Вторая часть лекционного курса А. Е. Преснякова, посвященная истории западной Руси и Литовско-Русского государства до XVI в., представляет большой интерес как в силу ограниченности нашей литературы по этому разделу истории, так и по свежести постановки ряда вопросов в публикуемом курсе.

Особой заслугой автора надо считать выделение вопроса о русских землях в составе Литовско-Русского государства и непосредственное изучение исторических судеб последних В частности автор совершенно правильно подчеркивает многоплеменной состав великого княжества Литовского и в дальнейшем Речи Посполитой и непреодолимую до конца внутреннюю разобщенность отдельных земель, входивших в их состав, исключавшую возможность их действительного превращения в единое централизованное государство. Под углом зрения феодальной раздробленности дан интересный анализ политического строя Литовско-Русского государства и рассмотрен последовательный ход его истории до Люблинской унии 1569 г.

Наряду с этим и в этой части курса автору не удается преодолеть влияние историко-юридической школы, мешающее ему правильно понять процесс социального развития в изучаемый им период Такова его общая трактовка феодализма в первых главах. Такова в корне неверная оценка роли крупных магнатов и шляхты в последних главах· у автора получается, что крупный магнат — оплот централизации, а победа шляхты ведет к раздроблению. Эта ошибка в понимании роли двух разрядов феодального класса тесно связана с выпадением еще одной важной проблемы — проблемы внутренней консолидации, объединения украинской народности, противопоставленного стремлению ее подчинения Литве и Польше. Проблема централизации и в XVI в. ставится автором только в этом последнем плане

Лекции по истории западной Руси и Литовско-Русского государства были прочитаны автором в 1908/09 и 1909/10 гг. В дальнейшем курс истории Литовско-Русского государства повторялся автором еще несколько раз. В основу курса положена самостоятельная работа не только над печатными, но и над архивными источниками; А. Е. имел даже специальную научную командировку в Краков для работы в архиве. В дальнейшем автор предполагал переработать этот курс для печати. Этим отчасти объясняется и то, что в ожидании более основательной переработки текста черновые записи автора остались в отдельных случаях недоработанными, в виде неразвернутого суммарного перечня вопросов, подвергавшихся рассмотрению в лекции, и весь курс сохранился лишь в первоначальной его записи 1908—1910 гг. Воспроизводя в точности авторскую запись, редакция не считала возможным делать в соответствующих местах пропуск и воспроизводит авторские протокольные записи, но петитом. Таким образом, последовательность изложения в известной мере для читателя все же сохраняется и в этих местах.

Единственное принципиальное изменение, внесенное в авторский текст,— термин «малорусский» всюду заменен термином «украинский».

Текст лекций (I и II тома) на основе рукописных тетрадей автора подготовлен к печати Б. А. Романовым, которым составлены также примечания.

Н. Рубинштейн

ГЛАВА I

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Исторический период русской жизни с XIII по XVI в. резко выделяется уже внешними особенностями своими сравнительно с предшествующими временами киевской Руси и последующим периодом подготовки и создания Российской империи. Выделяет его как территориальная база, на которой развертываются исторические судьбы населения Восточноевропейской равнины, так и самые условия политической, социально-экономической и культурной жизни этого населения.

Древняя Русь центром имела Киев и главными, руководящими интересами своими ориентировалась к Черному морю. С юга черпала она элементы духовной культуры и материального богатства, с юга постигали ее наиболее тяжелые бедствия — удары кочевой степи, борьба с которой поглощала огромные запасы древнерусской силы. Тяга к югу с его яркой, богатой природой, с его высокоразвитыми старыми культурами — органическая черта ранних периодов истории всего славянского мира, столь же характерная как для древней Киевщины, так и для всей средневековой Европы. Но с середины XII в. картина начинает меняться. Все больше и больше засоряются южные пути сношений с культурными странами. Половецкая сила, отодвинутая было во времена Мономаха и старшего Мономашича, Мстислава, за Дон, снова напирает на южное Поднепровье, подтачивая самые корни киевского богатства и киевского политического значения. Жизнь отливает от старого центра. Торговые сношения Средней Европы с Византией, шедшие в старину через Киев, ищут новых, более безопасных путей, уклоняясь ближе к западу, через Львов на юг, минуя Поднепровье. На Новгород с конца XII в. выходят ганзейские пути. Киев из центра становится боевым форпостом южной Руси, постепенно слабеющим, чтобы пасть окончательно в 40-х годах XIII в. под ударами татарской орды.

Постепенно отливает от Киева и политическая жизнь русская. За первую половину XII в. поднялись новые значительные силы, которые могли обойтись без Киева, почти не считаться с ним. Рядом с Полоцким княжеством, которое жило своей особой жизнью с первого появления своего на исторической сцене, становятся столь же самобытными, обособленными далекая Суздальщина

Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского, с одной стороны, и червенске города — будущая Галичина — с другой.

Пока полным ходом шла историческая жизнь в Поднепровье под главенством Киева, названные области были окраинами с небольшим значением и влиянием в общей системе русских земель-волостей Киевского государства. Иная роль выпала им на долю, когда силы и условия, подтачивавшие благосостояние и мощь Киевщины, разрушили основы этой системы. Именно Суздальской, Галицкой, Полоцкой землям да обособленной в своем укладе, тоже окраинной, земле Новгородско-Псковской привелось приобрести наибольшее значение в исторической жизни народа русского после падения Киева.

Это возвышение прежних окраин за счет старого центра было вызвано и сопровождалось крупными передвижениями населения и рядом явлений глубокой важности в культурно-этнографическом складе восточного славянства.

„История нашего народа начинается, — скажем словами А. А. Шахматова, — с поспешного отступления к северу под напором степных кочевников". На заре русской исторической жизни восточное славянство широко раскинулось в своем колонизационном движении от Поднепровья на юго-восток до Донского бассейна и далекой Тмутаракани. Напор новых и новых кочевых орд, пришельцев из Азии — печенегов, торков, половцев, постепенно сдвинул пределы расселения славян к северу и западу от черноморских степей, замкнул их в лесной полосе Восточноевропейской равнины. Нашествие татар закончило и усилило этот процесс, наблюдающийся уже в XII в., сделав надолго невозможной борьбу за обладание южными землями. Сдвинутому с занятых было мест русскому славянству пришлось сосредоточиться и плотнее осесть в Поднепровье и на восток от него, в бассейне Оки, верхней и средней Волги, и к северу, к северо-западу от этой полосы.

Так после ряда колебаний, какими полна история Киевской Руси, определилась географическая граница оседлости русских племен, граница вынужденная, искусственная, но продержавшаяся в течение ряда веков, пока сложившиеся и окрепшие сперва Литовское, позднее Московское государства не начали заново движение к югу, к Черному морю. Только огромному государству нового времени — Русской империи — удалось разрешить задачу, поставленную киевской историей, овладеть южнорусскими степями и создать мирную, прочную границу на юге.

Вынужденное отступление от юго-востока и юга в западные и северные области Восточноевропейской равнины привело к упадку центрального значения Киева. Более того, оно уничтожило прежнюю традиционную для древней Руси ориентировку всех интересов, всей политической, экономической и культурной жизни в одном определенном направлении. Общественная и политическая жизнь русская дробится по местным центрам, замыкается в отдельных областях, живущих каждая своей особой жизнью. Общего центра русской жизни нет для этого периода. И такая децентрали-

зация исторического процесса, создавая значительные различия в политических и культурно-исторических условиях для отдельных ветвей русского племени, привела к образованию трех крупных народностей — великорусской, белорусской и украинской. Диалектические особенности говора, бытовые и психические отличия в населении различных областей древней Руси скристаллизовались в рассматриваемый период, развились и окрепли, сложившись под влиянием исторических условий в три определенно выраженных типа русской народности.

Их образование неотделимо от тех исторических процессов, которые привели к организации таких политических единиц, как северо-восточная, владимиро-суздальская, система княжений, из которой выросло Московское государство; как великое княжество Литовское, созданное неславянской народностью, однако на территориальной, этнографической и культурной основе белорусской; наконец, как Галицко-Волынское княжество, это южнорусское государство, которое после бурной и блестящей, но кратковременной истории распалось, оставив, однако, по себе живую традицию в общественно-политической особности, какой южнорусские земли пользовались в составе Литовского государства и Польского королевства.

Не менее глубоки и значительны внутренние отличия в общественном и политическом быту XIII и следующих веков сравнительно с предыдущим, киевским, периодом. Отличия эти столь крупны, что наша историография лишь в самое последнее время трудами современных нам ученых стала улавливать и устанавливать нити непрерывной эволюции, связывающей позднейшую историческую жизнь с явлениями древнерусского общественного быта.

Прежде всего бросается в глаза упадок политического значения городских общин. Само по себе это явление старше татарского нашествия и может быть отмечено во второй половине XII и начале XIII в. Но несомненно, что татарская буря нанесла окончательный удар старому строю городского политического быта. С XIII в вечевой город — эта древнерусская полития — уступает место земле как политической единице иного склада и типа. Лишь медленно оправляются города от грозных бедствий XIII в., разрушивших торговлю, но и позднее они никогда не достигают того значения, какое имели в старину. И тут, конечно, особняком стоят Новгород и Псков, развившие свое народоправство на старой основе.

Другое крупное новшество, также развивающееся еще в XII в., но особенно резко выступающее в самом его конце и в начале XIII в., это — значительное усиление княжеской власти. Это было, естественно, вызвано теми условиями политического и общественного быта, какие сложились в смутное время упомянутых массовых передвижений населения, искавшего новых, более спокойных мест, уходя с невыносимо бурной и тревожной южной окраины. Явления внутренней колонизации, более плотного заселения издавна занятой территории, усиленная распашка новин, корчевание и выжигание леса, развитие в нетронутых пущах лесных промыс-

лов — бортничества, звероловства — характерная черта всего того периода, о котором идет речь. Экономическая жизнь русская, замкнутая внешними условиями в определенных границах, с прекращением колонизационной расплывчатости расселения восточного славянства пошла в глубь занятой территории. Это выразилось в создании ряда новых и новых поселков и починков, лесных путей и ухожаев, в возникновении новых сел и городов. И тут татарский погром, обрушившийся почти исключительно на города, ускорил и усилил упадок значения города — торгового пункта в русском быту, сопровождающийся подъемом значения сельской жизни и деятельности, земледельческого и промыслового хозяйства.

Эти новые условия экономического быта необходимо иметь в виду, чтобы понять заметные изменения в общем укладе социального и политического быта. Ближайшим их последствием было значительное усиление властной и руководящей в народном быту роли крупного землевладения и княжеской власти. Эти силы — князь и боярство — берут в свои руки организацию народного труда в новых условиях. Тип князя-хозяина, князя-устроителя своих владений, князя-колонизатора и строителя городов — наиболее характерная фигура нашего исторического периода. Обычная традиция нашей историографии относит этот тип почти исключительно к северо-восточной Руси. Но работа Романа Мстиславича на Волыни, интенсивная организационная деятельность его сына Даниила, знаменитого короля галицкого, особенно ярко развернувшаяся после татарского лихолетья, когда пришлось строить города и собирать разбежавшееся население, достаточно свидетельствуют о крайней односторонности такого суждения.

Не только экономическая жизнь населения, но и правительственная деятельность князя пускает на рубеже XII и XIII вв. (такие датировки всегда приблизительны: где раньше, где позже) более глубокие корни в старую почву, теснее, плотнее связывается с той или иной частью земли Русской.

С этим изменением в характере княжеской деятельности неразрывно связан ряд изменений в самом характере княжого владения, т. е. древнерусского политического строя. Еще в течение киевского периода — в XI—XII вв. — красной нитью сквозь сложную сеть княжих усобиц идет борьба между двумя началами: разделением всего Ярославова наследства на ряд отчин-уделов, владений княжих семей, и стремлением киевских князей избежать распада владений путем поддержки своего старейшинства над остальными князьями земли Русской. Победа начала отчинного владения, окончательный упадок общерусского старейшинства, гегемонии одного старшего князя в союзе князей русских — явление, характеризующее конец киевского периода. Уже в XII в. старое Киевское государство распадается на ряд отдельных земель, вотчин отдельных линий Ярославова рода. Я назвал это окончательным упадком киевского старейшинства. Выражение не точно. Лучше было бы сказать: его распадение, дробление. Дело в том, что теперь каждая земля становится целой политической системой,

разделяясь на целую группу княжений, с княжескими линиями старшими и младшими, с новыми политическими центрами, со своими сложными и весьма разнообразными междукняжескими отношениями. И тот же процесс дробления шел все дальше, внутри отдельных земель, с ослаблением объединявшего землю значения главного, старшего, стольного города. «большого княжения», какого-нибудь Чернигова, Владимира Суздальского или Волынского и т. д. И тут, в этом дроблении политической власти, татарское нашествие нанесло последний удар значению и силе местных более сложных организаций, не создав их падения, конечно, но усилив и ускорив его развитие.

В этом процессе дробления русской политической жизни характерная черта — сужение круга интересов князей, сужение их политического кругозора. Их интересы, их деятельность не растекаются вширь по лицу земли Русской, а замыкаются в более тесном кругу местных, так сказать, провинциальных интересов. Князья оседают на уделах, часто очень мелких, и деятельность их ограничивается пределами одной земли, одной области, соседскими отношениями и более интенсивно уходит в работу над устройством и управлением своего удела, принимая все более хозяйственный характер.

Это дробление политической жизни привело, словом, к распаду Ярославова рода на ряд независимых друг от друга княжих линий, а земли Русской—на ряд обособленных вотчин-уделов, семейных владений княжеских. Положение князя внутри такой вотчины-удела своеобразно. Получив ее по наследству от отца или брата, иногда и в приданое за женой, словом, в порядке частноправовом, он смотрит на свое княжение, как землевладелец на свою собственность. В самом воззрении этом не много нового. Отчинами своими считали князья то, чем владели их отцы и в киевский период. Но тогда проведение в жизнь подобного воззрения встретило неодолимое препятствие со стороны представления о старейшинстве киевского князя, ограничивавшего отчинную самостоятельность отдельных князей своим притязанием на право распоряжаться всеми силами и средствами земли, и особенно—во власти веча, не признававшего вотчинных княжеских воззрений. Теперь с падением силы и политической роли городов мы видим весьма существенный и любопытный процесс в развитии воззрений на территорию княжества. Состоит он в том, что происходит так называемое окняжение земли, т. е. развивается и укореняется представление о князе как верховном владельце всей земли. Земля, читаем в купчих, «великого князя, а пожни и пахоти и покосы наши».

Это представление о князе как верховном собственнике всей земли — явление давно отмеченное, но мало выясненное в своем происхождении. Историки часто разрубают трудный узел вопроса о его происхождении, говоря, что оно явилось результатом завоевания, например, Литвою русских земель. Но такому объяснению решительно противоречит характер образования Литовского государства, которое нельзя счесть, как еще увидим, продуктом завое-

вания. К тому же ведь то же окняжение — характерное явление и для Московского государства и для второстепенных княжений, даже тех, что быстро потеряли свою самостоятельность и уж никак не подходят под тип «завоевательной власти».

Корни этого явления приходится искать в новых отношениях княжеской власти к территории княжества и ее населению. Власть княжая берет в свои руки управление колонизацией княжества и развитием хозяйства. Княжая власть дает разрешение на оккупацию порожних земель, на освоение пустырей. Княжое подтверждение документов на владение той или иной землей дает гарантию прочности владению этому, делает его защищенным в праве.

Наконец, князья в заботе о развитии своих военных сил и финансовых средств развивают практику пожалований земель, ненаселенных и населенных, под условиями службы и повинностей, вводят в жизнь понятие неполной, условной собственности, не нарушающей представления о сохранении верховного права собственности на пожалование самого князя. Это последнее усложнение, естественно, вытекало из обычно-правовых понятий средневековья — и нашего и западноевропейского — о юридических последствиях дара: подарок, пожалование никогда не создавало полной, безусловной собственности; по обычно-правовому представлению, известные права на подаренное сохранялись за дарителем, воля которого ограничивала, например, свободу в распоряжении, отчуждении, наследовании дареного имущества, остававшегося в пользовании нового владельца под условием благодарности и иногда весьма определенных услуг.

Не вижу основания выводить эту практику из идеи о князе как владельце всей земли. Скорее сам принцип окняжения был осмыслением отношений, создавшихся на практике [1].

Обусловливая владение землею службой и повинностями (тяглом), княжая власть тем самым кладет основание совершенно новому укладу всего социально-политического быта. Она растет в силе и значении, встречая силу, с которой приходится считаться, силу, ее ограничивающую, только в представителях крупного землевладения церковного и боярского. Политическая сила церковных учреждений, политический вес боярства опираются на ту же основу, из которой, подобно Антею, соприкоснувшемуся с землею, почерпнула свою новую мощь власть княжая, — на политическое значение землевладения. Это значение землевладения — еще одна крупная и резко выраженная черта характеризуемого периода. Если отмечаемое для него историками права «смешение частного права с государственным» наложило свою печать на склад княжой власти, то оно же придало особую окраску и боярскому землевладению, соединяя его с рядом элементов государственной власти, сказать по-нашему, землевладельца над населением. Княжеское

---

[1] *М. Ф. Владимирский-Буданов*, Поместья Литовского государства, Киев 1889, и его же «Крестьянское землевладение в западной России до половины XVI в.», Киев 1892 («Чтения в Ист. общ. Нестора-летописца», кн. VII).

правительство не видело на первых порах для себя ущерба в таком дроблении власти, жалуя служилым людям доходы государственного характера с населения вместе с обязанностью исполнения связанных с ними публично-правовых функций: ведь это также было формой, притом упрощенной, осуществления организации управления.

Таковы самые общие, элементарные черты переходной эпохи, воспринявшей киевское наследство, его раздробившей, чтобы вести культурно-историческую жизнь и работу далее, перестраивая все отношения на новых основаниях.

Наконец, несколько слов о еще одной существенной общей особенности нашего периода. Наиболее сложный и крайне своеобразный вопрос возникает при попытке составить себе сколько-нибудь определенное представление о национальном его характере.

Общая традиционная схема русской истории построена на различении периодов киевского, владимиро-суздальского, московского и петербургского. Попытки уложить на прокрустово ложе этой схемы явления южнорусской и западнорусской истории привели только к тому, что к ней приросли в виде эпизодических отступлений очерки истории Галицкого княжества, Литовского великого княжества, западной Руси до времени Хмельницкого.

Украинская историография, особенно в лице М. С. Грушевского, поставила ребром вопрос о единстве русской истории, об историческом единстве русского народа. „История Украины-Руси" М. С. Грушевского и ее русское популярное изложение „Очерк истории украинского народа" делают попытку построить исторический процесс, совершавшийся в украинской этнографической среде от возникновения Киева как центра политической жизни Поднепровья и до наших дней, как национальную историю украинского народа, противопоставляемую истории Великоруссии как особое законченное в себе целое.

Конечно, такое расчленение русской истории основано прежде всего на том, что русская историческая жизнь протекала в подлежащий нашему изучению период двумя разрозненными руслами. Политические судьбы и культурная жизнь юго-западной и северо-восточной Руси с XIII по XVII в. развиваются независимо друг от друга; их общение — чисто внешнее и может быть без особой натяжки подведено под понятие отношений между различными народностями. Споры на эту тему почти невозможно поставить на почву, точно и четко определенную. Близость, родство украинского и великорусского языков не противоречит признанию двух русских народностей, хотя бы мы твердо стояли на том, что перед нами не два „языка", а два наречия одного языка. Норвежцев и датчан мы считаем двумя народами, хотя их речь так близка, как два говора одной речи. Голландцы говорят на plattdeutsch, как множество коренных немцев в Германии. Хорваты — по языку сербское племя. Не лингвистические свойства речи решают вопрос об особом бытии народности. Да и литературная обработка

украинской речи создает на наших глазах украинский литературный язык, столь чуждый нашему, что чтение «Истории Украины-Руси» Грушевского для русского студента немногим легче, чем для по яка чтение чешской книги.

Народность — один из великих принципов исторического развития. Национальные особенности и отличия — не мертвый капитал, унаследованный от доисторических предков, а живой процесс культурного творчества, нарастающий в вековом развитии политической деятельности, государственной жизни и культурного прогресса той или иной части человечества. Национальное единство и национальная самобытность как единство и цельность всякой индивидуальности не даются даром. Это продукт вековой исторической работы. И единство русского народа, единство русской культуры стоят перед нами не только как теоретический вопрос, но и как историческая задача. Она создана условиями русской исторической жизни изучаемого нами периода.

ГЛАВА II

РАЗДЕЛЕНИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ И ТЕРРИТОРИАЛИЗАЦИЯ ВСЕХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Одной из многих крупных научных заслуг патриарха современной исторической науки [1] В. О. Ключевского является выяснение понятия удельного периода русской истории, хронологически объемлющего века XIII—XV. Предыдущий и последующий моменты, лежащие в веках XII и XVI, придают этим последним характер «переходных» эпох.

Распалось под влиянием этого научного шага в познании нашей старины расплывчатое представление об «удельно-вечевой» Руси и открылась научная возможность изучения «удельного средневековья» как особого исторического явления. За последнее время это изучение вышло на новые пути благодаря широкому применению сравнительно-исторического метода в трудах Н. П. Павлова-Сильванского [2]. Стало выясняться основное и существенное тождество социального развития в период нашего, русского, и западноевропейского средневековья.

Но во всей этой конструкции, во всем этом научном движении сохранилась одна своеобразная черта, ставящая новые исторические воззрения В. О. Ключевского и Н. П. Павлова-Сильванского—при всем их различии (В. О. Ключевский противник отождествления социологических основ русского и западноевропейского исторического процессов, на котором настаивает Сильванский)—в связь друг с другом, а также с воззрениями классической школы русской историографии с воззрениями С. М. Соловьева. Разумею представление о тесной связи, какая отмечается между складом удельного быта русского и особенностями народной жизни северо-восточной, суздальской, Руси. В. О. Ключевский посвятил в своем курсе русской истории ряд блестящих страниц изложению тех специальных условий в жизни русского северо-востока, которыми, по его мнению, объясняется возникновение удельного порядка. Порядок

[1] Курс читан в 1909 г , еще при жизни Ключевского, умершего в 1911 г.

[2] «Закладничество — патронат», «Записки Имп. русск. археол. общ», т. IX, 1897; «Иммунитет в удельной Руси», «ЖМНПр», 1900, № 12; «Феодальные отношения в удельной Руси», «ЖМНПр.», 1901, № 6 и 1902, № 1; «Новое объяснение закладничества», там же, 1905, № 6; «Феодализм в древней Руси», Спб. 1907.

этот во всех существенных чертах своих является у Ключевского следствием русской колонизации верхнего Поволжья [1].

Для В. О. Ключевского удельный порядок — одно из специфических явлений не только русской, но, теснее, великорусской исторической жизни. Для Н. П. Павлова-Сильванского — это один из вариантов процесса феодализации всех политических и социальных отношений, который имеет всемирноисторическое, общее значение как процесс, переживавшийся всеми народами на определенной ступени их исторического развития. И тем не менее, в силу общего направления работ Н. П. Павлова-Сильванского, он этот русский удельный феодализм изучает, подобно В. О. Ключевскому, исключительно на великорусском северо-востоке, связывая, например, «начало вотчинного порядка, появление князей-вотчинников, начало землевладельческой оседлости князей и дружин» с именем Андрея Боголюбского, с фактом разорения Киева его войсками в 1169 г., с так называемым «торжеством северо-восточной Руси» над Русью южной, киевской, и повторяет в этом отношении точку зрения С. М. Соловьева и В. О Ключевского, отождествлявшую понятия удельная Русь и Русь северо-восточная, Русь ростово-суздальская [2].

Этим, несомненно, сужается, и сужается несправедливо, значение широкого и глубоко ценного воззрения, установленного Н. П. Сильванским на удельный строй. Весь склад отношений «русского феодализма» вырос на почве древнерусской исторической жизни и не мог составлять самобытной особенности лишь северо-восточного угла территории, занятой восточным славянством. Если представление об удельном строе как глубоко важном социологическом явлении, в основе тождественном со строем феодальным, верно, то это общеисторическое явление должно быть общерусским и не менее свойственным Руси юго-западной, чем северо-восточной.

Понятие «удела» вводит нас в некоторое понимание основных черт эпохи, составляющей переход от древнего киевского периода к новым явлениям исторической жизни в XIII—XIV вв. Изменение всей основы экономического быта древней Руси, выдвинувшее на первый план в древнерусском народном хозяйстве усиленную эксплоатацию почвенных и лесных богатств — земледелие и лесные промыслы — при полном упадке торговли и городского быта, привело к тому, что можно назвать территориализацией всех социально-политических отношений. Поземельные отношения стали основой всего социально-политического строя. Землевладение — источник политической и социальной силы. Явление это сказалось в том, что отдельные княжие семьи оседают на частях Русской земли, осваивая их в свое обособленное владение и овладевая ими крепче не только политически, но и хозяйственно. Княжение обращается в семейную вотчину не только в смысле политического владения по семейно-вотчинному порядку, но и как полная собст-

[1] *В. О Ключевский*, Курс русской истории, т. I, лекции XVI—XVIII.
[2] *Н П. Павлов-Сильванский*, Феодализм в древней Руси, Спб. 1907, стр. 36 и сл.

венность, которой князья и распоряжаются и управляют как вотчинники-хозяева.

Но водворение удельного владения в древнерусском политическом быту было результатом весьма сложного процесса, развивавшегося постепенно и не вполне одинаково в разных областях русских. Главных сторон этого процесса две: с одной стороны, идет обособление отдельных княжих владений из связи с более сложными территориально-политическими комплексами; с другой — перестройка всех отношений внутри княжений по типу удельно-вотчинного, землевладельческого воззрения на отношение князя к территории и населению княжества.

Разделение исторического процесса, живого и непрерывного, на периоды всегда искусственно. Разложение древней Руси, во главе которой долго стоял Киев, развитие вотчинного воззрения на княжение постепенно нарастали в течение всего киевского периода, и только их полное торжество, полное осуществление в явлениях XIII в. создает представление «перелома» между двумя историческими эпохами.

Ведь разложение киевской Руси на ряд обособленных владений началось при Ярославе Мудром, когда он «воздвиг» отчину Рогнеде и ее сыну Изяславу: Полоцкая земля осталась владением Рогволожих внуков. Черниговщина укрепляется за Святославичами, как только в 90-х годах XI в. Мономаху пришлось уступить Олегу Святославичу, отказавшись от притязаний на Чернигов. Во второй четверти XII в. из Черниговщины (1127 г.) выделились навсегда владения Муромо-Рязанские, распавшиеся в 60-х годах на Муромское и Рязанское княжения.

В 90-х годах XI в. обособилась и Галичина в руках особой династии Ростиславичей, а Волынь к середине XII в. — гнездо семьи старших Мономашичей, разделенное с 1170 г. на княжения Луцкое и Владимирское. Смоленск со второй четверти XII в. — обособленное владение Ростиславовой линии старших Мономашичей.

Правда, все это еще не настоящие «уделы»: процесс водворения вотчинных порядков совершился позднее, когда в бурях XIII в. завершилось падение значения городского быта и политического значения городских общин. Но помянутое политическое дробление Руси составляло его необходимую предпосылку. Присмотримся несколько ближе к судьбам собственно южной Руси, к тому состоянию, в каком она вступает в наш исторический период.

Своеобразно сложились судьбы собственно Киевской земли, т. е. той населенной потомками древних полян и древлян территории, которая стояла в непосредственной зависимости от князей, княживших в Киеве, и считалась «русской» землей по преимуществу, в специальном и тесном значении этого слова. Если и в ней, особенно в ее боярских и купеческих кругах, пробудилось стремление к обособлению под властью своей местной княжеской династии (старших Мономашичей, линии Мстислава Владимировича), то его осуществлению стала поперек дороги живучесть традиций киевского старейшинства, толкавших каждого князя, овладевшего Киевом,

по пути стремления к гегемонии над другими князьями, к общерусской власти. Водворение одной определенной династии княжеской в Киеве поставило бы поэтому ее выше других княжеских линий, дало бы пищу и опору ее стремлениям к господству над ними. И князья, утвердившиеся в особых землях-княжениях, — суздальские, черниговские — ревниво следят за тем, чтобы не осуществились планы старших Мономашичей на Киев, разбивают их при первой возможности двумя способами: либо захватывая его в свои руки, либо дробя «русскую» землю на мелкие владения, требуя себе части в ней, отнимая у киевского князя территориальную основу его силы и значения. Иметь хоть мелкую, лишенную реального значения «часть» в земле Киевской становится, по выражению М. С. Грушевского, вопросом чести для князей, но также, надо добавить, и моментом их реальной политики, направленной систематически на ослабление силы и значения киевского князя. Раздробленная и ослабленная Киевщина теряет свое центральное, руководящее значение. Объяснение этому явлению находим в том, что интересы отдельных земель и стоящих во главе их князей теперь направлены в иную сторону. Защита южной Руси, борьба со степными кочевниками перестала считаться задачей общерусского значения. И певец «Слова о полку Игореве» тщетно взывал к Всеволоду суздальскому, к Ростиславичам смоленским, к галицкому Ярославу, к Роману волынскому, к Ярославичам луцким — он сам знает, что они поглощены другими делами: в Поволжье — колонизацией финского севера, борьбой с болгарами, на западе — отношениями с Венгрией, Польшей, литовцами, и не придут биться «за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святославича».

Так основные силы земли Русской уже в 80-х годах XII в. отвернулись от борьбы со степью, от защиты южных границ. Открыт доступ напору половецкому на южнорусские земли. Южная Киевщина, так называемые Поросье, Переяславщина, Посемье, южная Черниговщина, подвергается систематическому разорению. Южные князья уже не в силах переходить в наступление. Последнее десятилетие XII в. сводит их борьбу с половцами к обороне границ; целыми месяцами стерегут они с войском Русскую землю, изнуренные мелкой, почти непрерывной борьбой. В таких условиях происходит закат политической жизни граничащей со степью области Русской земли.

И сильных князей не тянет в Киев. Если они вступают в борьбу за него, то лишь для того, чтобы никто из соперников там не утвердился, не поднял там своего значения. Андрей Боголюбский подал пример, предоставляя Киев младшим князьям и требуя от них лишь послушания во всем, чем могли быть задеты его интересы. Так же действует Всеволод Юрьевич суздальский. Так действует и галицкий Роман, сажая, например, в Киеве мелкого князя Ингваря Ярославича — из луцких князей: позднейший свод называет его «наместником Романа», а в начале 1203 г. соперник Романа, Рюрик Ростиславич смоленский, с Ольговичами черниговскими

и наемными половцами подвергает Киев разгрому, еще более тяжкому, чем испытанный матерью городов русских от войск Андрея Боголюбского в 1169 г.

Это знаменательный момент в истории южной Руси. Киевщина в годину упадка остается последней связью между северо-восточной и юго-западной Русью. Тут скрещиваются политические интересы и влияния Суздальщины и Галичины. Северные князья неохотно видят, как Киев обращается в окраинный форпост сильного южного княжества, как галицкий Роман, беря в свои руки оборону юга от половцев, обращает киевских князей в своих подручников. Таким ведь стал и Рюрик, ценою покорности купивший временное соглашение с Романом, пока новый разрыв не навлек на него тяжкой кары — насильного пострижения. И на этот раз Роману пришлось вступить в компромисс с суздальским Всеволодом — они сообща сажают в Киеве князя (Ростислава Рюриковича), держат южную окраину под общей опекой.

По смерти Романа (1205 г.) судьба Киева временно определяется соглашением смоленских Мономашичей с Ольговичами черниговскими: за согласие Всеволода суздальского на это соглашение пришлось ему уступить Переяславль Южный. Но этот компромисс 1210 г. — последняя вспышка суздальского влияния на юге. Со смертью Всеволода в 1212 г. оно обрывается. Мелкие по значению смуты 20-х и 30-х годов XIII в., бурно прорезанные калкской катастрофой, это — агония умиравшего киевского политического быта. Татарское нашествие 1240 г. застает тут Дмитра, воеводу князя Даниила галицкого. После татарского разорения сидит недолго Михаил черниговский, а в 1246 г. — находим в нем боярина Дмитра Ейковича, которым, по словам галицкой летописи, обдержал Киев князь Ярослав. Какой? Грушевский думает, что Ярослав Всеволодович суздальский [1]. Это возможно как следствие подтверждения Батыем не только его владений, но и его старейшинства во всех князьях русских [2], как и за Александром Ярославичем хан признал «Киев и всю Русскую землю» [3]. Но это отношение Александра Невского к Киеву было только номинальным. Течение исторической жизни русской уже раскололось на два русла. И окончательным упадком Киевщины определяется момент полного разрыва политической связи между северо-восточной и юго-западной Русью. А этому упадку, постепенно и уже в сильной степени развившемуся ранее, последний толчок дают последствия нашествия татар.

В 1239 г. войска Батыя, разорившие северо-восточную Русь, появляются из половецких степей в пределах южнорусских. Один татарский отряд сжег и разграбил Переяславль, другой — разгромил силу Михаила Глебовича черниговского, сжег его город. В 40-м году пришел черед Киева. Князья бежали в Венгрию, в Польшу. Войска Батыя прошли Волынь и Галичину, разоряя

---

[1] *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т. II, Львов 1905, изд 2-е, стр. 253.

[2] Лавр., под 1243 г , стр 447.

[3] Там же, стр 448

города; но Колодяжна, Кременец, Данилов уцелели. Батый спешил на запад: его главною целью была Венгрия. Татарские отряды опустошили Польшу, Силезию, Моравию и опять соединились с главною силою в Венгрии. Венгерская армия была уничтожена при реке Солоной, отряды татарские проникли в сербские и болгарские области. Батый пробыл в Венгрии около года, принимая меры к утверждению тут своей власти. Дело шло, несомненно, не о набеге, а о завоевании. Но известие о смерти верховного хана Угедея заставило его поспешить обратно на восток. Весною 1242 г. орда Батыева проходит обратно через Галичину, Волынь и Киевщину в восточные степи, чтобы осесть в нижнем Поволжье. Плано-Карпини, посетивший Орду в 1246 г., сообщает, что Бату с главной ордой кочевал на Волге, его зять — на Дону, а в левобережном Приднепровье — второй сын Джагатая, Маучи (Могучий летописи), на запад от Днепра — Куремса [1].

Близкое соседство этих орд завершило атрофию политической и культурной жизни на южной окраине Руси

Русским князьям пришлось признать власть хана. Ярослав суздальский, Михаил черниговский и другие, а за ними под угрозой, что иной князь получит ярлык на его княжение, и Даниил галицкий явились в Орду бить челом хану.

Этих отношений еще придется коснуться, но пока сосредоточим внимание на судьбе ближайших к татарам земель

Относительно части этих земель имеем любопытные указания, что они вовсе отпали от княжеской власти и оказались под непосредственной властью татар. Западная часть старой Киевщины, пограничная территория между землями Киевской — с одной, Волынью и Галичиной, с другой стороны, выступает в этих известиях под названием земли Болоховской. Пленив ее, татары оставили население в покое, «да им орють пшеницу и просо», и это население в рассказах галицко-волынской летописи получает наименование «татарских людей». На них князь Даниил галицкий, стремившийся собрать южную Русь под своей властью, держал большую вражду, «яко от татар большую надежду имеяху». Эти «городы седящие за татары» самостоятельно сопротивляются политике Даниила при ничтожной поддержке Куремсы, которого Даниил не страшился, и даже, «поемше (по принуждению) тиуна», при первой возможности не дают ему тиунить. Даниил и сын его Шварн даже литовцев зовут на помощь, чтобы сладить с этими «татарскими людьми», отвергавшими княжую власть. Недостаток известий не дает возможности ближе и глубже присмотреться к этому любопытному явлению, к внутреннему строю таких городов и земель. Летопись упоминает о «болоховских князьях» без личных имен, всегда во множественном числе Нет никакого основания причислять их к Рюриковичам. И в то же время польский король говорит про них Даниилу: «не суть вои твои, но суть особнии кня-

[1] *Иоанн де Плано-Карпини*, История монголов, перев А И. Малеина, Спб 1911, стр 48 и сл

зи»[1]. Историки южной Руси готовы признать их старейшинами местных общин, князьями в смысле не княжеско-дружинного строя, а «в значении преддружинном», вроде древнейших князей земли Древлянской, о которых упоминает летопись в рассказе о мести Ольги древлянам

Отметим, что и в 80-х годах XIII в. татарская граница идет, по галицко-волынской летописи, непосредственно за волынской, по реке Горыни. Какова же была судьба Киевщины, Переяславщины — земель, лежавших к востоку от этой границы? Что сталось с Северщиной, с Черниговщиной?

Долго длились и теперь не вполне заглохшие споры о степени разорения южной Украины. Бедность известий о среднем Поднепровье в XIII в. привела к предположению, что оно вполне обезлюдело, обратилось в сплошной пустырь, лишенный населения, и лишь позднее началась заново колонизация этих земель с запада И на фоне такого представления о судьбе южнорусских земель разыгрался националистический спор между великорусскими и украинскими учеными. Первые—от Погодина до Соболевского—доказывали, что население ушло из Киевщины на север, что оно и в древности было этнографически и диалектологически ближе к великороссам, в состав которых его и ввело переселенческое движение на северо-восток. Украинцы—от Максимовича до Грушевского — опровергают такое массовое переселение, доказывая непрерывность украинской национальной жизни на украинской территории.

Спор этот побудил его участников к тщательному пересмотру известий о судьбах южнорусских городов и областей после татарского нашествия. Хороший обзор научных данных можно найти в статье М. Ф. Владимирского-Буданова «Население юго-западной России от половины XIII до половины XV в.»[2]. Они ведут к решительному отрицанию картины полного разорения и обезлюдения южной Руси

Посетивший Киев через пять лет после татарского разорения Плано-Карпини упоминает в нем тысяцкого и бояр, купцов из Польши и Бреславля, левантских купцов — итальянцев и французов — из торговых колоний в Константинополе, и М. С. Грушевский справедливо полагает, что чем-нибудь они торговали — не пеплом же с татарских пожарищ. И Переяславль упоминается в поездке Даниила в 1245 г. в Орду [3].

Но что у них творилось? Киев видим под номинальной властью северных князей. Даниил, получая ярлык на Галицкое княжение, и не просит себе Киева. Суздальский наместник мало заменяет Киеву князя. Видим у того же Плано-Карпини непосредственные сношения киевских городских властей с татарами. К хану едет киевский сотский с товарищами... [4] Суздальская власть не могла дорожить Киевом. Татарская сила сузила размах ее политического

---

[1] ПСРЛ, т II, изд 2-е, 6749 г., стр 180

[2] «Архив юго-западной России», ч VII, т. I

[3] *Иоанн де Плано-Карпини*, История монголов, Спб 1911, стр. 62.

[4] Там же, стр. 61.

влияния, замкнула северных князей надолго в северо-восточной Руси, в местных ее интересах. Известий о князьях киевских за XIII в. почти не имеем, только синодики дают нам упоминание о Владимире Ивановиче киевском из мелких путивльских князей, да Андрее овручском, да позднее о каком-то Федоре рядом с татарским баскаком. О последнем Грушевский замечает: «Может быть, это был татарский подручник только для самого Киева, кто знает, был ли он князем по происхождению, а не простым татарским наместником». Вспомним, что татары боярину Федору, замученному в Орде вместе с князем Михаилом черниговским, предлагали княжение последнего, если он уступит их требованиям

Эти случайные князьки не играют роли в истории южной Руси, и упоминания о них не дают представления о непрерывном сохранении княжой власти старого типа в Киеве. Отливает от Киева и старое боярство. Ряд известий говорит нам об эмиграции социальных верхов южнорусских на север. Старая княжеско-дружинная организация, несомненно, разрушена. Киевщина на время стоит вне основных течений политической жизни южной Руси. Но значит ли это, что тут вполне оборвалась и традиция старого социального строя, как, повидимому, думает, например, Грушевский? Нет, как только Киевщина снова несколько яснее обрисовывается перед нами в известиях той уже поры, когда в ней утвердилось литовское владычество, первое, что видим, — гнездо киевского боярства. Уставные грамоты XV и XVI вв. признают за боярами древнерусских земель привилегию управления волостями своей земли. В том числе: «а волости киевские кияном держати, а иному никому; а городки киевские в нашей воли, киянам будем давати, кому ся будет годити». Или: «а городки и волости киевские кияном держати, а никому иному: будем их давати, кому ся будет годити» [1]. Это боярство нет основания считать новоприбылым; само оно считало свое положение наследием времен «русских князей» [2], и надо признать, что «полной эмиграции боярства, конечно, не было и в Киевщине, на что указывает численный слой мелкого боярства в киевском Полесье, начало которого выходит за пределы времен литовских и которое должно было заключать в себе немало дотатарских боярских родов, обратившихся в простой владельческий слой во времена татарские» [3]. Уцелев на своем землевладельческом корню, киевские бояре выступают как местная политико-административная сила в составе Литовско-Русского государства, сохраняя традицию старого княжеско-дружинного строя, получившего новую форму и основу в политическом значении землевладения. (По аналогии с ними, думается, следует понять и болоховских князей, попавших в «князья» путем поручения им заведывания населением Болоховской земли от имени хана.)

---

[1] Привилеи 1507 и 1529 гг

[2] «Архив юго-западной России», ч IV, т I, стр 167, 175, 194

[3] *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т III, Львов 1905, стр. 189.

Еще меньше, чем про Киевщину, знаем про Переяславщину. Когда Даниил ехал в Орду (1245 г.), то в Переяславле его встретили татары. Видно, и Переяславль был под более непосредственной властью татар, чем другие русские княжения. Но Любецкий синодик упоминает и тут рядом с мелкими путивльскими князьями Ивана Дмитриевича переяславского. Можно в нем видеть мелкого князька, татарского подручника.

Яснее судьбы Черниговщины. Князья Ольговичи тут уцелели многочисленным и все размножавшимся гнездом, дробя земли на мелкие волости. Пало единство Черниговщины, пала гегемония Чернигова, хотя Любецкий синодик и титулует князей, сидевших в нем, великими. Как более крупная единица выступает в XIII в. Брянское княжество, однако захваченное в начале XIV в. смоленскими князьями. Во второй половине XIII в. Черниговщина дробится на ряд мелких княжений, обособленных во владении отдельных княжих семей: Новгород-Северское, Трубчевское, Глуховское, Путивльское, Курское, Липовецкое. А земля вятичей, бывшая долго в особо тесной связи с Черниговом как волость старшего черниговского князя, оторвана от него в потомстве Михаила Всеволодовича и дробится в его потомстве на княжества Козельское, Мосальское, Болховское, Звенигородское, Елецкое, Новосильское, Белевское, Одоевское, Воротынское, Торусское, Мезецкое, Борятинское, Конинское, Мышецкое (Мышега), Волконское, Оболенское.

Эти мелкие княжества, истая родина будущих княжат, бояр титулованных, в миниатюре воспроизводят прежний княжеско-дружинный строй, однако принципиально его перерабатывая на новом основании, сводя его из области политического строя в удельно-вотчинный быт князя-землевладельца. Измельчание княжений и упадок городского быта, перенос центра тяжести экономического интереса с торговли на элементарное земледельческое хозяйство, падение силы городских общин, упадок связи мелких княжений в более обширных территориально-политических системах — все это привело к новому укладу быта. Управление мелких княжеств все больше теряло свой публично-правовой характер, обращалось в управление вотчиной князя-землевладельца и его военных слуг — землевладельцев-бояр. Сперва под татарской властью, потом под властью великих князей литовских (как в северо-восточной Руси московских) эти князья-вотчинники и бояре-землевладельцы стали опорой и орудием нового управления, новой государственности, усиливая в то же время свое и социальное и экономическое господство над массой населения как класс привилегированных землевладельцев (феодалов), сохранивший в руках своих и элементы политического властвования.

ГЛАВА III

ВОЛЫНЬ И ГАЛИЧ

Атрофия политической жизни в старых центрах древней Руси, Киевщине и Черниговщине, привела к распаду земли Русской, отдельные части которой зажили каждая своей, замкнутой в более узких территориальных пределах, жизнью. Процесс распада, дробления совершался неравномерно и достиг крайней степени только в областях, упомянутых выше. В других центростремительные, противодействующие распаду силы сохранили больше значения Так, на северо-востоке объединение князей-владельцев под старейшинством одного вождя пало лишь со смертью Александра Невского, но и тогда не произошло такого распыления на владельческие атомы, какое видим в Черниговщине: образовался ряд земель, сохранивших известное более сложное единство, как «великия княжения» Рязанское, Ростовское, Ярославское, Тверское, Московское. По существу все это были новообразования,—не только княжения Тверское и Московское, но и остальные, хотя и выросшие на старой основе княжих местных центров: хотя эти центры старые, но они удержались в своем значении, организуя свое господство над землями своими на новых началах, не допустив до крайней степени развиться процессу удельного дробления. Так и на юго-западе (новгородский север оставляю в стороне). И тут крупные единицы, как земли Волынская и Галицкая, своеобразно переживают процесс перехода к тому, что мы считаем новым историческим периодом

Волынь, как было упомянуто, к середине XII в. становится семейным владением. Изменились отношения между Киевом и Волынью. Если прежде киевские князья постоянно стремились подчинить себе эту землю, то теперь Мстиславичи (старшие Мономашичи) из Волыни добывают Киев, чтобы позднее и вовсе отказаться от этой тенденции, обратив свои интересы с востока на запад. Осев на Волыни и укрепившись в ней, эта семья осваивает ее и дробит на отдельные владения. По ряду 1170 г. двух братьев Изяславичей, Мстислава и Ярополка, собственно княжение Владимиро-Волынское остается детям Мстислава, а за Ярополком и его потомством — земля Луцкая, юго-восточная часть Волыни. Но дальнейшее развитие княжого владения и княжеских отношений в юго-западной Руси протекало уже в сложных условиях созидания галицко-волынской державы и борьбы разноплеменных сил за господство в юго-западной Руси.

Волынь находилась в слишком сложных условиях в силу политико-географического положения своего, чтобы на деле обособиться и замкнуться в своих местных интересах. С одной стороны, на ней долго отражались все перипетии киевской борьбы, с другой — политика соседнего Галицкого княжества. Охватывая Волынь своими владениями с запада и юга, галицкие князья зорко следили, чтобы она не соединилась под одною властью с Киевом, и были особенно заинтересованными врагами планов старших Мономашичей; ослабляя Волынь при каждой возможности, они не раз захватывали южные пограничные области ее в свои руки. Не более спокойной была для Волыни и северная, особенно северо-западная, ее граница. Тут с конца XII в. начинаются литовские набеги, и «бяше беда в земле Володимерьской от воеванья литовского и ятвяжского» [1]. Тут соприкасалась Волынская земля с пределами польскими, находясь в постоянных и сложных отношениях к Польше.

С тех пор как встретились на водоразделе двух правых притоков Вислы, Вепря и Сана, колонизации русская и польская, эти отношения постепенно приобретают особенно существенное значение для южной Руси. Польская колонизация принимает, с тех пор как возникла монархия Пястов, юго-восточное направление. Это направление характерно определяет на ряд веков южнорусскую политику Польши. Оно вызывает первую борьбу польско-русскую в XI в. и постоянное с тех пор вмешательство Польши в волынские и галицкие дела. Волынские князья почти непрерывно стоят в тесных отношениях — то союзных, то враждебных — с Польшей. Поляки, заняв правый берег Вислы, тянулись вверх по Вепрю и Западному Бугу к так называемым червенским городам и среднему Побужью, земле Дорогичинской и Берестейской. Польские князья, и краковские и мазовецкие, в то же время вступали, однако, не только во враждебные поземельные споры с русскими соседями. Вмешиваясь в княжеские отношения, завязывая родственные связи с русскими князьями (отсюда отношения братства между теми и другими, признание их друг друга старейшими, в отца место, или молодшими и т. д.), они приобретают влияние на Руси и в свою очередь вмешивают русских князей в свои внутренние дела и отношения. Польские силы не раз помогают волынским князьям в их борьбе против киевских или галицких князей. Еще в 80-х годах XI в. Владислав-Герман поддерживает Ярополка Изяславича против Всеволода Ярославича киевского, а в 90-х годах Болеслав Кривоустый подымается на помощь Ярославу Святополчичу против Мономаха. Изяслав Мстиславич в борьбе с Юрием Долгоруким и Володимерком галицким ищет союза польских князей, женя сына на сестре Казимира Справедливого и выдав дочь за его брата Мешка Старого. И этот волынско-польский союз держится в течение трех поколений, продолжаясь при Мстиславе Изяславиче и Романе Мстиславиче. Мстислав в неудачные годины уходит «в ляхи», во время борьбы за Киев «снимается с ляхи». Часто

[1] ПСРЛ, т. II, изд 2-е, 6713 г., стр. 157.

обращается к ним за помощью и Роман как в борьбе за Киев, так и в первых же покушениях своих на Галицкое княжество. С другой стороны, те же волынские князья играют немалую роль в польских делах. Сыновья Болеслава Кривоустого в своих раздорах спешат каждый перетянуть русских союзников на свою сторону: младшие братья находят помощь у Мстиславичей, старший, Владислав II, у Всеволода Ольговича, а Роман и Всеволод Мстиславичи в 1191 г. помогают дяде (по тетке), Казимиру Справедливому, в борьбе за Краков с Мешком Старым, опиравшимся на немцев, а в 1195 г. потерпел Роман поражение от Мешка, защищая права сыновей Казимира.

Отношения эти существенны, потому что ярко обрисовывают положение Волыни как земли, которая к концу XII в. наиболее существенными и напряженными интересами вплетена в сложную сеть западных отношений.

Эти польские связи Волыни были проявлением и встречного движения польской силы и польских интересов на юго-восток, к землям Волынской и Галицкой. В представлении польских хронистов, начиная с Винцента Кадлубка (епископ краковский в 1208—1218 гг.; ум. в 1223 г.) и позднейших польских историков до нашего времени включительно, отношения эти получили такое освещение, что ложились в основание политических притязаний польских королей на Галицкую и Волынскую земли. Такая точка зрения допускает, по верному замечанию М. С. Грушевского [1], значительный анахронизм. Сложные отношения свойства и союзности сплетали сеть русско-польских междукняжеских отношений особого типа. Тесть для зятя, старший зять для младших братьев жены и т. д. был старейшим, в отца или брата старейшего место и т. д. В галицко-волынской летописи находим упоминание, что венгерский король Гейза называет Изяслава Мстиславича отцом [2]: странен был бы вывод о ленной зависимости Венгрии от Киева на основании такого текста.

Наибольшую сложность вносило в положение Волыни соседство ее с землей Галицкой. Земля эта, обособившись в эпоху Любецкого съезда [3] в руках особой династии, получила особое значение с тех пор, как объединилась под властью энергичного Володимерка Володаревича. Произошло это в 40-х годах XII в. Объединенная Галичина стала крупной политической силой в южной Руси со своими особыми и сложными международными отношениями. Это единство и это значение сохранила она и при сыне Володимерка, Ярославе Осмомысле (ум. в 1187 г.), который «один худою своею головою ходя удержал всю Галичкую землю» и о котором говорило «Слово о полку Игореве»: «Галичкы Осмомысле Ярославе! Высоко седиши на своем златокованном столе, подпер горы Угорскыи своими железными пълки, заступив королеви путь, затвори к Ду-

[1] *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т II, Львов 1905, изд. 2-е, стр. 568.

[2] ПСРЛ, т II, изд. 2-е, 6660 г., стр 446

[3] 1097 г.

наю ворота, меча бремены чрезь облакы, суды рядя до Дуная, грозы твоя по землям текут, отворяеши Киеву врата, стреляеши с отня злата стола салтана за землями».

Несомненно, что Галичине посчастливилось в эту эпоху иметь во главе энергичных и ловких политиков, но добытая ей крупная историческая роль не может быть сведена к последствиям личных свойств и личной деятельности Володимерка и Ярослава. Преимущества Галичины как арены для более широкой политической деятельности перед Волынью хорошо понял Роман Мстиславич. Вообще энергичной и даровитой семье старших Мономашичей тесно было на Волыни. «Политику этой династии Мстиславичей, — говорит Грушевский, — можно охарактеризовать одним словом, как неволынскую. Мстиславичи невысоко ценят свои волынские волости и все ищут чего-либо лучшего. Изяслав всю жизнь борется за киевский стол, держа Волынь только в резерве. Так точно и сын его Мстислав духом живет в Киеве, хотя судьба сулила ему только дотянуться золотого киевского стола. Также стремится к Киеву его младший брат, Ярослав луцкий. Ввиду упадка Киева с концом XII в. в следующем поколении только второстепенные князья, как луцкие Ярославичи, интересуются Киевом и по временам занимают его. Старшая линия — Роман и его сын Даниил — уже пренебрегает Киевом и обращает всю свою энергию на то, чтобы добыть Галичину» [1]. В ней видят они единственно возможный опорный пункт для возрождения более широких задач и планов княжой политики. Почему? На это отвечает карта, освещенная тогдашними отношениями. Говоря о причинах утраты Киевом его прежнего значения, я упоминал о засорении торговых путей киевских, уклонившихся к западу, на более безопасные пути, через Галицкую землю. Настоящим преемником, хотя получившим и умаленное наследство, по Киеве стал позднее Львов. Усиление именно галицких городов в юго-западной Руси соответствовало постепенному росту их торгового значения и богатства. С другой стороны, галицкая окраина, подпирая своими железными полками Карпатские горы, находилась в самом узле русско-польско-венгерских отношений. Это создавало для нее трудное, но влиятельное международное положение, важное не только в экономическом отношении, но и в политическом. Позднее оно сгубило Галицкую державу, оказавшуюся не в состоянии обосновать свое значение на более широкой территориально-политической базе; но прежде чем дело дошло до катастрофы, Галичина пережила период быстрого расцвета своей силы, влияния и культуры, оставивший свои следы в южнорусской и польской жизни.

Фундамент для этого роста значения Галичины заложен последними представителями старой династии Ростиславичей, Володимерком и Ярославом. Отбив в 1099 г. покушения киевских и волынских Изяславичей на подчинение себе Галицкой земли, сы-

---

[1] *М. С Грушевский*, История Украини-Руси, т. II, Львов 1905, изд. 2-е, сгр. 394

грав свою роль в ослаблении Мстиславичей, Галичина обеспечивает себя с востока. Западная граница, так как опасность с севера, польская, не была еще тяжкой (поляки заняты внутренними раздорами и волынскими да литовскими отношениями), ставит ее в отношения прежде всего с венграми. Правда, венгерская граница очерчена Карпатским горным кряжем, но венгерская сила с тех же 90-х годов XI в. стремится перелить свое господство за горный кряж. Тенденция венгерской политики к овладению Галичиной, сыгравшая столь крупную роль в истории этой последней, начиная с XI в. и до эпохи польских разделов, вытекала из географической двойственности положения Галичины. Занимая юго-западную часть бассейна Вислы, Галичина втягивалась в район польских экономических и политических интересов, захваченная упомянутым выше движением поляков на юго-восток, вверх по течению правых притоков Вислы. Но, занимая верховья Днестра и Южного Буга, стремясь к распространению своей колонизации и своих владений вниз по этим рекам, Галичина вводилась в иной политико-географический район, южный, непосредственно сливающийся с Дунайской низменностью. Тяга к этим богатым землям жила, неизбежно слабея и из пункта программы обращаясь лишь в мечту и традицию, со времен старого Святослава, через времена Мономаха, который посадил было своих посадников по Дунаю. Навстречу этой вековой русской тяге шла с карпатских склонов валашская (румынская) колонизация (приведшая в XIV в. к основанию Молдавского и Валашского княжеств), а следом за ней тянулась и венгерская политика, в связи с придунайскими интересами Венгрии. Володимерко ищет соглашения и союза с венграми. «Отец твой бяше слеп, — говорил он Гейзе, сыну Белы Слепого, — а яз твоему отцу досыти послужил своим копьем и своими полкы, за его обиду и с ляхами ся есмь зань бил» [1]. И Бела сперва помогал ему, но в конце 40-х годов XII в. он сближается с киевским Изяславом, женясь на его сестре. Но эта венгерская опасность парализована упорной борьбой Гейзы с Византией, и туго пришлось Изяславу в борьбе против союза Володимерка с Юрием Долгоруким, а по смерти Гейзы (1161 г.) настала в Венгрии пора внутренних смут при непрерывной почти борьбе с Византией, и Ярославу Осмомыслу удалось поддержать мирные, даже союзные отношения с опасным соседом.

Таковы внешние условия южной Руси во второй половине XII в. И во внутреннем быту Волыни и Галичины в эту пору сложились отношения, легшие в основу дальнейшего развития. Образование в этих землях прочного и устойчивого княжого семейного владения привело к консолидации и положения княжого боярства, выступающего влиятельным и богатым землевладельческим классом. Позднее Волынь выступает как одна из наиболее аристократичных земель Русской земли. Местное волынское боярство — многочисленный и влиятельный класс крупных землевладельцев.

---

[1] ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, 6660 г., стр. 450.

Правда, состав его сильно усложнился к тому времени, для которого мы имеем больше сведений: в этом составе немало княжеских фамилий и семей литовского происхождения. Но основы этого общественного строя должны были сложиться еще в конце киевского периода. В начале XIII в. волынское боярство играет свою политическую роль, вступая в борьбу с княжою властью, пытаясь противопоставить детям Романа князей из черниговских Игоревичей Но этому боярству, как и самой Волыни, в данную эпоху не было суждено сыграть самостоятельной роли. Только соединение Волыни и Галичины в одно политическое целое сливает боярство этих земель в один мощный класс, выступающий на политическом поприще совместно: «бояре володимерские и галицкие — Вячеслав Володимерский, и Володислав Галицкий и все бояре володимерские и галицкие» [1]. Что касается Галичины, то это классическая страна древнерусского боярского аристократизма. Бояре в XIII в. выступают силой, властвующей над населением и часто парализующей княжую власть. В основе их положения лежат, с одной стороны, их значение как неизбежных органов княжого управления, которым князья раздают города, и волости, и села в управление и кормление, их, стало быть, правительственная роль: бояре галицкие («сатрапы» иностранных источников, «золотые пояса», barones) — слой служилый, должностной. С другой стороны, их роль в народном хозяйстве галицком — роль крупных землевладельцев-вотчинников (боярские отчины, отечествия, упоминаемые галицко-волынской летописью). Поставив свое хозяйство на плодородной галицкой почве, эти бояре, повидимому, были, подобно новгородским, участниками в оживленной галицкой торговле, сбывая продукты сельского хозяйства за границу.

Об эту поднявшуюся силу разбивается в конце концов стремление князей сохранить по возможности политическую организацию на более широком основании, сохранить или возродить единство южной Руси как политического целого. Словом, разбивается после недолгого успеха политика Романа Мстиславича и его сына, короля Даниила.

---

[1] ПСРЛ, т II, изд 2-е, 6716 г, стр. 726.

ГЛАВА IV

ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Галицкая династия Ростиславичей сходит с исторической сцены вскоре по смерти Ярослава Осмомысла (1187 г.). Умирая, он «приказал место свое» Олегу, младшему и незаконному сыну, который погиб в поднявшихся смутах, а с Владимиром Ярославичем кончилась династия. Сосед волынский, Роман Мстиславич, еще при жизни «свата» своего завязал сношения с боярами галицкими против Владимира; последнему приходится бежать в Польшу, и Роман, уступив брату Всеволоду Владимир и даже присягнув, что назад его искать себе не будет, занял было Галич. Но венгерское вмешательство дало неожиданный оборот делу. Венгерский король, призванный Владимиром на помощь, его с женой посадил в башню, а на Галицком княжении водворил своего сына Андрея, забрав у бояр заложников в обеспечение их верности. Король венгерский понимал этот акт как присоединение к Венгрии: rex Gallatiae, называет его один документ 1189 г.

Галицким боярам пришлось отступиться от Романа. В Польше не нашел он помощи. Брат не пустил его во Владимир, и пришлось ему искать убежища у тестя, Рюрика киевского. Рюрик же помог ему вернуть себе Владимир.

И Владимир Ярославич бежал из плена, с поддержкой императора Фридриха Барбароссы добился помощи от польского короля Казимира Справедливого и водворился обратно в Галиче, встреченный охотно боярами, которым успело опостылеть угорское владычество. «Володимер же утвердився в Галиче и оттоле не бысть на нь никогоже». Он нашел покровителя во Всеволоде суздальском, «моляся ему: отце господине, удержи Галичь подо мною, а яз божий и твой есмь со всем Галичем, а во твоей воле есмь всегда. Всеволод же суздальский присла ко всем князем и ко королеви в Ляхы, и води я ко кресту, на своем сестричиче Галича не искати николиже под нимь» [1] (под 1191 г.).

Новый разрыв Рюрика киевского с Романом (1196 г.) обеспечил его от волынского соседа. Года через два его смерть изменила положение. С его смертью кончилась галицкая династия Ростиславичей [2].

[1] ПСРЛ, т II, изд. 2-е, 6698 г., стр. 667.

[2] Под 1218 г. русские князья с Галичины Василько и Володарь Ср. *Грушевский*, История Украини-Руси, т. II, стр 454.

В этот момент, на закате XII в., создалось в южной Руси крайне благоприятное положение для самостоятельных и смелых политических действий энергичного Романа Мстиславича. Венгрия со смерти короля Белы III была поглощена борьбою его сыновей (Емерика и Андрея) и сильно ослаблена. В отношениях к Польше близкий союз Романа с сыновьями Казимира Справедливого поставил его в положение своего, близкого человека, опекавшего этих польских князей «quasi quidam paedagogus» [1], по выражению современника, Винцента Кадлубка [2].

На деле соотношение сил было иное, отчасти с перевесом их в пользу Романа, во всяком случае с равенством политических отношений.

В ближайший год по смерти Владимира Ярославича Роман захватил Галич. Подробности дела почти не отразились в дошедших до нас источниках. Ясно одно, что Галич дался Роману не беспрепятственно и пришлось добывать его с помощью Лешка Белого, старшего из Казимировичей. Повидимому, часть местного галицкого боярства была против Романа: быть может та, что ранее стояла за Владимира Ярославича, те «Володимеровы приятели», что бегали от Романа из Галичины в 1188 г. с своим князем. Позднее во главе непокорного Роману боярства — Кормиличичи· Володислав с братом. У них были свои кандидаты на Галич — знаменитый Игорь Святославич и его сыновья, Игоревичи, как свояки Владимира и близкие ему люди: Игорь был женат на Ярославне, сестре Владимира Сопротивление их было сломлено с польской помощью, и Роман соединил под своей властью Галич и Владимир. Луцкие Ярославичи шли, видимо, за ним, по крайней мере про одного из них, Мстислава пересопницкого, знаем определенно, что он «бе любовь велику имея к Роману» [3]. Брат Романа, Всеволод, сидевший в Белзе, несмотря на прежнее столкновение из-за Владимирского княжения, едва ли мог что-либо противопоставить брату. Главный противник — Рюрик киевский, которого успех Романа толкнул к союзу с черниговскими Ольговичами с целью выбить его из Галичины. Но Роман предупредил их, двинувшись на Киев. Население приняло его охотно. Черные клобуки перешли на его сторону, также мелкие князья волостей земли Киевской (сыновья Владимира Мстиславича) и люди киевские. Киев добровольно отворил ему ворота. Рюрик и Ольговичи вынуждены были капитулировать. Но Роман не остался в Киеве: по соглашению с Всеволодом суздальским, сажает он там Ингваря Ярославича луцкого Под властью Романа соединились Галич, Владимир-Волынский, Киев. В последнем, как я уже упоминал раньше, после нового его разорения в 1203 г. Рюриком, наведшим половцев, княжит затем, примирившись с Романом, Рюрик как зависимый от Романа князь, пока Роман не постриг его в монахи, потом Ростислав Рюрикович посаженный опять по соглашению Романа и Всеволода суздаль-

---

[1] «как некий воспитатель»

[2] См выше, стр. 24.

[3] ПСРЛ, т II, 6732 г., стр 774

ского. Но что это косвенное признание старейшинства Всеволода не нарушало действительной власти Романа в Киеве, видно из того, как Роман берет в свои руки оборону южной Руси от половцев: он совершает походы на них, а при нем, с ним идет князь киевский. Половецкие походы Романа были столь значительны, что как бы возродили старину киевскую. О них говорит византиец Никита Хониат, указывая, что первый же поход Романа заставил половцев покинуть византийскую территорию, где они грозили опасностью даже Царьграду. Изоострился бе Роман на поганыя, яко лев, им же половци дети страшаху (Роман, Роман албо Рус, Рус)» [1]. С этими событиями, вероятно, связано известие в хождении Добрыни Новгородца, что он в Царьграде в мае 1200 г. встретил Романова посла Твердяту Остромирича [2].

Но эта временная вспышка старых восточных и южных отношений не меняет общего характера момента. Жизнь южной Руси тянет в иную сторону, к западу. Роман не передвинулся на восток Не Владимир-Волынский и не Киев — центр его владений, а окраинный Галич. С Венгрией он живет в мире: с королем Андреем, утвердившимся на престоле в конце 1204 г., Романа связывает договор «яко оставшю (из них) в животе племени его (другого) любовь имети», — договор семейно-династического союза и покровительства, какие заключали между собой и русские князья [3]. В ту же пору обрываются последние нити византийских отношений вследствие взятия Константинополя латинянами в 1204 г и образования Латинской империи. Запад развертывает большую энергию и втягивает все более южную Русь в оборот своих интересов. Характерным намеком звучит запись в синодике (Necrologium) монастыря св. Петра в Эрфурте: «Romanus rex Ruthenorum dedit nobis XXX marcas», под датой смерти Романа 19 июня 1205 г. [4] Как попали эти 30 гривен от Романа в кассу саксонского монастыря? Эрфурт был крупным торговым центром и складочным пунктом на большом торговом тракте между южной и северной Германией Определенные известия об участии в этой торговле Владимира-Волынского и галицких городов дошли до нас лишь от более поздней эпохи. Но галицко-волынская летопись часто упоминает немцев во Владимире в известиях второй половины XIII в., причем они, видимо, выступают как уже сложившаяся в особую организацию корпорация. Они ко второй половине XIII в. уже обжились на Волыни, приобретя известное влияние и значение в местной общественной жизни Поэтому начало их колонизации здесь, а тем более развитие тех торговых сношений, какими она была обусловлена, думаю, можно без излишней смелости в предположениях отнести к первой половине XIII в , не придавая притом особого значения татарскому разорению, которое должно было скорее засорить

---

[1] *М С Грушевский*, История Украини-Руси, т III, прим 2-е, стр 10.
[2] Там же, стр 9
[3] ПСРЛ, т II, 6711 г , стр 719
[4] «Роман, король русский, дал нам 30 марок», см. *М С Грушевский*, История Украини-Руси, т. II, стр 485, прим

проторенные торговые пути и ослабить на более или менее долгое время их значение. Абрахам, изучая возникновение организации латинской церкви на Руси, указывает на существовавшую во второй половине XIII в. традицию о давней юрисдикции на Руси католических епископов (Lebus, Lubneensis) и относит ее ко временам Романа, а объектом ее считает немецкую колонию во Владимире-Волынском [1].

С этой ориентировкой к северо-западу галицко-волынских интересов связано и дальнейшее развитие польских отношений Романа. Отношения его к Лешку Белому сильно изменились, когда этот последний занял Краков. Лешко позднее, так рассказывает галицко-волынская летопись, жалел об этом разрыве: «яко дьявол есть въвергл вражду сию межи нами»; и летопись приписывает раздор проискам соперника Лешка, Владислава (Тонконогого): «бе бо Володислав льстя межи ими и зазор имея любви его» [2] Но суть дела окружена туманом неясных намеков, идущих подчас из поздних и сомнительных источников. Так, мы ничего не знаем о походе Романа в Польшу, кончившемся его гибелью под Завихвостом 19 июня 1205 г. Длугош, польский историк XV в., приписывает ему цель завоевания земли Люблинской, но это едва ли не его личный домысел. Неожиданно читаем у французского хрониста середины XIII в. Оберика des trois Fontaines: «Rex Russiae, Romanus nomine, a finibus suis egressus et per Poloniam transire volens in Saxoniam... a duobus fratribus Poloniae ducibus Listec (Лешко) et Conrado super Wisselam fluvium Dei judicio percutitur» [3]. Поражает тут точность имен и места. Но поход Романа (в Саксонию!) трудно объясним. Помянутый Абрахам пробует поставить его в связь с рядом других данных и прежде всего с таинственным известием у Татищева и в шлецеровском издании Радзивилловской летописи (тут оно взято из каких-то «летописцев») о сношениях с Романом папы. «Папа-де слыхав, иж Роман угры и ляхи победи и всю Русь под себе приведе, сла к нему свой посол, наставляти в латинскую веру свою, обещавая ему грады и королем в Руси учинити» [4]. Весь рассказ о русско-польской войне, где и эти строки читаются и упоминание о требовании Люблина есть, по языку и характеру должен восходить к компиляции XVII в., черпавшей из польских источников, и не имеет никакого надежного значения.

Но и без него характерна известность Романа на Западе и его связи с ним.

Перед нами энергичный и влиятельный участник в перипетиях политической жизни юго-восточной Европы, сильной рукой словно

---

[1] *Abraham*, Powstanie organizacyi kosciola lacinskiego na Rusi

[2] ПСРЛ, т II, 6710 г, стр 719

[3] «Король Руси, по имени Роман, выйдя за пределы своих границ и желая пройти через Польшу в Саксонию по воле божьей убит двумя братьями, князьями польскими, Лешком и Конрадом, на реке Висле» (цит. у *М. С. Грушевского*, История Украини-Руси, т III, стр 507).

[4] *В Н Татищев*, История российская.

сдерживший процесс распада южной Руси, сплотив ее части вокруг нового политического центра.

Так и все, что знаем о внутренней деятельности Романа, рисует его в напряженной борьбе против последствий развивавшегося в его времена социального процесса: в борьбе с самовластием боярства. Его удары направлены прежде всего на враждебную партию в галицком боярстве. Но что его борьба с боярством, описанная Кадлубком в красках, полных риторики и явного преувеличения, которых хватило бы на изображение эпохи казней Грозного, имела и политический смысл, — видно из популярности, какую приобрело имя Романа в народной массе. Вокруг этого имени слагается целый песенный цикл, полный разнообразных исторических намеков. И отголоски той же популярности Романа находим в рассказах галицко-волынской летописи. Тут два мотива: охрана внутреннего «наряда» от насилий сильных людей и оборона от внешних врагов. Потомки помнили о князе, «сотворшем толику свободу, яко свободил бяшеть от всих обид». Помнили Романа, «царя в Руской земли, иже покори Половецькую землю и воева на иные страны все». И своеобразно титулуют его эти тексты: он — царь в Руской земле, и западный хронист зовет его rex Russiae. Добрыня Ядрейкович, паломник новгородский, называет его «великим князем» — уже с оттенком титулатуры. А Длугош рассказывает, что Лешко и Конрад в благодарность за победу посвятили особый алтарь в краковском соборе св. Гервазию и Протасию, в день памяти которых погиб князь Роман [1].

Понятна сила впечатления, оставленного деятельностью Романа. Его крупная энергия остановила на короткое время колесо истории в судьбах южной Руси И тем резче поднялись придавленные его рукой силы, как только его не стало. В Галицко-Владимирской земле настает 40-летний период внутренней смуты. Отмечу главные ее моменты и общий ее ход. На первых порах в Галиче признали князем трехлетнего Даниила Романовича под регентством его матери. Не знаем точно, кто она была и как ее имя. Повидимому, звали ее Анной и была она «ятровь» польского Лешка. Она призвала в силу помянутого договора покровительство Андрея Венгерского, причем Андрей с этих пор титулует себя Galiciae Lodomeriaeque rex[2]. В Галич введен венгерский гарнизон. С другой стороны поднимаются Ольговичи, рассчитывая на поддержку своей боярской партии· изгнанные Романом Кормиличичи вернулись в Галич. За них, Святославичей черниговских и Игоревичей северских, стали смоленско-киевские Мономашичи с черными клобуками. Вдова Романа с детьми бежала во Владимир. Обещал помощь и Лешко, но король венгерский «омири ляхов», и с тех пор они в галицко-волынском вопросе действуют по взаимному соглашению.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стр 715 и сл.; *М. С Грушевский*, История Украини-Руси, т. III, стр. 506

[2] «король Галиции и Владимирской земли».

Однако летом 1206 г. Владимиру Игоревичу удалось сесть в Галиче, по соглашению с боярами. Брату своему, Роману, он дает Звенигород, для Святослава Игоревича добывает Владимир. Вдова Романова бежит к Лешку польскому, который отсылает Даниила со своими послами в Венгрию к Андрею, призывая его к защите прав Романовичей. Игоревичам удалось удержаться в занятой позиции относительно Галича. Зато Лешко, играя роль опекуна Романовичей, распоряжается их владимирскими волостями, посадив племянника Романа, Александра, во Владимире, Святослава Игоревича забрав в Польшу, а Василька Романовича с матерью водворив в Берестье, мешаясь и далее в раздоры волынских и луцких князей. Волынь—под опекой Лешка как опекуна детей Романа. Он ведет себя как «старейшина» этой группы русских князей.

В Галиче дольше держались Игоревичи, то дарами покупая нейтралитет Венгрии, то вступая в борьбу с нею. Но в 1211 г. они в момент резкого раздора с боярами избили их, по летописи, до 500 человек. Бояре — вожаками все те же Кормиличичи — решают вернуть Даниила с венгерской помощью, призвав и все силы волынских и луцких Мономашичей. Звенигороду и Галичу пришлось сдаться; Игоревичей, Святослава и Романа, бояре выкупили у венгров и повесили.

В Галиче сел мальчик Даниил. Но начались раздоры из-за регентства. Владислав Кормиличич изгнал из Галича мать князя, а она обратилась за защитой в Венгрию. Король пошел на Галич, Владислава забрал в Венгрию, водворил княгиню правительницей. Ушли венгры, и бояре ее прогнали, призвав на княжение Мстислава пересопницкого. Но этот князь не в силах был удержаться, хотя венгерская сила была неожиданно парализована резким столкновением короля с его вельможами. Галицкие бояре после бегства Мстислава остались хозяевами в Галиче. И Владислав Кормиличич «въеха в Галичь и вокняжися и седе на столе» [1].

Это момент полного упадка княжей силы и основ княжого положения в Галичине. Бояре, с одной стороны, венгры и поляки — с другой, ведут борьбу уже открыто на свой счет, не прикрываясь предлогом княжих вопросов и прав.

Лешко и Андрей заключают договор о разделе галицко-волынского наследства на съезде в Спише в 1214 г. Решено женить второго сына Андреева, Коломана, на дочери Лешка, Саломее (ей два года, а ему лет пять) и посадить в Галиче с титулом короля. Эту сторону договора — ввиду королевского титула — представили на утверждение папы Иннокентия III. Андрей сулил унию галицкой Руси с церковью римской, и папа разрешил архиепископу Гранскому короновать Коломана королевской короной. Коломана водворили в Галиче под управлением венгерского воеводы Бенедикта. Лешко получил Перемышль, а каштелян краковский Пакослав, видимо автор всего плана и руководитель переговоров, получил Любачевскую волость.

---

[1] ПСРЛ, т. II, 6718 г , стр. 729

На Волыни Лешко получал Берестейскую землю и позднейшую Холмщину[1], а остальные волынские волости были возвращены Романовичам.

Этот раздел, намечавший позднейшую программу Венгрии и Польши относительно южной Руси, оказался делом непрочным, так как не замедлил вскрыть и другую черту, также на ряд столетий характерную для этого вопроса: антагонизм между Венгрией и Польшей. Андрей не замедлил отобрать западную Галичину, Перемышльскую землю, у Лешка.

Но и положение венгерской власти в Галичине было непрочным. Король Андрей писал папе, что галичане готовы приступить к единству и послушанию римской церкви, сохранив только отличия своих обрядов. Но этот церковный вопрос встретил сопротивление местного духовенства, а за ним и населения. Папа выслал особого легата в Галич, но Андрей не пустил его в Галич, и предположенный на 1215 г. собор русских епископов не состоялся: в Галичине поднялись новые смуты. Галичане, пишет Андрей папе, отвергли свою присягу на верность своему королю и на послушание римской церкви. Враждебная венграм боярская партия и раздраженный на них Лешко решают ввести в круг дел галицких новую силу—Мстислава Мстиславича Удалого. Он еще в 1215 г. добивался Галича, начав переговоры с королем Андреем. И к нему теперь (начало 1217 г.) послал Лешко в Новгород: «Ты, брат мой, сядь в Галиче». Андрей ушел в крестовый поход, Угорщина погрузилась в смуты (1217—1218 гг.). Сторонники венгерского правления (Судислав) послали было за Даниилом, но быстрый поход Мстислава заставил венгров бежать, и Мстислав занял Галич (1219 г.). Вотчичу галицкому Даниилу было 18 лет.

Даниил, заключив союз с Мстиславом, женившись на его дочери, начинает исподволь заново отстраивать здание, созданное было его отцом, с восстановления своей волынской отчины, раздробленной политикой Лешка польского. Пользуясь нейтралитетом Мстислава, он отбирает из польских рук Берестейскую землю и забужские волости (Холмщину). Это толкнуло Лешка к примирению с королем Андреем, и соединенные польско-венгерские войска при содействии боярской партии (Судиславовых людей) снова захватили Галичину; «прегордый Филя», воевода венгерский, сделал попытку завоевать и Волынь, но диверсия Даниила в польские земли отвлекла Лешка, а Мстислав с половцами отбил венгров. Наступление Мстислава отдало ему Галич, Коломана и Филю. Внутренние смуты в Венгрии, приведшие к золотой булле 1222 г., и желание выручить сына побудили короля Андрея к миру.

С боярами, державшими сторону венгров, Мстислав примирился (Судиславу, «честью великою почтив его», дал Звенигород), но они поссорили его с Даниилом. Эта венгерская партия бояр подчинила Мстислава своему влиянию, устроила договор 1222 г. о браке королевича Андрея с дочерью Мстислава, с передачей Гали-

---

[1] Берестье, Угровеск, Верещин, Столпье, Комов и всю Украину.

чины королевичу, а пока Мстислав дал зятю Перемышль. Двор королевича стал естественным центром венгерской партии. Поддавшись ее влиянию, Мстислав нашел выход из ложного положения между отчинными правами Даниила, которого желали на княжение галичане, и венгерско-боярскими происками в том, что передал Галич королевичу Андрею и уехал в свой Торческ, сохранив за собою лишь Понизье. Недаром говорил он потом Даниилу: «Сыну, сгреших, не дав тобе Галича, но дав иноплеменнику Судислава льстеца советом, обольсти бо мя» [1].

По смерти Мстислава (1228 г.) Даниил, считавший, что владеет только «полуотчиной» — Волынью, приступил к упорной борьбе и за другую половину, за Галич. В его руках была и Луцкая область с Пересопницей, которою он завладел по прекращении луцкой линии Ярославичей, оставив другой линии только Перемышль. Почти вся Волынь объединилась в его руках (кроме мелких волостей на юге, да Белза). В этой объединительной политике против него стояла лига киевского Рюриковича (Владимира), Михаила черниговского и королевича Андрея с Судиславом, к которой льнули мелкие князья в моменты столкновений с Даниилом (князья пинские). Но лига скоро разбилась из-за покушений Михаила черниговского на Киев и Галич, а поляки были парализованы борьбой за Краков по смерти Лешка (1227 г.), так что искали сами помощи у Даниила, поддерживавшего Конрада Мазовецкого походом под Калиш.

Галичина звала Даниила к себе. В начале 1230 г. ему удалось занять Галич с поддержкой населения и части бояр, врагов Судислава. Но большинство «великих бояр» было против него; летописец передает о нескольких покушениях на его жизнь, о невероятных оскорблениях, какие приходилось терпеть Даниилу. Своему князю они теперь противопоставили Александра белзского, призывая и венгров. И снова Галич в руках венгров, снова идут они на Владимир. Смерть королевича Андрея (конец 1233 г.) вернула Галич Даниилу, но и на этот раз он тут не удержался перед сложными интригами бояр, призывавших даже половцев на него.

В 1235 г. умер король Андрей, и Даниил участвует в коронации Белы (ведет коня). Но и Бела поддерживает не его, а черниговского Михаила и Ростислава, которого признает dux'ом Galiciae, обручив с ним дочь. Даниил ищет союза с австрийским герцогом Фридрихом Воинственным, чем заставил Белу отказаться от союза с Ростиславом, но не устроил и своего сына Льва в зятья королевские. Он перекупил половцев, призванных Михаилом, напустил литву Миндовга на Конрада Мазовецкого и даже вернул Дорогичинскую волость, отданную Конрадом крестоносцам. 1237 год привел к перемирию: Ростислав получил Галич, Даниил — Перемышль, но ненадолго, и Даниил снова в Галиче. Народ галицкий принял его как своего держателя, в ответ на призыв не тер-

[1] ПСРЛ, т. II, 6735 г., стр. 752.

петь иноплеменных князей; боярам пришлось формально смириться [1].

Программа и правление бояр при Ростиславе· «Бояре же галичьстии Даниила князем себе называху, а сами всю землю держаху. Доброслав же вокняжился бе, Судьич, попов внук и грабяше всю землю и вшед во Бакоту все Понизье прия, без княжа повеления: Григорий же Васильевич собе горную страну Перемышльскую мышляше одержати, и бысть мятеж велик в земле и грабеж от них». Доброслав раздает без князя доходные волости в кормление (Коломыю, Коломыйскую соль) [2].

Вражда Доброслава и Григория. Даниил с братом решают «власть его иному предати» и велят его поимать. Пронеслась над юго-западной Русью первая буря Батыева. Организаторский талант Даниила — «смерды многи пешцы». То же у Ростислава. Венгерская помощь этому зятю короля. Лето 1245 г., новый поход Ростислава с венгерской и польской помощью (вдовы Лешка, регентши за Болеслава Стыдливого). Андрей Дворский. Даниил—за помощью к Миндовгу и Конраду Мазовецкому. Помощь не поспела, но решительная победа Даниила с братьями под Ярославом закончила борьбу (1245 г).

Но не одна победа ярославская была тому причиной Венграм пришлось изменить наступательной политике (соглашение 1246 г.); король Бела «бояшеся Данила, яко был бе в татарах, победою победи Ростислава и угры его» [3].

Даниил княжит в Галиче, сохраняя.Белзско-Холмскую и Дорогичинскую волости. Василько правит Владимиром и Луцком. Но это не раздел. «Велиции князи», «господина».

На первых порах Даниил оттягивает поездку в Орду, но «Могучий» прислал ему сказать: «Дай Галич!», и Даниил решил, что лучше поехать к Батыю, чем отдать половину своей отчины.

Плано-Карпини рассказывает про сборы татар на 1246 г в поход на западную Русь и Польшу. Осень 1245 г. Даниил Романович, великий князь, владевший с братом Киевом, Владимиром, Галичем, поклонился татарам, «зане не утвердил земли своея городы».

Положение двойственно. Даниил в татарском верховенстве находит опору против Венгрии и ищет на Западе союзников против татар. Бела (война с австрийским герцогом). Брак Льва Данииловича с королевною Констанцией (1247 г.).

Плано-Карпини гостит у Василька. Романовича (1246 г.) и читает ему какую-то буллу об унии. Встреча Плано-Карпини с Даниилом. Сведения о Лионском соборе 1245 г. [4], где шла речь о татарской опасности, постановлено строить укрепления на путях, о средствах на борьбу, о миссии к татарам. «Archiepiscopus Ruthenus nomine Petrus» [5] (Annales Bartonenses), незнавший ни по-гречески, ни по-латыни, ни по-еврейски, «tamen per interpretem peroptime coram domino papa exposuit evangelium» [6] Послы Даниила к папе — игумен Григорий Святогорский.

Булла 3 мая 1246 г. русскому королю (regi) о принятии под протекцию св. Петра. «Некентий бо кленяше хулящих веру грецкую правоверную и хотящу ему собор творити о правой вере о воединении церквей». Буллы с позволением добывать отнятые волости, разрешение по поводу брака Василька, дозволение просфор, согласованные действия с прусскими крестоносцами и венграми.

---

[1] Ниже следует отрывок, сохранившийся лишь в виде конспекта, почему и воспроизводится здесь петитом.

[2] ПСРЛ, т. II, 6748 г., стр. 789.

[3] Там же, 6758 г., стр. 809.

[4] *Иоанн де Плано-Карпини*, История монголов, Спб. 1911, стр. 44, 45 и 61.

[5] «Русский архиепископ по имени Петр»

[6] «однако через толмача прекрасно излагал евангелие перед господином папой»

«Рать татарская не престаеть зле живущи с нами, то како могу прияти венець, без помощи твоей?» Обещание помощи (польской). «Он же прия венец от бога, от церкве св. апостол и от отца своего папы Некентия». Легат Отто

Булла 1255 г. позволяет Миндовгу воевать русские земли Булла Александра II с упреками. Его письма восточным епископам с призывом «оружия верных» на отступника Летопись сохранила «короля». Австрийский вопрос — 1246 г. Конец династии Бабенбергов. Союз против императора — 1246 г. Кандидат Романа Данииловича. Брак 1252 г. (против Оттокара Чешского) с Гертрудой Бабенберг. Раздел Штирии между Белой и Оттокаром. Роман бросает и жену и Австрию, вплетаясь в литовские дела (по отношениям с Войшелком), женится вторично на дочери Глеба Волковыйского

Эти литовские отношения приобретают особое значение (Гр. III, 78).

ГЛАВА V

СУДЬБА ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ РУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII — НАЧАЛЕ XIV в.

Удельность в левобережном Днепровье — Луцкие волости, Турово-Пинские. Боярское властвование, его политический характер — barones Борьба Даниила с анархическим движением в Болоховской земле с татарскими людьми В болоховских князьях, как в обескняжевшей Киевщине, вижу ту же, лишь более мелкую, боярскую силу. Милий, державший Бакоту, «приложился к татарам», и Льву Данииловичу пришлось воевать с ним. Кременецкий посадник Андрей держался «на двое будущи, овогда взывая «королев есмь», овогда же «татарскомь», противопоставляя захватившим его князьям заявление: «Батыева грамота у мене есть».

Пока во главе наиболее западной из орд татарских стоял Куремса, «наименьший из воевод Бату», как называет его Плано-Карпини, Даниил «держаше рать с Куремсою и николиже не бояся Куремсы». Дело в том, что Золотая орда не поддерживала своего воеводу, поглощенная войнами, какие вел в Азии великий хан Менке, а энергию Даниила поддерживала надежда на западную помощь [1] если не всего христианского Запада, то хоть ближайших соседей — поляков, прусских крестоносцев, чехов и венгров. Успехи против слабого Куремсы дали ему смелость готовиться к борьбе с татарами на свой страх и после провала идеи союза и унии с Западом. Даниил с братом и сыновьями начинают в 50-х годах ряд шагов к восстановлению своего владычества на восток от волынской границы походами на Побужье (бассейн Южного Буга) на «людей татарских» и «взя все городы седящие за татары», жестоко карая непокорных, призвав и литовцев Миндовговых. Цель его — левобережное Днепровье и Киев. Пришлю тебе помощь, говорит ему Миндовг, «абы пошел к Возвяглю, оттуда и к Кыеву» Попытка Куремсы остановить это наступление привела лишь к тому, что он с набега на Волынь «не успевше ничтоже возвратися во станы своя, рекше в поле».

Но 60-й год XIII в. принес резкую перемену. Куремсу заменил Буранда, пришедший «со множеством полков татарских, в силе тяжьце и ста на местех Куремьсенех» [2]. Романовичам сразу пришлось признать себя «мирниками» его, итти по его призыву на Лит

---

[1] Сношения с северо-востоком· Андрей Ярославич женат на дочери Даниила; митрополит Кирилл, Куремса, Буранда и Неврюй.

[2] ПСРЛ, т. II, стр 828—829, 838, 846

ву, на Польшу. Своей политикой Буранда разрывает союзные отношения их с западными соседями, хотя Даниил и уклоняется лично от роли татарского подручника, сваливая ее на Василька. Этого князя и младших Буранда заставляет встречать себя, подобно подручникам, с дарами и питьем многим, заставляет разорить укрепления городков, построенных Даниилом для охраны восточной границы, сжечь укрепления и разорить валы вокруг Владимира.

Даниил не пережил этого крушения всех своих планов. В 1264 г. его не стало, а по смерти его начинается, точнее продолжается, задержанное усилиями Романа и Даниила разложение южной Руси. Ее снова охватывает удельное дробление. Старейшиной остался в Романовом племени Василько. Лев Даниилович сидит на Галиче и Перемышле, Мстислав, вероятно, на Теребовле, Шварн владеет Холмской и Белзской волостями. Но лишь по смерти Василька (ок. 1270 г.), оставившего Волынь сыну Владимиру, и Шварна, волости которого захватил Лев, а затем, когда Владимир Василькович, умирая (1288 г.) оставил свое княжество Мстиславу Данииловичу, определился старый раздел на Волынь и Галичину.

«Тогда бо бяху вси князи в воле татарской» или «в неволе татарской» — это выражение становится эпическим припевом в рассказах галицко-волынской летописи. Возрожденная властной энергией хозяина Орды, эмира Ногая, ее сила дает себя чувствовать и в западной окраине. Погасли последние мечты и надежды на возможность своими силами отстоять политическое бытие южной Руси, и характерно звучит включение русских князей в договор венгерского короля Стефана с Оттокаром Чешским 1271 г.: «Leonum generem nostrum, Ruthenorum ducem Mitislaum, fratrem ejusdem, et Wladimirem, filium Wazile, duces Ruthenorum» [1], или в договоре Владислава Локетка 1315 г. со скандинавскими и поморскими князьями против маркграфа Бранденбургского: «pro nostrisque nepotibus, Russiae principibus» [2]. Между этими силами русские князья могли тянуть со своей независимостью, весьма относительной, лишь лавируя и противопоставляя то татарскую силу другим соседям, то обратно. Своей политической системы они создать уже не могли, вести свою политическую линию были не в состоянии. И даже какая была политика по отношению к венграм, полякам, литве, и та часто спутывалась, обрывалась татарским требованием русской помощи при походах на земли этих народов...

О широких политических планах Романа, Даниила нет уже речи во второй половине XIII и начале XIV в. Удельщина с ее измельчавшим кругозором овладевает южной Русью, но развиваться ей приходится в столь сложных условиях, что такого расцвета, такой полноты развития, как в Руси северо-восточной, она получить не могла, принимая иные формы.

---

[1] «Льва, зятя нашего, князя русского Мстислава, его брата и Владимира Васильевича, князей русских».

[2] «и за наших племянников, князей русских».

Владимир Василькович умер бездетным. В последней болезни он решает выбрать наследника: «Ты ми брат еси, — говорит он Мстиславу Данииловичу, — а другий ми брат Лев, а сыновець ми Юрьи, яз же у вас трех избрал есмь тебе одиного и дал ти есмь землю свою всю и городы по своем животе... се же есмь учинил за гордость брата своего и сыновца своего, дал есмь тобе землю свою» [1]. Мстислав упросил его через епископа закрепить это решение грамотой, и Владимир велел писцу своему Федорцю писать грамоты: «Князя Володимеря рукописание. Во имя отца и сына и святого духа, молитвами св. богородица и приснодевица Мария и святых ангел. Се аз князь Володимер, сын Васильков, внук Романов, даю землю свою всю и городы по своем животе брату своему Мстиславу и стольный свой город Володимер».

Князья принимают ряд мер для обеспечения этой предсмертной воли. Владимир дает землю брату «при царих и при его рядьцах» (Телебуга и Алгуй) — дело было во время татарско-русского похода на Литву. Сообщают Льву, вызывая его на протест или и потом обязывая молчать: «А чего восхощешь, — провоцирует его Мстислав, — искати по животе брата нашего, осе же ти цареве, а се царь, а се аз, — молви со мною, што восхощешь?» Лев промолчал, дав даже согласие: «тако и гораздо, оже еси дал» [2].

Завещание ли это? Взяв «ряд» с братом, Мстислав поехал во Владимир, созвал бояр владимирских и горожан русских и немецких, велел прочесть грамоту братню, после чего епископ благословил его крестом воздвизальным на княжение Владимирское. И Мстислав почувствовал себя князем: «хотяшеть уже княжити в Володимере», стал города и села боярам раздавать. Но брат ему не дал: «Мог бы ты по моем животе княжить!» Это — передача права при жизни с моральной обязанностью подождать, пока дающий умрет, можно ли назвать это завещанием в строгом смысле слова? А участие ханской власти, епископа, влиятельных элементов населения, обряд благословения на княжение не показывают ли, что право завещательного распоряжения только зарождается, еще не установилось?

Юрий Львович принял свои меры, убедив берестьян передаться ему при первой вести о смерти Владимира, и они это исполнили. Но Мстислав, опираясь на татар, вырвал волость у Юрия, а берестьян за их крамолу покарал, установив на них чисто дворцовую повинность — «ловчее» на содержание ловчего пути, княжой охоты. Факты эти ценны как свидетельство о переходном состоянии отношений от древнерусского строя к новому, удельно-вотчинному.

На Волыни вокняжился Мстислав Даниилович, на Галичине — Лев Даниилович, предоставив Белзско-Холмскую землю сыну Юрию. По смерти старших князей (дата неизвестна) Галицко-Владимирское княжество еще раз соединилось в руках Юрия Львовича: его печать «rex Russiae, princeps Ladimeriae»[3]. Центр теперь

---

[1] ПСРЛ, т. II, 6795 г., стр 900.

[2] Там же, 6795 г., стр 898.

[3] *М С Грушевский*, История Украини-Руси, т. III, стр 113 и 523; сб «Болеслав-Юрий», изд. Ак. наук, Спб. 1907.

на Волыни — во Владимире. По его смерти в 1308 г. его два сына, Андрей и Лев, — «dei gracia duces totius terrae Russiae, Galiciae et Ladimeriae» [1]. Этих последних русских князей мы видим в союзе с Польшей и Прусским орденом. Соседи на них глядят, как на оборону от татар: «praemunire pre Tataris» [2], — обещают они в договоре с рыцарями. И Владислав Локеток так сообщал папе об их кончине: «Sanctitati vestrae... cum dolore reverentius intimamus quod duo ultimi principes Ruthenorum de gente schismatica quos immediatos pro scuto inexpugnabili contra crudelem gentem Tatarorum habebamus, decesserant ex hac luce; ex quorum interitu nobis et terris nostris ex vicinitate Tatarorum, quos de certo credimus terra Ruthenorum, nostris metris contiguam de qua annua tributa percipere consueverunt, occupare, perturbatio indicibilis nisi Dei omnipotentis et vestra gratia affuerit, imminebit» [3].

Так писал король польский в 1323 г. Осиротелая Галичина оказалась в руках бояр, и те призвали мазовецкого князя Болеслава Тройденовича, сына Марии Юрьевны, внучки Льва галицкого. Приняв православие под именем Юрия, этот Пяст, Болеслав-Юрий, стал последним самостоятельным князем Галицко-Волынского княжества, dux Russiae.

Этот польский князь, о деятельности которого до нас дошли только отрывочные и часто сбивчивые сведения, на первый взгляд самым вокняжением своим свидетельствует об усилении польского влияния в Галичине. Быть может, по началу оно так и было. Но иной характер лежит на документальных известиях о его политике. Четыре договора Юрия-Болеслава с прусскими рыцарями о союзе — 1325, 1327, 1334, 1335 гг. — совпадают с временем борьбы между Орденом и поляками, а его сближение с литовцами — женитьба в 1331 г. на Евфимии (Офке) Гедиминовне и, быть может, выдача дочери за Любарта — свидетельствует о самостоятельности его политики от Польши.

Повидимому, этот характер политики Юрия-Болеслава и вызвал новое соглашение по галицко-волынскому вопросу между Венгрией и Польшей. На съезде в Вышгороде (Вышеграде) в 1339 г. Казимир Великий с зятем своим Карлом-Робертом, королем венгерским, заключает договор о переходе польской короны в случае бездетной смерти Казимира к королевичу Людовику венгерскому, к сыну сестры Казимира, Елизаветы. Вынужденный уступить чехам Силе-

---

[1] «божьей милостью князья всей Русской земли, Галиции и Володимерии».

[2] «защищать от татар»; *М С. Грушевский*, История Украини-Руси, т III, стр. 116, прим. 2-е, и стр 523.

[3] «Вашему святейшеству . со скорбью почтительнейше сообщаем, что два последних князя русских, схизматики, которые были для нас несокрушимой защитой от жестокого племени татар, отошли света сего; за их смертью нам и землям нашим из-за соседства с татарами, которые, как нам достоверно известно, занимают Русскую землю, граничащую с нашими окраинами, с которой они привыкли собирать ежегодно дань, будет угрожать неслыханное беспокойство, если не придет на помощь милость всемогущего бога и ваша» (там же, стр. 120 и 527).

зию, а Прусскому ордену Поморье, Казимир ориентирует польскую политику к югу. Но здесь, на галицкой почве, он вынужден считаться с венгерской тягой за Карпаты. Вышеградское соглашение связано с южнорусской политикой Казимира. Соглашение это следует прецеденту Спишского договора 1214 г. как компромисс польских и венгерских притязаний на южнорусские земли (венгерский король говорит в договоре 1350 г.: «regnum Russiae predecessorum nostrorum regum Hungariae fore dignoscebatur et per consequens nostrum fore dignoscitur» [1]. Он подготовлял согласованное выступление Венгрии и Польши в вопросе о галицко-волынском наследстве по смерти Юрия-Болеслава.

О внутреннем состоянии Галицко-Волынской земли мало сведений за это время. Но существенно отметить в связи с ранее указанным о положении боярства в земле Галицкой его силу и значение при Юрии-Болеславе. Свои договоры с Орденом он заключает, обещая их хранить и исполнять «cum nostris baronibus nec non commilitaribus, videlicet Chodore, episcopo galicensi, Demetrio Detkone, Chotkone judice nostrae curiae, Georgio Calwo, Mychaele Gelezarowicz, Allexandro Moldaowicz, Boriscone Cratula» [2] или «una cum dilectis et fidelibus nostris baronibus militibusque scilicet Demetrio Detkone nostro, Mychalo Jelezarowicz palatino belzensi, Wascone Kudinowicz, judice curiae nostrae, Hryczkone Kossarzowicz, palatino premysslensi, Boriscone Cratula, palatino lemburgensi, Chodore Otek, palatino de Lutzel, Chotkone filio Jeromiri» [3].

В этих текстах перед нами сложившийся, организованный строй влиятельной боярской аристократии, должностной и политически властной. Незначительный количественный состав княжой семьи, постепенно сходившей со сцены, не дал из своей среды на галицкой почве достаточных сил для развития такого численного и дробного удельного владения, как в Руси северо-восточной, Черниговщине, Турово-Пинской земле. И на княжих постах видим вместо князей «палатинов», градодержцев, членов крупной землевладельческой аристократии, соединивших в своих руках сильное правительственное значение с влиянием, вытекавшим из их социально-экономического положения. Сквозь бури борьбы за галицко-волынское наследство боярство переходит в XIV в. не разбитым, а окрепшим.

Однако и Юрий-Болеслав, видимо, не был князем на всей воле боярской. Он титулирует себя «dei gratia dux et heres Russiae, dei gratia natus dux totius Russiae Minoris» [4]. Быть может,

---

[1] «Признавалось, что Русское королевство было за нашими предшественниками, королями Венгрии, и следовательно признается, что оно будет нашим» (там же, стр. 130).

[2] «с нашими баронами и дружинниками, а именно Ходором, епископом галицким, Димитрием Детком, Хотконом, судьей нашего двора, Георгием Кальвом, Михаилом Елизаровичем, Александром Молдавичем, Бориском Кратулом».

[3] «вместе с возлюбленными и верными нашими баронами и воинами, а именно, Дмитрием Детком нашим, Михаилом Елизаровичем, белзским дворским Васком Кудиновичем, судьей двора нашего, Гришкой Косаржевичем, перемышльским дворским» и т д

[4] «милостью божией князь и отчич Руси, милостью божией прирожденный князь всея Малые Руси».

этот титул выражал тенденцию к независимому правлению. В грамотах Юрий-Болеслав подчеркивает личное право на власть, называя Романовичей своими не предшественниками, а предками. Как бы то ни было, 7 апреля 1340 г. он умер от отравы. Король Казимир сообщил папе, что русские отравили князя Болеслава, сына католических родителей, и немилосердно избили других католиков, служивших князю при его жизни. Чешский хронист (Франциск, продолжатель Козьмы, XII в.) определенно приписывает дело боярам. Он же, как и другие источники, объясняет, что причиной было стремление Юрия-Болеслава к пропаганде католицизма, попытка изменить закон и веру. Но папа называет его приближенных «christi fidelis» [1] только, а его самого — только «de fidelibus procreatus parentibus» [2]. Упоминания о покровительстве немцам и чехам, вызвавшем конфликт, хорошо иллюстрируются грамотою Юрия-Болеслава на немецкое право и льготы городу Саноку.

Вот все, что мы знаем о причинах катастрофы. Попытка опереться на пришлые элементы, быть может, склонность к унии, а вероятно, прежде всего разлад с властным боярством покончили жизнь и княжение последнего князя Галицкого.

Дмитрий Детко—capitaneus Ruthenorum.

Грамота 20 мая 1344 г. Людовика венгерского о взыскании с венгерских купцов таких же пошлин, как с польских: «Ludovicus, dei gratia rex Hungariae, fideli suo magnifico, comiti Dechk capitaneo Ruthenorum .. tributariis vestri... quare fidelitatem vestrae magnificentiae—requirimus diligenter nihilominus damus in mandatis... exigi facere non velitis et non debeatis» [3].

1342 г. грамота торункским купцам: «Demetrius Dedko, provisor capitaneusque terrae Russiae... quod secundum jura nostrorum praedecessorum. concedimus et donamus... nobis... tribuentes» (пошлины по старине).

Любарт Литовские отношения. Походы Казимира, 1340 г. Татары 1349 г

---

[1] «верными Христу».

[2] «рожденным от верующих родителей».

[3] «Людовик, милостью божией король Венгрии, своему верному великолепному графу Дехк, капитану русских... вашим подданным .. вследствие чего верность вашего великолепия, усердно просим, тем не менее даем поручение... требовать не пожелаете и не должны» — *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т III, стр 29.

ГЛАВА VI

ЛИТВА МИНДОВГА И ГЕДИМИНА

Попытки поддержать единство южной Руси, точнее заново его создать после падения Киева, сосредоточены в южной части западной полосы земли Русской. На север от тех территорий, которые служили поприщем для деятельности Романа Мстиславича и Даниила Романовича, в их времена выступает новая историческая сила из недр литовского племени. Выступление это связано с судьбами русского населения Полоцкой земли и вообще территории, на которой слагается особое этнографическое и культурно-историческое лицо белорусского племени.

Полоцкая земля, сложившаяся в особое княжение крупных размеров во времена Старого Ярослава, жила вообще своей обособленной жизнью, сравнительно мало и лишь спорадически втягиваемая в дела киевской Руси. Во вторую половину XII в. (после падения трехлетнего владычества киевских Мономашичей в Полоцке, 1132 г.) история Полоцкой земли наполнена борьбою трех линий Всеславова потомства — минской, витебской и друцкой — из-за стольного города Полоцка. Но и помимо этих внутренних отношений главная причина обособленности Полоцкой земли состояла в том, что, стягивая к себе белорусские области, полоцкий центр, естественно, и торговыми и политическими интересами глядел на запад, вниз по Западной Двине, верховья которой находились в его владении. А на запад от Полоцка, вниз по Двине, сидели литовские и финские племена—летьгола, далее ливы, корсь (куроны), а к северу эсты. «Повесть временных лет» называет в числе племен, «иже дань дають Руси: литву, зимеголу, корсь, либь» [1]. Литву и ливов встречаем в XII в. в войсках полоцких князей, а хроника Генриха Латыша сообщает о существовании на рубеже XII и XIII вв. вниз по Двине форпостов русской силы в городках Герцике и Куконойсе, где княжили на мелких уделах князья из рода Всеславичей. По мере дробления Полоцкой земли эти мелкие княжества вплетаются в сложные отношения с литовскими соседями. Так, видим Всеволода из Герцики зятем литовского вождя Даугеруте, союзником и подручником литовских вождей в их набегах на Ливонию, Эстонию и русские области.

[1] Летопись по Лаврентьевскому списку, изд. Арх. ком., Спб. 1897, стр 10.

Не менее близки и тесны литовские отношения юго-западной части Полоцкой земли, входившей в состав географической области так называемой Черной Руси, на водоразделе между бассейнами Березины и Немана, с городами Новгородком, Волковыйском, Слонимом, Здитовом и Городном. Часть этой Черной Руси принадлежала к Полоцкой земле, часть была в XII в. особым Городенским княжеством (потомства Давида Игоревича волынского), а во второй половине XII в. — в руках Володаря Глебовича (из полоцких князей минской линии), опирается на Литву. Володарь этот, князь городенский, в 1158 г. ведет свою политику, обособляясь даже от своих Глебовичей, «оже, — поясняет летопись, — ходяше под литвою в лесех», и Рогволоду Борисовичу полоцкому наносит поражение с помощью Литвы. И певец «Слова о полку Игореве», скорбя об отливе княжих интересов от юга, хорошо понимает, почему внуки Всеславли «выскочиста из дедней славы»: теперь «Двина болотом течеть оным грозным Полочаном под кликом поганых». Один Изяслав Василькович бьо́ «позвони своими острыми мечи о шеломы литовские», да и тот лег «под червленными щиты на кроваве траве, притерепан литовскими мечи». «Уныли» тут «голоси, пониче веселие, трубы трубят городенские». И горький совет певца Всеславлим внукам «понизить стязи свои, вонзить мечи свои вережени» уже сбывался в его дни.

Западной Руси готовилась судьба пойти материалом на строение нового политического здания — великого княжества Литовского, войти в состав «земли Литовской» в тесном смысле слова, центральной области нового государства, к которой другие области русские примкнули как аннексы.

Ранние моменты политической эволюции литовского племени нам почти совсем неизвестны. Особую ветвь его составляли латыши (летьгола) между нижним течением Западной Двины и поселениями эстов и ливов. По левому берегу Западной Двины до моря — жемгалла (Semigallia); по Неману, на нижнем его течении,— жмудь, а на среднем и по Вилии — литва; на запад от жмуди, между устьями Немана и Вислы, — пруссы, а на юг от литвы узкой длинной полосой в Беловежской пуще и до нижнего течения Западного Буга между поляками-мазовшанами и русскими областями тянулись поселения ятвягов.

Мало общего было между этими племенами, сравнительно сильно разнившимися даже этнографически и диалектологически. Но и каждое отдельно взятое представляется в X—XI вв. сильно раздробленным на мелкие местные общины, стоявшие под властью многочисленного княжья. В битвах немцев Бранденбургской марки с пруссами выступают десятки князьков, а Даниил избивает «мнози князи ятвяжские». И позднее, когда сложилось великое княжество Литовское, в численном и сильном местными связями панстве литовском естественно видеть, с профессором Любавским, потомков этих доисторических «династов». Неясно выступает в немецких источниках и начальная стадия процесса, положившего основание более сложной политической организации. Энергичные

и бурные выступления литвинов во второй половине XII в. заставляют подозревать, что в их среде произошли крупные организационные перемены. Во-первых, соединение таких относительно крупных сил, какие нужны были для набегов на пределы псковские (1183 г.) и новгородские (Великие Луки, Ловать — 1200 г., Шелонь — 1217 г.), сожжение псковских посадов (1213 г.) заставляют предполагать возникновение союза мелких сил княжих под руководством временной или постоянной великокняжеской власти. Во-вторых, эти предприятия — сквозь землю Полоцкую — непонятны без допущения, что князья этой земли если не были под властью литовской, то были втянуты уже в новую политическую систему. Под 1198 г. находим известие, что полочане с литвою приходили на Великие Луки, и нет намеков о сколько-нибудь энергичных выступлениях полочан против Литвы.

Известия о князьях белорусских постепенно замирают. Знаем, например, о разделе Минской волости между тремя Глебовичами, но с половины XIII в. ни о них, ни о их потомстве нет известий, так что Соловьев счел эту линию вымершей с 1259 г. [1]

Не можем сказать, когда и как утвердилось преобладание литовской силы над Белоруссией, но беспрепятственно опустошают литовцы Полоцкую землю, проходя через нее и дальше. В 1223 г. Литва воюет Торопецкую волость, в 1225 г. — Смоленскую и Новгородскую земли, в 1246 г. доходит до окрестностей Торжка и Бежецка.

Но прочные приобретения на Руси начали литвины не в Белоруссии, а на Черной Руси. Здесь, в Новгородке, по позднейшему Литовском, возникает центр нового княжества Миндовга (Mendaug, Mindoug). Это княжество выступает уже значительной силой в известии 1235 г. о союзе Даниила с Миндовгом против Конрада Мазовецкого. Под 1239 г. еще упоминается полоцкий князь Брячислав. В конце 40-х—начале 50-х годов в Полоцке княжит литвин Товтивил. Витебск в русских руках еще в 1246 г., но с 1252 г. и этот город, как и Друцк, во власти литовских князей, и они грозная сила для Смоленска (Ярослав суздальский, Александр Ярославич).

Первое упоминание о Миндовге находим в летописи волынской под 1215 г., в известии о мире Романовичей с литовскими князьями:

«Бяху же имена литовских князей: се старейший [2] Живинбуд, Давьят, Довспрунк, брат его Миндог, брат Довъялов Виликаил; а жемоитские князи: Ерьдивил, Выкынт; а Рушьковичев: Кинтибуть, Вонибут, Бутовит, Вижеик и сын его Вишлий, Китеней, Пликосова; а се Булевичи: Вишимут, его же уби Миндовг и жену его поял и братью его побих, Едивила, Спудейка; а се князи из Дяволтвы: Юдька, Пукеик, Бикши, Ликиик. Си же вси мир даша князю Данилови и Васильку — и бе земля покойна. Ляхом же не престающим пакостящим и приведе на ня Литву: и воеваша ляхи

[1] *С. М. Соловьев*, История России с древнейших времен, т. 2

[2] Ср. *Грушевский*: «а се старейшие» (множ. число); ср. также ПСРЛ, т. II, изд. 2-е: «старешеи», вар. «старьшии».

и много убиства створиша в них» [1]. Дату надо исправить на 1219 г. В этом известии литовские князья выступают целой союзной группой со «старейшим» во главе, литовские в собственном смысле слова рядом со жмудскими, а за ними местные «династы»: Рушьковичи, Булевичи, и князья из Лотвы (латышские?), как думают истолковать непонятное Дяволтвы. Запись позднее события: тут записано, как позднее Миндовг устранил Булевичей [2], ценное указание на приемы Миндовгова объединения.

В 1219 г. Миндовг только в ряду других князей. Нет основания считать не только всех, но и собственно литовских князей членами одного рода, этому скорее противоречит указание на две пары братьев, а в 40-х—50-х годах XIII в. видим Миндовга в такой силе, что русский летописец назвал его «самодержцем во всей земле Литовской». Как это случилось, летописец так изображает: «Бысть княжащю ему в земли Литовской и нача избивати братью свою и сыновце свои, и другие выгна из земли и нача княжити один во всей земле Литовской» [3]. Так суммирует волынский наблюдатель деятельности Миндовга, рассказывая о его гибели. Обычная схема деяний основателя варварского государства и новой династии от Хлодвига Франкского до наших Владимира и Святополка.

Объединение и «самодержество» Миндовга не были так цельны и определенны, как, повидимому, представлял себе волынский летописец: и внутри собственно Литвы встретил он соперников, вражда которых его в конце концов сгубила, и жмудь осталась самостоятельной политической силой, опираясь на которую сгубили Миндовга враждебные ему элементы литовского княжья. Так с первой страницы истории Литвы намечается характерный для всего ее течения дуализм Литвы и Жмуди, усиленный различием историко-политических условий, в которых им пришлось определять и отстаивать свое существование и положение.

Но и помимо отсутствия внутренней крепости в здании, сооруженном силою Миндовга, оно не охватило всего, что составляло литовскую племенную территорию. Кроме захваченного немцами (о чем речь будет особо), ятвяги не входили в состав его великого княжения. На них обрушивается другая сила — Даниила галицкого и Конрада мазовецкого. Разбойничьи набеги ятвягов не давали покою соседям, и Даниил в союзе с Конрадом начинает систематическое покорение ятвягов. Около 1254 г. он довел их до признания своей власти: «ятвязи же послаша послы своя и дети своя (в заложники) и дань даша и обещевахуся работе быти ему и городы рубити в земле своей» [4]. Даниил посылает в их землю данщиком Константина, «рекомаго Положишила», собирать дань: «черные куны и бель серебро». Однако не это расстроило союз с Миндовгом, на племяннице которого Даниил женился. Это была сестра князей Товтивила и Едывила Довспрунковичей, сыновей сестры Миндовго-

[1] ПСРЛ, т. II, стр. 736.
[2] Аишьвно Рушкович; ПСРЛ под 1246 (1244) г., стр. 797.
[3] ПСРЛ, т. II, стр. 858.
[4] Там же, стр. 835.

вой. Товтивила этого видим несколько позднее князем полоцким. И женитьба на литовской княжне сблизила Даниила больше с ним, чем с Миндовгом. Братья ее в 1252 г. были вынуждены с Выкинтом жмудским (дядей Миндовга) бежать к Даниилу от Миндовга. Тот прислал сказать Даниилу: «не чини има милости», но Даниил решил использовать повод сломить силу литовскую и послал сказать польским князьям: «время есть христианом на поганые, яко сами имеють рать межи собою» [1], а Выкинта Даниил отправил подымать на Миндовга жмудь и ятвягов и рижских немцев.

С этой коалицией, рассчитывавшей путем поддержки внутренних врагов Миндовга разрушить его дело и покончить с Литвою путем раздела или, по крайней мере, сильного умаления захваченной ею территории, начинается сложная борьба, в которой главная роль выпала на долю не Даниила, не поляков, а Ордена меченосцев.

Крайне сложные условия исторической жизни на той территории, с которой имеем дело, еще более усложнились с началом XIII в. благодаря появлению на ее горизонте организованной немецкой силы.

С основания Бременского архиепископства в IX в., особенно с деятельности архиепископа Адальберта (ум. в 1071 г.), началась энергичная работа североевропейской католической миссии, приобщившая к католическому миру весь север и северо-восток Европы. Отпрыском этой миссии, имевшей за собою и вековую традицию и выработанную организацию, был августинский монах Мейнгард, прибывший летом 1184 г. к устьям Двины. Ливы платили дань Полоцку, и монах за разрешением проповеди и покровительством обратился к Владимиру Васильковичу. Небольшая христианская община, возникшая в Икскуле, где каменщики с острова Готланда воздвигли замок, как и второй в Гольме, с трудом держалась против язычников. С 1188 г. Мейнгард — епископ Ливонии, но его попытки ввести сбор десятины и подчинить местное население епископскому управлению сразу разрушили дело, начатое с успехом.

Жалобы Мейнгарда на дикость язычников вызвали провозглашение крестового похода на поддержку и утверждение новой церкви. Мейнгард не дождался этой помощи и умер в 1196 г. Его преемник Бертольд в 1198 г. водворился в Ливонии с первым отрядом крестоносцев, откликнувшихся на папскую буллу. Но в первой же схватке с ливами Бертольд погиб, а заменивший его Альберт понял необходимость иметь под рукою не временных гостей-крестоносцев, а постоянную силу. Буллою 1202 г. («Fratres militiae Christi») [2] Иннокентий III создал Орден меченосцев по уставу темплиеров (храмовников). Быстро пошло завоевание Ливонии. Ливы и латыши покорены в 1206—1208 гг. Попытки Владимира полоцкого остановить развитие этой новой и грозной силы, как и восстание эстов, не достигли цели. Власть Полоцка над ливами пала. С 1213 г. Куконойс в немецких руках. Всеволод герцикский

[1] ПСРЛ, т. II, стр. 815.

[2] «братья христова воинства» — общепринятое обозначение папских булл начальными их словами.

(подчинен с 1209 г.) продержался до 1239 г., признав власть епископа. И уже в 20-х годах идет борьба за Юрьев, который новгородцы дали в кормление Вячку, последнему князю куконойсскому. В 1224 г. Юрьев взят, и Вячко пал, его защищая.

Так сложилась эта ливонская сила, питаемая постоянным притоком гостей — крестоносцев с Запада.

С нею не мог не столкнуться Миндовг, тем более что еще со времен утверждения в устьях Вислы Тевтонского ордена, призванного поляками на борьбу с Литвой, общий план вооруженной миссии в Восточной Европе был намечен и получил определенную формулировку во время переговоров об унии Даниила галицкого с римской курией и при кратком, формальном ее осуществлении. Далекая мечта организации борьбы с татарской силой отошла на второй план, на первом стала задача подчинения христианству Литвы.

В этом деле новое государство Ливонское должно было занять видное место. Епископ Альберт ввел в нем немецкое право. На бургах, построенных для охраны завоеванных областей, осели рыцари-мечники рижского епископа. В 1207 г. было определено государственно-правовое положение Ливонии. Альберт принес присягу императору Филиппу швабскому и стал князем Священной Римской империи. Но это сразу усложнило враждебное по отношению к имперской власти положение папства на далеком прибалтийском побережье. Стремясь к сильной централизации церковной власти, Иннокентий III предпочитал иметь дело со сравнительно мелкими церковными единицами, а не с крупными духовными княжествами, отстаивавшими свою самостоятельность от Рима, иной раз опираясь на императора. Принцип «divide et impera» [1] нашел применение и к Ливонии. Только этим можно объяснить два его шага, сильно изменившие положение дел: 1) установление независимости рижского епископа от Бремена что его преемник завершил возведением его в сан архиепископа, и 2) поддержка стремлений Ордена к независимости от епископа, признанием, что светская власть епископа распространяется только на области ливов и леттов, а иные завоевания Ордена от нее независимы. Дробившая единство церковной и политической власти на востоке Европы папская политика и антагонизм между Орденом и рижским епископом — два обстоятельства, сильно влиявшие на политические отношения славяно-литовско-германского мира в сфере прибалтийских отношений.

Орден выступает как самостоятельный фактор этой политики. И самостоятельность эта, как и сила его, увеличены унией с Тевтонским орденом. Расстройство дел и внутренние раздоры по смерти Альберта привели к инкорпорации Ордена меченосцев в организацию Тевтонского — Прусского — ордена. Под руководством общего гроссмейстера должны были оба Ордена вести одну общую политику. Правда, с этим на деле не угас, как увидим, сепаратизм ливонских магистров.

---

[1] «разделяй и властвуй».

Такова сила, с какой пришлось считаться Миндовгу. Преемник власти полоцких князей не мог не видеть в ней опасного соперника, а задача немецкого Drang nach Osten — стремления территориально слить владения двух Орденов — грозила страшной опасностью прежде всего жмуди. И поистине трагической чертой в жизни поляков и литвинов стало это утверждение немецких рыцарей на балтийском побережье, отрезавшее их от моря.

Понятно, какой опасностью для молодого великого княжества Литовского стало сближение двух сильных соседей — Даниила галицкого и Ордена, да еще с целью поддержать внутреннюю литовскую смуту. Орден уже запасся разрешением императора Фридриха II добывать земли литовских язычников (1245 г.).

Товтивил получил от Даниила в помощь русские и половецкие отряды, а брата и сына Даниила послал набегом на Черную Русь (1249 г.). С севера произвели набег рыцари, с которыми соединился Товтивил. Набег свелся к грабежу, и с богатой добычей Товтивил явился с магистром Андреем в Риге. «Прияша рижане его с великою честью». Тут он с братом Едывилом принял крещение по католическому обряду. Немцы прочили Товтивила на место Миндовга. А с другой стороны, готовились к новому походу Даниил и Василько, поднимались жмудины и ятвяги с Выкинтом.

Ловкая политика и разлад между епископом рижским и Орденом спасли Миндовга. Епископ Альберт надеялся через Товтивила крестить литву. Но планы Ордена изменились. Итти своим путем, похитить у епископа задачу крупного миссионерского шага — мысль, ставшая перед магистром Андреем, когда Миндовг прислал к нему богатые дары, обещая еще больше за убиение или изгнание Товтивила. «Не можеши избавлен быти, — ответил ему магистр, — аще не послеши к папе и не приимеши крещение» [1] На рубеже 1250 и 1251 гг. видим Андрея с большой рыцарской и духовной свитой при дворе Миндовга. Дело шло о союзе и помощи на врагов за цену крещения с обращением к папе, но не к епископу рижскому: его орудию, Товтивилу, магистр противопоставлял свое, Миндовга, которого манил королевской короной. Миндовг не откладывал дела и был крещен Христианом, пресвитером орденским. С посольством от него к папе возвратился Андрей в Ригу, чтобы отсюда отправить его со своими послами к папе в Милан. «Te admittere in specialem filium sanctae Romanae ecclesiae» [2], —так передает папская булла просьбу Миндовга. Литовский вождь ищет у главы западной церкви опоры против надвинувшейся на него вооруженной пропаганды латинского христианства, пытаясь вырвать у нее духовный меч, грозивший ему светской опасностью.

Дело Товтивила было проиграно; пришлось покинуть Ригу; он ушел к Даниилу. Но коалиция разбита, и недолго продолжалась борьба с Даниилом и жмудско-ятвяжским восстанием. Миндовг

---

[1] ПСРЛ, т. II, стр 816—817

[2] «Допустить тебя в число избранных сынов святой римской церкви».

склонил восставших вождей бросить дело Товтивила — «убеди я серебром многим», а Даниил в 1253 г. был отвлечен своими австрочешскими делами. Тем временем совершилась коронация Миндовга короной, которую доставил ему магистр Андрей, руками епископа Генриха хельминского, помимо Альберта. Это было крупным успехом Миндовга и крупным успехом Ордена, которому Миндовг уступил ряд земель непокорной жмуди и ятвягов под обязательством давать военную и дипломатическую помощь (оружием и советом) ему и его преемникам. Орден приобретал Мемель и приморскую полосу. Правда, предстояло еще утвердить действительную власть свою тут в кровавой борьбе со жмудинами.

В епископы литовские Миндовг просил Христиана. Папа разрешил, но с условием присяги его непосредственно на папское имя. Тут епископ Альберт попытался наверстать утраченное и посвятил Христиана, но приняв присягу на свое имя. Рядом стоят известия о посвящении на ту же епископию Вита архиепископом гнезненским Фульконом.

Папа уничтожил присягу Христиана, но, раньше чем все это получило реальное и прочное значение, все положение изменилось.

Миндовг заключил мир с Даниилом; Шварн Даниилович был обручен с дочерью Миндовга, Роман Даниилович получил Новгородок и другие волости (1254 г.) —прежний удел Войшелка, постригшегося в монахи.

Товтивил стал подручником Миндовга. Так вышел Миндовг из затруднения. Походы на Смоленск (1258 г.)— литва с полочаны —1257 г. «люди Миндовговы и воевода их Хвал творят великое убийство в земле Черниговской»,—1263 г —большой поход на Романа брянского. Коронация сына Миндовгова (Рукель).

Утвердившееся положение Миндовга придавало особое значение союзу с ним для Даниила. Начатая им борьба 50-х годов с татарами велась в расчете на помощь Миндовга и при участии русско-литовских сил. Миндовг присылает ему Романа с новгородцами, но взятие Звягля произошло без них; это вызвало разрыв. Литовцы остались без добычи и опустошили околицу Луцка. Роман ушел к отцу. Новгород Литовский и Черная Русь вернулись в непосредственное владение Миндовга.

Углублен разрыв вынужденным участием Василька и Романовичей в татарском набеге на Литву Буранды. Зимою 1258/59 г. «взяша татарове всю землю Литовскую, а самых избиша» [1].

Упорная борьба жмудинов с Ливонским орденом. Тройнат Битва над озером Дурбенским 13 июня 1250 г

Подъем языческой силы увлекает Миндовга. Его нападения на Польшу и прусские владения в начале 60-х годов. Восстание Курляндии, Семигалии, всей Жмуди. Разрыв союза с Орденом. Опора Миндовга в литовских панах — княжатах и русских.

Альнпеке приписывает разрыв требованиям жмудинов. Союз с Новгородом — 1262 г. Послы Александра Невского у Миндовга. Поход на Орден.

---

[1] Новгор. I летопись, Спб. 1888, стр 279.

Новгородцы опоздали и взяли только Юрьев. Недовольство Миндовга, вернувшегося из-под Вендена без результатов (при русском войске Дмитрия Александровича и Товтивил с полочанами)

Вопрос об отступничестве Миндовга. Орденские хронисты смешивают союз с Орденом и христианство

Наши летописи называют Миндовга поганином, но потому что «крещение его льстиво бысть», так как он сохранил много языческих обычаев и обрядов. Свидетельство грамоты Гедимина — из немецкой традиции

Решает вопрос булла Климента IV — 1268 г , где точные сведения об обстоятельствах смерти Миндовга рядом с наименованием его «clare memoriae Mindota, qui post receptum baptismatis sacramentum auctoritate apostolica coronatus Regem, fuit tandem a quibusdam perditionis filiis crudeliter interfectus» (Regnum constitutum) [1]. Смерть Миндовга — момент торжества языческой реакции.

Влияние Тройната. Во время упомянутого похода на Брянск 1263 г., в который Тройнат не пошел, а Довмонт, князь Ольшанский, вернулся, убит ими Миндовг. Тройнат — великий князь литовский Войшелк бежал в Пинск Тройнат, заманив Товтивила, убил его «и нача княжити один». Но его самого убили четыре конюха Миндовговы. «Се же услышав Войшелк поиде с пиняны к Новугороду и оттоле поя с собою новгородце и поиде в Литву княжить Литва же вся прияша и с радостью своего господичица. Войшелк же нача княжити во всей земли Литовской и поча вороги свои избивати, изби их бесчисленное множество, а другие разбегошася».

Опора Войшелка — Шварн Даниилович и Василько· «нарекл бо бяшеть Василька отца собе и господина» С их помощью Войшелк обошел Литву, «городи же поимав и ворогы своя избив»[2].

«Княжащу Войшелкови в Литве и Шварну»,«вместе воюют они с поляками». На защиту Галичины Шварн приезжает из Новгородка.

Дело Миндовга оказалось прочным и не погибло, поддержанное опорой в южнорусских силах.

При Войшелке и Шварне происходит руссификация литвы, ее верхов, является идея «унии» литовского и русского народов. Государственность, подтачиваемая в русской среде раздробленностью и развитием удельщины, в литовской — не менее сильной раздробленностью отношений на живой основе первобытных отношений, слагается постепенно, с большим напряжением сил в борьбе народностей и местных сепаратизмов в среде каждой из них, постепенно слагается под давлением крайней нужды в объединении сил к самозащите, к защите права и возможности отдельных народностей на существование и на общественное и культурное самоопределение. Но и сама опасность подчинения инородной культуре и власти постепенно выковывает эту новую государственность, особую по своему характеру. Опасность идет от немцев, от поляков, от венгров, от татар. Последние, по значительной отдаленности центров своей силы и вследствие рано начавшегося процесса разложения этой силы в судорожных смутах Золотой орды, играют роль значительной, но второстепенной силы, надвигающейся по временам грозно, но неспособной организовать прочно свое властвование над южной Русью. Грушевский даже сомневается в том, чтобы татарская дань систематически ежегодно собиралась с нее, настаивая, не-

---

[1] «славной памяти Миндовга, который, после принятия таинства крещения, коронованный в короли апостольской властью, был, наконец, вероломно убит некиими сынами дьявола». «Regnum constitutum»—название буллы.

[2] ПСРЛ, т. II, стр. 861 и 863.

сколько, думаю, преувеличенно, на показательности того отсутствия сведений о ней, сколько-нибудь определенных, которое, действительно, поражает в русских источниках, и заподозривая точность западных свидетельств о ней. Венгры, все более отвлекаемые своими австрийскими и балканскими отношениями от северо-восточного направления своей политики, также являются силой, выступающей в судьбах юго-западной Руси спорадически, осложняя их своим воздействием; но не венгерской силе этой было работать над созданием более или менее прочного уклада отношений в юго-западной Руси. Немцы основали на побережье балтийском свое духовно-рыцарское государство, типично средневекового уклада, связанное со сложным зданием Священной Римской империи германской нации. Скорее, это не одно государство, а два, так как связь обоих Орденов — Ливонского и Прусского — никогда не была настолько прочной и глубокой, чтобы преодолеть до конца некоторый антагонизм между их интересами и различия в их политике по отношению к соседям. И эта немецкая орденская сила стремилась только, не достигая, к полному территориальному объединению своих прибрежных владений в упорной борьбе со жмудским племенем. Если бы это удалось, то задачей немцев стало бы создать, опираясь на крепкое приморское положение, значительное политическое целое путем подчинения литовского Hinterland'а. Но, в сущности, обе задачи были разрешимы лишь одновременно и в связи: прочное преобладание у моря и объединение прибрежных владений требовали победы над литовскими силами, служившими опорой для сопротивления жмудинов, и над польскими силами, вступившими в непримиримую борьбу против расширения владений Прусского ордена к югу. В полной мере разрешить эту задачу Орден, ослабляемый внутренними раздорами между орденскою и епископскою властью, затем антагонизмом между рыцарскими силами и мещанством немецких городов, оказался не в состоянии. Но тяжелой тучей легла вековая борьба с ним на исторические судьбы Литвы, Польши, народов Прибалтики

В таких условиях возникла тенденция к слиянию литовских и русских сил в осуществлении одной исторической и политической задачи. Литовско-русским было уже государство Миндовга. Здание первой литовской государственности было построено на русской (исторически и этнографически русской) территории; ее первым центром был русский Новгородок, ставший Новгородком-Литовским. Начала организации, военного дела, культуры, нужные для разрешения политических задач, были унаследованы строителями литовской государственности у русской народности, точнее, не унаследованы, а восприняты, вместе с вовлечением русских сил, признававших литовскую власть, в общую творческую деятельность.

Значение этих русских основ нового Литовского великого княжества сказалось особенно ярко по смерти Миндовга. Реакция литовских племенных сил, тянувших к сепаратизму и язычеству, сгубила Миндовга, но не разрушила его дела. Оно было восстанов-

лено и поддержано Миндовговым сыном Войшелком, обруселым по религии и быту, с помощью русских сил из пинского Полесья и с Волыни, что привело к своеобразному соправительству Войшелка и Шварна Даниилoвича, которое отметил волынский летописец в формуле: «княжащу Войшелкови в Литве и Шварну».

Войшелка смерть отца вывела из монастыря. Свершив акт мести и восстановления отцовского дела, выдержав вместе со Шварном войны с поляками и заключив с ними мир, видимо в интересах волынских князей, «Войшелк да княжение свое зятю своему Шварнови, а сам опять восхоте прияти мниский чин». «Согрешил есмь, — говорил он Шварну, — много перед богом и человекы; ты княжи— а земля ти спасена». И Шварн «нача княжити в Литве» [1].

Внутренний антагонизм в среде галицко-волынских Романовичей — между Львом Даниилoвичем и Васильком, к которому примкнул и Шварно,—привел к гибели Войшелка, которого Лев убил в монастыре «завистью», поясняет летописец, «оже бяшеть дал землю Литовскую брату его Шварнови» [2]. Дальнейшее поведение Льва, повидимому, поясняет дело так, что Лев стремился овладеть Холмско-Белзской волостью Шварна, пользуясь уходом Шварна в Новгородок-Литовский, и требовал передела с этой точки зрения. По крайней мере, по смерти Шварна он захватил названную волость.

Шварн не надолго пережил Войшелка. «Княжив же лет не много — и тако преставися» [3].

Это все, что о нем знаем. Дальнейшие сведения о судьбах великого княжества Литовского до Гедимина крайне скудны, а в позднейших источниках перепутаны противоречивыми преданиями.

Попытка утвердить на великом княжении Литовском русскую династию не удалась и не могла удаться без опоры в объединенных силах южной Руси. А силы эти были разбиты княжими раздорами. Как ни силен был русский элемент в Литовском государстве, построенном на русской основе, но без такой опоры он не мог получить руководящего значения в дальнейшей организации его. И только мелькают черты мимолетной реакции в пользу этого русского элемента в эпоху Войшелка и Шварна, как, например, известия о русских князьях, двух Изяславах, в Полоцке и Витебске. По смерти Шварна власть перешла к литвину Тройдену (1270—1282 гг.), личность которого точнее выяснить не можем [4]. Ненавистью дышит отзыв волынского летописца об окаянном и беззаконном, проклятом и немилостивом Тройдене, «его же беззакония не могохом описати срама ради». 12 лет отводит он на княжение Тройдена, упоминая о четырех его братьях, живших «во святом крещении, держаще правую веру христианскую» [5]. Преувеличенной и необоснованной представляется мне поэтому обычная характеристика Тройденова княжения как языческой реакции. Это реакция только против

[1] ПСРЛ, т II, стр. 867.
[2] Там же, стр. 868.
[3] Там же, стр. 869.
[4] См. у Balzer'a.
[5] ПСРЛ, т. II, стр 869 и сл.

волынского влияния и попытки во времена Шварна взять в русские руки гегемонию в литовско-русских землях. Враг Тройдена — Владимир Василькович волынский (Василько умер в 1271 г., через год по вокняжении Тройдена), а с Львом Данииловичем галицким Тройден жил «во велице любви», пока не началась между ними борьба за Дорогичин, причем Романовичи призывали на помощь татар. Время Тройдена не только не распад, а время прочной консолидации Литовско-Русского государства. Присоединение русских земель, переход княжих столов русских в литовские руки идет своим чередом. Мелкие русские князья-подручники литовской власти вытесняются литвинами. Так, на княжениях Черной Руси в 70-х и 80-х годах сидят литвины, в Полоцке в конце 60-х годов Ердень (грамота 1264 г.) и под рукою его какие-то русские подручники.

Судьба великокняжеской власти на Литве в последнее десятилетие XIII и в начале XIV в. затуманена сбивчивыми известиями, которые привели к представлению о существенной «смене династии», о новой династии Гедимина. Что в 90-х годах XIII в. власть переходит в руки литовских князей, от которых пошла эта новая династия, на это согласно указывает традиция, как ни слабо отразилась она в искаженных и отрывочных данных источников. Известны две группы известий о Гедимине, из которых одна изображает его конюхом Витеня, который убил господина и занял престол, и другая, давшая повод считать его сыном и преемником Витеня. Обе группы источников мутны. Первая идет от тенденциозной орденской хроники, так называемых Annales Olivienses, россказни которой принял и пустил в оборот Длугош, которому следовали позднейшие историки — Меховский, Мартин Бельский, Кромер. Вторая сводится к поздним родословиям великих князей литовских и так называемым литовским (западнорусским) летописям, да к хронике Стрыйковского. Известия обеих групп стоят не больше, чем рассказы «Родословий» о том, что «Витенец» был из рода смоленских князей и был ставленником на западной и юго-западной Руси Юрия Данииловича московского, или их генеалогии Хвост — Волк — Троен — Витень — Гедимин и других еще более фантастических.

Что Гедимин не был сыном Витеня, показывает его грамота к папе, где он его называет не «pater», а только «praedecessor»[1], а что они были братьями, засвидетельствовано в грамоте рижского магистрата к Гедимину от 24 ноября 1322 г., где читаем: «pacem et treugas nobiscum contrahere essetis parati, sicut Vithene, bonae memoriae frater vester et antecessor »[2].

Историческая традиция знает и княжение их отца, но имя его дошло до нас в ряде искажений (Пукувер, Путувер, Утинуер), из которых, быть может, наименее удачное то, которое чаще всего принято в литературе, — Лютувер.

А между тем этот тайный для нас период литовской истории завершается выступлением крепко сплоченного государства под

[1] не «отец», а только «предшественник».

[2] «будьте готовы заключить с нами мир и перемирие, как Витень, доброй памяти брат ваш и предшественник».

нераздельной властью Гедимина, объединившего все великое княжение по смерти брата Витеня. Времена, когда во главе Литовско-Русского государства стояли Витень (с середины 90-х годов XIII в. до 1316 г.) и Гедимин (1316—1341 гг.), можно назвать моментом завершения здания, заложенного Миндовгом. В эту пору рассказы о военных действиях отмечают значительные организованные боевые силы литовских князей, способные встретить крестоносцев в открытой битве и брать приступом укрепленные города (что раньше литовцам никогда не удавалось), а на литовской территории — ряд крепостей и укрепленных замков рядом со старыми русскими городами. Эти новые крепости, противопоставленные по западной границе орденским замкам, носят чисто литовские названия: Юнигеда, Писте, Кимель, Путеба, Шройнете, Путенике и т. п., а одна из них названа замок Гедыминь.

В грамотах Гедимин титулует себя «rex Litvinorum Ruthenorumque» или «rex Litvinorum et multorum Ruthenorum» [1]. Титул этот подчеркивает значение русского элемента в государстве Гедимина [2].

Территория его соприкасалась на севере с владениями Ливонского ордена, на северо-востоке — с землей Псковской, на востоке — с землей Смоленской и по Днепру до устья Припети — с черниговово-северскими волостями, на юге — с пределами киевскими и волынскими до Западного Буга, а по Бугу, до Гродна на Немане,—с польскими землями; от Гродна до устья Немана шла граница между литовскими (жмудскими) поселениями и владениями Прусского ордена. Конечно, «границы» эти мы представляем себе лишь в самых общих чертах, и попытка нанести их на карту встретилась бы с непреодолимыми затруднениями. Особенно трудно дать отчет, что было на юге приобретено до и при Гедимине. Минское княжество входит целиком в состав его владений, хотя упоминается князь Василий минский в 1326 г.; но если он русский и Рюрикович, тем своеобразнее его роль посла от Гедимина в Новгород вместе с братом Гедимина Войном, князем полоцким, и Федором Святославичем (смоленским?). Земля Турово-Пинская также в составе владений Гедимина в полной зависимости и идет в надел его сыну Наримунту. В составе этих владений и земля Берестейско-Дорогичинская, притом еще до Гедимина, судя по позднему известию сводов, что Витень «прибавил земли литовские много — и до Бугу». Эта волость была оторвана от галицко-волынского комплекса вследствие борьбы, начатой Тройденом со Львом Данииловичем, и последний князь галицкий, Юрий-Болеслав, уже не владел ею.

[1] «король литвинов и русских» или «король литвинов и многих русских»

[2] *Wolf*, Rod Gedymina, Kraków 1886 (ср. статью Prochaska в «Kwartalnik'e Historiczn'ом», 1887), Письма Гедимина у *Нарбута*, Dzieje narodu litewskiego, Вильна 1835—1841, IV; *Prochaska*, Stosunki Krzyzaków z Gedyminem i Lokietkem («Kwartalnik Hist.», 1896, I); его же «O prawdiwosci listów Gedymina» (Rozprawy, XXXII, 1895); *Lewicki*, Kwartalnik Hist, 1896; ср. *Грушевский*, Записки Наукового товариства им. Шевченка, т. X; *Васильевский*, История г Вильны, Спб 1872, и статьи в «Виленском вестнике», 1869, № 62—67, и «ЖМНПр.,» 1872, т. 179.

Княжество Гедимина выступает крупной силой, с которой считаются, к которой тянут соседние более мелкие владения. На севере его влияние начинает сильно чувствоваться в делах Новгорода и Пскова, в их отношениях как между собою, так и к Ливонскому ордену и начавшей свой быстрый рост Москве. В 1331 г. к митрополиту всея Руси Феогносту, находившемуся во Владимире-Волынском, приехал избранный на епископию новгородцами Василий, с боярами новгородскими. С этим делом связан договор, в силу которого новгородцы приняли к себе Наримунта Гедиминовича «и даша ему Ладогу и Орехов и Корельский городок и Корельскую землю и половину Копорьи в отцину и в дедину и его детем» [1]. Это было, видимо, вызвано происшедшим только что перед тем столкновением Новгорода с Иваном Калитой, и послы «слово право дали Наримунту» [2].

В то же время в Пскове сидел Александр Михайлович тверской, бежавший от татар и Калиты, и он заручился покровительством Гедимина, связавшего с этим планы (понимая неосуществимость утверждения литовской власти в Новгороде) отделения Пскова от Новгорода. И, по словам новгородского летописца, «Псковичи изменили крестное целование к Новгороду, посадили себе князя Александра на княжение из литовские руки» [3]. Псковичи стремились и к освобождению в церковном управлении. Одновременно с Василием новгородским приехали к Феогносту послы от Пскова, от князя Александра, от Гедимина и всех князей литовских и привели с собой Арсения, «хотяще его поставити на владычество во Пскове, не сотворивше Новгорода ни во что же» [4]. Но Феогност, перенесший митрополию в Москву, поставил Василия, а «Арсений со псковичи поиде от митрополита посрамлен из Волынские земли». Гедимин послал погоню за Василием, но тот, предупрежденный Феогностом, успел уйти, пробираясь между Литвою и Киевом. Киевский князь Федор с баскаком татарским догнал его было под Черниговом за Днепром, да новгороды откупились [5]. В последнем эпизоде характерно, что киевский князь, вассал татарский, с баскаком нападает на преследуемого Гедимином Василия, хотя псковичи с Арсением только что спокойно проехали через Киев.

Нет повода говорить о власти Гедимина над Киевом, но Грушевский прав, подчеркивая приведенный эпизод как свидетельство, что Киев стоит уже «в сфере политического влияния великого княжества Литовского». Так же следует определить отношение к Гедимину Федора Святославича смоленского, фигурирующего в ряду послов от Гедимина к новгородцам в 1326 г.

Упомянутое вмешательство Гедимина в новгородские и псковские дела не дало прочных результатов [6]. Иван Калита примирился

[1] Новгор I летоп , стр. 331
[2] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. I, П. 1915, 6839 г., стр. 263.
[3] Там же, стр 264.
[4] Новгор. I летоп., 6839 г , стр. 326.
[5] Там же, стр. 326
[6] Наримунт жил больше в Литве, оставив в Орехове сына Александра, а потом и его заменив наместником, не защищая своего кормления от шведов.

с новгородцами, а псковичам пришлось смириться перед церковным отлучением, и Александр Михайлович нашел убежище в Литве. Но факты эти существенны, свидетельствуя о сознательном вступлении литовских князей на путь собирания русских земель и о том пределе, через который перейти на пути этом им не было суждено. По смерти Калиты происходит примирение с Москвою, скрепленное браком Августы-Анастасии Гедиминовны с великим князем Симеоном. На западе — столь же влиятельное положение Литовского княжества: Владислав Локеток польский, ввиду тяжелой борьбы с Орденом, ищет союза с Гедимином. В 1325 г. дочь Гедимина, Альдона-Анна, стала женой Казимира Великого. Но это преддверие союза польско-литовских сил на борьбу с немцами быстро замкнулось в борьбе между Литвой и Польшей за галицко-волынское наследство, куда зять Гедимина направил главные силы польской политики. Положение Гедимина по отношению к Ордену не было столь напряженным, чтобы со всею силою броситься на борьбу с ним. Прусские рыцари были поглощены борьбою за Поморье с поляками, а Ливонский орден ослаблен внутренней смутой. Еще в конце XIII в. подымается в Ливонии новая сила — город Рига, не признающий власти Ордена, опираясь на антагонизм между ним и архиепископом. В 1297 г. разыгралась даже усобица восставшего города и рыцарей. Горожане призвали на помощь литовцев; Витень нанес крестоносцам поражение в 1298 г., но в следующем году крестоносцы захватили архиепископа и рижский замок. Городу пришлось смириться. Но и потом борьба то в форме суда перед папой, то в открытом бою вспыхивала с году на год. От 1322 г. имеем послание рижского магистрата к Гедимину с просьбой не заключать мира с Орденом без участия архиепископа и города Риги. Гедимин идет по стопам Миндовга, завязывая сношения с папой через Ригу. В спорах с Орденом рижане опубликовали четыре грамоты, писанные от Гедимина летом 1323 г. к папе, к монахам Доминиканского и Францисканского орденов и к городам, ведшим торг на Балтийском море. В грамотах заявлялось о готовности принять крещение с обвинением Ордена, что лишь его грабежи и жестокости препятствуют распространению христианства среди литвинов, просьба прислать знающих литовский язык проповедников, обещание строить церкви по образцу двух виленских и одной новгородской католических церквей, обещание свободной торговли немецким купцам и приглашение колонистов с обещанием земель и льгот.

Затем появились еще две грамоты к папе с жалобами на рыцарей с признанием христианства и папского главенства. Это вызвало появление в Риге легатов в сентябре 1324 г. Они утвердили именем папы договор, заключенный Гедимином с духовными и светскими властями Ливонии и сообщили его для строгого исполнения Прусскому ордену под страхом интердикта. Отсюда легаты послали послов к Гедимину. До нас дошел отчет этих послов. Грамоты с литовской речи Гедимина, переводимой по-немецки одним из виленских монахов, писали францисканцы, тоже виленские, Бертольд и Генрих. Результат получился такой, что когда Гедимину послы от

легатов велели перевести обратно текст грамоты, то он ответил: «Этого я не приказывал писать; если же брат Бертольд написал, то пусть сам отвечает. Если когда-либо я имел намерение креститься, то пусть меня сам дьявол крестит. Я говорил, что буду почитать папу, как отца, но сказал это потому, что папа старше меня; всех стариков — и папу, и рижского архиепископа, и других — я почитаю, как отцов, ровесников люблю, как братьев, а кто моложе меня — готов любить, как сыновей. Говорил я еще, что позволю христианам молиться по обычаю их веры, русским — по их обычаям и полякам по своему, а сами мы будем молиться по нашим обычаям». И на допросе монах Бертольд с товарищами на вопрос, признаются ли, что он им не приказывал писать о крещении, ответили, «что он хочет быть послушным сыном папы и быть принятым в лоно святой матери-церкви — это значит не что иное, как принять крещение». Что говорил Гедимин послам, то подтвердил литовский боярин в Риге перед легатами. Все это официально записано и давно опубликовано, а утверждение, что Гедимин обещал креститься, все живет в литературе. Как бы то ни было, Орден признал договор, утвержденный легатами, недействительным, как обусловленный крещением; но ослабленный усилившимися раздорами с Ригою, которую Гедимин поддерживал военною силою, он не мог сильно вредить великому княжеству Литовскому.

Таково в общих чертах историческое дело Гедимина. Его главная задача — строение нового государства на русско-литовской почве, главная опора — не Русь, а Литва. Естественно и центр переносится из Новгородка в Вильну. Силы Гедимина направлены на северные дела. Объединение заново Галицко-Волынской земли, хотя и урезанной с севера, в руках Юрия Львовича, конец его династии в 1323 г. и переход этих владений к Юрию-Болеславу произошли без участия Литвы. Только после гибели Гедимина в 1341 г при осаде одного рыцарского замка положение изменилось.

ГЛАВА VII

НАСЛЕДИЕ ГЕДИМИНА

Западный германо-романский мир, пережив период феодального дробления и тщетных попыток сохранить и возродить единство в форме Священной Римской империи, строит в XIV в. новое политическое здание национальных государств. Меньше всего удается это Германии, сплотившей формы своего политического быта в ряд территориальных княжеств, связанных в одно целое лишь условной имперской связью, лишенной действительного жизненного значения. Но передовые посты германизма на востоке — Бранденбургская марка и марка Австрийская — закладывают основы двух германских государств, наиболее сильных вершительниц судеб немецкого племени, на политико-географической и этнографической основе не чисто германской, а в значительной степени поглощая славянские элементы. Как бы то ни было, на запад от территории, на исторических судьбах которой сосредоточено внимание моего курса, идет в XIV в. кристаллизация политического быта. Такая же «кристаллизация», если допустимо это выражение, происходит и на северо-восточной окраине Европы: объединяется северо-восточная Русь, строится на великорусской племенной почве Московское государство, противоставляя свое национальное политическое единство татарскому и литовскому мирам.

Наша территория к этой исторической эпохе нашла свой политический центр не там, где искала его в XIII в., — не в Галицко-Волынской области и не в Новогрудке Миндовга, а в Вильне Гедимина. И тут руководящие исторические силы отлили к северу и отсюда, окрепши, начали свое поступательное развитие в форме собирания западно- и южнорусских земель в сложный политический организм Литовско-Русского государства. Задача эта представляла особую, совершенно исключительную сложность, так как новое государство лишено было единого и цельного племенного (этнографического) фундамента и вдобавок слагалось на рубеже двух культурно-исторических миров, под влиянием перекрещивавшихся на его почве различных культурных влияний.

Тут во времена Витеня (с середины 1290-х годов до 1320 г.) и его брата и преемника Гедимина (1321—1341 гг.) завершено в новой форме и на иных основаниях здание, заложенное Миндовгом. Территория государства, во главе которого стоял «rex Litwinorum Ruthenorumque», охватывала ближайшим образом то, что позднее

выступает как великое княжество Литовское или земля Литовская в собственном, тесном смысле слова. Этнографическая Литва составляла только ядро этой территории, так как под собственно Литовской землей разумелась не только исконная территория литовского племени, а и соседние русские земли, занятые и отчасти колонизованные литвою в XIII в., а именно: Черная Русь (по левым притокам Немана) с городами Новгородком, Волковыйском, Слонимом, Здитовом, Городном. Тут находим, как только встречаем более обильные сведения о внутреннем быте этой области, большое количество имений литовских панов и бояр, созданных военнослужилой колонизацией Черной Руси. Так, самая сердцевина Литовско-Русского государства представляет собою уже довольно сложное по составу этнографическое и социально-политическое целое, объединяя мелкие волости и общины литовские, управлявшиеся в доисторическое время местными вождями, и обломки древнерусских земель — либо частей Полоцкой земли, либо отдельных владений, как Городенское княжество. В этой собственно Литве на самой ранней заре ее исторической жизни уже выступает различие двух ее половин с двумя центрами — Вильной и Троками, с сохранением, кроме того, некоторой индивидуальности за более мелкими составными частями, имевшими до объединения в Литве свое особое бытие. И внутренний строй Литовской земли, насколько можем его себе представить, сохранял черты своего доисторического прошлого. Новое государство строилось на весьма еще первобытной экономической основе. Господствующее значение лесных промыслов, элементарного скотоводства и сельского хозяйства при ничтожном развитии торговли устраняло возможность развития городского быта, сколько-нибудь подобного наблюдаемому в древней Руси. Землевладение, естественно, — господствующий источник благосостояния и социальной силы. Так определялось сходство условий социально-экономического быта Литвы и Руси.

С другой стороны, сложные и напряженные условия, вызвавшие к исторической жизни и деятельности великое княжество Литовское, выросшее в борьбе на несколько фронтов, создавали потребность в сильной военной организации, которая обеспечивала бы наличность постоянно готовых к бою военных сил. Сочетание указанных политических и экономических условий литовской жизни вело к развитию той же связи военного дела и военной службы с землевладением, которое составляет одну из характернейших особенностей русского строя в удельное время, после упадка городской организации с ее городовыми полками. В организации своей военной силы литовская власть опирается на крупное землевладение панов и служилых княжат, не только не стремясь по началу упразднить или ослабить их вотчинную (местнополитического характера) силу, но пользуясь ею как готовой организационной ячейкой для возводимого ею здания новой, более широкой государственности. Эти вотчины — панские и княжие — разного происхождения. В собственно Литве и на Жмуди можно видеть в них территории прежних дробных племенных единиц, как в их владельцах, панах

литовских, потомков прежних племенных династов. Их местное значение, их власть над местным населением могли только усилиться, вследствие объединения Литвы под главенством виленского великого князя (подобно тому как сильно вырастает власть саксонской знати под влиянием франкского владычества и его военнослужилых и полицейско-административных требований к эделингам). Ранее, повидимому, в пору доисторическую, следует представлять их себе ограниченными значением племенных сходок, иногда выбиравших вождя, и советом старейшин. Литовское объединение сделало их панами-вотчинниками подобно удельным князьям русским того же времени.

Далее возникают новые панские вотчины путем подъема новин и колонизации по инициативе панов-воителей, которые, «ополонившись» во многих походах, сажали челядь свою на землю, ведя ее трудом свое хозяйство. По мере расширения и лучшей организации этих хозяйств они на захваченные земли привлекают и гулящую бедноту, ставя ее в зависимое положение от землевладельца. Это сидевшее на владельческой земле население попадало под вотчинную юрисдикцию и вообще опеку владельца, усиливая его значение в общем складе тогдашнего общественного строя.

Наконец, источником возникновения таких вотчин в эпоху великокняжеской власти становятся земельные пожалования князей.

При все возраставшей силе центральной власти различие происхождения вотчинных прав естественно нивелировалось тем более, что прочность и сохранение, например, за потомками или вообще наследниками вотчинных владений, происшедших не от пожалования, требовали подтверждения владенных грамот великим князем и защиты их прав великокняжеской властью. Роль этой власти, как основного источника права в строящемся заново обществе, давала ей возможность проводить свои требования, обусловливая всякое право, всякое владение и их защиту служением себе, своим интересам, т. е. интересам новой литовской государственности. И опять-таки надо сказать, что отношения в Литовской земле (отчасти, конечно, и под прямым влиянием русского соседства и быта инкорпорированной Черной Руси) развивались в том же направлении, как в русских удельных княжествах, где власть княжая, избавленная от вечевой общины и принявшая территориальный характер, становится основным источником права в удельном княжестве и организует свою военную силу с помощью потомков дружины — бояр-вотчинников, стремясь в более крупных политических комплексах свести к тому же положению служилых князей с обращением их уделов в вотчины княжат, как слоя того же землевладельческого и служилого боярства.

К центральной (не в географическом, а в политическом отношении) области великого княжества Литовского — земле Литовской — приросли в разной степени и на разных основаниях западнорусские земли.

Всего теснее связь с великим княжением так называемой литовской Руси (в том специальном смысле слова, в каком употребляют

это выражение литовско-русские акты), Подляшья и Полесья. Литовской Русью называли Минскую землю, несколько расширенную захватом ближайших киевских, отчасти черниговских и смоленских волостей. Подляшье — это старая Берестейско-Дорогичинская область, а Полесьем Литовским называли территории прежних Туровского, Пинского и Клецкого княжеств. В этих областях со времен Гедимина исчезли местные русские власти, лишь в Полесье оставившие некоторый след в княжеском происхождении иных местных владельцев, но утративших черты какого-либо политико-административного значения. Втянутые в связь с политическими судьбами Литвы еще в XIII в., эти области также инкорпорированы великим княжеством Литовским и тянут в его составе по управлению и повинностям прямо к Вильне и Трокам. Они входят в состав территории, которая уже при сыновьях Гедимина сознается княжим родом литовским как его владение, как предмет наделов и разделов князей Гедиминова рода. В этих областях, с другой стороны, исчезает устойчивость древнерусских территориально-политических форм. Они легко дробятся, вступают частями своими в новые соединения, не сохраняя следов своей исторической индивидуальности, и в верхний слой их населения без труда, естественным процессом, проникают литовские боярские элементы, устанавливая наряду с политико-административной своего рода общественную связь их со всем великим княжеством Литовским. И потому можно расширить несколько вышеустановленное «тесное» значение термина «великое княжество Литовское», относя его и к Руси, Подляшью и Полесью.

Наконец, к очерченному комплексу земель примкнули в политическом отношении западнорусские земли, принесшие с собою в это соединение старые исторические традиции, свою организацию и прочные навыки самостоятельного политического быта. И они остались в составе Литовско-Русского государства со своей даже внешней обособленностью как территориально-политические единицы, не вполне утратившие свою индивидуальность, и со своим укладом внутренних отношений, лишь медленно и постепенно подвергавшимся переработке под влиянием общей с Литвою исторической жизни, причем исход этого процесса был различен: одни, как Полоцкая или Витебская земля, вошли в более органическую связь с великим княжеством Литовским, другие, как южные земли — Киевская и Волынская — или западные — Смоленская, Чернигово-Северская, став «аннексами» Литвы, однако и под ее властью жили более своей жизнью и в дальнейшем ходе исторической жизни рано или поздно были от нее оторваны.

Под Полоцкой землей разумею тут не то, что означал этот термин в древней Руси. Дробление старого Полоцкого княжества с падением значения объединившего его стольного города Полоцка и напор Литвы сильно умалили его территорию (ряд волостей отошел в состав собственно Литовской земли) и разбил ее на две области: Полоцкую и Витебскую. Обе эти области видим под литовской властью еще до Гедимина, в XIII в. Хотя бы там и мелькали

еще имена каких-то русских князей (разумею двух Изяславов — полоцкого и витебского во времена княжения Войшелка и Шварна), но ничто нас не уполномочивает считать их «отчичами» в настоящем смысле слова. Не говоря о том, что мы их «отечества» восстановить не можем, их роль — роль подручников Литвы. В Полоцке литвины княжат в конце XIII и начале XIV в.; тут сидел и Воин, брат Витеня и Гедимина.

Моментом «присоединения» к Литве Витебска считают кончину последнего его русского князя, Ярослава Васильевича, от которого он перешел как бы по наследству к мужу Марьи Ярославны — Ольгерду Гедиминовичу. Витебск был под литовской властью еще при Миндовге, при Войшелке тут по его воле сидит какой-то Изяслав, затем опять сидит литвин Гердень. После него видим тут русских князей Константина, Михаила, о которых сохранились лишь случайные упоминания. Повидимому, в 80-х годах XIII в. в Витебске сидел смоленский наместник, упоминаемый в одном из немецких документов, и историк Полоцкой земли Данилевич поэтому последнего витебского князя считает происходящим из смоленских князей [1]. В дни Гедимина он умер (1320 г.), и витебским князем под рукою отца стал Ольгерд. С этих пор Витебск в литовских руках. Но местные русские общественные силы долго еще имели, как и в Полоцке, самостоятельные тенденции и собственный вес, сыграв известную роль в политической борьбе XIV и XV вв., сохранив за своими землями значение особых областей со своими правами, которые не раз формулировались и развивались земскими привилеями господарей литовских.

Таков был круг владений литовских при Гедимине. Оставляя пока в стороне особенности положения жмуди, отмечу характерные черты литовского княжого владения. В нашей исторической литературе делались попытки приравнять начала этого литовского владения древнерусскому. Но исследование М. К. Любавского хорошо выясняет существенную особенность литовских отношений, которые не дали развиться в княжой среде действительным началам семейного владения с его принципами отчины и раздела [2], и то начало, которое в древней Руси имело назначением сохранить целое от распадения, — начало старейшинства — получило в Литве сразу иную постановку, иную силу. Боевое и напряженное международное положение, в каком оказалась исторически молодая литовская великокняжеская власть, обусловило сильное ее развитие до степени действительной верховной власти в государстве. Сказалось это в том, что в собственной Литве не было уделов в точном и строгом смысле слова. Те, кого мы привыкли называть удельными князьями литовскими, — не полноправные владельцы отчин, владеющие ими по семейному праву, а подручные великому князю

---

[1] *Данилевич*, Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV в., Киев 1896.

[2] *М. К. Любавский*, О распределении владений и об отношениях между великими и другими князьями Гедиминова рода в XIV и XV вв., изд. Ист. общ. при Моск. унив., год I, М. 1896.

князья, наместники с княжеской властью и княжескими доходами, и только. Они получают княжения по назначению великого князя или по соглашению с ним; они, за редкими исключениями, не в силах были установить действительной отчинности своих владений для потомства. Поэтому в Литве не происходило «дележа государства в собственном смысле» и «с борьбою за великое княжение в Литве связана была борьба не только за старшинство и за самое крупное княжество, но и за верховную власть в государстве». Задача закрепления за собой и расширения владений настолько доминировала над разделом достояния и пользования, что лишь очень слабо проявлялось по временам в литовских междукняжеских отношениях отчинное, семейное начало, и то осуществляясь лишь в согласии с государственной волей великого князя или по особому договору с ним.

Все это надо иметь в виду, чтобы понять судьбу Литовско-Русского государства после Гедимина. Он еще при жизни наделил своих сыновей княжениями. Монивид получил литовский Кернов и на Черной Руси Слоним; остальная Черная Русь с Новгородком досталась Кориату; Ольгерду, князю витебскому, на Литве — Крево; Кейстут получил Троки и земли Городенскую и Берестейскую; Наримунт — Пинскую; Вильно с пригородами и великим княжением Гедимин назначил младшему, Явнуту. Повидимому, без всякого надела из отцовских владений остался Любарт. Ему предстояло большое дело: утвердить за Литвою галицко-волынское наследство.

ГЛАВА VIII

БОРЬБА ЗА ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЕ НАСЛЕДСТВО

За год до смерти Гедимина, в апреле 1340 г., погиб от отравы последний галицкий князь Болеслав Тройденович. Мне уже приходилось касаться того положения, в каком оказалось Галицко-Волынское княжество по его смерти. Во главе правления стал Дмитрий Дедко как Capitaneus Ruthenorum. Боярство галицкое со своим вождем сохранило управление в своих руках. События ближайших лет вызывают ряд недоумений и разногласий даже с чисто фактической стороны. Грушевский принимает, что бояре галицко-волынские призвали на княжение Любарта Гедиминовича и что Дмитрий был provisor и capitaneus земли от имени этого князя, ссылаясь на колокол с надписью, что отлит он для святого Юрия в 1344 г. «при князе Дмитрии», а Дмитрий — имя крестное Любарта, Дедко же себя князем не титуловал; на свидетельство Яна из Чарнкова, польского хрониста (подканцлера Казимира Великого), что по смерти Болеслава Тройденовича Любарт Гедиминович владел русским княжеством, пока Казимир в 1349 г. его не завоевал; на свидетельство русско-литовской летописи, что Любарт получил по наследству «всю землю волынскую», и на известие, почерпнутое Длугошем из русских источников, что Любарт по жене получил «княжества Львовское и Владимирское»; на грамоту константинопольского патриарха от 1347 г. Дмитрию-Любарту по делам Галицкой митрополии [1].

Но недурно обставленная аргументация Грушевского не устраняет всех сомнений. В грамотах своих Дедко нигде не упоминает о князе Любарте и галицких князей называет не его, а своими «предками». В его столкновениях с венграми и поляками Любарт не принимает никакого участия. Последнее можно еще объяснить борьбою, которой литовские князья были заняты на севере ввиду возобновившейся войны с рыцарями, а первое Грушевский, повидимому (так как прямого объяснения он не дает), склонен понять как следствие того, что Дедко и бояре довольствовались номинальным провозглашением Любарта, а управу всю держали в своих руках. Если и так, то придется политику Дедка признать весьма лукавой и двусмысленной. С королями венгерским и польским он сносится самостоятельно, причем допускает и, видимо, дает повод первому

[1] *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т. IV, стр. 19 и сл.

назвать себя «своим верным» («fideli suo»), а со вторым заключает какой-то договор, о котором Казимир писал папе, что русские со своим «капитаном» выразили согласие обязаться ему, Казимиру, службой и послушанием, а он обещал им, со своей стороны, присягой принять этот народ и их вождя в свою опеку и хранить их обряды, права и обычаи. На этом основании одни польские историки (например, Прохаска) считают Дедка ставленником Венгрии, другие утверждают, что он признал власть Казимира. Однако попытка Казимира с войском произвести оккупацию Галичины вызвала обращение Дедка к татарам, совершившим набег на польские и венгерские области. Видно, что, по первому известию о смерти Юрия, венгерский и польский короли двинули войска на Галич, действуя согласно прежнему уговору. И дело для Казимира кончилось набегом, из которого он вернулся только с добычей ввиду призванной боярами татарской помощи. В чем состояло позднейшее соглашение Казимира с боярским правительством, не знаем, но потом видим галицкую волость Санок, подкарпатский, западный край Галичины, под властью Казимира. Повидимому, это — уступка с целью купить мир с запада.

Только эта западная опасность привела к активному выступлению Любарта, если допускать его «номинальное» княжение ранее. С этих пор врагами польской силы выступают Tartari, Rutheni et Litfani, но ненадолго. Казимиру удалось расстроить этот союз. В 1349 г., перед новым походом на Галич, у него были татарские послы, и сношения эти, конечно, надо поставить в связь с отсутствием татарских сил в последовавшей войне. И литовские силы едва ли были в достаточной мере свободны: возобновилась борьба с рыцарями, нанесшими в 1348 г. поражение литвинам на реке Страве, и хотя это поражение не было особенно решительным, но сосредоточить главные силы на юге в 1349 г. едва ли было возможно. Осенью 1349 г. Казимир совершает поход на русские земли с большим войском. Сильного сопротивления, судя по известиям, он на этот раз не встретил и занял Белз, Берестье, Владимир-Волынский. К сентябрю поход был уже закончен. Любарт удержался только в Луцке. Но на следующий год и литвины собрались с силами, отобрали назад Владимир, Белз, Берестье и опустошили польские области.

Непрочность первого успеха побудила Казимира к ряду серьезных дипломатических шагов. В 1350 г. 4 марта состоялось его соглашение с Людовиком венгерским, получившее огромное значение в истории и Польши и Руси. Людовик и брат его Стефан заявляли, что имеют наследственное право на «Русское королевство», уступили его в пожизненное владение Казимиру с тем, что если у Казимира не будет сына, то и Польша и Русь перейдут к Людовику, а будет у Казимира сын, то Людовик или его наследники сохраняют право выкупить Русь у польских королей за 100 000 флоринов.

Следствием этого договора была военная помощь Людовика Казимиру в войне 1351—1352 гг. Не буду следить за ее перипетиями. Она кончается перемирием осенью 1352 г., по которому вся Галиц-

кая земля остается за Казимиром, а литовские князья вернули себе всю Волынскую землю и Берестейские волости. Только Кременец остался спорным и нейтральным; его на время перемирия должен был держать Юрий Наримунтович «от князей литовских и от короля».

Это перемирие не прекратило борьбы, продолжавшейся в течение всех 50-х и 60-х годов XIV в., но оно существенно, потому что наметило позднейшее решение вопроса о галицко-волынском наследстве. Необычайная энергия, развитая Казимиром, военная и дипломатическая, привела к ряду крупных успехов. В 1366 г. заключены были два договора, в которых между прочим не только Юрий Наримунтович, но и два Кориатовича, Юрий и Александр, стоят на польской стороне как вассалы Казимира. Другая сторона — Гедиминовичи, Ольгерд, Кейстут, Явнут и Любарт. Любарту по этому «вечному миру» остается только Луцкая область, и то урезанная с запада, а Казимир получает Волынь (о Галиче уже и речи нет), тоже несколько урезанную с востока. Зато он отрекается в пользу Кейстута от Дорогичинско-Берестейской земли, в пользу Ольгерда— от Кобринской волости. Мир скреплен союзом великого князя литовского Ольгерда с Казимиром, а Любарт особо обязуется не только быть в союзе с Казимиром, но и сохранять нейтралитет в случае войны между ним и Гедиминовичами. Новые свои владения Казимир пробует держать литовскими же князьями — Юрием Наримунтовичем (Бельск, Холм), Александром Кориатовичем (Владимир). Во Владимире Казимир с большими затратами строит новый крепкий замок. Но борьба, хотя и не достигала прежних размеров, продолжалась, повидимому с перерывами, мелкая, пограничная, до смерти Казимира в 1370 г.

Смерть Казимира вела к смене династии на польском престоле, к спорам Людовика венгерского об условиях признания его королем польским. Этим моментом воспользовались Любарт и Кейстут для попытки вернуть Владимир. Захват удался, но повел к новой борьбе — на этот раз с Людовиком венгерским,— и в 1377 г. пришлось заключить с ним новый мир, по которому вся Холмско-Белзская земля отошла к галицким владениям Людовика. Любарт остался при Волыни, несколько урезанной, как в 1366 г., но должен был принести королю homagium et juramentum fidelitatis [1] и дать сыновей в заложники. В грамоте 1379 г. он называет короля «Unser Herr und König» [2]. С точки зрения государственного права Волынь – не часть Литовско-Русского государства.

Разбираясь в сложных и спутанных известиях об этой борьбе, Грушевский приходит к выводу, что местное население Волыни стояло за Любарта, а Галицкая земля и не делала попыток его поддержать [3]. Но и Волынская земля отстаивала свое дело, приняв князем Любарта, а не тянула к великому княжеству Литовскому. Далее увидим, как польско-литовская уния поставила на очередь

[1] присягу и клятву в верности.

[2] «наш господин и король»

[3] *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т. IV, стр. 58 и сл.

вопрос о присоединении Волыни (как и других южнорусских земель) к Польскому королевству, и только политика Витовта задержала этот процесс, теснее связав судьбы южных областей с Литовско-Русским государством.

40-летний период борьбы с Польшей за галицко-волынское наследство был временем усиленного распространения литовского владычества и влияния на юг и юго-восток. Это было уже по смерти Гедимина (1341 г.), оставившего на великом княжении младшего сына, Явнута, вероятно, под влиянием его матери, Jewny, «zu herschen die grosse Herrschaft» [1]. Но старшим сыновьям, детям другой матери, «князь велики Евнутей в большинстве будя не полюбися и смолвили межи собой братия» Ольгерд и Кейстут, «как бы его оттоле высадити» [2]. Замысел удался. Вильно было захвачено Кейстутом, который провозгласил великим князем Ольгерда. Этот переворот был, видимо, обусловлен не только личными и семейными антагонизмами. Литовское государство находилось в опасном положении ввиду возобновившегося с новой силой напора немцев-крестоносцев. Под рыцарским замком пал Гедимин. Император Людовик грамотой подарил Ордену Литву, как край языческий, подлежащий покорению христианским мечом. Прусский орден развязал себе руки договором с Казимиром Великим, который в 1343 г. уступил рыцарям области Поморья, Хельминскую и Михаловскую земли — причину долгого раздора. Ливонцы столь же успешно закончили споры с Данией, добившись уступки себе Эстонской земли. Концентрация литовских сил была необходима, и ее осуществили Ольгерд с Кейстутом. Великим князем стал Ольгерд. Но Кейстут, князь трокский и всей Жмуди, занял особое положение сравнительно с другими братьями. По договору с Ольгердом, все, «что придобудут грады и волости, то делити на полы», и, по свидетельству Витовта, все приобретения на Руси, действительно, делились «на полы» между Кейстутом и Ольгердом [3]. Это дало Кейстуту средства для той энергичной и неустанной борьбы, которую он непрерывно вел с рыцарями во главе своей жмуди, служа с запада охраной для литовско-русских владений Ольгерда, для его широкой завоевательной и созидательной работы.

Территориальная, внешняя история Литовско-Русского государства во времена Ольгерда характеризуется прежде всего тем, что окрепший государственный центр служит опорой для южного направления политики. Утвердившись на северных позициях, выдерживая борьбу за их защиту с немцами (руками Кейстута и жмуди), литовская сила тут, на севере, не могла распространять свое влияние и властвование, т. е. влияние распространялось, например, в делах новгородских и псковских, тверских, смоленских, рязанских... и литовская политика подготовляла подчинение

---

[1] «княжить на великом положении»; *K. Stadnicki*, Synowie Gedymina, Львов 1851.

[2] «Летопись великих князей литовских», изд Поповым. «Ученые записки II отдел. Ак. наук», т. I.

[3] Там же.

Литве этих областей... Ольгерду немецкие источники приписывают сознательную цель—подчинить всю Русь, «nihil juris ordo sibi reservaret apud Ruthenos, sed omnis Russia ad Letwinos deberet simpliciter pertinere»[1]. Но преследование такой цели требовало чрезвычайной затраты сил на борьбу с растущей Москвой, со шведами и Ливонским орденом, не обещая в то же время непосредственного увеличения собственных сил и средств. Зато юго-восток сулил, видимо, легкую добычу. Раздробленная на мелкие уделы, еще не испытавшая на себе объединительного влияния Москвы, Северщина под татарскою властью, ослабленной крупными раздорами в Орде, прежде всего сулила ряд успехов. Повидимому, целью Ольгерда в его первых действиях был собственно Смоленск, но реальных результатов он добился прежде относительно связанного со Смоленском Брянска. В то время как из-за Смоленска началась упорная борьба с Москвой, тянувшаяся затем ряд столетий, Брянском «нача обладати великий князь литовский» в 70-х годах XIV в. К последнему десятилетию правления Ольгерда (умер в 1377 г.) следует отнести водворение литовских князей в Чернигове и Новгороде-Северском, Трубчевске, Стародубе, Рыльске. Все это по смерти Ольгерда «литовские города». Дмитрия Ольгердовича видим князем брянским и трубчевским, Корибута — великим князем черниговским, новгородским и северским, Патрикея Наримунтовича — князем стародубским и рыльским. Так западная Черниговщина перешла под власть литовских князей. В восточной сидят многочисленные мелкие князья Рюриковичи, которых Ольгерд стремится сделать подручниками хотя бы путем родственных связей, например, выдав дочерей своих за князей Ивана новосильского и Святослава карачевского. Своими волостями Ольгерд в послании к патриарху цареградскому называет Калугу и Мценск и жалуется на их захват Москвою, как и на измену «слуги своего» Ивана козельского[2]. Вся эта область колеблется между Литвою и Москвою (отчасти Рязанью).

Важнее другое: как понимать связь обеих половин Черниговщины с Литвою? Это не инкорпорация. Не только русские князья восточной половины, но и литовские западной стоят вне строя собственно Литовского великого княжества и, опираясь на местные интересы и отношения, держат себя самостоятельными князьями, стоящими лишь в слабой зависимости от великого князя. Удельщина черниговская перевоспитывает литовских ставленников, обруселых Ольгердовичей. И, правда, уже по смерти Ольгерда, видим Андрея Ольгердовича в рядах московского войска в войне с Литвой, Дмитрия Ольгердовича — перешедшим на сторону Москвы, причем ему, правда, не удалось удержать северские волости, а получил он в кормление Переяславль-Суздальский (в 1388 г. он вернулся в Литву). Позднее встречаем Александра Патрикеевича стародубского приятелем Москвы: Витовт арестует его во время ли-

[1] «чтобы Орден не заручился никаким правом у русских, но вся Русь должна была бы попросту принадлежать Литве».
[2] РИБ, т. VI, прилож., стр. 138.

товско-московской войны, чтобы предупредить измену. Так тяга русских земель к новому московскому национальному центру увлекает даже князей литовской крови, парализуя силы литовского великого князя в борьбе с Москвою ненадежностью русских элементов, на которые приходилось опираться.

Одновременно с этим движением литовского влияния за Днепр идет, и с более прочными результатами, его стремление к югу. Киевскую область мы видели под непосредственной властью татар: баскак тут сидит во времена Гедимина, хотя влияние Гедимина сильно на киевского князька Федора.

Позднейшие и мало надежные компиляции сохранили известие, что в 1361 г. еще сидит в Киеве Федор, а потом Ольгерд: «Киев под Федором взят и посади в нем Володимера сына своего и нача над сими владети, им же отцы его дань даяху» [1]. Дата этого события неясна, записано оно в так называемой Густынской летописи в виде примечания к известию о победе Ольгерда над татарами в 1362 г., но это не дает еще основания относить его к тому же году. Но 60-е годы принять можно, тем более что уже в 50-х годах Ольгерд ведет энергичную русскую политику, особенно в вопросах церковного управления. Он хлопочет о поставлении особого митрополита для западной Руси, причем имеются любопытные намеки на участие в этом деле тверского князя или, по крайней мере, на сочувствие в Твери этой тенденции.

Влияние московской митрополии. Смерть Феогноста — 1353 г. Московский кандидат Алексей — из московского боярства, близкого к великокняжескому двору. Хлопоты Феодорита (1352—1353 гг.) еще при жизни Феогноста. Поставление его на мзде терновским патриархом и водворение в Киеве. Принят Ольгердом. Запрет константинопольского патриарха его признавать. Посылка в Константинополь *Романа* (1354 г.) и поставление. Но Киев оставлен патриархом за Алексеем. Смуты по смерти Алексея. Киприан — митрополит киевский и литовский. Но это еще не привело к разделу митрополии[2].

Литовские владения на Черной Руси — Новгородок-Литовский — стали опорной точкой для движения на юг, созданного, как и движение на Киевщину и Чернигово-Северскую землю, ослаблением господствовавшей тут татарской силы. Орда по смерти хана Бердибека (1359 г.) потрясена внутренними смутами. И подобно тому, как во времена Даниила, вожди татарской силы в западном Черноморье остались без опоры в тылу, в Золотой орде. «Коли господарь был на Литовской земли князь великы Олгерд ишед в поле с литовским войском побил татаров, — рассказывает так называемая литовско-русская летопись, — на Синей воде трех братов: князя Хачибия, а Кутлубугу, а Дмитрея: а то си три браты татарскыя князи отчичи и дедичи Подольской земли, а от них заведили атаманы, а баскаки, приезжаючи от них, атаманов, имывали

[1] ПСРЛ, т. II, изд. 1-е, стр. 350.

[2] На вопросе о судьбах русской митрополии этого времени А. Е. Пресняков останавливается подробно в курсе по истории северо-восточной и московской Руси («Лекции», т. II, вып. 2).

с Подольской земли дань. А брат великого князя Ольгирдов, держав Новгородок Литовский, князь Кориат, а у него было четыре сыны». И эти Кориатовичи с позволенья Ольгерда и с помощью Литовской земли пошли в Подольскую землю, где не было тогда никаких городов, ни деревянных, ни каменных. Кориатовичи добились признания их власти подольскими атаманами и начали боронить Подольскую землю, построив города Бакоту и Каменец, а «баскаком выхода не почали давати» [1].

Водворение в Подолии этих литовских князей создало для них весьма своеобразное положение. Двух из них, Юрия и Александра Кориатовичей, мы уже встретили в литовско-польском договоре 1366/67 г., притом в составе не литовской, а польской договаривающейся стороны. Александра и Константина Кориатовичей встречаем в Кракове при дворе короля Казимира. К Кракову тянет Подолия и экономически: сохранились грамоты Кориатовичей краковским купцам на вольную торговлю в Подолии. И Подолию в эту эпоху трудно себе представить в составе великого княжества Литовского.

Следует с большой осторожностью и решительными оговорками отнестись к обычному мнению, что власть Ольгерда на юг протянулась до Черного моря.

Тянулась туда литовская сила, но еще не спаянная в единую государственную организацию. Никоновская летопись, относящая битву на Синих Водах к 1363 г. (и эту дату можно принять), одним из следствий ее называет, что он и «Белобережие повоева», т. е. Поднепровье ниже Киева [2]. Татарская сила была, видимо, действительно отброшена. Но организаторами литовской власти на Подолии были Кориатовичи, не Ольгерд. Это вдвинуло их в сферу южных отношений польских, венгерских, волошских и татарских (дань, ярлыки, монеты), и определили они свое положение в этой сфере не как орудия Ольгердовой политики. Одного из Кориатовичей, Юрия, судьба вывела даже за границы литовско-русской жизни. «Князя Юрия Волохове взяли собе воеводою — и тамо его окормили», — сообщает литовско-русская летопись [3]. А по смерти Александра, убитого татарами, и Константина Подольскую землю занял младший Кориатович, Федор, при котором великому князю Витовту пришлось «со всеми силами» покорять Подольскую землю. Федор защищался с венгерской и волошской помощью, но не выдержал борьбы.

Проследив условия образования территории Литовско-Русского государства в XIV в., можем подвести следующий итог: политическое творчество литовских князей создало великое княжество Литовское, государственное ядро которого составляли собственно Литва (без Жмуди) и Черная Русь. К этому ядру тесно примкнули так называемая литовская Русь (Минск), Подляшье (Берестье-Дорогичин) и Полесье (пинское). На эту территорию

[1] *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т. IV, стр. 79.
[2] ПСРЛ, т. XI, стр. 2
[3] «Ученые записки II отд. Ак. наук», т. I.

можно в историко-политическом смысле распространить понятие великого княжества Литовского, применявшееся обычно в значении более узком — коренного ядра литовских владений. К великому княжеству Литовскому примыкают путем связей, преимущественно династических, земли Жмудская, Полоцкая, Витебская, сохраняя в значительной мере свою политическую индивидуальность, и далее части Черниговщины, Киев, Волынь, Подолия, составляющие скорее область то большего, то меньшего влияния литовского политического центра, чем интегральные части Литовского государства. В этом поясе западнорусских земель скрещиваются сферы влияний московского и татарского, польского и венгерского с литовским, сталкиваются разнородные политические притязания, далеко еще не разрешенные в пользу великого князя литовского и создающие возможность и необходимость роли местных княжих сил как самостоятельных политических факторов, идущих своими весьма извилистыми путями среди международных, не разграниченных исторической жизнью, течений.

К последним десятилетиям XIV в. эта сложная картина внешней эволюции Литовско-Русского государства сильно осложняется династической унией, связавшей судьбы Литвы и Руси с Польшей.

ГЛАВА IX

ПЕРВАЯ УНИЯ. ЯГАЙЛО И ВИТОВТ

Сложному политическому зданию литовской Руси грозил в момент кончины Ольгерда тяжкий кризис. Пошатнулось то равновесие, какое создано было союзом его с Кейстутом, своеобразным их двоевластием, перед которым отступали проявления сил центробежных. Властное старейшинство Ольгерда и так слабело в реальных условиях политического быта относительно окраин литовско-русского мира. Переход же этого старейшинства в руки Ягайла грозил распадом великому княжеству Литовскому, торжеством удельного дробления не только путем ослабления связи центра с аннексами-окраинами, но и путем распада самого ядра Литовско-Русского государства. Зависимость восточных — заднепровских и южных — украинных областей от политики особенно этих последних и так невелика. Но в данный момент (1377 г.) остро стал вопрос о целости Литовского великого княжества в собственном смысле термина.

Это ядро своих владений — Виленскую волость, Витебск, Минск, Новгородок — Ольгерд предназначил детям от второй жены — Ягайле и младшим его братьям (Вигонд, Киргайло, Скиргайло, Лугвень, Минкайло, Свидригайло и четыре дочери). Ягайле, как виленскому князю, досталось и старейшинство в князьях Гедиминова рода. Но старшие братья, сыновья первой семьи Ольгерда, не мирятся с этим. Видим в том же 1377 г. бегство Андрея полоцкого в Псков, затем в Москву и его участие в московском походе в 1379 г. на Северщину, во время которого на московскую сторону перешел и другой старший Ольгердович, Дмитрий брянский. Приходится центральной литовской силе усмирять и Дмитрия-Корибута новгород-северского. Видим на юге Любарта волынского и подольских Кориатовичей вовсе независимыми от виленского центра.

А в самом центре этом разыгрывается кровавая драма. Ольгерда пережил Кейстут, владевший Жмудью, Троками, Городенской и Дорогичинской землей и Подляшьем. Кейстут признал Ягайла и, повидимому, предполагал сохранить с ним те отношения, какие установились между ним и Ольгердом. Но Ягайло полон недоверия к дяде, недоверия, разжигаемого происками и наговорами Прусского ордена. В двух договорах Ягайла с рыцарями видим, что из условий мира выключены владения Кейстута: Ягайло отсту-

пается от защиты Жмуди, рассчитывая получить немецкую помощь против Андрея полоцкого, за которого — и в отсутствие его — стали полочане, не поддавшиеся Ягайле, а также против мнимых замыслов Кейстута. Борьба Дмитрия Донского с Мамаем облегчила положение Ягайла: Андрей остался без московской помощи. Зато рыцарская интрига создала-таки разрыв его с Кейстутом. Предупрежденный самим Орденом о договорах Ягайла с немцами, видя союз их с великим князем во время своей борьбы с ними, Кейстут 1 ноября 1381 г. захватил Вильно и старейщинство, предоставив Ягайле Витебск и Крево. Необходимость спешить на Северщину против Дмитрия-Корибута сгубила Кейстута. В его отсутствие русские и немцы, мещане виленские, передали город Ягайлу, а Витовт Кейстутович, отбитый Ягайлом от Вильно, заперся в Троках. Сюда шел Ягайло, сюда шли крестоносцы. Вернувшийся из похода Кейстут застал дела свои в отчаянном положении. Пришлось итти на соглашение, и Ягайло, заманив старика в Вильно для окончательного скрепления договора, велел захватить его и посадить в подземелье в Кревском замке, а Витовта держал в башне замка Виленского. Через несколько дней Кейстута задушили Ягайловы слуги. Троки Ягайло отдал брату Скиргайле. Жмудь признала его. За Подляшье, захваченное мазовецкими князьями, Ягайло начинает войну. Словом, он идет дорогой объединителя великого княжества Литовского, опираясь на родных братьев, пробуя свести княжое многовластие к владению одной ближайшей семьи своей.

Но Витовт бежал в Пруссию. Орден был рад предлогу внести раздоры в литовскую среду. Усилившийся Ягайло не спешил исполнять прежнее обещание — отступиться от жмудских волостей в пользу Ордена. И вырвать из рук Ордена опасного врага-соперника стало делом необходимым. Между Витовтом и Ягайлом состоялось тайное соглашение, и Витовт сжег три замка немецких на прощанье перед побегом из орденских владений в Литву. Ягайло дал ему Городенскую землю и Подляшье. Этим разлад не был исчерпан: Витовт требовал всей отчины, а в Троках сидел Скиргайло. Рыцарская помощь снова обратилась в опасную враждебную силу. Все отношения, на которых держалось здание Литовско-Русского государства, казались слишком расшатанными перед этой основной для Литвы опасностью, а на юге и востоке ускользали из рук приобретения Ольгерда. Литва нуждалась в новой опоре, и Ягайло нашел ее в неожиданном плане руководителей краковской политики соединить Литву и Польшу в один государственный организм.

Укажу лишь мимоходом события, приведшие к этому плану. По смерти Казимира Великого обстоятельства так сложились, что, казалось, малопольскому краковскому центру политической жизни польской грозит опасность потерять свое значение.

В силу договора от 4 апреля 1350 г. по безнаследном Казимире польский королевский престол должен был перейти к Людовику венгерскому. Но сама по себе эта номинация создавала скорее обоснованное и сильное притязание на Польскую корону, чем бесспор-

ное право. Великопольские паны уже противопоставили Людовику своего кандидата — представителя старой Пястовской династии, Земовита мазовецкого. Правда, для малополян он был неприемлем, так как его правление могло грозить их влиянию. Но и переход власти к Людовику грозил подчинением польской политики венгерским интересам и должен был привести к разрешению в пользу Венгрии вопросов, спорных между ней и Польшей. В 1370 г. Людовик стал королем польским, успокоив сомнения панов торжественными обязательствами, которые привели к Кошицкому привилею — этой первой хартии польской политической свободы.

12-летнее (1370—1382 гг.) царствование Людовика венгерского в Польше отразилось весьма определенно на положении южной Руси: никогда еще не достигало венгерское влияние такой силы на восток от Карпат. Осуществление получили те «права» на Галицию, которые венгерское правительство признавало за собою еще в XIII в. Согласно польско-венгерскому договору 1350 г. Казимир польский владел Галицией лишь пожизненно, с тем что по его смерти либо она перейдет к венграм вместе с короной Польской, либо, если у Казимира будет сын, Людовик и его преемники имеют право ее выкупить за 100 000 флоринов. Осуществилась первая альтернатива. Людовик венгерский стал королем польским, но Галицией он распоряжается не как польский, а как венгерский король. Впрочем, чтобы не слишком раздражать поляков, он осуществляет свою власть над нею через Пяста, из силезских князей, назначив «ad gubernandum et conservandum regnum Russiae» [1] Владислава, князя опольского. Галиция получила не губернатора, а князя. Она дана Владиславу в управление perpetue [2], и сам он себя титулует «dei gratia, dux Opoliensis, Velunensis, terraeque Russiae dominus et heres» [3]. Он правит «pleno jure ducali» [4], выдавая свои грамоты, самостоятельно творя право, подтверждая грамоты Казимира. Старосты местные зовут его «dominus noster» [5], он — «Русской земли господарь и дедич вечный землям тым самодержец» [6]. В последнем слове — преувеличение: Владислав — венгерский вассал; на его монетах с одной стороны его имя и герб Львова, с другой — «Lodovici regis Ungariae» [7]. Однако это «вечное» владение продолжалось недолго: всего 6 лет. В 1378 г. Людовик выменял у него Галицию на Добжинскую землю, и Владислав особой грамотой освободил от присяги население Галиции, уступая ее «universaliter et particulariter serenissimo principi domino Ludovico Unga-

---

[1] «для управления и защиты королевства Русского»; см. *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т. IV, стр. 105 и 462.

[2] навсегда.

[3] «божьей милостью князь Опольский, Волынский и Русской земли господин и отчич», см. там же, стр. 105—106.

[4] «на полном княжеском праве».

[5] «господин наш».

[6] «Палеографические снимки Пет. археол. института», 1903, ч. 16; ср. *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т. IV, стр. 106.

[7] «Людовика, короля венгерского».

riae, Poloniae, Dalmatiae etc. regi»[1]. В Галичине водворяется венгерское управление с наместником (capitaneus generalis Russiae) во главе. Чекан в это время: «moneta Russiae, Ludovicus rex Ungariae». Напомню, что к тому же времени относится «juramentum fidelitatis»[2] Людовику Любарта волынского, который короля называет «unser Herr der König». Об отношениях к Людовику подольских Кориатовичей знаем мало, но несомненна связь Федора Кориатовича с Венгрией. От Витовта его города защищают, хоть и слабо, венгерские и волошские гарнизоны, и бежит он перед Витовтовой силой в Венгрию.

Это расширение венгерского влияния в южной Руси не встречало, повидимому, протестов во время жизни Людовика.

На Кошицком съезде 1374 г. паны польские дали обещание по смерти Людовика признать королевою ту из его дочерей, какую укажут королевы — его мать Елизавета или вдова, тоже Елизавета. Но перед кончиной в 1382 г. он сам назначил старшую дочь Марию, потребовав присяги ей и ее жениху, Сигизмунду. Поляки присягнули, но по смерти Людовика потребовали, чтобы королевой была та дочь его, которая обязуется постоянно пребывать в Польше. Королева-регентша освободила их от присяги Марии и назначила Ядвигу. При этом поляки выставили требование, «quod eadem domina regina terram Russiae regno Poloniae reuniat»[3]. Положение крайне осложнилось настояниями Сигизмунда, ставшего вскоре королем Венгрии, а затем и императором, чтобы Польская корона была признана за ним как мужем Марии, и волнениями в Великой Польше, выдвигавшей своего Земовита.

Таково было положение руководителей краковской политики, когда они, добившись приезда и коронации Ядвиги, выдвинули вопрос о браке ее с Ягайлом. Литовская сила должна была дать опору против великопольского движения и против Венгрии, особенно в южнорусском вопросе. Соединение Литвы с Польшей, снимая существовавшие между ними антагонизмы, должно было создать новое политическое могущество, достаточное для борьбы с немецко-венгерской силой.

После переговоров, завязка которых не оставила следа в наших источниках, брат великого князя литовского Скиргайло в начале 1385 г. появляется с посольством о сватовстве. Королеву-мать склонили дать согласие, духовную власть — дать разрешение на брак королевы, уже обвенчанной с Вильгельмом австрийским.

Следует договор в Креве между Ягайлом и краковскими послами Ягайло обязался принять католицизм и крестить в католическую веру всех еще не крещенных братьев своих, родственников, панов и бояр, всех литвинов больших и меньших и «terras suas

---

[1] «вообще и в частности яснейшему государю господину Людовику, королю Венгрии, Польши, Далмации» и т д , ср *М С. Грушевский*, История Украини-Руси, т IV, стр 107, прим

[2] «присяга на верность».

[3] «чтобы та же госпожа королева воссоединила Русскую землю с королевством Польским» («Monumenta Poloniae Historica», t. II, p. 135).

Litwaniae et Russiae coronae regni Poloniae perpetuo applicare»[1]. 15 августа 1385 г. Кревский договор был подписан Ягайлом и его братьями, Скиргайлом, Корибутом, Витовтом и Лугвенем, от имени всех литовских князей. Впрочем, от этих последних потом потребовали и получили в течение ряда лет, с 1386 по 1393 г., особые грамоты с обязательством «fidelitatem observare, adherere nec deserere» или «cum omnibus terris... ac gente nobis subdita, subjecta et subjicienda ad ipsum regnum Poloniae pertinere» [2]. Грамоты писались на имя короля Владислава, королевы Ядвиги и короны Польской.

По точному смыслу Кревского договора и этих грамот, речь идет о полном соединении литовских и русских земель с Польшей под властью короля польского, господаря литовского и русского Ягайла-Владислава и королевы Ядвиги и их потомства.

Однако оценить государственно-правовой смысл совершившегося факта очень нелегко. Начать с того, что вопрос о том, считать ли Ягайла королем польским или только мужем и соправителем королевы, спорен в исторической литературе. Правда, он был коронован, но первые его грамоты дают странный титул: «dominus et tutor regni Poloniae» [3]. Правда, позднее он всегда титулует себя «rex Poloniae, princeps supremus Litwaniae et heres Russiae»[4], но многие его грамоты подтверждаются Ядвигой (хотя бывает и обратно). Наконец, имеются известия, что по смерти Ядвиги (1399 г.) возник вопрос о праве Ягайла на Польскую корону, потребовалось новое его признание.

С другой стороны, как отразилась Кревская уния на государственно-правовом положении великого княжества Литовского? Тексты говорят в пользу чего-то большего, чем простая личная уния. Упомянутые грамоты литовских князей ставят их с их княжениями порознь в непосредственную связь не только с Ягайлом, соединившим в лице своем короля польского и великого князя литовского, но и с королевой Ядвигой и их потомством и с «короной Польской». Наконец, Ягайло наместниками своими в Вильно посылает поляков: коронного вице-канцлера Николая Москожовского, потом Якова Олесницкого, а во главе управления великого княжества Литовского поставил брата Скиргайла «vice sua» [5]. По замыслу, целью Кревской унии было образование нового единого государства, инкорпорация литовских земель Польской короне.

---

[1] «навсегда присоединить свои литовские и русские земли к королевству Польскому» (грамота 15 августа 1385 г., «Codex epistolares saeculi XV», т. I, № 3).

[2] «соблюдать верность, крепко ее держаться и не отступать от нее» или «принадлежать к королевству Польскому со всеми землями .. и народом, нам подданным, подчиненным и подлежащим подчинению»; см. *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т. IV, стр. 135 и 466.

[3] «господин и опекун королевства Польского».

[4] «король Польши, верховный князь литовский и вотчич русский».

[5] «вместо себя».

Но под формальным зданием этой унии слабы оказались реальные основы. Это резко проявилось при первом же выступлении Витовта против Ягайла.

На первых порах Ягайло сохраняет всю власть в своей руке, и Витовт лишь постепенно выбивается из положения орудия Ягайловой политики. А политика эта направлена на южную Русь, которую мы оставили в момент смерти Людовика под венгерской властью. В 1386 г. умер Любарт волынский. Федор Любартович вступил в обладание своей отчиной. Но Ягайло изъял из-под его власти сильнейшего из подчиненных ему князей — князя острожского, дав ему от себя грамоту на его волости, подчинив его прямо себе и... короне Польской. В следующем, 1387, году Федор теряет Луцкую волость: она отдана Витовту, притом не впрок, а «до своей воли», как утверждал с обидой Витовт, не титуловавшийся князем луцким. До 1393 г. Федор Любартович остается при Владимире Волынском, а затем видим его беглецом в Венгрии, пока он не смирился, чтобы удовлетвориться мелким наделом, без политического значения, в Галичине.

В то же время, в 1387 г., разрешается и галицкий вопрос в пользу Польши походом Ядвиги с войском. Галичина приняла ее без сопротивления, венгерские воеводы отступили без боя: тяжелые внутренние смуты парализовали венгерскую силу. Ядвига, титулуя себя «heres Russiae» [1], подтверждает права и привилегии местной шляхты, мещан и духовенства, торжественно обещая никогда не отделять волостей галицких от Польской короны и не давать их во владение каким-либо князьям. Такое же обещание потом дал и Ягайло. Витовт с несколькими литовскими князьями пришел на помощь Ядвиге в деле оккупации Галиции. Это событие можно назвать моментом окончательного присоединения Галиции к Польше. Наконец, и воевода волошский, венгерский вассал, перешел под верховную власть короля польского.

Так шли дела на юге, а север Ягайло держал братьями и наместниками, пока не поднялся на него Витовт. Недовольный своим служилым положением, этот энергичный и честолюбивый князь поднимает новую борьбу, заключив опять союз с немцами в 1390 г. Усобица закончилась договором в Острове, по которому Витовт стал «литовским князем» (1392 г.).

Витовт по этому соглашению получил назад свою отчину — Трокское княжество и другие волости Кейстута, сохранив и Луцкую волость на юге. Кроме того, на него, как выражается Длугош, возложена «вся управа земель литовских и русских». Но ни в Островском договоре, ни в других документах до 1411 г. — по крайней мере в сношениях с Ягайлом и польским правительством Витовт не титулуется «великим князем» («supremus dux») Витовт — просто «dux» [2]. Он, повидимому, только заменил Скиргайла. Это было первым шагом к восстановлению государственной

---

[1] «вотчич Руссии».

[2] просто «князь».

самобытности великого княжества Литовского, но еще не само его осуществление. С 1395—1396 гг. в грамотах Витовта начинает встречаться титул великого князя. Его политика становится все шире и самостоятельнее — до стремления к образованию независимого Литовского королевства.

Но первые его шаги служат политике Ягайла или совместной их политике. Витовт на первых порах не автономно правит на Литве, а под великим князем Ягайлом. И наиболее существенные действия 90-х годов — устранение крупнейших самостоятельных уделов — носят печать этой совместной с Ягайлом и подчиненной деятельности Витовта. Вместе с трокской отчиной и Полоцк из рук Скиргайла переходит к Витовту, теряя свою обособленность. Витебск был в пожизненном владении Ягайловой матери. По ее смерти Ягайло не дал его младшему брату, Свидригайлу, а посадил там своих, не Витовтовых, наместников, и когда обиженный Свидригайло засел было в Витебске, то Витовт идет на него по поручению Ягайла, чтобы отослать его в оковах в Польшу.

То же уничтожение крупных уделов идет и на юге. Теряет владения восстававший еще на Кейстута Дмитрий-Корибут новгород-северский. Сам он находился в плену, пока Олег рязанский не взял его на поруки, потом видим его служилым князем в войске Витовта.

Далее соглашение со Скиргайлом, потерявшим и Троки и Полоцк, требовало передачи ему Киева и Кременца на Волыни. Последний Витовт уступил ему из своей Луцкой волости, а Киев надо было еще добыть. Это дело соединилось с упоминавшимся уже походом Витовта на Подолию, которую он отнял у Федора Кориатовича, бежавшего к венграм, где он получил должность бережского наджупана и город в державу. Подольские города Витовт занял своими старостами. Потом он «вывел» из Киева Владимира Ольгердовича, дав ему взамен ничтожный Копыль. Обиженный Ольгердович бежал было в Москву, но, подобно Корибуту, вернулся, и в 1398 г. видим его при Витовте во время заключения договора с немцами. Киев достался Скиргайлу, который, по поручению Витовта, занимает Черкасы и Звенигород.

Волынь же и Подолию Витовт сам получает от Ягайла как особый лен, но не целиком. В 1395 г. Ягайло дает грамоту воеводе краковскому, Спитку з Мельштина, на владение западной половиной Подолии «pleno jure ducali» [1], а про остальную Подолию грамота говорит, что король ее удерживает для себя и своих преемников... И это не противоречит тому, что по городам этой Подолии сидят Витовтовы старосты. Данные эти свидетельствуют только, что Витовт не на себя завоевывал Подолию, а на Ягайла, сам будучи лишь облечен полномочиями его великокняжеской власти. О непосредственной власти Ягайла на Подолии свидетельствуют и даль-

[1] «на полном княжеском праве»; грамота 1395 г. в «Codex Vitoldi», № 115; ср. *М. К. Любавский*, Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута, М. 1892, стр. 57.

нейшие события. Спитко погиб в битве на Ворскле в 1399 г., и Подолию Ягайло отдает Свидригайлу, притом с обязательством давать замки подольские в держание только полякам. А после нового разрыва с братом, одолев сопротивление жителей, Ягайло лично занимает Подолию и назначает туда своих королевских старост. Только после 1411 г. Ягайло уступает Подолию в пожизненное владение Витовту.

Опять-таки не легко подвести и эти факты под наши политические и государственно-правовые понятия. Официальная фразеология того времени не различает в Ягайле двух элементов его политической роли: носителя польской королевской власти и великого князя литовского. Не различает их и тогдашняя практика, поэтому более чем мудрено отчетливо различить моменты подчинения того или иного князя той или иной области Литве или Польше, тем более что Ягайло стоит на точке зрения Кревской унии, т. е. на точке зрения единой государственной власти польско-литовской. Но можно указать притом черты, свидетельствующие о зависимости южной Руси, точнее Волыни и Подолии, именно от польской государственности. Разумею, например, подтверждение Ядвигой в 1390 г. Острожского княжества за князем Федором острожским с обязательством служить «нам, нашим преемникам и короне Польской». Разумею передачу Подолии Спитку Мельштинскому, затем назначение туда именно коронных старост.

Указанные черты свидетельствуют о стремлении Ягайла провести в жизнь реальную унию, как мы бы сказали, слить государственность литовскую с польской в одно органическое целое, подчиняя части литовско-русских земель непосредственно Ягайле, носителю этой власти, слиянной и нераздельной.

Такова формальная тенденция Ягайловой политики, тенденция по существу польская. Но под ней не было, как сказано, прочного социального фундамента. Соглашение, на котором была построена Кревская уния, было делом князей, делом династическим, притом только литовских князей, членов державного, правящего княжого рода. Они давали обязательство верности Ягайле, Ядвиге и короне Польской за себя с землями своими и подвластным им населением. Этого было достаточно при господстве удельно-вотчинных воззрений на княжое владение. Этого было достаточно на Руси. Но надо отметить одну особенность. Ягайло титулует себя «rex Poloniae, supremus dux Litwaniae, heres Russiae». Вотчичем он себя называет по отношению к Руси, как и Ядвига в Галичине. Этот титул скорее всего надо понимать как относящийся к южнорусским областям. Для собственно Литвы, для великого княжества Литовского он — великий князь. И именно отсюда, из великого княжества Литовского в собственном смысле слова, вышла реакция против реального подчинения польской государственности, на которую и оперся Витовт в своем стремлении к независимости.

Первое, и по существу особенно важное исторически, проявление этой реакции не совсем ясно отразилось в источниках. Именно

только в современной немецкой хронике находим рассказ о поводе для взрыва. Хроника Посильгэ (Johann von Posilge, ум. в 1405 г., орденский официал) рассказывает, что Ядвига написала Витовту письмо с просьбой милому брату, который должен помнить, как светлый князь, ее господин, король польский назначил ей в вено земли на Руси и Литве и дал их ей, когда она приняла его себе в супруги, и просила она Витовта, чтобы он поступал по-братски с ней и по верности, чтобы он ей доставил определенный чинш с названных земель, который ей давался (бы) ежегодно [1]. Грамота Ядвиге на вено сохранилась от 1386 г.; в ней читаем о даче ей Ягайлом «occasione dotalicii. dicti vulgariter wyano, terras Cujaviae et Russiae cum earundem omnibus castris, fortaliciis, civitatibus, municipibus, districtibus, villis...»[2] Так как тут Russia стоит рядом с польской волостью Куявией, то, естественно, разумеют под ней Галицию. Но, повидимому, была сделана попытка более широкого толкования. Как бы то ни было, письмо Ядвиги вызвало целую бурю. Витовт снова сближается с немцами, заключая с ними тайное соглашение в 1398 г. На съезде на острове Салине притом «провозгласили русские и литвины Витовта королем на Литве и на Руси». Это известие хрониста совпадает с известием о дошедших до прусского магистра сведениях, что замышляется коронация Витовта в литовские и русские короли. Собрание в Салине, по тому же рассказу, заявило, что «они всегда были свободны, как и их предки, и никогда не платили никакой дани Польше, они и не будут ее платить, а останутся при прежней своей свободе, по старине»[3].

Это — речь литовской знати. Договор с немцами скреплен следующими лицами: князьями Владимиром Ольгердовичем, в это время уже выведенным из Киева и владевшим лишь Копылем, братом Витовта, Сигизмундом Кейстутовичем, Юрием Васильевичем пинским, внуком Наримунта Гедиминовича, Михаилом Явнутовичем заславским, Александром Патрикеевичем (внук Наримунта) стародубским, Иваном Ольгимунтовичем гольшанским, литвином не Гедиминова рода, Иваном друцким, из русских князей земли Витебской, Ямунтом клецким, литвином не Гедиминова рода. И рядом с ними стоят бояре (bojaren) — наместники разных городов великого княжества, маршалок двора Витовтова и его маршал конюший среди них. Все имена их литовские: Минигайло, Монивид, Чупурно, Гаштольд, всего 20 подписей. Витовт в Салинском договоре 1398 г. выступает окруженный небольшой группой подручных князей и правительственной знатью великого княжества Литовского. Имена князей и их владения также не выводят нас за пределы великого княжества, кроме стародубского князя да друц-

---

[1] «Scriptores rerum Prussicarum», т. III, стр. 219; ср. *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т. IV, стр. 470.

[2] Там же: «по случаю брачного дара, называемого на народном языке веном, земли Куявии и Руси с их же всеми замками, укреплениями, городами, муниципиями, уездами, деревнями...»

[3] *Барбашев*, Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы, Спб. 1885, стр. 74—75 и 87.

кого, что само по себе не дает еще повода говорить об участии в акте Витовта земель-аннексов [1].

Конец XIV в. накануне катастрофы 1399 г., года, принесшего общее изменение политического положения, — кульминационный пункт политики Витовта. Выяснив себе его отношения к Ягайле за это время, остановимся на его русских, восточных отношениях. В 90-х годах XIV в. Витовт развивает широкую восточную, русскую политику, черты которой весьма характерны. Ряд ее особенностей позволяет назвать Витовта продолжателем той Ольгердовой политики, цели которой однажды выразились в заявлении, что вся Русь должна принадлежать великим князьям литовским.

Широта русских планов Витовта воплотилась прежде всего в том положении, какое он сумел занять на русском востоке в 90-х годах XIV в., а также в его татарской политике.

Время было тяжелое для Москвы. За Куликовской битвой последовал погром Тохтамыша. Донскому пришлось смириться, принять «лютого посла», собрать «дань великую по всему государству Московскому», выдать хану в заложники сына Василия. Только в 1386 г. удалось княжичу бежать из Орды через Молдавию и литовские земли. Тут он виделся с Витовтом. К этому времени предание, сохраненное Никоновской летописью, относит его обещание жениться на Софье Витовтовне, — причем тут дело так представлено, что этим Витовт обусловил свое согласие отпустить московского княжича к отцу [2]. Но исполнение этого уговора, как только Василий Дмитриевич стал великим князем московским, и то политическое значение, какое приобрел этот брак в течение первого десятилетия его княжения, показывают, что дело шло о союзе. Острие этого союза могло быть направлено только против татар. Беглец из Орды, Василий Дмитриевич, видя татарскую силу отброшенной с южной Руси Литвою, легко мог притти к мысли искать тут опоры против врага, которого не сломило куликовское поражение. К 1390 г., когда Витовт новым союзом с немцами вынудил у Ягайла признание себя правителем Литвы, в столицу орденских владений прибыло московское посольство о сватовстве. Брак был заключен и связал на ряд лет зятя политикой тестя. Если были у Василия Дмитриевича расчеты на помощь против татар, то они не оправдались. Пока силен был Тохтамыш, его сила давила московскую политику, когда пал Тохтамыш по разгроме Золотой орды Тамерланом в 1395 г., положение уже сильно изменилось и явно выступили опасные для Москвы замыслы Витовта.

В эти-то годы слагается, с другой стороны, своеобразное политическое положение на русском севере: Витовт, князь литовский, правитель Литвы под рукою великого князя литовского, Ягайла, каким он был в это время, развивает энергичную деятельность по расширению своего влияния и прямого владычества в северной Руси, не только не встречая противодействия Москвы, но поддерживая

---

[1] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, М. 1900, стр. 25—26.
[2] ПСРЛ, т. XI, стр. 90.

на съездах с московским и тверским князьями, Василием Дмитриевичем и Михаилом Александровичем, свое влияние на них как сильнейшего. Ближайшая цель Витовта — подчинение Смоленска и Новгорода. В 1395 г. Витовт, воспользовавшись смутами смоленских Святославичей, явился под Смоленском с войском, «творяся на Темир-Аксака», и, призвав к себе споривших князей как бы на третейский суд, поимал их и послал в землю Литовскую, а в Смоленске посадил своих наместников[1]. Уцелевший смоленский Святославич Юрий, который во время этих событий был в Рязани, поднял на Литву Олега рязанского. Но Москва поддержала Витовта. В том же 1395 г. Василий Дмитриевич с митрополитом Киприяном приехали к нему в Смоленск, и посол московский «отведе» Олега от осажденного им Любутска. Витовт перешел в наступление, пошел к Рязани, попленил землю и «люди изсек», а затем видим опять его свидание с московским зятем на Коломне, где князь великий воздает ему «честь многу» [2].

Этим смоленское дело не кончилось. В Смоленске после поражения Витовта татарами на Ворскле поднялась смута: «инии Витовта хотяху, а инии вотчича, князя Юрия Святославича», и Юрий с помощью Олега рязанского занял Смоленск и удержался в нем, заключив с Витовтом перемирие. Когда же в 1404 г. Витовт опять начал с ним войну, Юрий пошел в Москву искать помощи, но великий князь «не прия его, не хотя изменити Витовту». Смоленск без него сдался. Витовт водворил там наместников, а «по князя Юрия посла на взыскание», и тот, боясь выдачи, бежал из Москвы в Новгород [3].

Сходно взаимное отношение за эти годы Литвы и Москвы в делах новгородских. Еще в 1389 г. удалось Ягайлу установить известное влияние в Новгороде. Новгородцы «прияша в честь» присланного к ним Семена Ольгердовича. Как это понималось в Вильно и Кракове, видно из следующей грамоты этого князя: «Володислав... король польский... поставил нас опекальником мужем и людем Великого Новгорода, и мы тому королю и Ядвизе, королици королевства Польского и с тыми людми Великого Новагорода, какоже долго держим у нашем опеканью, слюбили есмы и еще сим листом слюбуем, иж хочем при них, при коруне королевства Польского пристати» [4]. Написанная по шаблону иных княжих обетных грамот, эта грамота обличает своеобразие сложившихся отношений словами «какоже долго держим у нашем опеканью» и не дает основания говорить о каком-либо присоединении Новгорода к великому княжеству Литовскому или короне Польской: договор обусловленный и временный. Этим, вероятно, объясняется та странность, что латинский ее противень совсем не называет Новгорода и поминает лишь о верности Семена Ольгердовича со всеми его землями, владениями и людьми.

---

[1] ПСРЛ, т. IV (изд. 1-е), стр. 101; т. VIII, стр. 68.
[2] Там же, т. VIII, стр. 69—70.
[3] Там же, стр. 75—76.
[4] «Акты западной России», т. I, № 10 (25/IV 1389 г.).

В 1392 г. Семен уехал в Литву, и в Новгороде не слыхать о литовской власти. Это время вполне самостоятельной политики новгородцев, стремящихся удержать равновесие своего положения между Литвою и Москвою. А грозные силы надвигались с обеих сторон. Москва поддерживала свое столичное значение для Новгорода, решительно отстаивая права митрополита на церковный суд, от которого новгородцы пытались отделаться, и пробовала провести в жизнь реальное значение великокняжеской власти своего государя, требуя «черного бора» с волостей новгородских; двинские же владения Новгорода Василий Дмитриевич пытается отнять, и только кровавой борьбой отбились от него новгородцы в 1397 г., продолжая борьбу и позднее. С другой стороны, Витовт настойчиво лелеял мысль подчинения Новгорода своей великокняжеской власти и между прочим пробует парализовать тактику новгородцев искать в Москве опоры против Литвы и обратно, совместным выступлением с зятем в делах новгородских. С упомянутого Коломенского своего съезда в 1395 г. оба великих князя «прислаша свои послы с одиного к Новугороду и повелеша им разверечи мир с немцы». Это покушение на самостоятельность своей политики новгородцы отвергли характерным ответом: «нам, господине князь великий Василий Дмитриевич, с тобою свой мир, а с великим князем Витовтом ин, а с немци иный» [1]. Результатом был разрыв мира с обоими великими князьями. С Василием Дмитриевичем началась упомянутая борьба за Двинскую землю, а Витовт вносит в Салинский свой договор с немцами 1398 г. такое условие: он, Витовт, должен отказаться от всяких притязаний на Псковскую землю и помогать по возможности Ордену в подчинении ее, за то Орден поможет ему в покорении Великого Новгорода, а затем посылает новгородцам «взъметную грамоту»: «обещались вы мне, чтобы вам за меня няться, а мне бы вам князем великим быти, а мне бы вас боронити, а вы за меня не нялися»[2]. Общий склад этих событий и отношений навел бы на предположение о тайном соглашении между двумя великими князьями по вопросу о разделе новгородских владений. Но в источниках наших нет подтверждения такому предположению.

Политический кругозор Витовта объемлет все русские земли и отношения. Отношения, установившиеся у него с Москвою и немцами, прочная опора в литовском центре, казалось, развязывают ему руки. В то же время на юге, на Волыни и в Киеве, сидят его наместники, как и на части Подолии. Сознание силы звучит в резком протесте против покушений польской политики, которой выразительницей была больше Ядвига, чем Ягайло. Этот протест мог бы осложнить его польские отношения. Но знаменитый 1399 год принес два события, которые резко изменили все положение: битву у реки Ворсклы и смерть королевы Ядвиги.

Объявление розмирья новгородцам не имело следствием начала военных действий. Внимание Витовта отвлечено в другую сторону,

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 70; т. VI, стр. 129.
[2] Там же, т. III, стр. 100.

к делам более крупным, к плану, в который, будь он осуществлен, и новгородский вопрос вошел бы как производная частность. Эти планы связаны с низложением в Орде Тохтамыша, потерявшего власть в неудачной попытке сбросить верховную власть Тамерлана. Хан бежал в Рязань, оттуда к Витовту и поселился, повидимому, в Киеве и под Киевом со своим двором. Надо заметить, что Витовт вообще продолжает тактику древнерусских земель — увеличивать свои силы в борьбе с восточными врагами, привлекая на службу отряды из их же среды. Выходцев из Орды он селил в разных местах — на юге около Черкас и Канева и по реке Роси, где некогда жили черные клобуки, на Волыни около Острога. Уходили жертвы внутренних смут в Орде, и кипчаки не раз требовали их выдачи и мстили набегами на южную Русь, особенно если выходцы были лица более значительные. Такое орудие внутренних смут в Орде, как Тохтамыш, в руках Витовта не могло не беспокоить нового хана. Набеги ордынцев побудили Витовта сосредоточить внимание на юге. Летом 1398 г. он совершил поход в степи и вывел несколько тысяч татар, расселив их частью на юге, частью на Литве, в Виленском округе. В интересной работе Ляскоронского «Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход князя Витовта на татар в 1399 г.» (1907 г.) устанавливается тождество путей, какими совершал свои походы Витовт, с теми, какие известны по половецким походам князей киевских. И действительно, можно сказать с Ляскоронским: «Витовтовы походы — это органическое наследие предыдущей жизни русской земли». Оживилась политическая жизнь на юге, ожила и борьба со степью.

Наши летописи связывают с столкновением между Витовтом и Ордою из-за Тохтамыша следующее соглашение великого князя литовского с низложенным ханом: «аз тя посажу в Орде на царстве, а ты мене посади на Москве, на великом княжении, на всей Русской земли» [1]. И отношение обеих сторон к начавшейся борьбе говорит в пользу того, что целью Витовта было возвращение Тохтамышу власти над Золотой ордою, с тем чтобы обеспечить себе его помощь в русской политике.

Витовт, избрав Киев операционным центром, сосредоточивает тут значительные силы для нанесения врагу решительного удара. Во главе татар стоял возродивший силы Орды мурза Едигей, приведший все силы свои. Встреча за рекой Ворсклой кончилась полным поражением Витовта, обойденного татарскою силой. Погибло 20 князей и много войска, погиб Спитко Мельштинский, владелец Подолии, 10 знатнейших рыцарей прусского вспомогательного отряда; Витовт ушел с небольшой дружиной; Киев уплатил откуп, но земля была сильно разорена до самого Луцка.

Это поражение сильно подорвало силы и положение Витовта. И это совпало с моментом перемены в положении Ягайла: 12 августа *разыгралась драма на Ворскле*, а *еще 22 июня скончалась* королева Ядвига. Ее кончина привела к пересмотру всего полити-

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 72; т. V, стр. 251.

ческого положения. Польские известия, правда, не совсем ясные и записанные для нас только у Длугоша, указывают на то, что новое соглашение Ягайлы с польскими панами состоялось после его отъезда из Кракова на Русь и заявления, что он возвращается в Литву. И к тому же моменту, к 1399 г., относится признание за Витовтом великокняжеской власти на Литве: ему «eodem anno per Vladislaum Poloniae regem magnus ducatus Litwaniae donatus et ad vitae tempora precario concessus» [1], по словам того же Длугоша. Этот акт обычно освещается в исторической литературе как последствие катастрофы на Ворскле, как политическое поражение Витовта. Это не совсем так: дело получает иной смысл, если принять поправку, что до того Витовт не был великим князем литовским. Но о той независимости, какую провозглашали на острове Салине, не было уже и речи. Это соглашение было укреплено в 1401 г. на съезде в Вильне. Его участники — князья и боярство литовское, тот же социально-политический слой, какой мы видели в Салине, только в значительно большем числе и с добавлением, что не только поименованные в акте, но и те, «quorum quamvis nomina singulatim hic non sunt expressa, tamen consensus ad subscripta adest»[2]. Со своей стороны, и польские паны и шляхта выдали такую же подтвердительную запись на радомском сейме того же года. Это событие Любавский считает моментом нарождения нового учреждения — литовско-русского сейма, справедливо подчеркивая, что это сейм великого княжества Литовского в собственном смысле термина [3]. Следует, однако, отметить, что едва ли современникам дело так представлялось, едва ли тут что «учреждалось» как нечто совершенно новое, особенно в смысле «компетенции», «права участвовать в решении вопросов, вытекающих из унии и, в частности, выбора государя». То, что можно назвать чертой такого политического права, следует рассматривать как наследие понятий очень давних — права населения признавать князя и ряд заключать с князем, что и сказалось, думаю, в том, что бояре, участники Виленского съезда, называют себя «tota universitas» [4]. Игнорируя местные политические силы общества, авторы старой Кревской унии оставили ее без должной гарантии. Виленская уния 1401 г. исправляет эту ошибку под влиянием салинского урока.

Витовт дал обязательство, принимая новое положение свое как соучастника власти Ягайла в Литве: «nos in partem suae solicitudinis assumpsit, supremumque principatum terrarum suarum Litwaniae et ceterorum dominiorum suorum ducatus de manu sua nobis dedit et contulit ad tempora vitae nostrae» [5].

---

[1] *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т. IV, стр. 143: «в том же году Владиславом, королем польским, дано великое княжество Литовское и уступлено пожизненно как прекарий».

[2] «имена которых хотя здесь подлинно и не приведены, однако согласие которых на подписание дано» («Monumenta medii aevi» t. VI, № 234; ср. *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, М. 1900, стр. 27—29).

[3] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 29—31.

[4] «вся земля».

[5] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 18, прим. 80: «при-

Тут многозначительно отличие «supremi principati Litwaniae» от «ducato ceterorum dominiorum» [1]. Далее, по его, Витовта, смерти все им полученное (т. е. великое княжество Литовское, княжение в иных княжествах и все вотчины — «bona et terrae patrimoniales»[2]) «ad ipsum dominum nostrum Vladislaum regem et ad coronam regni ejus Poloniae debent plene et integre devolvi et redire» [3].

А члены съезда — «прелаты, бароны, шляхтичи и земяне земель литовских и русских» — обещают всегда во всем верно помогать королю и короне Польской и никогда не отступать от них и ручаются, что все, полученное Витовтом по его смерти, вернется королю и короне Польской, а они и тогда останутся послушными королю и короне и не будут искать помимо иных господарей. Но и паны польские не должны по смерти Ягайла, если он сына не оставит, выбирать короля без ведома Витовта.

Это касается великого княжества Литовского. С актом Виленской унии стоят в связи дошедшие до нас 5 княжеских грамот 1400—1401 гг., подтверждающие их верность королю и короне Польской. Если верно предположение Грушевского, что вероятно, как после Кревской унии, такие грамоты дали Ягайле все значительнейшие князья, то я не решился бы повторить за Любавским его оценку виленского литовско-русского сейма как свидетельства о «политическом перевесе и установлении политического преобладания земель, составлявших государственное ядро великого княжества Литовского, над всеми остальными» [4].

Любавский полагает, что сейм 1401 г. решал за все русские земли... Документы говорят как будто иное: сейм решал за то, что было под властью, в нем сосредоточенной. Остальные земли были связаны с Ягайлом помимо этой власти через Витовта, который владел княжениями и вне собственно великого княжества и через иных князей, подчиненных великокняжеской власти.

Виленскую унию расценивают, обыкновенно, как поражение Витовта и Литвы в пользу Польши. Сравнительно с демонстрацией в Салине — да. Но была ли она готовой программой — вопрос, на который нет оснований ответить утвердительно. А с другой стороны, сравнительно с планами полной инкорпорации Литвы, намеченной Кревской унией, Виленская восстановляла в полной мере политическую самобытность великого княжества Литовского под делегированной пожизненно Витовту великокняжеской властью. А возвращение Ягайлу и короне Польской всего ему уступленного, по смерти его, можно было толковать в духе Кревской

влек нас к участию в своих заботах и дал нам высшую власть над своими литовскими землями и княжение в прочих владениях своих из рук своих и предоставил нам это пожизненно».

[1] «великого княжения в Литве» от «княжения в прочих владениях».

[2] «имения и земли вотчинные».

[3] «должны полностью и целиком вернуться к самому господину нашему Владиславу королю и к короне его королевства Польского».

[4] *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т. IV, стр. 134 и 467 и сл.; *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 30.

унии, но можно было толковать и иначе: как право короля распорядиться тою властью, которая дана Витовту, и только.

Верховные права Ягайла над Литвой сохраняются и помимо того, что перед нами уния Литвы с Польшей; он не только «rex Poloniae»[1], но и «supremus dux Litwaniae»[2], под суверенитетом которого стоит «magnus dux» [3] — Витовт. И это соотношение толковалось потом разно. Ягайло не усматривал существенной разницы в положении Витовта до и после 1401 г., утверждая в позднейших столкновениях, что Витовт лишь его «gubernator» [4], а не самостоятельный владелец. Витовт же противопоставлял этому заявление, что он — «избранный господарь и великий князь сих земель отдавна», выводя свою власть не из делегации от Ягайла, а из признания ее сплотившимися вокруг него общественно-политическими силами великого княжества Литовского. Оно ведь не знало начал удельного владения, начал патримониальной власти.

Неопределенность, с точки зрения государственно-правовой, взаимоотношений Витовта и Ягайла, Литвы и Польши вызывала ряд возобновлений и дополнений уже данных Витовтом грамот. Ввиду самостоятельности его внешней политики его обязуют в 1404г. никакого союзника не ставить выше польского короля и не помогать ему против Польши. По окончательном покорении Смоленска Витовт в том же году выдает грамоту, распространяющую его обязательства на те земли, что он сам себе завоюет. Все, как видно, держится на личных соглашениях по ряду частных вопросов и отношений. Естественно, вся сложная и пестрая сумма этих отношений оказывалась неопределенной и спорной при возникновении новых сколько-нибудь острых вопросов.

Так определилось положение Витовта в начале XV в. Первое его десятилетие наполнено попытками вернуть и укрепить положение на востоке, пошатнувшееся под впечатлением неудачи 1399 г. О потере Смоленска и его новом, на этот раз окончательном, покорении уже упоминалось. С немцами ценой уступок из пограничных жмудских волостей держится Салинский договор. Наиболее острый вопрос составляет теперь для Витовта изменение московских отношений. Разрыв определяется к 1406 г. Василий Дмитриевич вступился за Псков, подвергшийся нападению Витовта. Но встреча московского и литовского войск не привела к битве: на реке Упе заключено перемирие на год. Нерешительные военные действия 1407 и 1408 гг. приводят к тому же: встреча на Угре и заключение мира без боя. Видимо, Витовта, как раньше Ольгерда, парализует в решительной борьбе с Москвой ненадежность собственных сил. Перешел же в Москву в том же 1408 г., во время розмирья, Свидригайло Ольгердович, давний соперник Витовта, родной брат Ягайла, имевший своих сторонников в Литве. Известно, как демонстративно принял его московский великий князь, дав ему небы-

---

[1] «король Польский».
[2] «верховный князь Литвы».
[3] «великий князь».
[4] «правитель».

валое кормление: Владимир на Клязьме, Переяславль, Юрьев, Волок, Ржев и половину Коломны. Но разочарование в надежде поднять Москву на решительную борьбу против Витовта приводит Свидригайла назад в Литву уже в следующем (1409) году. Тут он ищет союза с Орденом, который готов поддержать его против Витовта, как некогда поддерживал самого Витовта против Ягайла. Сношения вскрылись, и Витовт заключил Свидригайла в оковы с согласия Ягайла. На 9 лет потерял свободу беспокойный искатель своей отчины.

Политическая и национальная почва, на которой стоял Витовт, была весьма зыбкой. Боевая, наступательная политика требовала, чтобы дать прочные результаты, иной основы. И планы, и успехи его тускнеют. С миром московским связано примирение с Псковом и Новгородом. В Новгород он снова посылает Семена-Лугвеня Ольгердовича, и новгородцы приняли его, но не на новгородское княжение. Правда, его положение тут не совсем ясно. В 1407 г. приехал он в Новгород, и дали ему новгородцы пригороды, которые прежде были за ним. В 1411 г. он воюет шведов с новгородцами, а в 1412 г. он съехал в Литву и наместников своих свел с пригородов новгородских. И в те же годы — в 1408 г. — «приеха в Новгород князь Константин Дмитриевич от брата своего от великого князя Василья на наместничество» [1]. В списках князей новгородских Лугвеня не помещают летописцы и самого Лугвеня заставляют так определять свое положение: «держали мя есте, — говорит он новгородцам, слагая с себя крестное целование, — хлебокормлением у себя» [2]. Разрыв произошел из-за несогласия новгородцев подчинить свою политику польско-литовской. Ягайло, Витовт и Лугвень, «вскинуша грамоты взметные к Новугороду», коря новгородцев, что те не исполнили уговора вместе стоять против немцев, а как началась у Литвы война с немцами, ответили: «не может Новгород того учинити, как-де есмя с Литовскым мирни, так есмя и с немцы мирни», а еще называли новгородцы литвинов погаными, «бесчествовали» их, «лаяли и соромотили», да и врага Витовту, Федора Юрьевича смоленского, к себе приняли... [3] Этот разрыв, как и потеря влияния на Москву, показывает, что положение Витовта на русском севере далеко не сравнялось с тем, какое занимал он в 90-х годах XIV в.

Мало того, его политику с начала XV в. сильно связывали отношения с Орденом. По Салинскому договору, он уступил рыцарям Жмудь, в 1400 г. ходил даже усмирять жмудинов, восставших на немцев, и заслужил благодарность магистра. Но положение на Жмуди было невыносимо. Немцы трактовали местное боярство наравне с хлопством, не признавали его прав. Притеснения гнали жмудинов к выселению, и Витовт охотно принимал выходцев, ссылаясь в ответ на жалобы и требования Ордена, что вольным

---

[1] ПСРЛ, т III, стр. 103.
[2] Там же, стр. 105.
[3] Там же.

людям выход на обе стороны обеспечен договорами. В 1401 г. жмудь восстала и снова признала власть Витовта. Он не мог не принять нового положения, поддержанный настроениями всей литовской среды. Произошел разрыв с Орденом. Война шла без участия Ягайла, поддерживавшего мирные отношения с Мальборгом, хотя в войске Витовта имелись польские вспомогательные отряды. Он лишь дипломатически поддержал Витовта, выхлопотав папскую буллу 9 сентября 1403 г. с запретом Ордену воевать Литву христианскую. 1404 год принес мир в Рацяже. Мир заключил Ягайло, выговорив себе Добржинскую землю; право выкупить у Ордена эту польскую волость, зато подтвердил Салинский договор, т. е. новую уступку Жмуди. В 1409 г. последовало новое восстание жмуди.

Важное значение получает противопоставление польской католической миссии завоеваниям Ордена. Перед лицом Западной Европы поляки настаивают на том, что католическая миссия на востоке — дело Польши, а не Ордена, который тяжкими притеснениями только отталкивает литвинов от Запада. Королева Ядвига была живо заинтересована этой идеей. На ее пожертвования основывается при Пражском университете литовская коллегия (утв. Вацлавом 20 июля 1397 г.); ее почину и влиянию приписывают преобразование Краковского университета, которому она завещала свои личные богатства. Новый устав этого университета был издан Ягайлом в 1400 г., и в этой уставной грамоте определенно указана задача университета служить делу скорейшего обращения в католицизм литвинов, земляков и подданных короля. С этой целью создан был богословский факультет с помощью преподавательских сил, вызванных из Праги. Католическая ревность польского правительства в значительной мере питалась мотивами политики. Она была сильным дипломатическим орудием в его руках против Ордена, не исполнявшего своей миссии, компрометировавшего ее насилиями и притеснениями новообращенных. На Жмуди население тщетно требовало признания за собою прав шляхты для боярства, вольных хлопов для крестьянского свободного населения. Зависимость от Ордена несла ему порабощение, и ненависть к западному врагу питала ненависть к христианству. Ненавистью питалось язычество на Жмуди и даже среди сельского населения Пруссии. Завладев Жмудью в силу Салинского и Рацяжского договоров, рыцари укрепили свое господство построением замков и пытались вовсе разорвать связи ее с Литвой, запрещая торговые сношения их между собой, приезд купцов с Литвы, закупку хлеба, меда, рогатого скота, коней на Жмуди подданными Витовта. Фантастический план вовсе запереть восточную границу проводился сурово, усиливая раздражение литвинов. И раздражение это, питая тягу Жмуди к Литве, создавало невозможность для Витовта и Ордена жить в мире. Народность литовская постоянно ломала и окончательно сломала их компромисс, заключенный за счет Жмуди. Жмудины даже подали формальный протест императорскому послу, прибывшему в 1412 г. для посредничества между Орденом и Витовтом, заявляя, что ни

Ягайло, ни Витовт не имели права уступать кому-либо Жмудскую землю, так как жмудины признали их власть над собой как люди вольные. Литва, как уже было отмечено, не признавала удельно-вотчинного княжого права.

При подобном настроении энергичного населения и Рацяжский договор не мог создать ничего прочного. Обе стороны хорошо понимали, что борьба неизбежна, борьба решительная. А пылкий магистр Ордена, Ульрих фон Югинген, желал ее, надеясь мечом разрубить гордиев узел сложившихся отношений. Центром этого узла была с точки зрения орденской политики польско-литовская уния. Орден не раз поддерживал раздоры на Литве и между Вильной и Краковом. Он трактовал Витовта как самостоятельного владетеля Литвы, отделяя свои отношения к нему от польских. Политика Ягайла шла иногда навстречу этой тенденции: война Литвы с Орденом не всегда рассматривалась, как война Ягайла, Польши.

В великой войне 1410 г. Ягайло — во главе своих земель русских и литовских, как и Польши. Он требует мира на Жмуди и решения спорных вопросов третейским судом, грозя войной. Магистр ответил объявлением войны и захватом спорной Добржинской земли.

Война начиналась в условиях, казавшихся благоприятными для Ордена. Орден окружил Польшу врагами, заключив ряд договоров. Венгерский король Сигизмунд заключает с ним соглашение о разделе земель Ягайла; сам он завоюет Польшу, Орден получит Литву, Жмудь, Добржин (Будзинское соглашение). Цель Сигизмунда — Русь, Подолия, Молдавия. Попытка решить споры третейским судом привела к пристрастному приговору Вацлава чешского в пользу Ордена. Характерно в нем исключение из намеченных условий мира земель Витовта: прямое отрицание унии. Ягайло не принял приговора, а Витовт — предложенной ему короны литовской, и Сигизмунд, викарий империи Римской, вскоре избранный в императоры, объявил Польше войну.

Началась война. Силы Ягайла исчисляют в 15 600 конных, Витовта — в 8 300, всего — 23 900. У Югингена было всего 16 320, но лучше вооруженных рыцарей. Решительный бой произошел на полях между деревнями Танненбергом и Грюнвальденом в июле 1410 г. Рыцарям удалось сломить литвинов, но в бою с поляками погиб Югинген, погиб цвет рыцарства, почти все командоры и сотни «братьев». Это поражение, повидимому, вело к полной гибели Ордена. Оно вскрыло слабость устоев его власти. При вести о нем города изгоняют рыцарей, сельское население добивает раненых крестоносцев. Без сопротивления сдаются замки, города Ягайле, местная шляхта и городские власти приносят ему присягу. Признают его власть и четыре епископа орденских владений. К концу июля вся земля Прусская в его руках. Одна столица Ордена, Мальборг, выдерживает осаду. Тут заперся уцелевший командор Генрих фон Плауен с 5 000 гарнизона, и двухмесячная осада привела к неожиданному результату: войско Ягайлы стало таять.

Заразные болезни, недостаток провианта его расстроили. Уходят отдельные отряды. Витовта король посылает навстречу ливонским войскам, которые магистр Ливонского ордена послал на помощь Мальборгу. Встреча произошла под Голландом. Вместо боя состоялось перемирие на две недели с исключением Мальборга и приморской Пруссии. Было дано разрешение вождю ливонских войск видеться с Плауеном. Оно вдохнуло энергию в защитников Мальборга. Витовт и мазовец[кие] кн[язья] уходят со своими силами в Гродно, ссылаясь на болезни в среде воинов. На другой день отступает и Ягайло.

Толкование этого факта как политики Витовта [1]. Но нет следов розни его с Ягайлом. Известие о нападении Сигизмунда. Денежные и военные затруднения Ягайла (Длугош). Осенью набег на поморье. Но Орден воскрес. Реформы Плауена. Весь Запад за Орден.

Торнский мир. Жмудь возвращена, но лишь пожизненно, Ягайле и Витовту. Возвращена и Добржинская земля. Но другие спорные земли уступлены Ордену. 100 000 коп грошей. Негодование в Короне. Рана Ордену все-таки нанесена смертельная. Весь тон торнских переговоров, где Ягайло говорит о союзе с Орденом, а за римским королем не признает его титула.

1411 г. — миссионерский объезд Ягайлом и Витовтом литовско-русских земель. Полоцк, Смоленск. Послы из Пскова, князь рязанский, татарские и новгородские отношения — Лугвень. Договор об оборонительно-наступательном союзе с сыном Тохтамыша и великим князем московским.

Сигизмунд утверждает Торнский мир. Сила Польши в союзе с Литвой. Отдельное соглашение Сигизмунда с Ягайлом в Любовле 1412 г. Сигизмунд как король венгерский признает пожизненными (на время жизни обоих) права Ягайла на Русь и Подолию. Раздел верховенства над Молдавией (с перспективой земельного ее раздела).

Требование Ордена, чтобы Ягайло и Витовт выдали грамоту на возвращение Жмуди по их смерти. Плауен восстанавливает военные и финансовые силы Ордена, протестуя против укрепления Витовта на Жмуди. Сигизмундово соглашение в Любовле его раздражает. Попытка восстановить против него князей империи. Низложение Плауена. Михаил Кюхмейстер. С другой стороны, союзы Ягайла с Молдавией и Валахией, переговоры с Валахией о лиге на Сигизмунда и с Габсбургами (Эрнест и княжна Лентовецкая). Витовту — вся Подолия, чтобы устранить его сепаратизм (недовольство поляков) (Федор Кориатович в Венгрии). Против Венгрии — оба, Витовт и Ягайло. Богатые дары литовским панам.

В октябре 1413 г. состоялся второй литовско-русский сейм в Городне (вместе с польским съездом). Даются три грамоты: великих князей Ягайла и Витовта, литовских панов и польских панов. Первый акт — подтверждение унии с резко выраженным стремлением обосновать его на поддержке литовского католического панства. Terrae Litwaniae [2]— все владения, «quas (terras) semper cum pleno dominio ac jure mero et mixto hactenus habuimus et habemus... regno Poloniae iterum de novo incorporamus» [3], говорят великие князья, нагромождая для выражения этой инкорпорации

[1] Например, *А Барбашев*, Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы, Спб. 1885, стр. 130.

[2] Земли литовские.

[3] «(земли), которые всегда до сих пор имели и имеем в полном обладании на абсолютном и смешанном праве... снова инкорпорируем в королевство Польское»; ср. *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 34, и «Zbiór praw litewskich», p. 11, 12.

ряд формул: «incorporamus, invisceramus, appropriamus, conjungimus, adjungimus, confoederamus et perpetue annectimus» [1]. Этот акт соединения совершается «baronum, nobilium, bojarorum voluntate, ratihabitione et consensu»[2], — они скрепили своими подписями документ.

Кто эта среда? Чиновная знать, первостепенные бояре. Их Городельская уния стремится сделать опорой унии, привязать их к короне Польской рядом привилегий и побратимством с польскими панами. Акт унии подтверждает привилегии, обещанные литовскому боярству прежними привилегиями Ягайла 1386 г. Среда эта там была обозначена термином «armigeri sive bojares» [3] и им даровано право пользоваться такими же правами, какими пользуются «nobiles in terris aliis regni nostri Poloniae» [4], «ne videantur in juribus dispares, quos eidem coronae subjectos fecit unum» [5]. Содержание этих привилегий в том, что служилые люди должны стать сословием, которого повинности строго ограничены участием в постройке крепостей и в походах на свои средства — «damnis propriis et expensis». Притом и эти повинности не рассматриваются как специальное дело данного класса: в них должна участвовать вся земля Литовская, «non solum armigeri, verum etiam omnis masculus, cujusque status aut conditionis»[6]. С другой стороны, привилегии боярства устраняют условный характер их землевладения, так как устанавливают полное право распоряжения имениями, а также устраняют черты личной зависимости, например, право свободно выдавать замуж родственниц, не испрашивая разрешения господаря. Этим, по словам великих князей, устраняется «jugum servitutis» [7], тяготевшее на служилых воинах. Но расширение прав должно ими сознаваться как следствие унии с Польшей. Они этим путем должны слиться в одну социальную группу с польскими панами.

Все привилегии обусловлены присоединением к польским гербам и принадлежностью к католической церкви. Грамота польских панов обращена к тем литовским боярам, которых поляки приняли (по выбору Витовта) в свои гербы. Католики только, «non schismatici vel alii infideles»[8], должны приобщиться к привилегиям. В ряду этих привилегий стоит и занятие должностей (dignitates, sedes et officia) воевод и старост (палатинов и каштелянов), которые доступны только для «fidei catholicae cultores»[9]. Этим утвер-

---

[1] «инкорпорируем, внедряем, присваиваем, соединяем, присоединяем, собираем воедино и навсегда аннексируем».

[2] «по воле, с утверждения и согласия баронов, шляхты, бояр».

[3] «воины или бояре».

[4] «шляхта в других землях нашего королевства Польского».

[5] «не казались неравными в правах те, кого он объединил в подданстве той же короны».

[6] «не только воины, но даже всякий мужчина, любого сословия и положения».

[7] «иго рабства».

[8] не схизматики или другие неверные», см. «Codex diplomaticus Poloniae», ed. Rzyszczewski et Muczkowski, t. I, № 162.

[9] «исповедующих католическую веру».

ждается правительственное значение литовской чиновной знати. И вместе с тем в Городельской унии находим отчетливое признание особой литовской государственности, с великим князем литовским во главе. Литовцы обязуются не принимать в случае смерти Витовта никого в великие князья, иначе как по указанию Ягайла и его польско-литовской рады. Поляки по смерти Ягайлы не выберут никого в польские короли без ведома и согласия великого князя литовского, прелатов, баронов и шляхты великого княжества Литовского. Наконец, установлены общие польско-литовские сеймы (conventiones et parlamenta) в Люблине и Парчове или — с согласия и назначения великих князей — в ином месте.

Оценивая Городельскую унию, наши историки обыкновенно видят в ней уступку, неудачу Витовта и удар, нанесенный русскому элементу литовско-русского государства [1]. И то и другое едва ли можно признать доказанным. Городельская уния сознательно вызвана потребностью единения сил перед опасностью новой борьбы. Акт говорит о наездах и коварстве Ордена и других врагов как мотиве обновления и укрепления унии. Польско-литовский союз противопоставляется связи Ордена с императором Сигизмундом. Подготовленная объездом литовско-русских земель обоими великими князьями, выступившими совместно и перед Орденом и перед восточной Русью, Городельская уния предшествовала миссионерскому объезду ими Жмуди для водворения там христианства и решительного выступления польских послов на Констанцском соборе с жалобами на Орден и демонстрацией представителей крещеной Жмуди для иллюстрации плодов польской миссии в противоположность бесплодию орденских насилий для христианизации севера. Антагонизма между Витовтом и Ягайлом в эти годы не видно. Напротив, согласное с польской политикой выступление Витовта перед императором Сигизмундом, передача ему Подольской земли говорят о совместной их политике.

Что касается интересов русских земель, то их Городельская уния действительно игнорирует. Но она — этого не следует забывать — и не стоит на почве их государственно-правового единства с великим княжеством Литовским и не создает такого единства. Однако весьма существенно отразилось изменение литовского строя и положения Витовта после Городельского акта на подвластных ему русских землях. Вопросы общей политики своей он обсуждает и решает «in senatu» — «cum omnibus ducibus et bojaris majoribus» [2], а не только вопросы собственно великого княжества. На воеводства в земли Полоцкую и Витебскую, Киевскую и Подольскую он назначает исключительно литвинов-католиков. Это делало его власть в русских землях чужой, внешней. И несомненно, что введение в жизнь городельских установлений, ослабляя великокняжескую власть и противопоставляя литовскую правящую среду русским общественным силам, делало менее возможным прочное

---

[1] Например, *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 61.
[2] «в раде»—«со всеми князьями и большими боярами».

объединение литовско-русских земель в их совокупности общей государственной связью. Результаты унии 1413 г. заранее, как увидим, обрекали на бессилие попытки позднейшего времени противопоставить Польше литовско-русские земли как особое политическое целое.

При Ягайле и Витовте эти русские земли остаются рядом особых политических единиц, в особом положении относительно великокняжеской власти. Их непричастность к составу литовско-русских сеймов 1401, 1413 гг. вполне естественна: не существовало такой их инкорпорации в великое княжество, которая могла бы вызвать и призыв местных общественных сил в состав сейма. Правда, изучение государственно-правового положения русских земель во времена Витовта встречает почти неодолимое препятствие в отсутствии документальных данных. Но позднейшие земские привилеи XVI в. ссылаются на порядки времен Витовта как на ту старину, которую они утверждают и сохраняют. Привилеи эти — памятники того же типа, как уставные грамоты наместничьего управления в государстве Московском. И они резко подчеркивают основное отличие московского и литовского объединения русских земель под единой великокняжеской властью. В то время как московская власть резко врывалась в местные отношения, дробя единство подчиненных областей управлением своих наместников и волостелей и стягивая социальные верхи к центру, в непосредственную зависимость великого князя, литовская власть, даже заменив местных князей своими наместниками, дальше того не шла, имея постарому дело с цельным местным обществом «князей, бояр, мещан и всей земли» или «князей, бояр и слуг, войта и мещан главного города и всей земли» с сохранением их местного права, их обязательного участия в суде под руководством воеводы, с назначением на должности по местному управлению местных же уроженцев и даже, по крайней мере, иногда с обещанием давать им воеводу по их воле, а который будет воевода нелюб им, то дать иного по их воле. Более чем сомнительно, чтобы эти «старые обычаи» были уже кодифицированы во времена Витовта, как склонен предполагать Ясинский, но в основе позднейших грамот лежат, по их определенному свидетельству, порядки Витовтова времени [1].

Городельская уния — памятник права великого княжества Литовского в тесном смысле этого слова. Ее значение для русских земель — политическое, не юридическое. И особо характерно, что на этот раз мы не имеем подтвердительных грамот унии, которые бы исходили от отдельных властей русских княжений. 90-е годы XIV в. сломили силу сколько-нибудь значительных удельных князей, и Витовт, державший наместников своих на прежних княжениях, является единым представителем княжой власти над русскими землями. Единым государством литовско-русские земли, взятые в целом, не выступают и в данный момент. Городельская

---

[1] *М. Н. Ясинский*, Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства, Киев 1889.

уния Ягайла и Витовта создает возможность выступления перед лицом Западной Европы обширного, хотя и весьма сложного, политического целого, простиравшегося от Балтийского моря до Черного, от Оки до Одера. И в этом внушительном целом в ближайшие годы Витовт выступает как соправитель Ягайла, как главная опора силы польско-литовского мира. И едва ли он вынужденно идет в эти годы рука об руку с Ягайлом.

Католический дух Городельской унии соответствует в данный момент интересам Витовта. Это путь, чтобы парализовать поддержку Ордена Западной Европой, путь приобретения симпатий на Западе. На Констанцском соборе послы польские и литовские добиваются учреждения кафедрального собора и особого епископата для Жмуди, ведут переговоры о борьбе против турок, просят наставлений и помощи в деле присоединения к единой католической церкви православных схизматиков. Польша и Литва выступают перед западноевропейским миром в новом свете. Это форпост западной культуры, оплот западного мира против враждебного мусульманского и схизматического Востока. Особенно характерно, что папа Иоанн XVIII и затем Мартин V назначают Витовта и Ягайла генеральными викариями католической церкви для Новгорода и Пскова.

Великие князья ведут дружно дипломатический поход, чтобы вырвать меч из рук Ордена крестоносцев и ввиду связей между двумя врагами — Орденом и императором Сигизмундом — ищут опоры у папы как силы, способной парализовать и скомпрометировать враждебную политику главы Священной Римской империи и тевтонов. Витовт добивается даже протектората над дерптским епископством. Если мы вспомним глухую, но непрерывную вражду духовенства как в Ливонии, так и в Пруссии против орденских властей, вся эта тактика, полагаю, будет совершенно понятна. Но слабость реального значения папства, в значительной мере со времен Мартина V замкнувшегося в делах итальянских, и значение Сигизмунда как главы католического мира делали эту политику польско-литовского правительства в сущности бесплодной. Между тем поднявшаяся после Констанцского собора гуситская буря оказалась сильным движением, направленным против Сигизмунда. И явилась возможность использовать его для давления на Сигизмунда, который только что выступил в роли третейского судьи между Орденом и великими князьями, присудив спорные земли, в том числе и Жмудь, Ордену, с запретом Витовту строить там укрепления, пока он — пожизненно в силу Торнского мира — ею владел. Когда чехи, восстав против Сигизмунда, предложили корону Ягайле, ни он, ни сейм польский не решились ее принять, но не отвергли, а дали уклончивый ответ, пойдя путем двойственной политической игры, чтобы вырвать у Сигизмунда за отказ от поддержки чехов крупные уступки: возник проект брака Ягайла с дочерью Сигизмунда, который принес бы Польше Силезию как приданое за королевой. Реальную угрозу поддержкой чехов предоставили взять на себя Витовту, который принял чешскую корону

и послал в Чехию наместником Сигизмунда Кейстутовича. Витовт преследовал свою цель — уничтожение Бреславльского договора, отплату за него императору и укрепление за собой Чехии. Не желая, с другой стороны, разрыва с католическим миром, он объясняет свое участие в чешских делах стремлением стать посредником между гуситами и папой для примирения еретиков с церковью без излишнего кровопролития и недостойной христианства ожесточенной борьбы. Любопытны эти внушения северного «варвара» главе римской церкви, как бы подготовлявшие позднейший компромисс с гуситами Базельского собора.

Легко себе представить, какую бурю негодования подняли рыцари Ордена и император. Не мог и папа не осудить попытки Витовта.

В этой сложной игре существенно проявилось различие польских и литовских политических интересов, снова пошатнувшее прочность унии. Польский план купить за примирение с Сигизмундом уступку Силезии был не наруку Витовту, так как вел бы к сближению Ягайла с Сигизмундом, и он спешит использовать свое влияние, чтобы женить его по-своему, на своей племяннице, княжне Софье Ольшанской. С другой стороны, возродившаяся вражда привела к войне с Орденом, которому император, занятый гуситами, помочь во-время не успел, — войне, которая менее чем в два месяца заставила Орден принять условия мира, заключенного у озера Мельно: Орден окончательно отрекся от притязаний на Жмудь, от надежды овладеть всем балтийским побережьем. Корона также получила территориальные уступки. Витовт на этот раз подчинил польскую политику своей и достиг своей цели, оставив в среде краковской дипломатии сознание, что отказом от своих целей она обязана литовскому вассалу. Во главе этой среды стоит прелат Збигнев Олесницкий, носитель теократической идеи, подчинявший польскую политику целям клерикализма, и в то же время глава малопольской панской политики, преследовавший свои цели непосредственного захвата по частям литовско-русских земель. Распад устоев унии не может быть поставлен на счет одних сепаратистских тенденций Витовта. Столь же, с точки зрения униатского идеала, сепаратистскими должны быть признаны и течения польской политики, точнее малопольской политики, Олесницкого. Проще сказать, различие польских и литовских интересов расшатывало унию с роковой силой. Если есть на политическом горизонте первой четверти XV в. деятель, положивший идею унии во главу угла всей политики, то это именно Витовт, стремившийся к созданию большой государственной силы трех соединенных народов, но с преобладанием своего, литовского, центра. Краков в руках Олесницкого стал центром политики, обращенной основными интересами к южным отношениям, венгерским, молдавским, южнорусским; в связи с этим северные дела — задача борьбы против германизма — отступили на второй план, что еще резче поддерживалось стремлением примириться с империей как центром католической политики.

Уния как политическая идея в глазах последовательных ультрамонтанов — оппортунизм. Таким, как Олесницкий, она не симпатична.

Униатские тенденции Витовта связаны с его церковной политикой на Руси. Зависимость православной церкви в западной Руси давно тяготила великих князей литовских. По мере роста власти московских государей устанавливается влияние их на избрание митрополита. Константинопольскому патриарху приходится считаться с рекомендацией ему тех или иных кандидатов из Москвы. Витовт «яко правый истинный великий князь» стремится устранить это влияние Москвы на церковное управление областей, подчиненных его власти. Еще Ольгерд поднимал этот вопрос, то добиваясь поставления особого митрополита для западной Руси (Роман), то требуя, чтобы в митрополиты великого княжества ставили его кандидата или чтобы поставленный кандидат жил в Киеве. Со своей стороны, польское правительство добивалось в XIV в. поставления особого митрополита для своих галицких владений. Все эти стремления носят прежде всего политический характер. Витовт еще в 1406 г., по смерти Киприана, избрал с западнорусскими епископами полоцкого владыку Феодосия (грека), но в Константинополе поставили грека Фотия (1408 г.). Началась вражда Витовта с Фотием, борьба против того, что доходы с киевской митрополии уходят в Москву. В 1414 г. Витовт не допустил визитации Фотием западных епархий и велел его ограбить. В следующем (1415) году литовские епископы отказались признавать власть Фотия· «глаголем же теби, яко не имамы тя епископа, по правилом; се нам к тобе слово конечное» [1]. И в том же году, в ноябре, Витовт, по совету этих епископов, «собра вся князи литовскых и русских земель и иных стран, елико суть ему покорены богом нашея церкве, и бояр и вельмож, архимандриты же и игумены и благовейные инокы и попы в Новгороде Литовском». Собор объявил Фотия недостойным киевской митрополии, так как он презрел киевской митрополией, «яже глава есть всей Руси», так как он не хочет «седети у церкви, данной ему от бога», но «точию приходы церковные собирая и живяше инде, и старая устроения и честь киевской церквы на ино место полагаше». Обвиняя за отказ поставить митрополита на Киев не патриарха, а императора Мануила, так как св. патриарх не может-де поставить свободно, по правилам, а ставит, «кого царь повелит», а этот, «своих деля прибытков», продает дар духа святого, собор восьми епископов поставил на киевскую митрополию Григория Цамблака, ученого болгарина, ссылаясь на поставление Клима Изяславом, на прецеденты болгарской и сербской церкви [2].

Но такой шаг вел к разрыву с константинопольским патриархатом. Витовт действовал очень осторожно, заявляя, что «кто похочет по старине держаться под властью митрополита киевского ино так добро, а кто не хочет, ино воля ему есть», очевидно, откликаясь

---

[1] РИБ, т. VI, стр. 307.
[2] Там же, стр. 310 и сл.

на оппозицию против Цамблака в среде западнорусского духовенства [1]. Но общая тенденция патриархата была решительно враждебна тенденциям Витовта. Патриарх Нил постановил даже с собором своим, что митрополитом всея Руси признан будет только рекомендованный Великой Русью. Уступки делались лишь из страха отступления от восточной церкви, а Витовт ставит вопрос ребром: «мы, — пишет он патриарху, — обладаем Киевом, а потому нужно, чтобы митрополит жил у нас и управлял делами митрополии, как наш». Рядом с этими вопросами — тенденция к унии, идея унии, как вселенского единства. У Витовта политическая точка зрения.

Киприан (сношения с патриархом об унии — 1397 г.).

Письмо Ягайла к Мартину V. Едет Цамблак «tractaturus sinceriter oblaturusque modos et vias propicias, per quos et quas se cum suis reintegrare intendit unitati ecclesiae» [2].

Речь Цамблака о единстве христовой церкви с предложением сойтись и начать спор с добрым истязанием для обновления благочестивого исповедания веры, но не подчинения папе. Православное богослужение в Констанце. Перенос переговоров в Царьград. Крушение Цамблака — 1418/1419 гг. Примирение с Фотием

Борьба с Новгородом и Псковом. Мирные отношения с Москвой, Тверью, Рязанью. Съезд в Вильне 1430 г. Москва, Тверь, Рязань, Новгород, Фотий.

Восточная база Витовта. То же положение, что перед битвой на Ворскле. Но руководящая роль в польской политике ускользает.

Сближение Витовта с Сигизмундом. Съезд в Луцке 1429 г. Снова вопрос о коронации. Ягайло пишет Сигизмунду. Он указывает, что коронация Витовта разорвет союз этих земель, уничтожит унию и что «наш брат» держит многие наследственные земли наши только пожизненно, и их, хотя бы мы того и не хотели, мы должны будем у него отобрать, так как иначе с коронацией они могли бы быть потеряны для нас и для короны Польской». Известие о предварительном согласии Ягайла. Вооружения в Польше и на Литве «quasi illiberum et obnoxium» [3].

Польские послы об уступке Витовту Польской короны. Витовт отказал. Протест Ягайла весной 1430 г. на рейхстаге в Нюрнберге. «Gubernator». Назначена коронация 8/IX 1430 г.

Подобно как на Салинском съезде, мотив «сбросить с себя срам и упрек в несвободе, какому подвергает нас и земли наши король польский», увлекает литовскую знать.

Сопротивление курии. Нерешимость Витовта итти напролом. Мирный характер переговоров с Ягайлом. Смерть — 27 октября 1430 г.

---

[1] *А. Барбашев*, Витовт. Последние 20 лет княжения. 1410—1430 гг., Спб. 1891, стр. 185.

[2] «с намерением искренне договориться и предложить способы и выгодные пути, посредством которых он намерен восстановить в церковном единстве себя со своей паствой».

[3] Витовт жаловался, что Ягайло в переговорах с прусскими рыцарями демонстративно трактовал его, Витовта, «точно хлопа и преступника». Ср. полную цитату у *М. С Грушевского*, История Украини-Руси, т. IV, стр. 154.

ГЛАВА X

СТРОЙ ЛИТОВСКО-РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В XV в.

Литовско-Русское и Польско-Литовское государства. Идея «унии народов». Соединение сил для внешней цели. Устойчивая союзность. Ее международные условия. *Общие интересы внешние* (недостаточность сил для самообороны). Самозащита и наступления, завоевания, приобретения как средство самоусиления Парадокс внешней экспансии как следствия внутренней слабости. Два варианта этого явления: 1) завоевание, захват и ассимиляция чуждых этнографически элементов, 2) «уния», соединение при сохранении внутренней разобщенности.

Стремление к укреплению связи. Культурное и религиозное миссионерство. Руссификация Литвы. Условия сохранения литовской самобытности (сильное развитие национального чувства в борьбе с немцами; двойственность отношения литовских великих князей к Жмуди — уступка Жмуди немцам в двух договорах Ягайла из эпохи его борьбы с Андреем полоцким и с Кейстутом, по Салинскому договору Витовта 1398 г., по Рацяжскому договору 1404 г.; и, с другой стороны, поддержка стремления Жмуди к вольности, восстания Жмуди, прием отъездчиков, возобновляющиеся войны за Жмудь). Вопрос о жмудской вольности Протест жмудинов в 1412 г. перед послом императора Священной Римской империи против «уступок» ввиду того, что жмудины признали власть Ягайла и Витовта как люди вольные: отрицание вотчинности княжого владения как чуждого жмудской традиции. Тут князья — племенные вожди.

В собственно Литве мы видели отрицание вотчинных прав Ягайла на великое княжество Литовское, выраженное на Салинском съезде, по поводу притязаний Ядвиги на «вено». Тут в противовес провозглашают Витовта «королем на Литве и Руси». Он должен стать не ставленником Ягайла, а вождем по признанию местных общественных сил. Отсюда стремление Витовта к короне, к суверенности.

Эти общественно-политические течения объясняют нам, почему в великом княжестве Литовском не развилось удельности. Внутри его — владетельные члены Гедиминова рода не выросли в князей-вотчинников, оставаясь в роли подручников-наместников. Даже основное деление на княжества Трокское и Виленское, оставившее своеобразный след в строе литовской администрации (воеводства Трокское и Виленское), не получило государственно-политического значения. Литовское великое княжество окрепло в единстве общественно-политическом, выразившемся в организации сейма великого княжества Литовского.

Борьба между различными княжескими силами, столь характерная для истории образования Литовско-Русского государства,

имела вообще своим последствием подрыв вотчинной княжеской власти в пределах территории, на которой оно строилось, даже там, где, как в русских областях, были налицо условия для развития такой власти, созданные предыдущим историческим периодом. В русских землях, подчинившихся власти великого князя литовского, совсем исчезает значение традиционной княжеской власти, по крайней мере самостоятельное — политическое (за исключением мелких княжеств восточной Черниговщины, сыгравших особую историческую роль).

Эти судьбы княжой власти в Литовско-Русском государстве требуют внимания, потому что в них мы найдем объяснение существенных особенностей литовско-русского политического строя, характеризуемого постоянным ростом влияния общественных сил, именно общественных верхов, в политической жизни.

В исторической литературе не установилось твердого взгляда на характер власти великого князя литовского. Польские историки рисуют власть великих князей литовских XIV и XV вв. как власть очень сильную, даже деспотическую. Под этой властью стояло общество, тесно скованное служилой и тяглой зависимостью, при сильном ограничении в пользу верховной власти всех гражданских прав населения — имущественных и личных. Уния с Польшей при Ягайле сопровождалась введением в жизнь в литовской Руси «польской свободы», состоявшей прежде всего в расширении гражданских прав, гражданской свободы для землевладельческого класса, а затем в дальнейшем развитии и политического влияния того же привилегированного общественного слоя, его политической свободы. Распространение в литовской Руси польского права, польских черт государственного строя сменило ту систему социально-политических отношений, которую польские историки обычно называют «литовским феодализмом». Этот процесс преобразования старого Литовско-Русского государства в социально-политический организм нового типа, начатый привилеем Ягайла 1387 г., завершается актом Люблинской унии 1569 г.

Вот к этой схеме и надо прежде всего внимательно присмотреться, приступая к истории западной Руси XVI и XVII вв., выясняя те итоги предыдущего развития, на которых строились дальнейшие ее исторические судьбы.

И прежде всего значительных оговорок требует лежащее в основе схемы представление о чрезвычайной силе великокняжеской власти в Литовско-Русском государстве.

Весь период от времен Гедимина до смерти Витовта, стало быть, весь XIV и первые три десятилетия XV в., можно считать периодом созидания литовской государственности. Отличительная черта этой созидательной работы — собирание земли через объединение власти над живущим на ней населением. Этот процесс распадается на два момента. Сперва идет замена власти местных князьков земель литовских и князей Рюриковичей в землях русских членами правящего рода Гедиминова. Прежние носители местной власти либо сходят со сцены, либо нисходят в подчиненное, зависимое положе-

ние. Второй момент, совпадающий с временем деятельности Витовта Кейстутовича, приносит устранение представителей княжеской власти одинаково как Гедиминовичей, так и Рюриковичей, сохранивших какое-либо самостоятельное политическое значение, и замену их великокняжескими наместниками. Это различение двух моментов, конечно, схематично и условно, как лишь условно можно принять смерть Витовта за какой-либо предел в истории строения Литовско-Русского государства. Крупный кризис, пережитый литовской Русью в смутах, разыгравшихся после смерти Витовта, подверг тяжкому испытанию достигнутые его деятельностью результаты, и только полувековое правление Казимира Ягеллончика сперва как великого князя литовского (1440 г.), потом и короля польского (1447—1492 гг.) подвело некоторый итог этому строительному делу, причем новое разделение столов польского и литовского при его сыновьях Яне-Альбрехте и Александре (1492 — 1501 гг.) имело уже второстепенное значение. Объединение польско-литовских земель под властью Александра с 1501 г. и Сигизмунда I (1506—1548 гг.) подготовило укрепление польско-литовской унии 1569 г.

Подведем некоторый итог судьбам княжеской власти в Литовском великом княжестве за XIV и XV вв.[1]

Черная Русь — в руках литовского панства и боярства, военно-служилой литовской колонизации. Эта литовская Русь, Подляшье, Полесье совсем утратили какое-либо самостоятельное политико-административное значение. Древние местные русские княжие власти сошли со сцены, оставив лишь бледные следы в княжеском происхождении некоторых родов местных землевладельцев. Но и эти социальные верхи сильно разбавлены наплывом литовских по крови элементов. Развитие общественных связей, объединявших великое княжество Литовское, исторический процесс его образования оборваны и подавили развитие русских удельно-вотчинных начал политического быта.

Рано исчезла русская княжеская власть и в землях-аннексах, таких, как Полоцкая и Витебская, затем Киевщина, Волынь, Подолия. Во всех перечисленных территориях русская княжеская власть уступила место власти литовских князей Гедиминова рода. Устранило ее и в Смоленске подчинение этого города в первом десятилетии XV в. власти Витовта.

Раньше чем говорить о характере литовского властвования во всей западной Руси и его социально-политических основах, напомню особенности судеб старой княжой власти и своеобразные выступления новой литовской власти княжой на восток от Днепра.

Чернигово-северские княжества — это предел литовского владычества. Здесь господствуют местный сепаратизм и тяга к великорусскому центру. Литовских политических сил нехватает, чтобы укрепить и удержать добытое. Тут метод распространения литов-

[1] Дальше в тексте следовало. «Великое княжество Литовское в тесном смысле», но его характеристика в сохранившейся записи отсутствует

ского владычества — замена русских удельных князей литвинами княжого рода—дает неожиданные результаты: обрусение Гедиминовичей. Те же явления на юге: Любарт и Любартовичи; Кориатовичи.

Династические основы литовского государственного строительства были слишком слабы.

В итоге жизненной работы Витовта остается отсутствие династии и вотчинного наследования. Из Литовского великого княжения не создалось патримониального государства.

Не создалось тут и удельно-вотчинных владений. Даже при сравнительной устойчивости некоторых «литовских» уделов они не имели политического значения [1].

I. Вопрос о литовско-русском сейме [2].

Основа сейма при всей неопределенности этого понятия —расширение собраний рады великого князя привлечением к участию в совещаниях и выработке решений военно-землевладельческого класса. Здесь три основных вопроса: а) рада, б) шляхетство, в) приобретение ими политического значения и превращение этого фактического значения в политическое право (конституционное).

Рада великих князей литовских — прежде всего личный совет великих князей литовских, княжая дума, явление, идущее из такой же древности, как и сама княжеская власть. По мере роста Литовско-Русского государства (в широком смысле) создается новое, особое положение. Великий князь литовский не только владетель литовско-русского центра, но он же и господарь для земель-аннексов, а между тем его местная рада остается его советом, так как это личный его совет и по делам его политики вообще. Постепенные изменения ее личного состава и ее правового положения — одна из наиболее существенных страниц государственной эволюции Литовско-Русского государства. Уже Миндовг действует «de consilio, voluntate et consensu heredum nostrorum nostrorumque nobilium (его sororius, consanguinei et barones)» [3], всего 8 человек. При Ольгерде и Кейстуте «lieben baioren und obristen Herzogen... и т. д. 20 consiliariorum» [4]. Историки говорят о знати, но знать эта —

[1] Ср. *М. К. Любавский*, О распределении владений и об отношениях между великими и другими князьями Гедиминова рода в XIV—XV вв., изд. Ист общ. при Моск. унив., год I, М. 1896 , стр. 81. Значение отчин владения Гедиминовичей получили лишь в XV в., когда остались только сравнительно мелкие владения. Когда восстановились крупные княжения, то лишь как временные владения (не отчины. — Ср. *М. В. Довнар-Запольский*, Государственное хозяйство великого княжества Литовского, т I, Киев 1901, стр 42 и сл), но отсутствует в договорах с удельными князьями обещание не вмешиваться во внутренние дела.

[2] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм; *Н. А. Максимейко*, Сеймы Литовско-Русского государства, Харьков 1902; *М. В. Довнар-Запольский*, Спорные вопросы в истории Литовско-русского сейма, «ЖМНПр », 1901, № 10.

[3] «по совету, воле и с согласия наших наследников и нашей знати (его племянник, родственники и бароны)»; *Raczynski*, Kodex diplomatyczny Litwy, p. 19—20; ср. *М. В. Довнар-Запольский*, Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах, т. I, Киев 1901, стр. 70.

[4] «любезные бояре и высшие воеводы .. 20 советников»; ср. *М. В. Довнар-Запольский*, Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах, стр. 73.

вельможная, должностная: епископы, воеводы, старосты. Она неустойчива по составу в зависимости от места. «Такой неустойчивый состав вызывает сомнение в ее политическом значении», — говорит Довнар-Запольский и признает известную правомерность такого сомнения. «Господарская рада не раньше Казимирова времени получила определенную организацию и значение политического учреждения» [1]. Присматриваясь к составу рады, Довнар-Запольский заметил, что одни великокняжеские акты составлены в присутствии не только панов радных великого князя литовского, но и князей удельных, другие только первых, и притом сопоставляет это с двойственностью политической природы великого князя литовского: с одной стороны, вотчинного собственника литовской земли, с другой — господаря большого федеративного государства. Он различает в составе рады «боярство вотчины» и удельных князей и две формы рады — так сказать вотчинную и государственную. Едва ли можно это показать на документах, и прежде всего потому, что в обоих случаях, если их различать, рада остается личным советом господаря, с неустойчивым составом и неопределенной компетенцией. Сам же Довнар-Запольский указывает и другое соображение, противоречащее подобному различению: удельные Гедиминовичи — heredes[2] литовской земли, как братья великого князя. Тот же принцип княжого братства распространяется и на русских князей, не потерявших еще самостоятельного политического значения, и потому их участие в раде нельзя объяснять как их представительство за свои земли: оно личного, а не территориального характера, как и собрания русских князей на древнерусских княжеских съездах. К тому же это участие случайно, не необходимо, составляя не право, а обязанность служить великому князю советом. И Довнар-Запольский прав, когда говорит о раде великого князя литовского: «Это был частный великокняжеский совет, но с политическими функциями» [3].

Отсюда вопрос о праве и об обязанности совета, вопрос о различении двух явлений: бытового факта советования, акта думанья, и правового института думы, рады, о различении обычной практики и обычно-правового закрепления этой практики. Закрепление обычной практики становится фактом права, когда оно формулировано как обязательство, как положительное право, налагающее обязанность на одну сторону, предоставляя право другой. И то еще разница: формулировка в форме обещания, привилегии равносильна ли установлению права получающей стороны или остается в воле дающего (споры об октроированных конституциях).

Вернемся к практике. Великий князь совещается с радой. Его грамоты и договоры издаются с упоминанием, что присутствовали такие-то. Что это: указание на соучастников решения или только

---

[1] *М. В. Довнар-Запольский*, Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах, стр. 74.

[2] вотчичи

[3] *М. В. Довнар-Запольский*, Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах, стр. 75.

свидетелей? Часто только второе, ибо упоминаются иной раз и придворные чины, не радные. Самая ссылка на совет и даже согласие рады дает такой же повод к разномыслию в толковании, как московское «по боярскому приговору». Во всяком случае заключать от этих фактов к каким-либо чертам ограничения власти господаря радой нет оснований. Если это явления правовые (а такими их надо признать), то это административное, не конституционное право.

Исследователи колеблются в определении состава рады великого князя литовского и круга ее влияния и значения. Пред нами две точки зрения, которые можно признать типичными: Любавского и Довнар-Запольского [1].

Первый представляет себе раду со времен Витовта учреждением довольно-таки многолюдным: 4 католических епископа, 8 воевод (виленский, трокский, полоцкий, киевский, новгородский, витебский, подляшский, смоленский), 2 каштеляна (виленский и трокский), 3 старосты (жмудский, луцкий, городенский), уцелевшие областные князья, чины дворные (подчаший, крайчий, конюший и т. д.), а также новые должности, введенные по польскому образцу, как гетманы, маршалки, подскарбии. Зато участие в совещаниях до Витовта Любавский ограничивает князьями при обсуждении общегосударственной политики, допуская предположительно участие в великокняжеском совете бояр лишь в очень ограниченном смысле. Оба эти мнения едва ли можно признать верными и обоснованными. Любавский пользуется для определения состава рады списками свидетелей, поручителей, помянутых в великокняжеских договорах и грамотах. Но списки эти нельзя считать списками членов рады. Списки эти в различных документах имеют разное значение. Одно дело, например, акты унии и вообще важные акты политического характера: тут явно видна тенденция связать с договором участие лиц, имеющих вес и значение в политической жизни Литовско-Русского государства, тех, с кем должен был считаться и великий князь литовский. В актах унии, действительно, характерно и многозначительно, что уния Ягайла 1387 г. закреплена лишь именами князей Гедиминова рода, а позднейшие акты поименовывают бояр — вельмож литовских. Но к вопросу о раде все это имеет лишь косвенное отношение: собрание князей-братьев — не рада, и указанное изменение в форме актов унии свидетельствует не о расширении состава великокняжеского совета, а о том, что рада, не участвовавшая в заключении первой унии как самостоятельная политическая сила, приобретает с XV в. это новое значение.

Иное дело документы королевской канцелярии — жалованные грамоты на землю, должности и т. п. Тут часто встречаем самых разнообразных «светков», в том числе представителей разного рода дворных урядов не только князя, но и княгинина двора. Считать их всех членами господарской рады нет ни основания, ни возмож-

[1] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, *М. В. Довнар-Запольский*, Спорные вопросы в истории литовского сейма, «ЖМНПр.», 1901, № 10

пости, и характерно, как Любавский, приводя примеры мнимой рады по таким документам, сам выбирает из списков лишь высокородных сановников, опуская стоящие тут же рядом и на том же основании имена чинов незнатных, худородных.

Нельзя не согласиться с Довнар-Запольским, что дворные чины как таковые в господарскую раду, как она сложилась во вторую половину XV в., сами по себе не входят; что встречающиеся подчас дворные чины в документах, несомненно, исходящих от рады, попали туда потому, что носившие их лица состояли членами рады не по этим дворным должностям, а на других основаниях. Лишь высшие лица двора — 2 маршалка, земский и дворный, и 2 подскарбия, земский и дворный, — стоят в конце официальных списков членов рады в XVI в., и нет повода думать, чтобы ее состав сузился.

Исходя из этих наблюдений, Довнар-Запольский различает господарскую раду от совета дворцовых чиновников, «рады наших врадников дворных, столовых», «consilium officialium et consiliarium curiae» [1] как особого от господарской рады учреждения. Настоящая же рада состоит во времена Витовта «из очень небольшого числа областных правителей». Довнар-Запольский поясняет это наблюдение ссылкой на документ, составленный в середине XVI в. [2] и описывающий сложный состав позднейшей рады, поясняя, что ближайший совет великого князя составляли для consilia secretoria, собственно, 5 [3] лиц: епископ, воевода и каштелян виленские, воевода и каштелян трокские. Сверх того в раду входят еще 3 епископа — медницкий, луцкий и киевский, и 5 воевод — новгородский, киевский, витебский, полоцкий, подляшский. Но эти 8 excluduntur a secretioribus consiliis [4]. Князь к тому времени остался один — слуцкий, сохранив место по родству с Ягеллонами. Всего 15. Третье наслоение — маршалок земский, маршалок дворный, канцлер и гетман — четыре должности, которые обыкновенно занимаются представителями высшей рады (ближней думы), так что этот слой не расширяет состава рады. Такое же значение по началу личного совместительства имеют и упоминания об участии в раде подскарбиев земского и дворного.

Вопрос об эволюции этой новой рады из старого великокняжеского совета. Расчленение его на государственный совет в составе majores и minores consiliarii [5] и дворную раду чинов дворных. Состав — должностные лица, епископы, воеводы, каштеляны. Двойственный характер этой «знати».

Изучая состав рады, Любавский пришел к выводу, что она набиралась из наиболее богатых и самых знатных фамилий. При-

---

[1] «совет чиновников и советников двора»; *М. В. Довнар-Запольский*, отд. оттиск из «ЖМНПр», 1901, № 10, стр. 13—14.

[2] «Scriptores rerum polonicarum», т. XV, стр. 173.

[3] 6-й — староста жмудский — в это время в одном лице с каштеляном трокским (Ходкевич).

[4] «исключаются из тайных совещаний»; ср. *М. В. Довнар-Запольский*, цит. соч., стр. 20.

[5] «большие» и «меньшие советники»; ср. *М. В. Довнар-Запольский*, цит. соч., стр. 21.

том в собственно Литовско-Русской земле, в великом княжестве, это — местная литовская знать. Из нее же назначает Витовт наместников по землям-аннексам по мере устранения местной княжой власти в них. «Местничество» тут, насколько знаем, не сложилось, но установился аристократический характер состава рады и самостоятельный общественный вес его личного состава. И эта группа носителей местного управления — и в то же время местная землевладельческая знать— впервые выступает как самостоятельная политическая сила в 1398 г., когда дает с Витовтом во главе и вместе с группой князей-подручников Витовта отпор попытке Ягайла, точнее королевы Ядвиги, утвердить на Литве и Руси вотчинное право supremi ducis [1]. Они отстаивают свою «старину», свою «старую свободу» против «дани Польше».

Эта среда — вельможного боярства литовского — с тех пор составила ядро тех общественных сил, которые вплоть до Люблинской унии и после нее упорно и последовательно отстаивали самостоятельность политико-административной организации великого княжества Литовского против попыток осуществить идеал Кревской унии, полную инкорпорацию Литвы Польскому королевству.

Та же общественно-должностная группа выступает и при подтверждении унии в 1401 г. Тут она выступает, однако, более явственно, как руководящая представительница определенного общественного слоя, заявляя, что «quorum quamvis nomina singulatim hic non sunt expressa, tamen concessus ad subscripta adest»[2].

Виленский съезд 1401 г. Любавский считает первым литовско-русским сеймом, соблазненный тем, что его участники титулуют себя «tota universitas»[3]. Местные носители власти говорят от имени общества. Они имеют на это основание в своем общественном значении и в своей правительственной силе. Это явление старое, знакомое в Руси XII, XIII вв. Любавский увидал в акте Виленского съезда первое выступление «собрания князей и бояр Литвы и Руси в качестве правоспособного участника в решении государственных вопросов, с известной признанною по этой части компетенцией» [4]. Но акты виленского съезда ничего не говорят о правах и компетенции. Суть их в обязательстве «со стороны литовского боярства по отношению к короне и королю» — в форме подтверждения записи Витовта со стороны литовской знати. За Витовта ручалась его рада. Князья тут не упомянуты. Они выдали особые присяжные записи — явление обычное, по существу не создающее никакой новизны в государственном праве.

Иное дело — акт 1413 г., акты Городельской унии. Их три: грамота Ягайла и Витовта, грамота литовских панов и грамота польских панов. Акт унии совершается двумя князьями, из кото-

---

[1] великого князя.

[2] «хотя имена каждого персонально здесь и не приведены, однако имеется согласие с подписанным».

[3] «вся земля».

[4] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 29.

рых каждый окружен своей радой, сосредоточивающей в себе совокупность реальных общественно-политических сил страны — «baronum, nobilium, bojarorum voluntate, ratihabitione, consensu» [1]. Городельская уния стремится сделать опорой унии чиновную знать.

Характерно расширение прав всех «armigeri»[2], особенно право занимать «dignitates, sedes et officia»[3], особенно воевод и каштелянов (только для «fidei catholicae cultores»[4]). Это установление должностей и права на них по польскому образцу сопровождается утверждением рады, как учреждения, получающего государственно-правовое освящение и формулировку. Она получает политическое значение по праву. Паны литовские обязуются не избирать себе государя без совета с польскими и обе группы панов имеют право с разрешения общего государя устраивать conventus et parlamenta[5] по общим делам Литвы и Польши (на деле — по пограничным спорам).

И тут вопреки Любавскому не видно сейма в настоящем смысле слова. Сейм — слово, в эту эпоху не имеющее позднейшего технического значения; это собрание вообще, в частности съезд областных правителей, сейм рады великого князя, его панов радных.

В актах Городельской унии не выступают князья. Они выдали особые грамоты Ягайле. Нет в них и представителей русских областей — те живут своей жизнью.

К этой жизни областей и обратимся.

---

1 «по воле, с утверждения и согласия баронов, шляхты, бояр».
2 «воинов».
3 «почетные звания, кафедры и должности».
4 «исповедующих католическую веру».
5 съезды и совещания.

ГЛАВА XI

ЗЕМЛИ-АННЕКСЫ

Земли эти — одна литовская (Жмудь) и шесть русских (Полоцкая, Витебская, Смоленская, Киевская, Волынь, Подолия). Тут социально-политические отношения развивались на почве древней русской традиции. Проникая в эти русские области, литовская власть встретилась прежде всего со старою русскою княжеской властью или с ее наследством (как, например, на Волыни) и устраняла ее, заменяя русских князей литвинами (князьями или великокняжескими наместниками). Новая литовская власть вступала в наследие русской княжеской власти, не изменяя по существу местного строя социальных отношений и управления. Князь-литвин или великокняжеский литвин-наместник занимал место древнего русского князя. Уже было выше отмечено, как долго держалось в сознании местной земщины русских областей это сознание, что новые носители власти для русских земель такие же свои, местные, князья, как прежние Рюриковичи (грамота полочан немцам в 1407 г.: «коли кто будет господарь полоцкий у Полоцку» и т. п.)[1]. Смольняне, киевляне и др. служат своему господарю отчинному и дедичному, который сидит на Вильне и Троках (ср. «все государства Российского царствия»). Над кем же властвуют эти носители власти?

На первом месте встречаем, как только получаем возможность присмотреться к местным общественным силам, бояр и притом одинаково в Жмуди и в русских землях.

Что такое эти бояре? На Жмуди во главе местных общественных сил стоят те, кого латинские тексты называют «bojari et meliores patriae, barones notabiles, nobiles»[2], а немецкие — «edelsten Boiaren, gutten Leuten»[3]. Они — землевладельцы, владеют hereditate paterna, veterliche güter[4]. В их руках и местная административная власть, они potentiores terrae[5], представители военной силы,

---

[1] «Русско-ливонские акты», стр. 130

[2] «бояре и лучшие люди родины, знатные бароны, шляхта», ср. «Codex epist. Vitoldi», изд. Prochaska, «Monumenta medii aevi historica, res gestas Poloniae illustrantia», т. VI, Краков 1882, стр. 984, 411, 171.

[3] «благороднейшие бояре, люди добрые».

[4] родовыми вотчинами.

[5] самые могущественные люди в стране.

conspicui in artibus bellicis, strenui и viriles[1]. «Ополонившись» они сажают полоняников на свои земли, на которых живут и работают также люди юридически свободные, попавшие в экономическую зависимость, так называемые на языке историков средневековья «полусвободные».

Такими чертами можно наметить социальный силуэт литовского боярства на Жмуди в эпоху Витовта. Черты, близко знакомые нам: мы могли бы перенести без оговорок эти общие черты и на боярство русских земель. Ведь и тут перед нами, как только выступает та или иная местная земщина, действующей силой выступает боярство. Чтобы ответить на вопрос о его историческом «происхождении», пришлось бы итти далеко назад, в предыдущие века, и коснуться одного из элементов очередной в историографии Литовско-Русского государства темы о связи общественного и административно-государственного строя его со старой киевской Русью. Но я так далеко не пойду. Отмечу только, что даже те южные области, которые, как, например, Киевщина, всего более пострадали от татарского погрома времен Батыевых, всего более захудали и разорены в XIII в., выступают, войдя в состав Литовско-Русского государства, социальной силой, сплоченной и организованной, опирающейся на старину. Киевское боярство, какое встречаем в привилеях XV—XVI вв., нет основания считать каким-либо новообразованием, и следует согласиться с М. С. Грушевским, что «полной эмиграции боярства не было, конечно, и в Киевщине, на что указывает численный слой мелкого боярства, начало которого выходит за пределы времен литовских и которое должно было заключать в себе не мало дотатарских боярских родов» [2]. О других русских землях и говорить нечего. Тут и повода нет подымать вопрос о сохранении непрерывной традиции боярского землевладения и местного значения боярства от времен киевских к литовским.

Боярство русских земель сложилось в удельных княжествах в социальную группу определенного типа. Как бы мы ни судили о «происхождении» древнерусского боярства, удельное время и в западной Руси, подобно тому как и в Руси северо-восточной, знает боярство только как класс должностной и служилый — по роду занятий и отношению к князю. На всей истории этого класса лежит печать двойственности, созданной соединением в лице членов его значения земельной аристократии и того общественного слоя, из которого обычно выходил весь личный состав княжеской администрации. История этого боярского общественного класса ставит перед нами следующий любопытный вопрос: когда и какие черты, характерные для фактического положения и значения его членов, получают правовую формулировку и правовое обеспечение, т. е. становятся привилегиями, сословными правами? И в этом вопросе — в самой его постановке и решении — естественно встретить колебания и некоторую расплывчатость, так как в средневековом об-

---

[1] выдающиеся в военном деле, неутомимые и мужественные.

[2] *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т. III, стр. 189.

ществе мы постоянно наблюдаем, как фактически установившийся порядок отношений, ставший обычным, дает почву для развития воззрений на него как на правовой (основанный на обычном праве), хотя до отчетливой формулировки отвлекаемых от него норм дело доходит лишь в случае определенной постановки спора о праве, разногласия в его понимании. В северо-восточной Руси трудно установить категорично понятия «права совета», «права на должности», хотя можно и не отрицать наличности у боярства соответственных притязаний. В Литовско-Русском государстве эти боярские права, наоборот, получают отчетливое признание и формулировку, повидимому, именно во времена Витовта.

Что определение положения боярского класса происходит именно во времена Витовта — в первые десятилетия XV в., — вполне естественно. В эту пору определяется состав и государственное значение великокняжеской рады. В это же время сходят со сцены удельные княжеские силы как самостоятельные факторы политической жизни. Этим последним уничтожено средостение между центральной великокняжеской властью и местными обществами. Став лицом к лицу с нею, местное боярство, опираясь на местное свое значение, добивается правового определения своей роли в управлении и сословных своих прав.

Но этот же момент связан со значительным изменением самого состава боярского класса. Состав этот усложняется и диференцируется под влиянием падения самостоятельности князей. Разгром княжих владетельных позиций политикой Витовта и Ягайла создал, как и в Руси северо-восточной, уничтожение уделов, новый верхний слой боярства — княжат. Это термин, который, по мнению А. И. Соболевского, даже возник в западной Руси, сравнительно редко встречается в северо-восточных текстах и, может быть, занесен в Москву вместе с переходом туда Гедиминовичей и Рюриковичей из Литовско-Русского государства. И тут, как в московской Руси, падение самостоятельной политической роли удельных князей повело к превращению измельчавших Гедиминовичей и Рюриковичей разных линий в крупных землевладельцев-вотчинников, сохранивших по отношению к населению своих владений те или иные элементы власти правительственного характера, но ставших в служилое отношение к носителю центральной власти. К этому высшему слою боярства примкнули владетельные роды крупных литовских панов, а также верхи боярства русских земель, не титулованного, но землевладельчески и социально более значительного [1]. Этот слой и терминологически выделяется. Это — «князья и паны», «княжата и панята», позднейшие «паны хоруговные». Соответственно понижается социальное значение термина «бояре»,

---

[1] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, гл. IV и V; его же, «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута», М. 1893, гл. II; *Ф. И. Леонтович*, Очерки истории литовско-русского права, Спб. 1894; *J. Wolf*, Kniazowie litewsko-ruscy, Варшава 1895; *Boniecki*, Poszet rodow w Wel. Kniazestwi Litowskim, Варшава 1887.

приобретающего значение, близкое к тому, что в Москве разумели под «детьми боярскими». Но при ряде черт сходства этот процесс в западной Руси резко отличается от того, что происходило в северо-восточной Руси, тем, что тут землевладельческая аристократия не получает объединенной, централизованной организации, а остается разбитой на ряд местных обществ, носителей местного патриотизма и областной самостоятельности.

Что же представляло собой это местное боярское общество? Рассматривая его как социальное явление, сложившееся еще в долитовские времена, уцелевшее сквозь кризис XIII—XIV вв. и только усложненное и видоизмененное условиями образования Литовско-Русского государства, мы должны были бы исходить в его изучении из определенного представления о том, в каком же виде было оно унаследовано этим Литовско-Русским государством от предыдущего времени. К сожалению, крайняя скудость источников, почти полное отсутствие данных делают построение такого представления почти вовсе невозможным. Приходится ограничиться весьма поверхностными указаниями и предположениями. Их можно свести к такой приблизительно формуле. Княжое боярство древней Руси, сохраняя свое значение класса, из которого князь черпал личный состав своей администрации, поручая отдельным боярам посадничества по породам с правом собирать часть доходов в свою пользу, рано приобрело значение земского класса, став классом землевладельческим. Наличность кормлений в русских княжествах можно, повидимому, установить для XIII в. упоминанием древнейших грамот о боярских данях и специально для Галицкого княжества свидетельством летописи о том, как князья раздают боярам города и села, «дают» им «волости», причем стоит отметить слова Даниила Романовича: «Черниговских бояр не велел ти, Доброславе, приимати, но дати волости галичским», — слова, которые так естественно сопоставить с позднейшей тенденцией привилеев местные должности-держания давать лишь местным уроженцам, подобно тому как и в Новгороде князья обязывались держать волости мужами новгородскими. В борьбе Даниила со своевольным галицким боярством отмечу и другую черту: протест князя против раздачи волостей «без повеления княжа» [1]. Трудно больше сказать. Иные найдут, что и то сказано больше, чем уполномочивают скудные намеки источников.

Тем не менее решаюсь продолжать так: замкнувшись по мере развития удельных дроблений древнего Киевского государства в местные земские мирки, боярство земель русских держит в руках своих местное управление, сохраняя его организацию и в пору бескняжия, а при наличности местного князя оно его окружает как неизбежный и необходимый орган его управления, составляя вокруг него тем более влиятельную и сплоченную думу, чем эфемернее и неустойчивее делается положение княжеской власти во главе крупных территорий-земель. И, подобно тому как мы видим великого князя литовского окруженным радой, так местные князья высту-

---

[1] ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, стр. 789.

пают в документах, окруженные своим боярством. При заключении Кревской унии Дмитрий Корибут, князь новгород-северский, дает грамоту Ягайле на верность королю и короне Польской, а бояре северские дают через два года (1388 г.) поручную грамоту за него. Тут видим несколько князей, двух воевод и других бояр. Они утверждают, что князь Корибут обещал Ягайле верность по их «доброй раде», и обещают ту же верность за князя и за себя, притом они подобно литовским панам городельского и раньше виленского актов говорят и от имени «молчавших земян», а сами себя именуют «всем поспольством боярами», их добрая рада есть «наше всего поспольства бояр примовление» [1]. Полагаю, что текст этот весьма многозначителен и бросает надлежащий свет на значение слов «tota universitas», о которой говорит виленский акт (1401 г.). Бояре берут на себя обязательство за грады и земли и за «молчавших земян». Значит ли это, что «грады, земли и земяне» в какой-либо форме высказали свое мнение? Отнюдь нет. Уже в XIII в. боярство южной Руси говорит и действует именем «всей земли». Так и тут. Северские бояре воплощают в себе все земское поспольство. Они — местная владетельная сила, состоящая из местных служилых князей, воевод, перед нами «представители местной аристократии и администрации» (Довнар-Запольский), но не как два, а как единый социально-политический элемент жизни земли — боярство. Его родовой строй выступает в данной грамоте совсем так же, как родовой строй литовского панства в виленском акте: одни записаны с сыновьями, другие «с братом», «со всей братьей». Это — XIV век. Так, замечает Довнар-Запольский, уже в период сложения государства наблюдаем среди боярства «признаки особой сословной организации» и стремление его «занять преобладающую роль». И далее: «боярство, очевидно, составляет тесно сплоченный класс, объединяемый общностью интересов, близостью к власти и участием в ней», основанном на старой традиции [2].

И долго остается устойчивым традиционное значение города как центра земли. В XIV—XV вв. города сравнительно немного сделали успехов в приобретении новых черт специфического центра жизни городского общества. Когда мы читаем, например, переписку между Полоцком и рижанами, перед нами полочане — бояре и milites[3]. Лишь на втором плане и в наиболее крупных центрах выступают мещане со все нарастающей примесью торгово-промышленного люда немецкой крови, вроде тех виленских мещан, которые сыграли видную роль в возвращении Ягайлу власти в Вильне после его поражения Кейстутом или купцов Владимира-Волынского, о которых говорит и Галицкая летопись еще в XIII в. («местичи

---

[1] «Codex epist. Vitoldi» («Monumenta medii aevi historica, res gestas Poloniae illustrantia», т. VI, Краков 1882), № 29; «Archivum Sanguszkow», t. I, Lwow 1887, № 9

[2] *М. В. Довнар-Запольский*, Государственное хозяйство великого княжества Литовского, стр. 62 и 64.

[3] воины; «Русско-ливонские акты», стр. 119.

русци и немци») и грамота 1324 г. от имени «consulum et universitatis civitatis Lodimiriensis» [1].

Городская область — земля-княжение старой Руси — лишь постепенно преобразовывается, меняя внутреннее свое строение. Еще и в недрах Литовско-Русского государства боярство и земянство рисуются сконцентрированными в городе, связаны с ним больше, чем позднее.

Мало того, если в Галицкой земле, да и на Волыни, еще до перехода их под власть польскую и литовскую замирают и сходят нанет следы старых вечевых порядков, то нельзя того же сказать о других землях западной Руси — Полоцкой, Витебской, Смоленской. Имеем определенные свидетельства о вече в Смоленске, Полоцке в XV в. В летописи (Супрасльском списке) читаем о событиях 1440 г.: воевода смоленский, пан Андрей Сакович, стал приводить к целованию смольнян в том, что им признать того князя, какого князя паны и вся земля литовская посадят на великом княжении и не отступать от Литовской земли, а пока держать его, пана Саковича, воеводой. «И владыка смоленский Семион и князи и бояре и местичи и черные люди целовали на всем том», но потом «здумаша смольняне черные люди-кузнецы, кожемяки, перешевники, мясники, котельники пана Андрея согнати силою с города, а целование переступили» и, вооружившись, «зазвонили в колокол». Пан же Андрей «почал ся радити со бояры смоленскими» и по их совету пошел с ними и своими дворянами против восставших и хотя обратил их в бегство, но должен был с женой и боярами бежать из Смоленска, в котором разыгрался «мятеж велик». А смольняне, изымав маршалка смоленского Петрыкея, утопили его в реке, себе же воеводой призвали князя Андрея Дмитриевича дорогобужского (из тверских). И когда великокняжеский престол занял Казимир, а бояре смоленские попытались вернуться из Литвы в Смоленск, то «черные люди пустиша их у город, они же разъехались по своим селом и затым бысть брань велика межи бояр и черных людей. И боячя бояр, черные люди призваша к собе осподарем князя Юрия Лигвеневича; и посла князь Юрьи поимати бояр, и поимаша бояр и поковаша их, именье их подаваше (Юрий) бояром своим». Кончилась смута приходом литовского войска и суровой расправой. Картинка, живьем дошедшая в XV в. из «киевских» времен [2].

Понятно, что эти вечевые силы представлялись литовской власти недопустимым бунтарством. И в грамоте полочанам [3] Казимир предписывает полоцким боярам, мещанам, городским дворянам и всему «поспольству», чтобы «в згоде межи собою были, а дела наши городские вси згодою посполу справляли по давному, а сымались бы вси посполу на том месте, где перед тым сыймывались здавна,

---

[1] ПСРЛ, т. II, стр. 905. «Советников и всех людей Владимирской городской общины».

[2] *М. В. Довнар-Запольский*, Государственное хозяйство великого княжества Литовского, стр. 63—64.

[3] «Акты западной России», т. I, 1457 г., № 12.

а без бояр — мещаном и дворяном городским и черни соймов не надобе чинити».

И ряд дел ведется городскими общинами от своего имени, даже сношения с иноземцами по делам торговым. Так, «полочане, вси люди добрые и малые», пишут грамоты в Ригу «от всех мужь полочан» или «от мещан полоцких и от всего поспольства» [1]. К сожалению, у нас мало сведений о внутренней деятельности этого вечевого самоуправления. Роль местного автономного законодательства мы можем наблюдать лишь с XVI в., т. е. когда, по выражению Довнар-Запольского, «сами веча стремятся перейти в сеймики одного шляхетства» [2]. Однако и сеймы начала XVI в. — это собрания не шляхты, а бояр и мещан главного города, стало быть, не сеймики, а веча. И выступления их носят печать большой старины, традиции древнерусской. Разумею такие случаи, как заявление витебских бояр и мещан, что они не хотят иметь воеводой Ивана Богдановича Сапегу ввиду «тяжкости и кривды» и потому бьют челом, «абы его милость (король Сигизмунд) водле прав и привилеев предков его милости и его милости самого дал им иного воеводу». И Сигизмунд вывел Сапегу из Витебска согласно статье витебского привилея: «им нам давати воеводу по старому, по их воли; и которой им будет не люб воевода, а обмовят его перед нами: ино нам воеводу им иного дати, по их воли» [3].

Но этот вечевой архаизм в данный период—замирающее историческое переживание. Со второй половины XV в., с развитием шляхетских привилегий в Литовско-Русском государстве, нарастает обособленность сословий, слагающихся в обособленные и в праве и в организации замкнутые социально-политические группы. Совместная их деятельность теряет смысл, становится невозможной. Общественная самодеятельность горожан-местичей замыкается в формах городского самоуправления, построенных по-новому, на началах так называемого магдебурского права. А военно-землевладельческий класс все крепче забирает в свои руки руководящую роль в областной жизни, также в новой форме осуществляя свою деятельность общественно-политического характера, именно в форме сословных сеймиков. Однако этот процесс обособления сословий развивается постепенно, проходя промежуточную стадию совместной деятельности различных общественных слоев, выступающих в зависимости от содержания того или иного очередного вопроса то порознь, то вместе, то друг против друга. И эта промежуточная стадия весьма существенна, хотя бы потому, что, с одной стороны, указывает условия разложения старого единства городских вечевых общин, преобразившихся в сословно расчлененные единицы, а с другой — на те бытовые, выработанные самой жизнью, условия, которые дали содержание тем заимствованным из немецкого и поль-

---

[1] «Русско-ливонские акты», 120, 104, 203; ср. *М. В. Довнар-Запольский*, цит. соч., стр. 36.

[2] *М. В. Довнар-Запольский*, цит. соч., стр. 36.

[3] *М. К. Любавский*, Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства, стр. 873.

ского права формам, в которые вылился новый сословный строй. Этим последним уясняется и значительно ограничивается ходячее представление о «заимствовании» и в западной Руси иноземных форм сословного строя.

В той же грамоте Казимира Ягеллончика (1456—1457 гг.), где воспрещается мещанам и черни чинить сеймы без бояр (в Полоцке), видим жалобу мещан, дворян, черных людей и всего поспольства на бояр, что те «вельми мало» участвуют во взносе «помочи з места Полоцкого» на земскую потребу, которую Полоцкая земля обязана вносить согласно «листу» господарскому под присягою. Бояре возражали, что согласно привилеям Витовта и самого Казимира они не обязаны вносить помочи под присягою. И Казимир, рассмотрев спор с панами радою своею, предоставляет боярам «класть тую помочь», когда господарь потребует, без особой присяги, а «под суменьем» — «каждый по силе» — в силу общей их присяги господарю «во всем добра хотети», а остальной общине оставляется, по ее, как утверждает грамота, собственному желанию, старый, общий порядок сбора «помочи» под присягою. Для заведывания сбором устанавливается особая коллегия из двух бояр, двух мещан, двух дворян, двух из поспольства «добрых, а годных, а верных», которая будет хранить казну в скрыни за четырьмя ключами — боярским, местским, дворянским и с поспольства,— так, чтобы «один без другого до скрыни не ходили» и чтобы, «што возьмут и што роздадут», было всегда всем им ведомо и на учете [1].

Ярко выступает тут расчленение общины по сословным группам, как и тенденция боярства вовсе выделиться из нее. Та же сословная диференциация выражена и в жалобе горожан на то, что бояре держат в городе закладней, которые не участвуют в общем обложении для «помочи» господарской. Казимир запрещает боярам держать закладней сверх одного подворника на каждое боярское городское подворье. На фоне таких отношений само предписание единодушия и запрет горожанам творить сеймы без бояр звучит уже маложизненной нотой, но она не замирает и в XVI в. Наряду с постановлениями по местным вопросам собраний «всех князей и бояр» или «всех панов и бояр», например, об организации сторожевой службы в городе и ремонта городских укреплений (в Витебске), «весполок з мещаны и людьми витебскими», — тут бояре отдельно определяют свое участие в деле под условием участия витеблян, или особых постановлений по делам не городского характера — встречаем постановления «соймов» князей, панов, бояр и мещан», например, о том, «как ямают за собою людей своих похожих вольных держати» (30-е годы XVI в.) [2].

Указанных данных, пожалуй, достаточно для ближайшей моей цели — наметить основные черты внутреннего строя так называемых земель-аннексов Литовско-Русского государства как са-

[1] «Акты западной России», т. I, № 72.

[2] «Акты южной и западной России», т. I, № 79; *М. К. Любавский*, Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства, стр. 875.

мостоятельных единиц в его составе, связанных с общим центром лишь признанием господарской власти того великого князя, который сидит в Вильне и на Троках.

Какой же характер носила эта власть господарская в XV в.? Вместо того чтобы догматически перечислять ее прерогативы и функции, историку, полагаю, удобнее и естественнее итти иным путем, а именно: рассмотреть строй управления, те органы, через которые осуществлялась власть великих князей литовских. Это даст нам скелет той организации, которая связывала — в какой мере, это другой вопрос — в одно политическое целое то, что мы зовем Литовско-Русским государством, и определенное основание для ответа на вопрос о сущности этой власти, как и об ее отношениях к общественным силам земель этого государства.

После 1413 г. по Городельской унии установлены в великом княжестве Литовском должности по польскому образцу. Конечно, в некоторых отношениях это привело к видоизменению прежней администрации. Но историки Литовско-Русского государства давно отметили и выяснили, что тождественные по названию литовские и польские должности оставались, однако, в XV в. весьма различными по существу [1]. Так, прежние наместники великого князя литовского, сидевшие по стольным градам земель Литовского государства, переименовывают в воевод, оставаясь, однако, все теми же великокняжескими наместниками. Лишь постепенно приобретают они значение, схожее с значением польских воевод, признанных вождей шляхетского самоуправления. Так как вообще dignitates — высшие должности — лишь постепенно приобретают земский характер и независимое в значительной степени положение относительно господаря, то и воеводы XV в. остаются еще по идее и значению представителями центральной великокняжеской власти, ее органами по различным отраслям управления.

В собственно великом княжестве бывшие княжества Ольгерда и Кейстута стоят со времен Витовта под управлением виленского и трокского воевод. Они еще не дигнитарии в польском земском смысле слова, а официалы великого князя. Это особенно сказывается в их роли по управлению Виленским и Трокским округами, в тесном смысле слова, где они ведают именем великого князя всю администрацию. Тут воевода остается наместником великого князя, управляя и господарским хозяйством на его «замковых» землях, ведая эксплоатацию пашенной земли, выгонов, пастбищ, лугов, лесных угодий, озер, рек и т. д., сбор податей и налогов, наконец, суд и управу над живущими в его «державе» крестьянами. Они, представители материальных интересов господаря, не только ведают, но иной раз и налагают новые пошлины, следят за тем, чтобы не было шкоды для господарских доходов при мобилизации имуществ, как и за увеличением доходов путем раздачи пустых земель на оброк или населенных имений и доходов под условием службы.

[1] Основная работа, конечно, *М. К. Любавского*, Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута.

Земли и население, подлежащие такой административной деятельности воевод, находятся у них в «державе». Они держат эти земли от великого князя, получая доходы на себя с замковых земель, из косвенных сборов с торговли, наконец, из «даров», которые воевода получал при приезде в тот или иной город, и, вообще по обычаю, по разным случаям от населения той или иной местности и отдельных лиц, ищущих защиты, управы, покровительства.

Но воевода с этим соединял более широкое значение и за пределами своей «державы», составлявшей лишь часть его воеводства. Тут эта его более широкая роль, прежде всего военная. Изъятые из его «державы», предоставленные в «державу» другим, стоявшим ниже воеводы, наместникам-державцам волости, так же как частные имения крупных землевладельцев, стояли в различной по степени судебно-административной зависимости от воеводы то в смысле апелляции (?) на суд державцев, то в обычае битья челом воеводе, минуя низшую инстанцию, то в том, что к воеводе тянули подсудностью привилегированные лица, не подчиненные державцам и их тиунам. Но эти отношения представляли значительную пестроту в зависимости от развития различий в условиях «держания» и «закривальных листов» — иммунитетов, освобождавших их владельцев от подсудности и самим воеводам. Наконец, в воеводствах находим и удельные княжества, потерявшие политическую силу, но сохранившие административно-судебную обособленность. Таковы в XV в. княжества Слуцкое, Клецкое и Мстиславское на территории воеводства Виленского; княжества Кобринское, Городецкое, Пинское и Туровское на территории воеводства Трокского. Подобно крупнейшим державам наместников (получивших название старост), например, Новгородскому повету, Ковенскому, Берестейскому и др., эти княжества составляют обособленные судебно-административные округа с независимым от воеводы управлением. Они не стоят под присудом воевод, не находятся в его праве. Но единство воеводства выражалось при этом дроблении юрисдикции в том, что воевода остается военачальником, который следит за исполнением обязанностей военной службы землевладельцами воеводства, следит за тем, чтобы земля из службы не выходила (при отчуждении ее земянами и военнообязанными крестьянами). И наместники-державцы и удельные князья ставятся со своими боярами и слугами в ополчение воеводства. В XVI в. дробление воеводской власти идет и дальше благодаря деятельности гетманов наивысших, на смотр которых местные наместники-державцы, старосты и поветовые хоружие ведут в назначенный сборный пункт всех обязанных военной службой. Но и тогда эта должность гетмана, не бывшая постоянной, не убила значение воевод.

Эта общая характеристика воеводской власти достаточно показывает, насколько они были преемниками княжеской власти, заменившими удельных князей. Преемственность эта в свою очередь освещает исторически возникновение двух явлений, связанных с воеводской должностью: 1) стремление населения смотреть на воеводу как на местную власть, связать ее с местными интересами

и 2) стремление перенести на нее свое старинное право призыва, признания и отвержения княжой власти.

Но, прежде чем присматриваться к этим явлениям, обратим внимание на положение наместников-представителей великокняжеской власти в землях-аннексах. Утверждаясь в отношении к той или иной земле, великокняжеская власть вступала в наследие прежней местной удельной власти. Великий князь был князем Жмудской, Витебской, Полоцкой и т. д. земель. Его значение как местного князя выражалось между прочим в том, что он имел в каждой земле и свое господарское хозяйство. Основной единицей такого хозяйства были господарские дворы, к которым тянули дворная пашня и ряд угодий. Конечно, характер элементов княжого хозяйства эти земельные имущества сохраняли, пока были «держаны на господаря», а не расходились на раздачу «в держания» разным лицам на тех или иных условиях.

То же непосредственное овладение частями территории с целями либо хозяйственной эксплоатации, либо, по крайней мере, имущественного распоряжения (как источника материальных средств для достижения финансовых, военных и административных целей путем раздачи их в «держания» под условием платежей, повинностей, служб) достигалось: 1) правом княжой власти на выморочные («спадковые») имения, причислявшиеся к добрам господарским, 2) конфискациями, 3) приобретениями частно-правового характера — завещаниями частных лиц в пользу господаря, покупками и т. п. [1].

Западная Русь не знает общих, последовательно проводимых ограничений господарского землевладения, какие встречаем, например, в договорах Великого Новгорода с князьями. Борьба земель с развитием вотчинного землевладения и вотчинного хозяйства господарского имела и тут место, но приняла особые формы и никогда не достигала такой категоричности, как в новгородских отношениях.

В привилее Жмудской земле 1492 г. встречаем ограничение господарского землевладения statu quo ante: «дворы наши новые, у их поветех не мають быти через нас будованы, одно оные дворы, мають, были направованы и будуть тыи, которыми были у часу князя Витовта». В других привилеях (Полоцк, Витебск, Смоленск) находим отрицание права великого князя на выморочные имения: «в беззатщины и в отмерщины... не маем вступатися». Конфискации мало имели значения на практике не только потому, что постепенно потеряли характер государевой опалы и были введены в законные рамки, но и потому, что на практике применялись много реже, чем допускались законом, да и применялись чаще как временная кара с возвратом в порядке помилования. Наконец, «спадки» по завещаниям — в большинстве случаев орудие борьбы с княжатами в форме «принудительных записов», как и в Московском государстве, составляют явления единичные, хотя «спадки» бывали очень

---

[1] *М. В. Довнар-Запольский*, Государственное хозяйство великого княжества Литовского, стр. 140 и сл.

крупных размеров. Другие ограничения носят особый и более сложный характер, обусловлены стремлением местных панско-боярских обществ ограничить вотчинную власть и произвол великого князя в пользу не столько политической свободы земли, сколько своих сословных и землевладельческих интересов. И земская жизнь западнорусских земель не развилась до «народоправства». Не будет преувеличением сказать, что в ней незаметно и тенденции к тому [1].

Руководящую роль в этой земской жизни играет именно местное панство и боярство. Класс землевладельческий и административный, можно сказать, он и не был заинтересован в уничтожении права распоряжения местными земскими земельными имуществами со стороны господарской власти. Ему важно было лишь, во-первых, «сузить понятие выморочности, распространяя право наследования на широкий круг proximiores» [2], не ограничивая его лишь ближайшими родственниками наследодателя (общеземские привилеи 1413 и 1457 гг., областные киевские, полоцкие, жмудские), и, во-вторых, сохранить за землями, попадавшими в руки господаря, значение фонда для пожалований и держаний с преимущественным или исключительным правом на них местного панско-боярского класса. Подобная регламентация назначения тех или иных «господарских» земель, хотя бы в форме простого обещания великого князя, имела большое значение в развитии государственного права Литовско-Русского государства: она вела к раннему зарождению различия между собственно-личным господарским землевладением и государственными имуществами, «земскими». И Довнар-Запольский любопытно освещает вопрос, толкуя обещание великого князя не вступаться в витебские, полоцкие, смоленские «беззадщины» и «отумерщины», как норму, не нарушающую права господаря распоряжаться выморочными имениями путем раздачи их новым владельцам из местных панов. Так примиряет он кажущееся противоречие этой нормы с фактом неоднократной раздачи «спадковых» имений в этих областях по грамотам господарским [3].

Практика эта не встречала возражений: «так, — заключает Довнар-Запольский, — комбинировались права земли на выморочные имения и право господаря на распоряжение ими» [4]. Задача местных обществ (точнее, их влиятельных элементов) была в том, чтобы земельные имущества не «выводились из воеводства», из оборота местного служилого землевладения путем ли отдачи сторонним людям, путем ли приобщения к господарскому дворному хозяйству.

Довнар-Запольский не противопоставляет принципиально господарским землям волости господарские, видя в этих последних «до́бра господарские, только не введенные в систему вотчинного хозяйства, которая является преобладающей чертой господарских

---

[1] «Акты западной России», т. I, № 204, 213, 103, 72.
[2] родня.
[3] *М. В. Довнар-Запольский*, Государственное хозяйство великого княжества Литовского, стр. 141—144.
[4] Там же, стр. 142.

дворов»[1]. Это «волости» и «замки», раздававшиеся в «держания» боярству на срок, обычно годовой. Их-то Довнар-Запольский считает типичными «земскими добрами», отличными по этой практике от вотчинных господарских. Такая точка зрения явилась у него естественным последствием изучения «государственного хозяйства Ягеллонов», для которого и дворы и волости прежде всего—источники дохода. И сами документы содействуют подобному сближению земельных пожалований с раздачей в держание волостей, так как и те и другие записывались рядом в книги с такими заголовками: «То суть книги, кому король имения роздал», или : «Реестр книга данин... кому што господарь дал». А записаны тут земельные пожалования разного рода наряду с пожалованием волостей, уделов, даже монастырей, наряду нередко с пожалованиями движимого имущества — денег и лисьих шуб, меда и соли, сукна и т. п. Но хоть такое объединение разнородных пожалований и характерно по-своему, оно еще не устанавливает тождества оснований пожалования и правового характера жалуемых предметов. Правда, граница между их категориями весьма относительна и затушевывается переходными, среднего типа явлениями. В одном случае жалуются хозяйственные блага, земли и угодья, в другом — доходы. Но реальные явления средневековой практики, вместо того чтобы укладываться в эти две резко различные категории, развертываются в ряд, заполняющий различие между крайними противоположностями с почти непрерывными переходными вариантами. Наиболее четкий их обзор можно найти в очерке Владимирского-Буданова «Поместья Литовско-Русского государства»[2]. Пожалование пустой земли или пустых угодий, ненаселенной земли, земли с челядью (двор), земель, населенных «людьми» (земель этих «людей» или самих «людей»), принадлежавшими к разным разрядам тяглого или служилого сельского населения, пожалование волостей и уделов — таков ряд пожалований, в тогдашней практике рассматриваемый, видимо, как вполне логически правильный, без ощущения, что где-то среди него происходит перебой сути дела, основания ряда. В сознании того времени различия покрывались основным сходством цели пожалования: обеспечить имущественно служилого человека, дать ему средства, с которых он отбывал бы службу. Результат пожалования — держание, т. е. пользование ради «хлебокормления». Для великорусских историков, обычно лучше знакомых с московской, чем с западнорусской стариной, термин «держание» особенно любопытен, так как объемлет явления, различаемые на северо-востоке, как «поместья» и «кормления».

Пожалования имений, населенных тяглыми людьми или людьми низших служб, — в основе такое же пожалование доходов, как и пожалование волостей. Но в первом случае с этим сплетается пожалование земельного имущества, как видно из оговорок: «восхотят

[1] *М. В. Довнар-Запольский*, Государственное хозяйство великого княжества Литовского, стр. 147.

[2] *М. Ф. Владимирский-Буданов*, Поместья Литовско-Русского государства, «Чтения Ист. общ. Нестора-летописца», т. III, 1889.

ли за ним быти», либо могли «выпроводиться» с движимым имуществом. Во втором пожалование дохода выступает в чистом виде — волость дается боярину, чтобы он ее «тот год выдержал» или «выбрал на весь год», или дается на определенную цель: «ему тую волость выбрати на окуп жене его и детям», которые в плену в Орде. Это держание состояло в «выбирании» доходов, и только, так как «самое управление в действительности находилось в руках местных жителей и осуществлялось через выборных лиц» [1]. Не мудрено, что иногда грамоты явно указывают, что все возможные виды пожалований считаются равносильными, без каких-либо принципиальных различий: «аж не будет (у такого-то) — никакого жалования, ни людей, ни волости, а будет згожо дать ему слугу — ино дати». Все раздачи и пожалования такого рода, как и всякие изменения в них происходили по челобитью претендентов и решению господарскому, непосредственному или через наместников (действовавших полномочно по отношению к пожалованиям более мелким).

Все указанные черты западнорусских порядков казалось мне существенным подчеркнуть для отчетливой характеристики тех реальных связей, какие существовали между интересами местного панско-боярского класса и административной деятельностью центральной великокняжеской власти.

Отметив их, вернемся к обзору административного строя земель-аннексов.

Во главе управления Жмудской землею со времени окончательного возврата ее из-под орденской власти стоит на положении воеводы жмудский староста. «Стоит во главе управления» выражение неточное, и Любавский, несомненно, преувеличивает, говоря, что староста оставался главою всех урядников Жмудской земли, даже тех наместников, кому «подавал» волости сам господарь. Иерархической стройности, выдержанной системы инстанций Литовско-Русское государство не знало, как чуждо оно было повсюду средневековому государственному быту. Положение жмудского старосты было таким же, как виленского и трокского воевод. Непосредственно и более полно они управляли теми волостями, которые были «приданы пану старосте», т. е. предоставлены ему в «держанье»; по отношению к таким волостям пан староста является в то же время наместником-державцем. Тут они «приказчики по дворцовому хозяйству, сборщики податей и пошлин, коменданты крепостей, распоряжающиеся их постройкой и ремонтом и заведывающие обороною повета, начальники местных военных сил, заведывающие их организацией и устройством военнослужилого землевладения, наконец, судьи для жителей по некоторым делам и в известных случаях» [2].

Так очерчивает Любавский круг деятельности воеводы-наместника в ближайшей его «державе». С этой деятельности они получают

---

[1] *М. Ф. Владимирский-Буданов*, Поместья Литовско-Русского государства, Киев 1889; *М. К. Любавский*, Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства, стр. 248—250.

[2] *М. К. Любавский*, Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства, стр. 766—767 и 878.

доходы — кормы разнообразного характера. За вычетом старостинского (воеводского) дохода остальное составляло господарский доход, шедший либо на общегосударственные нужды местные, либо на оборонные средства господарского хозяйства, либо в скарб господарский. Этот наместничий элемент в положении воеводы-старосты составляет основу их «пожалования», причем оно по большей части дается «до живота» или до «осмотренья лепшим, а пожиточнейшим врядом», по крайней мере в XVI в.

С наместничьим держанием в руках воеводы-старосты соединены, однако, функции, выделяющие его из ряда других наместников-державцев и вытекающие из его полномочий и вообще роли представителя центральной, великокняжеской власти. Тут, как сказано, их главное значение — именно воеводство, ведание военной команды и военного дела. Некоторое общее для всего воеводства административное значение имели они по отношению к общеземским повинностям, которыми разнородные элементы земли тянули к главному городу, как городовое дело, некоторые натуральные («дякольные») сборы и службы (сторо́жа). Но это их значение весьма неустойчиво и условно, тем более что управление главными «гродами» постепенно переходит к особым должностным лицам — каштелянам, иногда, правда, но не всегда, соединяется с воеводством в одних руках. Быть может, существеннее была иного рода деятельность воеводы в делах управления земли: исполнение различных поручений господарских по судебно-административным делам, по приисканию земель и иного рода пожалований, по самостоятельной раздаче мелких пожалований (в связи с организацией служб), по представлению к пожалованию господарем тем или иным лицам держаний или иных более крупных пожалований. Эта его деятельность, естественно, ставила его в центре множества местных интересов, придавая ему значение центральной для данной земли силы, которая влияла весьма значительно на развитие местных отношений. По отношению к земле воевода заменил прежнего удельного князя, когда земля признала «своим» князем великого князя в Вильне и Троках. Характерна в этом отношении история, разыгравшаяся в Смоленске после гибели Сигизмунда Кейстутовича, о которой говорено выше: наместник-воевода пан Сакович приводит смольнян к крестному целованию на том, что им его держать воеводой на время междукняжения; смольняне затем принуждают его к бегству и призывают к себе воеводой князя дорогобужского. Видим тут перенос на воевод старых воззрений относительно призыва на стол князей.

Историки Литовско-Русского государства нередко говорят о том, что «выбор воеводы зависел от населения той или иной земли», что «в большинстве земель наместник назначается или с согласия населения или даже избирается им самим, хотя и утверждается королем», а поэтому дело представляется иной раз так, что наместник воевод в господарской раде «является представителем областных интересов»[1].

[1] *М. К. Любавский*, Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства, стр. 876 и сл.

Заключение об избрании наместника, в данном случае старосты, самим населением делается прежде всего на основании жмудских привилеев, где читаем формулы, весьма выразительные: «теж старосту, которого бы хотели мети, того им даем, а ведь з нашою волею» (1492 г.; латинский текст: «item capitaneum quem habere voluerint, eis dabimus, nostra tamen voluntate etiam ad hoc accedente»)[1]. Эта грамота Александра Казимировича подтверждает «вольности и ласки», какие жмудины имели во времена Витовта и Казимира. Во главе Жмуди вскоре после крещения жмудинов, с 1413 г., поставлен Витовтом Кезгайло, староста жмудский. Он продержался до гибели Сигизмунда Кейстутовича в 1440 г. Затем, когда великим князем литовским стал Казимир, Жмудь, державшаяся Михалка Сигизмундовича, восстала, выгнала старостиных Кезгайловых наместников и избрала себе старостой Довмонта, племянника Контовта, одного из панов, близких ко двору виленскому, родом жмудина. Казимир двинулся было на Жмудь с войском, но посредничество Яна Гаштольда привело к следующему компромиссу: «пошли, твоя милость, им старосту подлуг их воли Контовта, бо теперь в Жомоити Контовтов племянник справует, а то их самих и того племянника своего намовит». Так и сталось. Казимир послал в Жмудь пана Контовта, и ему уступил племянник, «которого были Жомоить обрали старостою у себе»; уступила и Жмудь: «призволила служити князю великому Казимиру». И Казимир, продолжает та же летопись, «утвердивши их присягами и под себя подбивши», уговорил Кезгайла, старосту жмудского, «чтобы старостою был в Жомоити до трех год Кунтовт для того, чтобы он вмоцнил их служити князю Казимиру, и Кезгайл на то призволил, а как три годы вышли, и Кезгайл старостою Жомоитским по старому был, а Контовта отняли»[2].

Таков первый случай выбора старосты Жмудской землей. В том же рассказе летописи по списку Быховца (к сожалению, не имеющему параллелей в других западнорусских летописях) сообщается, что Казимир, приняв жмудинов, «им присягу дал заховати их в ласце своей со всеми их имении». Более чем вероятно, что свое обещание он скрепил выдачей грамоты-привилея. Мало того, некоторые черты этого привилея нетрудно заметить в грамоте 1492 г. И прежде всего два параграфа перешли из него сюда: 1. «Найпервей, хочем, иж им жадны не мает мовити, альбо на очи истить, ижь бы прет мечь, альбо через оныи валки были звалчоные, але з доброю волею пристали» и 9. «тех старосту, которого бы хотели мети, того им даем, а ведь же з нашою волею»[3]. Тут даже в подтвердительной грамоте сохраняется оборот речи, выражающий в настоящем времени единичный факт. Был ли он обычно правовою нормой? Несомненно. Но эта норма плохо выражается словами об избирании воеводы населением и т. д.; подобные формулы так же мало соответствуют

[1] «Акты западной России», т. I, № 103.
[2] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 106—107; «Pomniki do dziejȯw litewskich», изд. Нарбута, Вильно 1846, стр. 52—53.
[3] «Акты западной России», т. I, № 103.

реальным историческим явлениям, как рассуждения о том, [что] в древней Руси вечевые города избирали князей. Суть дела ведь была в добровольном признании власти, в соблюдении этой «добровольности» в форме ряда даже там, где приходилось подчиниться силе. И такое соблюдение вовсе не было пустой фикцией: оно выражало принципиально важную идею, что, как читаем в подтвердительном жмудском привилее 1574 г., жмудины «яко до продков наших великих князей литовских, так и до нас господаря (Генриха Валуа) за добровольным обраньем, яко вольный народ приступили» [1]. А реальное, житейское последствие этого принципа — обязанность господаря подтвердить и хранить все местные права и привилеи, блюсти старину, на что не могли бы претендовать те, кто не «сами добровольне под панованье ся поддали, а мечом, либо кгвалтом до того притеснены».

Как бы то ни было, но жмудские старосты XV в. мало похожи на «представителей областных интересов» в господарской раде. Переход большего, чем было ранее, круга местных дел из рук великого князя к этому «земскому избраннику» отнюдь не встречал сочувствия во влиятельных элементах местного населения.

Возьмем хоть пример, извлеченный из книг литовской метрики Любавским. Он относится уже к XVI в., к 1522 г., но речь идет о том же старосте жмудском Станиславе Яновиче, помянутом в числе вельможных панов, которые «при том были» в конце привилея 1492 г. Королю Сигизмунду пришлось разбирать с панами-радою спор между ним и панами, тиунами и боярами земли Жмудской. Кстати, дело это дает ценный комментарий к следующему параграфу помянутого привилея: «теж жадных инших воевод и тивунов не мамы им давати, одно тых, которых бы они собе обрали, альбо хотели обрати с своих поветов, або которых бы у нас просили». Челобитчики жалуются на то, что тиунства в земле Жмудской раздает не король, как бы следовало по привилеям Казимира, Александра и самого Сигизмунда, а пан староста. Пан же староста Станислав доказывал, что те тиунства, кроме четырех дворов и одной волости, издавна находились «у подаваньи» старост, причем такая практика никогда жалоб не вызывала, и пан Станислав выиграл дело. Только после его смерти король взял «у свою моц и подаванье» еще 17 волостей, очевидно, не вопреки, а согласно желанию местного панско-боярского класса [2].

Отношения между местным населением, с одной стороны, и местной администрацией, старостами и тиунами, с другой стороны, хорошо характеризуются уставной грамотой того же Сигизмунда 1529 г. О тиунах этих, ведавших суд и управление по волостям (поветам) Жмудской земли там, где не было наместников-державцев, еще больше прямого основания, чем относительно старост, говорить, как о должности выборной. Но и то требует внимания своеобразная терминология привилея 1492 г., поминающая тиунов, «которых

[1] «Акты западной России», т. III, № 59.
[2] *М. К. Любавский*, Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства, стр. 204—205.

они собе обрали, альбо хотели обрати с своих поветов, або которых был у нас просили». Это, конечно, не две или три разные категории, но одна, и притом такая, что ее надо согласовать с помянутым «подаваньем» тиунств великим князем либо старостой. Речь явно идет не об избрании на должность с утверждением господаря, а о практике, близкой к тому, но иного типа: об обычае считаться при назначении с просьбой общества за излюбленного кандидата и с «обмовлением», жалобой или требованием смены тиуна, ставшего в тягость.

Уставную грамоту 1529 г. великий князь дает «бачучи великое утисненье и обтяжливость подданных наших от старост жомоитских и от тиунов земли Жомоитское, которую они обтяжливость им чинили многими и тяжкими роботами и неизмерными подачки и въезды своими, чинячи собе на них поседи: для чего ж тая земля Жомоитская, подданные наши, велико собе стоскнули и многие люди с местец своих прочь ся разошли и земли многие опустели». Охранить население от таких притеснений Сигизмунд и думает двумя мерами: 1) тем, что, выделив часть волостей «в моць и поданье» новому старосте, остальные 14 (17) волостей берет в свое «подаванье» и 2) дает особые уставные грамоты на порядок управления и размеры повинностей в тех и других [1].

Полагаю очевидным, что все приведенные данные должны рассматриваться вместе, в совокупности, для правильного освещения административного строя земель Литовско-Русского государства, а они совершенно устраняют возможность видеть в старостах и тиунах чуть ли не органы местного самоуправления и представительства местных интересов перед центральной властью.

В предыдущем я останавливался преимущественно на Жмудской земле. Однако она отличается от других земель своими особенностями. Так, тут находим тиунов в таком значении, как нигде, в течение всего и XV и XVI вв. В русских землях им соответствуют бояре, держащие волости по годам. И это явление, по крайней мере для южнорусских земель, выросло на основе еще долитовских отношений.

Так, например, в земле Витебской удельного князя заменил наместник, только с 1511 г. переименованный в воеводу. Вне круга его личного управления, осуществлявшегося чрез от него назначаемых наместников, стояли уряды (конюшое, городничое, ключничество, ловчое) и волости, которые великим князем раздавались в держанье по годам. Встречаем упоминание о «наместниках» панов-державцев, как, например, в «волости Глазомической пана Бодоеда» и т. п. Вне личного заведывания воеводы стояли и особые наместники-державцы (вроде старосты города Орши) и некоторые крупные княжата-землевладельцы.

По поводу назначения воеводы находим указание в грамоте, которую великий князь Александр выдал в 1503 г. взамен пропав-

---

[1] «Акты западной России», т. II, № 160; *М. К. Любавский*, Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства, стр. 206.

шей грамоты Казимира: «Також им нам давати воеводу по старому по их воли, и который им будет нелюб воевода, а обмовят его перед нами, ино нам воеводу им иного дати, по их воли; а приехавши воеводе нашему к Витебску, первого дня целовати ему крест к витебляном на том, штож без права их не казнити по вадам ни в чем». Пример такой смены воеводы (Ивана Богдановича Сапеги) из времен Сигизмунда я уже приводил [1].

Ту же статью читаем и в полоцком привилее 1511 г., вообще весьма близком к витебскому. В привилеях других земель этого нет. «Добросовестные» историки склонны заключать отсюда, что так называемое «участие населения» в назначении воевод проявлялось только в некоторых землях. Но не значит ли это преувеличивать полноту ратификации местных прав в привилеях? Ведь право бояр «держать» волости упомянуто лишь в смоленском и киевском привилеях, но практика эта знакома нам и в Витебской и в Полоцкой землях, как существовала она в Галичине еще в долитовский период.

Если уже при Витовте остальные земли-аннексы поставлены были в определенную связь с центральной великокняжеской властью через наместников (воевод), то положение по отношению к виленскому центру Волыни и Подолии оставалось весьма сложным и спорным. До 1382 г. (приблизительный год смерти Любарта Гедиминовича) Волынь — особое «великое княжение», которое нет основания мыслить в составе «Литовско-Русского государства». Через 10 лет, в 1392 г., Витовт выгнал с Волыни Федора Любартовича, получив Луцк и Владимир-Волынский в личное пожизненное владение от Ягайла. «Витовт, — так формулирует это отношение профессор Леонтович, — владел Волынью в зависимости от короля на таких же основаниях, как и всей Литвой, основаниях, формулированных Городельской унией» [2]. На таких же основаниях, но возникших особо, независимо от передачи Витовту великого княжества, Витовт такой же «великий князь Волынский», каким был Любарт. С 1393 г. таково же положение его на Подолии, сперва восточной, так как западную Ягайло отдал Спытку, воеводе краковскому. Потом Витовт эти владения свои держал через наместников и старост. И это его владение южнорусскими землями позволило бы игнорировать формальное отличие — и в порядке и во времени — приобретения им власти на Волыни и на Подолии, если бы особое положение этих земель не было сильно подчеркнуто событиями второй половины XV в. и не сознавалось до такой степени людьми того времени, что, например, летописец называет подчинение Сигизмунду Кейстутовичу Полоцка и Витебска вокняжением его «на великом княжении на Литовском и Русском», несмотря на то, что Волынь и Подолия оставались вне его власти.

Чтобы несколько разобраться в этом вопросе, мне и необходимо обратиться к помянутым событиям второй половины XV в.,

---

[1] См. выше, стр. 116.

[2] *Ф. И. Леонтович*, Очерки истории литовско-русского права, Спб. 1894.

сильно потрясшим все Литовско-Русское государство. Потрясение это довело дело до полного распада сложившейся при Витовте концентрации власти, поставило ребром вопрос о политическом единстве земель Литовско-Русского государства и исходом своим положило новое основание государственному его единству в создании общего литовско-русского сейма.

Описание административного строя Литовско-Русского государства, изложенное выше, не замыкалось в пределы времен Витовтовых. Оно отражает положение, выросшее на заложенных Витовтом основаниях после кризиса, в конце XV и начале XVI в. Но теперь своевременно будет обратиться к основным явлениям этого кризиса, чтобы яснее понять характер устоев, на которых опиралась литовско-русская государственность.

Из данных, уже изложенных, видно, до какой степени уцелела замкнутая в себе организация отдельных земель Литовско-Русского государства после подчинения их власти великого князя виленского. Можно сказать, что все эти земли остаются отдельными землями-княжениями и после того, как князем для каждой из них оказывается великий князь, сидящий в Вильне и Троках. Их отношение можно сравнить с отношением Московского государства и Великого Новгорода или Пскова в ту пору, когда устанавливается признание новгородским и псковским великим князем великого князя московского, хотя, конечно, вмешательство виленской центральной власти во внутренние отношения земель и более значительно, чем вмешательство московской власти в новгородские или псковские дела до падения «вольности» этих вечевых областей. Стоило заменить наместника-воеводу князем, облеченным самостоятельными владетельными правами, и любая из этих земель без ломки внутренних отношений могла бы оформиться в удельное княжество законченного типа.

При таких условиях трудно говорить о государственно-правовом единстве территории Литовско-Русского государства как целого. Обособленность отдельных земель была слишком значительна. Каждая из них была не только административной единицей. Каждая из них при полном отсутствии общего законодательства жила своим местным правом, своей «стариной», и ревниво охраняла неприкосновенность своей территории от каких-либо отрезок отдельных волостей к соседним землям. Если прибавить сюда возможность самостоятельных торговых договоров между центрами отдельных земель и иностранными городами вроде Риги, а также возможность отношений между самими этими центрами, например, между Витебском и Полоцком, в формах, по-нашему, международных (соглашения относительно взаимного обложения купцов пошлинами), хотя бы и под некоторым контролем центральной власти, то получим довольно яркое представление об элементах самодовлеющей государственности в организации отдельных земель и о слабости развития основ общей государственности так называемого Литовско-Русского государства.

Все это необходимо иметь в виду при анализе польско-литовских споров относительно государственно-правового положения отдельных областей. Увидим, что лишь к концу XV в. выясняются более определенные государственно-правовые точки зрения на внутренние отношения литовско-русских земель, а вместе с тем и на отношения между Литвой и короной Польской. Это «выяснение» связано с глубоко значительными явлениями в политическом быту Литовско-Русского государства, изменившими в корень господствующие представления относительного целого его политического строя, характера великокняжеской власти и положения сословий в государстве.

К такому многозначительному результату привел Литовско-Русское государство именно кризис, пережитый им во второй половине XV в.

ГЛАВА XII

ЛИТОВСКО-РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО ПОСЛЕ ВИТОВТА. СВИДРИГАЙЛО. СИГИЗМУНД

В 1430 г. умер Витовт. Согласно его договорам с Ягайлом все его владения должны были тем самым вернуться в руки этого верховного (supremus) великого князя Литвы и короля польского. Правящие круги великого княжества обязались не признавать великим князем никого без соглашения с Ягайлом. Литовские и русские паны истолковали это как право избрания нового великого князя по соглашению с королем польским и выдвинули кандидатуру Ягайлова брата Болеслава-Свидригайла Ольгердовича. Ягайло, находившийся в Вильне, согласился на избрание. Позднее он утверждал, что согласие было вынужденное, что его Свидригайло со своими сторонниками даже в плену держал. Быть может, Ягайло преувеличивал перед поляками эту вынужденность, но еще большее преувеличение видим в рассказе Длугоша, будто Ягайло дал брату великое княжение по собственному почину.

И сразу ребром поставлен вопрос о том, какой же состав земель подразумевается в признании за Свидригайлом власти в Литовско-Русском великом княжении. Деятельность Витовта расширила это понятие, и речь не шла уже о великом княжестве Литовском в узком смысле слова. Спорным оказался прежде всего вопрос о Подолии, которой под конец жизни Витовт владел в полном составе — и восточной и западной. На Подолии сидел его наместник, литвин Довгирд. Поляки, исходя из представления, что Витовт держал Подолию «до живота» и что подольские старосты и урядники обещали передать подольские замки по смерти Витовта королю и короне Польской, захватили Довгирда и все города западной Подолии. Это произошло, когда Ягайло с своей польской свитой был еще на Литве и Свидригайло заявил, что не отпустит их, пока те не гарантируют ему возвращения Подолии. Решили, что подольские замки будут возвращены Свидригайлу, но с тем, что дело будет решено польско-литовским съездом, с обязательством Свидригайла подчиниться решению, хотя бы он и не признал его окончательным. С обеих сторон были выданы соответствующие грамоты за порукою панов. Однако новые старосты-поляки отказались исполнять это соглашение и тем вызвали разрыв между братьями в конце 1430 г. Началась усобица, в которой Свидри-

гайло искал союза против Польши у императора Сигизмунда, охотно перенесшего на него план коронации великого князя виленского в литовско-русские короли, у немецких рыцарей Ордена, с которыми в 1431 г. Свидригайло и другие литовско-русские князья — Лугвений Ольгердович, Сигизмунд Кейстутович, Олелько Владимирович, Федор Корибутович, Семен и Михайло Гольшанские и др. — заключили оборонительный и наступательный союз у татар и волохов. Поляки также решают войну, требуя уступки не только Подолии, но и Волыни. Не буду следить за перипетиями начавшейся борьбы, отмечу только, что на первых порах Свидригайло действует от лица всего Литовско-Русского государства. Например, перемирие 1432 г. подписано с его стороны теми князьями, которые участвовали в договоре с немцами, и 22 панами почти сплошь литвинами, хотя уже встречаются русские имена.

Но настоящая опора Свидригайла, придающая своим характером особый смысл всему движению, выступила после его разрыва с Сигизмундом Кейстутовичем.

В августе 1432 г. Сигизмунд на дороге близ Вильно напал на Свидригайла, и тот еле ушел от него в Полоцк. Этот coup d'état был произведен литовскими панами по соглашению с поляками, и Сигизмунд был немедля провозглашен великим князем, причем на его сторону стали литовские земли — великое княжество в тесном смысле и Жмудь. За Свидригайлом остались, однако, русские земли-аннексы — Полоцкая, Витебская, Смоленская, Северщина, Киевщина, Волынь, восточная Подолия. «Князи и бояре и вся земля посадили Швитригайла на великое княжение русское», а Литва посадила великого князя Сигизмунда Кейстутовича на великое княжение на Вильне и Троках, — так характеризует создавшееся положение западнорусский летописец [1].

Таков момент, объясняющий, почему борьба Свидригайла за власть в Литовско-Русском государстве получила в глазах современников, как и позднейших историков, национальную русскую окраску. Впечатление это не нарушалось ни тем, что среди ближайших сторонников Свидригайла видим нескольких крупных представителей литовского панства, ни тем, что в заговоре против него участвовали некоторые русские княжата. Русские связи Свидригайла, действительно, весьма значительны. Ведь и раньше — в борьбе с Витовтом и Ягайлом — он опирался на украинские и белорусские силы. На Подолии и на Волыни, в Северщине, откуда он отъезжал в Москву с кружком местных княжат и бояр земли Северской, у него всегда были сторонники. И руководитель польской политики, Збигнев Олесницкий, утверждал, что Свидригайло добился великого княжения, главным образом, тем, что перетянул на свою сторону всех схизматиков, князей и бояр, обещая им править «за их радою» и «поднесть их веру», — что впрочем, было бы неправильно понимать как пункт религиозной политики: речь идет о возвышении православных элементов, их влияния и значения.

---

[1] «Ученые записки II отд. Ак. наук», т. I, стр. 50.

Болеслав-Свидригайло, литвин и католик, выступает в роли вождя русских и православных общественных сил Литовско-Русского государства. Каких? «Если присмотреться к спискам лиц, окружавших этого князя и павших в битвах в его войсках, то среди них мы встречаем цвет тогдашнего княжья и боярства, — замечает Довнар-Запольский, прибавляя, что — Свидригайла поддерживает многочисленное русское боярство — не как известная национальность, но как класс населения» [1]. А Грушевский свой вывод формулирует так: «Вин був речником не так руського народа як руськои аристократии, князив и можных панив. Тому боротьба руських элементив пид проводом Свидригайла була справою украинських и билоруських князив и панив. Народною войною... вона не була николи» [2]. Мало того, она не затронула широких общественных слоев украинских и белорусских, не говоря уже о народных массах. Отсюда «слабосильный, анемичный» характер всей этой борьбы.

Аристократический характер Свидригайловой партии еще более подчеркнут присутствием в ее рядах литовских князей и панов: братья Лигвеньевичи, Корибут, князья Гольшанские, Монивид и Иван Монивидович, Гедигольд и др.; все это — литвины-католики, сторонники Свидригайла. Даже среди польского магнатства можно отметить симпатии к Свидригайлу в противовес Сигизмунду Кейстутовичу. И тем не менее нельзя вполне отрицать своего рода национальный характер движения. Дело в том, что городельским привилеем вопрос о положении панства в государстве оказался связанным с вероисповеданием, а тем самым и с национальностью представителей панско-боярского класса. Только для «fideis catholicae cultores» были доступны должности воевод и каштелянов, только для них открыт доступ в господарскую раду. Основной же контингент рады состоял из воевод—главных наместников. Тем самым создавалось такое положение, что представителями великокняжеской власти в землях-аннексах должны были оказаться литовские паны. Это должно было придавать великокняжеской власти и ее представителям характер чужой, сторонней власти в землях-аннексах, и стремление этих земель иметь своего князя, опирающегося на местные силы и ими окруженного, естественно, сказалось как в предыдущей судьбе Свидригайла, так и в его положении после смерти Витовта, особенно после разрыва с Сигизмундом.

С другой стороны, память Сигизмунда Кейстутовича окружена в западнорусской летописной традиции, отразившейся в компиляции XVI в., так называемом списке Быховца, чрезвычайной ненавистью, опять-таки аристократических кругов, и прежде всего русских. Он-де «сильные окрутенства чинил подданным своим, а звлаща над рожаем шляхетским, невинне их карал и мордерства ад ними чинил, якие вымыслите могл, над всеми княжаты и паняты и рожаем шляхетским всех земель — литовских, русских

[1] *М. В. Довнар-Запольский*, Государственное хозяйство великого княжества Литовского, стр. 67.

[2] *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т. IV, стр. 206.

и жомоитских». Приписывая Сигизмунду Кейстутовичу политику чуть не в духе Грозного, летописец сравнивает его с Антиохом, Иродом и предком его Тройденом, называя его «окаянником». Замыслы его шли будто так далеко, что думал он «весь рожай шляхетский погубити и кровь их разлити, а поднести рожай хлопский, псю кровь». Опалы постигли Юрия Лигвеновича и Олелька Владимировича с сыновьями (Семеном и Михаилом). Наконец, летописец приписывает Сигизмунду такой адский умысел: созвать общий сейм княжат и панят и всякой шляхты, чтобы всех их вырезать. Уже разосланы были призывные листы, но воеводы виленский и трокский, Довгирд и Лелюша, узнав, в чем дело, призвали к себе князя Чарторыйского и втроем решили «князя Сигизмунда о смерть приправити», а Вильно и Троки передать Свидригайлу [1]. Исполнителями заговора являются князь Александр Чарторыйский, удельный князь с Волыни из земли Луцкой, «ritus et generis ruthenici» [2], по свидетельству Длугоша, и Скобейко киянин. Сигизмунд был убит в вербную неделю 1440 г. Это явно дело партии Свидригайла среди литовских панов и русского княжья. К нему уезжают братья Чарторыйского (сам же князь Александр уехал в Москву и был в Пскове наместником).

Все эти данные рисуют положение Свидригайла как вождя русских княжат и панят, причем сторонники у него были и среди панов литовских, видимо, тех, кто подобно Довгирду, бывшему наместнику на Подолии, составляли партию противников инкорпорации литовско-русских земель в состав Польского королевства.

Что касается Сигизмунда, то его выдвинула партия, более подчинившаяся польскому влиянию, более дорожившая унией. С его провозглашением на великокняжеский престол связаны два важных акта 1432 г. Первый подтверждал унию с признанием за Ягайлом верховной великокняжеской власти на Литве и обязательством не принимать королевской короны без воли королевской. Подольскую землю Сигизмунд уступал короне Польской «со всеми городами, замками и областями» от имени своего и своих преемников, уступал и спорные пограничные волынские волости. Волынь он сохранял пожизненно, а по его смерти все великое княжество со всеми землями должно было перейти к королю и короне Польской; «duces magni per utramque partem pro tempore eligendi» [3] — так называет грамота Сигизмунда возможных его преемников, отчетливо устраняя вотчинную наследственность, которая, напротив, подчеркнута по отношению к Ягайле. Он дает Сигизмунду, принимая его «in partem solicitudinis suae», «magnum ducatum terrarum suarum Lithvaniae et Russiae, ceterorumque dominiorum ducatus predicti et sua bona paterna, videlicet Vilnam et alia bona ad

---

[1] «Pomniki do dzejòw litewskich», изд. Нарбута, стр. 48—49.

[2] «русский по вероисповеданию и по крови»; *Длугош*, Opera omnia, т. XIII, стр. 619.

[3] «великие князья должны избираться, когда придет время, обеими частями»; «Supplementum ad historica Russiae monumenta», № 217.

ipsius patrimonium spectantia — de manu sua» [1]. Характерно особое упоминание о Волыни с обязательством для Сигизмунда давать ее в державу не иначе, как обязав наместника присягой и присяжной грамотой: «Quod... pro nobis fideliter tenebit et post decessum nostrum, nulli... nisi praefato fratri nostro, domino regi ac filiis suis, vel coronae Regni Poloniae, assignabit» [2]. И тут судьба Вильно отделяется от судьбы остальных составных частей Литовско-Русского государства, хотя и определяется почти вполне аналогично.

Так была заново подтверждена уния. Но нет уже речи об инкорпорации. Идея унии выступает чище и рельефнее.

Другой акт того же 1432 г. рассматривается часто как акт чрезвычайной важности, которым русские князья, паны и бояре уравнивались в правах с католиками-литовцами. С этим привилеем связан целый ряд странностей. Во-первых, выдают его не король Ягайло и не великий князь Сигизмунд, а польские послы, отправленные для заключения нового акта унии. Подтверждения его со стороны Ягайла нет. Впрочем, это само по себе не так еще важно, так как через 1½ года Сигизмунд, в 1434 г., выдал от себя привилей, повторивший содержание акта 1432 г. Но в чем его содержание? Привилей как бы разъясняет старые тексты, коими князьям, шляхте и боярам литовским даны права и привилегии, подобные тем, какими пользовались поляки, в том смысле, что они распространяются и на русских князей, бояр и шляхту русскую, которая, «как казалось», была до того исключена из этих преимуществ. Но речь идет о частно-правовых преимуществах, а не о том основном праве, которое всего больше имело значения, — о праве на занятие должностей.

Отношение Любавского к оценке этих актов двойственно. С одной стороны, само возвышение Сигизмунда он объясняет как реакцию литовского панства, которому возвышение русского княжья и русских панов стало угрожать потерею господствующего положения. С другой стороны, привилей 1432 г. он считает актом, который устранил различие между литвинами и русскими по отношению к занятию должностей, «хотя, — говорит он, — в привилее прямо не указывалось на это, но это разумелось само собой, так как ведь сказано, что principes, nobiles et bojares Ruthenorum будут впредь пользоваться теми самыми правами, какими пользуются principes, nobiles et bojares Lithvaniae. Но ведь эти права перечислены все, кроме права на должности, а чтобы столь важное право «разумелось само собой» , допустить никак нельзя» [3].

---

[1] «в участники своих забот»,«великое княжество своих литовских и русских земель и прочих владений вышеназванного княжества и свои вотчинные имения, т. е. Вильно и прочие имения, принадлежащие к его вотчине, из своей руки».

[2] «Что... будет держать ее верно в отношении к нам и никому после нашей смерти не передаст ее, кроме вышеназванного брата нашего, господина короля, или его сыновьям или короне королевства Польского».

[3] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 76.

Ведь привилей говорил о литвинах и русских потому, что городельский привилей говорил о гражданских правах баронов, нобилей и бояр terrarum nostrarum Litwaniae[1], разъясняя, что этого не надо понимать только относительно литовцев. Но он вовсе не касается того правила, что должности и участие в раде доступны только «fidei catholicae cultoribus»[2]. Нет никакого основания говорить об отмене этого ограничения в 1432 или 1434 г., но этим выводом вопрос не исчерпан, так как необходимо подчеркнуть, что дело идет о высших должностях в пределах собственно великого княжества Литовского. Такое понимание господствует в позднейшее время. Мне уже приходилось ссылаться на записку о составе рады XVI в. Тут читаем, что сенат великого князя, допускаемый к consilia secretiora[3], состоит из епископа, воеводы и каштеляна виленских и воеводы и каштеляна трокских. И к этим должностям, замечает неизвестный автор, не допускаются русские схизматики. В расширенной раде находим воевод новгородского, киевского, витебского, полоцкого, подляшского — они excluduntur a secretioribus consiliis [4]. Относительно этих должностей помянутая оговорка не повторена: она определенно отнесена только к первым четырем. Вообще по поводу грамоты 1432 г. Довнар-Запольский замечает, что «географическое ее распространение неясно». Она не дает повода говорить о рецепции польского права в русских землях, которые и далее жили по-своему [5]. Важнее вопрос о праве на должности. Действительно, когда в 1522 г. князь Константин Острожский был назначен на воеводство Трокское, это вызвало целую бурю со стороны литовских панов с Гаштольдом во главе, так как такое назначение они признавали незаконным. Но на наместничествах в землях-аннексах и в раде господарской встречаем русских, православных людей (Александр Нос, Семен Бельский). Трудно было бы обосновать их право на это текстами общеземских привилеев: им подобная практика противоречит, но практика налицо, и ее возникновение историки, естественно, ставят в связь с подъемом русских общественных сил в эпоху Свидригайла.

Вокруг него сплотились русские земли под руководством своих княжат и панят, выступили как сила, с которой пришлось считаться. Правда, и сплоченность этих сил и их значительность оказались невелики. Преследуя свои цели, руководящие общественные силы отдельных земель ведут свою политику. Уже в самом начале борьбы, в конце ноября 1432 г., к Ягайлу во Львов прибыла депутация от князей и бояр Луцкой земли бить челом в подданство королю и короне Польской. Ягайло выдал привилей, в котором признал за князьями, боярством и духовенством без различия

[1] наших литовских земель.

[2] «исповедывающим католическую веру».

[3] тайным совещаниям.

[4] исключаются из тайных совещаний. *М. В. Довнар-Запольский*, Спорные вопросы в истории литовско-русского сейма, «ЖМНПр.», 1901, № 10 (отд. отт. стр., 13).

[5] Там же, стр. 8, 12.

исповеданий, так же как за иноземными колонистами (немцами, евреями, армянами), те права, какими пользовались соответствующие разряды населения в Польше. Притом Ягайло обещает никогда не отделять Луцкой земли от Польши. Впрочем, наместник луцкий, князь Александр Нос, уже в апреле 1433 г. перешел со всей Волынью на сторону Свидригайла. Но этим колебания не окончились. В начале 1434 г. тот же Нос подчинил Волынь Сигизмунду Кейстутовичу. Изменил Свидригайлу и наместник подольский, Федько, князь Несвижский, передавшийся полякам. Измена грозила и в Смоленске, наперекор Свидригайлову наместнику, где по приказу его сожжен был митрополит Герасим. Но Смоленск все-таки поддался Сигизмунду. Изменили, «не видя себе ниоткуда помощи», Полоцк и Витебск. Дело Свидригайла казалось проигранным. Но на юге ему еще удалось продержаться. Его появление в Киеве вернуло под его власть и Киевщину, и Волынь, и Подолию. Но удержаться против Сигизмунда и поляков было немыслимо. Свидригайло круто меняет фронт и ищет сближения с Польшей против Сигизмунда.

1 июня 1434 г. умер старый Ягайло. Правительство панов — регентство в малолетство Владислава III — встретило новые планы Свидригайла весьма сдержанно. Зато галицкие паны, опираясь на конфедерацию галицкой шляхты, заключили договор с Свидригайлом о союзе против всех врагов до совершеннолетия короля; Свидригайло отдаст Польше Волынь, а галицкие паны за то выхлопочут у сейма гарантию его владений. Киевские бояре выдали при этом грамоту, обещая помогать и служить во всем королю и Польше и держаться, по смерти Свидригайла, только короля, к которому должны в таком случае перейти все владения Свидригайла, обещавшего связать в этом смысле присягой своих наместников. И договор этот имеет весьма реальные последствия. Галицкие паны организуют военную помощь Свидригайлу против великого князя Сигизмунда. Старосты земли Галицкой именуются старостами луцкими и действуют как таковые против попыток Сигизмунда вытеснить Свидригайла с Волыни и Киева.

Дело в том, что польская политика раскололась. Партия малопольских магнатов стремилась прежде всего к присоединению украинских земель. Вождь этой партии, Збигнев Олесницкий, не дорожил пресловутой унией. Его мечтой было раздробление Литовско-Русского государства, раздел его между сыном Сигизмунда, Михаилом, и королевским братом, Казимиром, с отрезкой части южных земель в пользу Короны, «чтобы Литва, поделенная таким образом, не смела дерзко сопротивляться власти королей польских, которым должна повиноваться» [1]. Но это течение встречалось с другим, не приносившим более широкие планы в жертву южным, малопольским интересам. Сторонники этого направления предпочитали поддерживать унию, подготовляя, по возможности, инкорпорацию всех литовско-русских земель в состав

---

[1] *Длугош*, Opera omnia, т. XIII, стр. 657—658.

королевства. Эта партия не склонна была поддерживать галицко-волынскую авантюру.

И сама авантюра эта не получила большого значения. Исторически она ценна как свидетельство той легкости, с какой возникали особые комбинации в политике южнорусских земель, судьбы которых местными силами направлялись не раз — и раньше, и позднее—независимо от судеб малоустойчивого литовско-русского целого.

На ближайшем, Серадзьском, польском сенаторском съезде 1437 г. униатская тенденция взяла верх, и сейм, в обмен на новое подтверждение Сигизмундом унии, попытался примирить Сигизмунда и Свидригайла возобновлением союза с Сигизмундом. Правда, это не прекратило его связей с галицкими панами, но нанесло такой удар его положению, что в 1439 г. волынские бояре отступились от него и признали власть Сигизмунда. Свидригайло, словно все потеряв, ушел в Валахию, когда убиение Сигизмунда в марте 1440 г. снова изменило все положение дел.

Вопрос о причинах гибели Сигизмунда очень сложен. Пал он от южнорусской руки. Исполнители заговора были из той среды, которая долго держалась Свидригайла, с ним связывала свои надежды, но постепенно отступила от него, утомленная его неудачами, его авантюризмом, его неспособностью организовать и вести последовательную и энергичную борьбу. На всех исследователей, занимавшихся историей Свидригайла, он производит в конце концов впечатление человека малодаровитого, хотя подвижного и энергичного, но без выдержанного, последовательного плана. С другой стороны, слишком разнородны были интересы и тенденции русских земель, чтобы легко было объединить их в общем политическом действии. Русская опора Свидригайла оказалась непрочной. Но примириться с реакцией в пользу господства литовского центра на Витовтовых началах, — а чего другого могли ожидать от Сигизмунда русские княжата и паны? — бывшие сторонники Свидригайла не могли. Они и совершают переворот, по-старому опираясь, видимо, на имя Свидригайла. Однако они не единая пружина переворота. Против Сигизмунда стоят и вожди литовского панства. Насколько имела тут значение так называемая «демократическая» политика его, проверить трудно (хотя Грушевский и указывает, например, что окружают Сигизмунда люди по большей части новые, невидные, о которых потом ничего не слышно) [1]. Но и помимо того можно указать два пункта поведения Сигизмунда, которые должны были оттолкнуть от него, с одной стороны, защитников литовской автономии и литовского господства над русскими землями — разумею уступку Подолии, — а с другой — сторонников тесной унии с Польшей, тех литвинов, которые подчинялись польскому влиянию и, главным образом, доставили Сигизмунду великое княжение, — разумею его нейтралитет в польско-немецкой борьбе, возобновившейся во время борьбы с Свидригайлом, отказ

[1] *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т. IV, стр. 228.

итти на Ливонию [1]. Во всяком случае были у Сигизмунда сторонники среди литвинов, ставшие по его смерти на сторону его сына, Михайлушки, за которого даже Жмудь поднялась.

Как бы то ни было, Сигизмунд погиб, убитый во имя Свидригайла. Ему и послали весть и призыв. И спешно является он на Волыни, уже титулуя себя «supremus (не только magnus) dux Litvaniae»[2]. Прежде всего возобновляет он союз с галицкими панами, обещая преданность Польше. Третьим кандидатом среди литовского панства — среди сторонников унии — был король Владислав. Но ни один из трех не стал великим князем. Вопрос решила партия литовских панов, во главе которой стал Ян Гаштольд, и добилась приезда в Вильно второго сына Ягайлова, Казимира, 13-летнего мальчика, взяв в свои руки регентство до его совершеннолетия.

Польское правительство не могло в это время энергично вмешаться в литовские дела. Польские силы были отвлечены борьбой за венгерскую корону для Владислава, и кандидатура Казимира была наиболее безопасным компромиссом между крайними тенденциями — униатскими и автономистскими.

Настало трудное время. Предстояло подвести итог десятилетней смуте, выяснить и учесть ее результаты, восстановить расшатанное здание Литовско-Русского государства и установить заново польско-литовские отношения; время пересмотра всего строя, время итогов.

---

[1] Сигизмунд иногда впадал совсем в тон Витовта: «Никогда мы не были ничьими подданными, и великое княжество наше никогда не было никому подвластно, и держим мы его не из польских рук, а занимаем престол его от бога наследственным правом по наших предшественниках», — так отвечал он на требование подчиниться польской политике по отношению к немцам.

[2] «верховный, не только великий, князь литовский».

ГЛАВА XIII

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ КАЗИМИРА ЯГЕЛЛОНЧИКА

Чтобы понять значение великого княжения Казимира, надо не терять из виду следующих черт в тех событиях, которыми характеризуется судьба Литовско-Русского государства по смерти Витовта за десятилетие 1430—1440 гг.:

1) Активная политическая роль русских княжат и панят в борьбе за великокняжескую власть сказывается и в том участии, какое приписывается современными известиями русскому элементу в доставлении великокняжеской власти Свидригайлу; и в той самостоятельной, независимой политике русских земель, которая дает Свидригайлу силу для продолжительной борьбы, а потом превращает его в беспомощного беглеца; наконец, в участии русских сил в гибели Сигизмунда Кейстутовича.

Прусский гроссмейстер так извещал поверенного Ордена в Риме о вокняжении Свидригайла: «По смерти же упомянутого Витовта литовские вельможи с общего согласия всех князей и бояр русских избрали на великокняжеский престол литовский пресветлейшего князя Болеслава, иначе Свидригайла» [1]. И это известие соответствует всем остальным данным, как и дальнейшему ходу событий. Поэтому вокняжение Свидригайла нельзя не признать весьма крупным и многозначительным событием в развитии литовско-русской государственности: это первая попытка объединить в одном акте провозглашение нового господаря сразу князем и великого княжества Литовского в собственном смысле слова и земель-аннексов. Свидригайло, можно так это выразить, стал uno actu, господарем Литовско-Русского государства во всем его составе. Обстановка, в которой это произошло, рисуется так: в момент кончины Витовта в Вильне был людный съезд князей и панов из разных земель Литовско-Русского государства; был тут и Свидригайло. Так возникло по случаю предполагавшейся коронации Витовта то «собрание литовских и русских князей и бояр», которое выдвинуло и провело в жизнь кандидатуру Свидригайла. Можно согласиться с Любавским, когда он называет [2] это собрание «предвестником позднейшего великого вального сейма всех земель великого кня-

[1] «Scriptores rerum prussicarum», т. III, стр. 494; *М. К. Любавский.* Литовско-русский сейм, стр., 65, прим. 55.

[2] Там же, стр. 65.

жества». Но он идет слишком далеко, когда затем говорит «об избрании Свидригайла на великое княжение на общем литовско-русском сейме», относя такой неосторожной фразеологией (стр. 165) возникновение учреждения к моменту отдельного, эпизодического факта, не имевшего продолжения в ближайшем десятилетии.

2) После переворота в пользу Сигизмунда Кейстутовича (1432 г.) «Литва же посадиша великого князя Жигимонта Кейстутьевича на великое княжение на Вильне и на Троцех... и приде Швитригайло на Полоцк и на Смоленск, и князи русские и бояре посадиша князя Швитригайла на великое княжение на Русское» [1], и наметившееся единство распалось. Русские земли — и южные и северо-западные — в дальнейших событиях действуют врозь, то поддерживая Свидригайла, то изменяя ему волей-неволей. Перед нами опять не одно литовско-русское политическое целое, а совокупность политических единиц, в которых местная государственность легко отрешается от общей связи, становясь самостоятельным политическим фактором, — «великое княжение Русское».

3) Свержение Сигизмунда Кейстутовича совершено заговором по инициативе литовских вельмож, призвавших к тому русские силы. Казалось бы естественным ожидать, что снова повторится то, что наблюдалось в 1430 г., т. е. что судьба Литовско-Русского государства будет решена совокупностью литовских и русских руководящих общественных сил. Но ничего подобного не произошло Литовская правящая знать с Гаштольдом во главе провозгласила великим князем 13-летнего Казимира Ягеллончика, взяв в свои руки регентство. Как же при этом решился вопрос о политической власти над землями-аннексами? Мне уже приходилось по другому поводу упоминать о том, как утвердилась великокняжеская власть на Жмуди. Жмудины, склонные признать Михаила Сигизмундовича, прогнали наместников прежнего старосты и избрали себе старостой жмудина Довмонта, но Гаштольд, с поддержкой влиятельного жмудина Контовта, добивается именем Казимира признания этого последнего старостой на Жмуди, старостой «по их воли», но временно; когда великокняжеское правительство окрепло, то «Контовта отняли», прежний староста, Кезгайло, вернулся на Жмудь. Приходилось мне ссылаться и на события, разыгравшиеся в то же время в Смоленске. Наместник, пан Сакович, узнав о смерти Сигизмунда Кейстутовича, привел смольнян к присяге, что им признавать того великого князя, какого посадят на великом княжестве Литовском, не отступать от Литовской земли, а пока держать у себя попрежнему воеводой его, пана Саковича. Но лишь боярская партия поддержала Саковича, остальная община его выгнала, призвала себе сперва Андрея дорогобужского, потом, когда уже состоялось провозглашение Казимира великим князем, Юрия Лугвеновича, и водворять снова власть виленского правительства в Смоленске пришлось вооруженной силой: «Той же осени на Филипповы запусты приде войско литовское ко Смоленску и

[1] «Ученые записки II отд. Ак. наук», т. I, стр. 50.

стояша полтрети недели, посады и церкви и монастыри пожгоша и людей много множество посекоша, а живых в полон поведоша и много зла сотворися» (1443 г.)[1]. Юрий Лугвенович бежал в Новгород Великий. О Витебске и Полоцке не слышно. Тут, повидимому, новое великокняжеское правительство не встретило затруднений. Зато на юге наблюдаются события, свидетельствующие о крайне затруднительном положении виленской власти — о возрождении своего рода удельщины. Ведь на Волыни появился снова Свидригайло, притом завязавший заново сношения с галицким можновладством. Этот пункт не мог не тревожить Ягайла. За галицко-волынской авантюрой Свидригайла чуялась политика малопольской панской партии, политика Збигнева Олесницкого, направленная к разделу литовско-русских земель, к осуществлению инкорпорации по частям взамен унии. Длугош, верный и хорошо осведомленный ученик Олесницкого, приписывает королю Владиславу такую «salubris intentio» [2] в отношении Литвы: Берестье и Подолию отрезать к Польше, Михаилу Сигизмундовичу оставить Троки, Дорогичинскую землю, захваченную мазовецким князем Болеславом, утвердить за ним, а Казимиру оставить остальные земли, с тем чтобы великое княжество Литовское направило всю энергию на расширение «in terris, quae nondum cultae sunt» [3]. Политика же Свидригайла тянула в конце концов к Польше и Волынь и Киевщину. Наконец, само допущение избрания Казимира в великие князья было лишь весьма условным. Длугош говорит, что Владислав послал брата в Литву как наместника, а не господаря («ut vicarius, non dominus»), и краковское правительство в переписке называет его только «dux Lithvaniae», не «magnus dux» [4]. Виленское правительство успешно вышло из всех затруднений с помощью ряда компромиссов. Прежде всего удалось перетянуть к себе Свидригайла, признав за ним Волынь пожизненно, придав ему еще Гомель и Туров. И он признал великим князем литовским Казимира, продолжая, однако, и к себе применять великокняжеский титул. Волынь сохранила особого князя. Получила особого князя и Киевщина (с Переяславщиной и Брацлавщиной) — она дана от имени Казимира Олельку Владимировичу, сыну Владимира Ольгердовича, которого еще в 90-х годах XIV в. «вывел» из Киева Витовт. К Казимиру в Вильну приехал «князь Олелько з Копыла з двома сыны, з князем Семеном и князем Михайлом и били челом великому князю Казимиру через всех панов рад о отчину свою о Киев; и князь великий Казимир на причину панов рад вернул ему Киев, отчину его со всими пригородки киевскими» [5]. Грамоты Олелька-Александра, киевского князя-отчича, имеем уже от начала 1441 г.

---

[1] «Ученые записки II отд. Ак. наук», т. I. стр. 54—55.

[2] «здоровое намерение»; *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, IV, стр. 232.

[3] «на землях, которые еще не возделаны».

[4] *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т. IV, стр. 233.

[5] «Pomniki do dziejów litewskich», изд. Нарбута, стр. 54; «Акты исторические», т I, стр. 488.

Это признание самостоятельной княжеской власти за Киевщиной и Волынью было уступкой местным элементам, чтобы оттянуть их от сближения (через Галич) с Польшей и связать с виленским центром хотя бы эфемерной связью признания Свидригайла и Олелька князьями из-под руки Казимира литовского.

Легко справившись с Михайлом Сигизмундовичем, которому пришлось бежать в Мазовию, новое правительство осталось лицом к лицу с одним спорным вопросом — о земле Дорогичинской. Судьба этой земли осложнялась следующими прошлыми моментами: в 1391 г. Ягайло дал ее «в вечность» князю Янушу мазовецкому, но через год ее отобрал Витовт. Затем Сигизмунд Кейстутович, ища союзников против Свидригайла, назначил князю мазовецкому, Болеславу, Дорогичинскую землю с тем, чтобы сохранить ее пожизненно в своих руках. В силу этого договора Болеслав и захватил спорную землю по смерти Сигизмунда. Литовское правительство протестовало, но на сторону Болеслава стали поляки. На съезде литовских и польских панов (в Парчове) 1441 г. последние требовали признания за Болеславом Дорогичинской земли и возврата Михайлушке его Трокского удела (по договору Сигизмунда Кейстутовича с Ягайлом). Спор этот в 1443 г. дошел до литовско-польской войны. Литвины с татарской помощью опустошили Мазовию, направив набег и в Галичину. Польское правительство мобилизовало шляхетское ополчение, но партия, опасавшаяся окончательного разрыва унии, и так в корень расшатанной, свело дело к перемирию. Дорогичин остался в руках литовских. Болеслав соглашался продать свои права за 6 000 коп грошей. Выкуп, повидимому, состоялся, несмотря на резкие протесты против такой уплаты в раде великого князя Казимира.

Так юному Казимиру и его литовской раде пришлось заново собирать Литовско-Русское государство. И большое дело только что было закончено с грехом пополам, как 1444 год принес новое коренное изменение всего политического положения.

10 ноября 1444 г. в битве под Варною без вести пропал король польский Владислав, оставшийся в истории с прозвищем Варненчика. Единственным возможным для поляков кандидатом на престол оказывался Казимир литовский. Но для можновладства польского избрание Казимира крайне усложнялось независимым положением, какое занял Казимир как великий князь литовский. И молодой господарь использовал это положение, опираясь на свою литовскую раду. Потребовалось большое дипломатическое искусство и большая выдержка, чтобы, с другой стороны, принятием короны Польской не расшатать, даже не утратить великокняжеской власти, не расшатать и связей, восстановленных с таким трудом, между отдельными западнорусскими землями и виленским центром.

Восстановив Литовско-Русское государство, Казимир приступает к восстановлению на новых, как увидим, началах и польско-литовской унии.

Получив приглашение вступить в управление королевством Польским и короноваться королем, как только выяснится, что

нет надежды на возвращение Владислава, Казимир обсуждает дело со своей литовской радой. Дело сразу сознательно и подчеркнуто ставится так, что поляки призывают на престол не просто принца польской династии, а господаря литовского, имеющего право на польскую корону. Поэтому Казимир все время действует как господарь литовский в окружении своей литовской рады. Ему необходимо принять корону не иначе, как с согласия политических сил Литовско-Русского государства, чтобы удержать одновременно и великое княжество и корону.

Это было не так легко. Литвины дорожили особым представителем верховной власти. Они, говоря по-новгородски, «вскормили себе князя» и боялись потерять его, утратить опору и центр своей особой системы управления. На первых же переговорах литовских панов с польскими возник вопрос об избрании вместо Казимира особого великого князя литовского, угодного литвинам, и даже о том, что Казимир останется правителем великого княжества, а другой князь (princeps), угодный обоим народам, станет во главе правления в Польше. Но сам Казимир вел дело к тому, чтобы объединить всю польско-литовскую правительственную власть в своей руке, и потому свел первую стадию переговоров к отсрочке и письменному обещанию дать ответ, после того как соберет «conventionem generalem cum terris Lithvaniae et Samogitiae ac Russiae» [1]. Так выражается Длугош. Наши историки, конечно, сейчас говорят о литовско-русском сейме, который должен был «разрешить» Казимиру принять польский престол, а ответ обещан был к 6 января 1446 г. — на польский сейм в Петрокове [2]. Но ни то, ни другое не было сеймом. И в Петрокове собирался только «wiec senatorski» польский, и в Вильно в первых числах января был съезд литовских и русских панов, — в каком составе, не знаем. Сообщая о ходе дел великому магистру Ордена, Казимир говорит только о собрании своих литовских панов. Вся эта фразеология уполномочивает только на предположение общего съезда правящей среды — наместников и воевод, князей, — т. е. общего съезда расширенной рады, но не сейма в техническом смысле слова.

С ответом в Петроков приехало посольство, состоящее из двух князей Острожских,—Василия Красного и Георгия Семеновича,— и четырех бояр-литвинов, Ивана Немировича Овача, каштеляна брестского, Андрея Довойновича и Михаила Монтвиловича. И они начали с заявления, что Казимир вступил на стол великого княжения Литовского не как князь, назначенный от короны Польской, на время и сменимый, которого поэтому можно бы отозвать по желанию на престол королевства Польского, но как подлинный и законный отчич, и правил «pleno jure et dominio, more praedecessorum suorum, magnorum ducum Lithvaniae» [3]. Установив эту

---

[1] «общий сейм с землями Литвы, Самогитии и Руси».

[2] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 111.

[3] «на полном праве и господстве, как его предшественники, великие князья литовские».

принципиальную точку зрения, послы ответа по существу не дали, настаивая на необходимости новой отсрочки ввиду неизвестности действительной судьбы Владислава.

И потянулись переговоры между польским съездом и Казимиром, который сидел в Бресте, окруженный своими литовскими и русскими панами. Переговоры эти характерны еще двумя тезисами, выставленными с литовско-русской стороны:

1. Ввиду восстановления унии литовско-русские паны настаивают на исключении из актов ее выражений, направленных к инкорпорации литовско-русских земель (Ягайло и Витовт писали: «omnes terras Lithvaniae et Russiae regno Poloniae, perpetuo — se incorporasse, univisse et apprорriasse»)[1], и замене их иными, чтобы не оказалось, будто прелаты, князья и бароны Литвы «regno Poloniae perpetuo esse obnoxios et quodammodo inferiores et subjectos»[2]. Действительно, сохранилась грамота Казимира в отрывке, где Казимир, уже титулуя себя польским королем, определяет польско-литовские отношения в следующих выражениях: «in fraterna caritate... confederamus, complicamus, componimus et liga perpetua colligamus, ut qui amicus esset Polonis, erit et Lithvanis et e contra»[3]. Уния должна быть понята как свободный союз равноправных в государственно-правовом смысле сторон.

2. Гарантия связи с Литовско-Русским великим княжеством Волыни и Подолии, включая и спорные пограничные волынские волости, также вписана в помянутую грамоту Казимира.

Но вопрос об этой грамоте спорен. Она сохранилась в выдержке, и хотя Казимир обязуется в ней соблюдать обещанное «sub honore et fide et juramento»[4], но весьма сомнительно, чтобы она была подтверждена польскими панами и чтобы она действительно была «соглашением литвинов с Польскою короною, установленным королем Казимиром в Парчове». Скорее это обещание Казимира в Бресте, ценное как выражение стремлений его литовско-русской рады. Рассказ Длугоша хорошо освещает условия этого дела. Польские паны уговаривали Казимира не ставить вопроса ребром, а сперва принять Польскую корону, что затем даст-де ему возможность решить «plena facultate» вопрос о спорных владениях и другие спорные вопросы. Казимир и пошел этим путем, приняв Польскую корону с тем (короновался 27 июня 1447 г.), чтобы разрешить позднее спорные вопросы польско-литовских отношений. И он в следующие годы ведет долгую борьбу с поляками за свою «plena facul-

---

[1] «что они все земли Литвы и Руси навеки инкорпорируют, соединяют и усваивают королевству Польскому».

[2] «подчинены королевству Польскому навсегда и в чем-либо занимают низшее положение и являются подданными».

[3] «в братской любви... соединяем (и т. п.) и связываем постоянным союзом, с тем чтобы, кто будет другом Польши, был бы другом и Литве, и обратно»; «Monumenta medii aevi», т. XII, pars II, № 6; ср. *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т. IV, стр. 239.

[4] «честью, верностью и клятвой».

tas»[1], отказываясь подтвердить польские привилеи. Не были подтверждены и прежние акты унии.

Что же она в этот момент собой представляет? Никогда еще так резко и определенно не выступал ее личный характер. Великий князь литовский Казимир есть в то же время и король польский, не связанный в понимании взаимоотношений двух государств своих никаким определенным актом, никакой формулой государственно-правового значения. И в таком положении уния осталась в течение всего царствования Казимира. Вопрос о ней не раз поднимался на польско-литовских съездах — в 1448 г., в 1451 г. Поляки настаивали на законной силе первоначального акта унии, унии Кревской, литвины категорически ее отрицали. Столь же спорным оставался и вопрос о государственно-правовом положении Волыни, обострившийся по смерти Свидригайла.

Когда в сентябре 1451 г. распространилась весть о тяжелой болезни Свидригайла, польский сенат обратился к Казимиру с требованием, чтобы он согласно с прежними записями — от Витовта до Свидригайла включительно — принял меры к инкорпорации владений Свидригайла в состав владений Польской короны. В противном случае сенаторы грозили конфедерацией польской шляхты для захвата Волыни.

Казимир уклонился от прямого ответа и решительных действий, указывая на опасность разрыва с Литвой, а в конце года, еще при жизни Свидригайла, на Волынь прибыли с военной силой князь Юрий пинский, Радзивил и Юрша, заняли волынские замки, и в момент смерти Свидригайла (10 февраля 1452 г.) Волынь была в литовских руках. Это вызвало целую бурю в среде малопольского панства с епископом Збигневом Олесницким во главе. Вопрос обсуждается на ряде малопольских съездов. Состоялось даже решение двинуть ополчение сандомирской, люблинской и галицкой шляхты для оккупации Волыни. Казимир оправдывался, уверяя, что литовские паны его не слушают и действовали самовольно. Идет он на уступки, подтверждает польские привилеи, с чем так долго тянул. И под его влиянием литвины, удовлетворяясь Волынью, не настаивают на возврате западной Подолии, оставшейся в польских руках, на изменении формулы унии.

Во всех этих отношениях чрезвычайно характерно выступает личная роль Казимира как носителя власти, стоящего как бы над и вне его двух государств, над и вне двух правительств, в роли иной раз суперарбитра скорее, чем правителя. И это положение особенно подчеркивается тем, что занять его пришлось господарю деятельному, энергичному и самостоятельному, каким был по натуре Казимир.

Его задача, цель всей его политики — укреплять и развивать значение и реальную силу своей власти, прочность созданного политического положения, а это то же, что укреплять и развивать государственное единство, общественно-политические связи, объе-

---

[1] «полную власть».

динявшие его владения. То, чего ему удалось достичь в Литовско-Русском государстве ко времени вступления на польский престол, было лишь внешней, неглубокой и неполной связью литовско-русских владений под его великокняжеской властью, частью лишь формальной как относительно не только Волыни, но и Киевщины. Местная сила, местная власть была в руках либо князей, либо воевод-наместников, либо наместников-державцев, старост, бояр и князей, военно-аристократического общественного слоя, державшего крепко основные, существенные, местные нити власти и управления на началах держания княжого (близкого к удельному господству), наместничьего, боярского. Обычно-правовые основы этого держания не только привилегия местного панства и боярства на второстепенные держания, но и обусловленность воеводской, областной наместничьей власти добровольным признанием ее со стороны местных общественных сил создавали для великокняжеской власти необходимость считаться с этими силами, действовать по соглашению с ними, искать в них опоры.

И Казимира Длугош изображает действующим по соглашению с литовско-русским панством, созываемым на «conventiones» или «conventiones generales»[1]. Любавский считает все эти conventiones сеймами литовских земель, великими сеймами и т. д. Но насколько следует осторожно обращаться с подобной терминологией Длугоша, легко показать на следующем примере. Любавский, следуя Длугошу, рассказывает, что в 1451 г. Казимир и его советники созвали-де «conventionem terrarum Lithvaniae»[2] для решения вопроса о Волыни и Подолии, и решение это осуществилось в посылке военной силы для оккупации Волыни[3]. Но возможно ли столь торжественно на сейме принятое решение объявить затем делом, которое совершено без воли и против настояний великого князя, как сделал потом Казимир? По отношению к Польше Длугош слово «conventiones» употребляет безразлично для съездов сенаторских, для сеймиков и сеймов, и потому его указания и для Литвы нельзя толковать по буквальному смыслу выражений, помимо иных данных.

Однако это были съезды «terrarum»[4]. В них, полагаю, можно видеть, и притом в более глубоком смысле слова, таких же предвестников литовско-русского сейма, как съезд 1440 г., провозгласивший великим князем Свидригайла. Мы лишь отрывочно, случайно имеем указания на состав этих «conventiones», указания на отдельных лиц, и лица эти — князья, воеводы, наместники, литовские и русские паны. Это нечто более широкое, чем рада: расширенное собрание ее, съезд державцев разной степени, съезды кормленщиков, сказали бы мы по-московски. Назвать их в строгом смысле слова сеймами мне мешает отсутствие данных для того, чтобы усмотреть в их составе элементы представительства земель, какое впервые встречаем в год смерти Казимира — в 1492 г.

---

[1] «съезды» или «общие съезды».
[2] «съезд Литовских земель».
[3] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 119.
[4] «земель».

В первую половину своего княжения Казимир Ягеллончик выступает преимущественно господарем Литовско-Русского государства и находит опору в своих восточных владениях против поляков с их притязаниями. Общественное возбуждение, вызванное волынским делом в 1452—1453 гг., затем начало большой польско-прусской борьбы втягивают его ближе в дела собственно польской политики, и настает время нового и резкого изменения его литовских отношений. Только пройдя через этот новый кризис, сильно осложненный поднявшимися национальными и религиозными вопросами и началом напряженной борьбы, Литовско-Русское государство вышло на путь новой, сеймовой государственной жизни.

50-е годы XV в. вскрывают одну из капитальнейших трудностей, служивших препятствием для мирного разрешения основного вопроса о польско-литовской унии. Сохраняя свою особую правительственную организацию, ведя свою особую политику, служившую особым интересам как внутренним, так и международным, Литовско-Русское государство нуждалось в личной деятельности господаря, в личном его присутствии на Литве. Отъезд великого князя в Краков, поглощение его сил и внимания делами польской политики отражались прежде всего на понижении энергии и дееспособности виленского правительства. Представительницей верховной власти на месте оставалась рада, но рада господарская без господаря не обладала сколько-нибудь достаточным кругом полномочий для успешного и твердого ведения дел управления, а тем более дел высшей политики — международных и внутренних, например, таких, которые касались отношений земель-аннексов к виленскому центру. Эти земли даже в наиболее мирные и спокойные моменты тянули к великому князю, сидящему в Вильне и в Троках. Если он как король польский пребывал в Кракове, то и земли либо ослабляли свои связи с центром, чувствуя себя предоставленными собственной судьбе, либо начинали — на юге — тянуть к Кракову вместо Вильны. Это положение дел, обусловленное личным характером великокняжеской власти, объясняет нам из существа тогдашнего политико-административного строя упорное стремление великого княжества Литовского иметь особого и, по возможности, суверенного великого князя. Оно осложнялось национальными и культурно-историческими отличиями Литовско-Русского и Польского государств, обострялось до крайности столкновением и противоречием их интересов, но создавалось, строго говоря, не ими, а существом политического строя и значением личной деятельности великого князя в практической политике.

То же — mutatis mutandis — надо сказать и об отношении интересов польской государственности к польскому королю, пребывающему на своем великом княжении Литовском и поглощенному его делами. Интересы—чисто практические—обоих государств, несомненно, страдали при таких условиях, чем и объясняется постоянная борьба Литвы и Польши за личность государя. Вспомним, что на всем средневековом Западе можно проследить признание отлучек государя с территории государства явлением ненормальным, что,

по мере развития конституциональных норм в недрах сословных монархий, привело, как, например, в Англии, к формулировке такой политической нормы, как отрицание за государем права отлучки без согласия парламента и признание такой отлучки равносильной отречению от престола. Главе государства принадлежала вся исполнительная власть. Его отсутствие парализовало дееспособность государственного организма вне будничных, текущих дел управления.

50-е и 60-е годы XV в. — весьма напряженное время в истории Польши. 13-летняя война с Пруссией (1454—1466 гг.) закончилась Торнским миром, который отдал полякам Поморье, Хельмскую землю и западную Пруссию и привел Орден в вассальную зависимость от короны Польской. Но война эта потребовала огромного напряжения, осложненная внутренней борьбой короля с шляхтой, ставившей расширение привилегий условием участия ополчения в походе. Нешавские статуты 1454 г. завершают целый период в развитии польского шляхетства, признав необходимость согласия сеймиков для созыва посполитого рушенья и издания новых узаконений. Эти дела на ряд лет поглотили Казимира. Из литовского господаря он обращается в деятельного короля польского и лишь изредка, урывками заглядывает в Вильно.

Литовские паны недовольны. Во главе литовской «фронды», как выражается Грушевский, стоит все тот же Гаштольд, глава литовской знати, тесно связанный и с русскими княжатами как тесть Семена Олельковича, киевского отчича, который по смерти отца, в 1454/55 г., сел на княжении Киевском.

Эта фронда требует избрания для Литвы особого великого князя. Длугош говорит о «plures motus» [1], поднятых Гаштольдом для нового изменения польско-литовских отношений. Казимиру приходилось отрываться от польских дел для поездок в Литву по этим делам. В польско-прусской войне не участвуют литовско-русские силы. Напротив, в 1456 г. рада отправила послов к Казимиру с требованием от имени панов и всего великого княжества вернуть великому княжеству Подолию под угрозой захвата ее литовско-русской военной силой и вернуться для постоянного пребывания в Литву. Ходили толки о кандидатуре в особые великие князья Семена Олельковича. Казимир поспешил в Литву, пробыл тут целую зиму, улаживая отношения, и свел дело к выдаче подтвердительного привилея 1457 г., где можно было то шире, то уже толковать обещание «панства нашего земли, великого княжества, не вменьшать але у границах, как же предки наши... Витовт... и иные держали и володели, також (эти земли) здорови, цели, держати... и щитити, а с божьею помочью... размножати». Гаштольд умер в 1458 г., но это не устранило дальнейших пререканий. В 1460 г. Казимир держит в Бресте «cum Lithvaniae primoribus tam conventum, quam consilium» [2], чтобы успокоить «infectas Lithuanorum fere omnium

[1] «многих мятежах».
[2] «с литовской знатью как сейм, так и совет».

mentes»[1], в 1461 г. видим Казимира в Вильне на «convento terrarum Lithvaniae et Russiae»; собрание это единодушно просит его либо лично и постоянно («personaliter et assidue») пребывать в Литве, либо назначить («constitueret») великим князем литовским Семена Олельковича. Казимиру удалось отсрочить вопрос. В 1463 г. на польский сейм в Петрокове прибыли литовские послы с требованием Подолии, Белзской земли и спорных волынских волостей во избежание разлития христианской крови. Казимир настаивал на разрешении спорных вопросов «jure potius, quam armis»[2] на польско-литовских съездах. На таких съездах и тянулись переговоры в 60-х, 70-х годах с вечными новыми отсрочками. В спорах подымались снова и другие вопросы — об особом великом князе для Литвы (по смерти Семена Олельковича в 1470 г. литвины просили у Казимира кого-нибудь из его сыновей; еще в 1480 г. — та же просьба, чтобы Казимир или сам оставался на Литве или сына дал), о новой формулировке унии. Но Казимир последовательной дипломатической игрой уклонился и от того и от другого, не желая ни делиться властью, ни восстановлять против себя литвинов подтверждением старых актов унии, ни поляков, которым формально обещал не давать литвинам грамот, нарушающих интересы Короны. Так государственно-правовое положение польско-литовского целого осталось неопределенным до самой кончины Казимира в 1492 г.

При таком положении дел рада великого князя литовского выступает, особенно во вторую половину правления Казимира, собственно с середины 50-х годов, как самостоятельный политический фактор, противопоставляющий себя своему господарю, в котором пришлось ей видеть не столько великого князя литовского, сколько короля польского. Ее значение как учреждения влиятельного и полномочного должно было окрепнуть. Но мы, к сожалению, не знаем, отразилось ли это как-нибудь на ее роли в делах управления. Повидимому, нет. Она остается советом при господаре, требовательным, готовым на «фронду», но не превращается в высшее административное учреждение, не приобретает полномочий исполнительной власти. Но, храня традиции регентства первых времен великого княжения Казимира, она поддерживает политику самостоятельности и целости Литовско-Русского государства, политику его объединения и централизации. Эта последняя тенденция сказалась в уничтожении возродившихся удельных княжеств. Захват Волыни Казимир выставлял делом своей рады, а когда в 1470 г., по смерти Семена Олельковича киевского, Казимир не дал Киева ни его сыну Василию, ни его брату Михаилу, а назначил наместником киевским Мартина Гаштольда (сына Яна Гаштольда), то это Длугош поясняет политикой литовских панов: Казимир последовал настояниям литовских панов, чтобы это княжество, подобно иным русским княжествам, обращено было «in formam provinciae».

[1] «возбужденные умы почти всех литовцев».
[2] «лучше правом, чем оружием».

Протесты киевлян, домогавшихся либо князя греческой веры, либо кого-нибудь из сыновей королевских, не желая склонять головы перед литвином, им равным, не князем, были подавлены угрозой военной репрессии. Родне Семена Олельковича Казимир дал княжество Слуцкое, на котором этот род и «захудал» [1]. Позднее один из Ольгердовичей, князь Бельский, попрекал киевских бояр, что они «зрадным обычаем сродника нашего Михайла Олельковича на Киеве зрадили и от нашего подданства отлучилися». Дело, видимо, воспринималось по крайней мере заинтересованными сторонами, как уничтожение удельно-вотчинного владения. «Король его милость граничную землю Киев на себе взял», — читаем в другом тексте [2]. Виленский центр решительно отрицал вотчинные права княжат. Про Олельковичей там говорили: «Дед их князь Володимер бегал на Москву и тем пробегал отчину свою Киев» [3]. На пожалование Семену Киева смотрели как на пожизненное держание. Сидели еще Лугвеновичи на Мстиславле, но после бегства Юрия Лугвеновича в Москву крупнейший город их удела, Могилев, перешел в управление наместничье. На княжениях сидели пришельцы на чужом корню, московские беглецы: внук Василия Ярославича серпуховского, умершего в московских железах, Федор Иванович — на Пинске, Клецке и Рогачеве, а за Днепром: Шемячичи—на Новгороде-Северском и Рыльске, князья можайские— на Стародубе и Гомеле. Но и они окружены были великокняжескими наместниками литовскими по соседним городам. Ахиллесову пяту Литовско-Русского государства составляли мелкие князья восточной Черниговщины, Рюриковичи «верховские» — Новосильские, Белевские, Одоевские, Воротынские и т. п., — которые стояли вне государственных связей Литовско-Русского государства, на своих вотчинах, находясь одновременно в докончании «послушания» «на обе стороны». Иван III писал о них позднее Казимиру (в 1491 г.), что «те князья на обе стороны служили со своими отчинами», а в договоре Василия Темного с Казимиром в 1449 г. читаем: «А верховские князи што будут издавна давали в Литву, то им и нынечи давати, а больше того не примышляти» [4]. Эти могли служить «с вотчинами» на обе или на любую сторону, как вольные отчичи своих уделов.

Если существуют исторические законы, то формула «государственное единство создается под давлением внешней опасности, политическое объединение выковывается в международной борьбе» выражает один из них. Потребности этой борьбы создали великое княжество Литовское, сплотили вокруг него земли-аннексы, создали польско-литовскую унию. Элементы трех народностей, слишком слабые для раздельной борьбы за существование, искали союза

---

[1] Гаштольд воеводствовал до 1480 г., потом из киевских бояр Ив. Ходкевич; потом снова литвин, католик Юрий Пац; после 1492 г. — друцкой князь Дмитрий Путятич.

[2] «Сб. Рус. ист. общ.», т. 71, стр. 501.

[3] «Pomniki do dziejòw litewskich», изд. Нарбута, стр. 61.

[4] «Акты западной России», т. I, № 50.

и опоры друг в друге, несмотря на глубокие внутренние антагонизмы. А последние десятилетия XV в. принесли новое и грозное напряжение международного положения Восточной Европы. Этот поворот обусловлен ростом Московского государства и образованием Крымского царства. Этими явлениями как бы восстановлялись внешние условия развития Литовско-Русского государства времен Ольгерда и Витовта, когда восточнорусские и татарские отношения играли такую доминирующую роль.

Время смут, разыгравшихся по смерти Витовта, мало пошатнуло положение Литовского великого княжества на восточной границе. Тут старая его соперница Москва была сама парализована усобицей во времена Василия Темного.

Взаимное положение Москвы и Литвы в первые годы правления Казимира хорошо отразилось в помянутом договоре 1449 г. Его задачу можно бы определить по-нынешнему, как «разграничение сфер влияния». Смута московская закончилась победой Василия, и великий князь московский с подручными удельными (можайским, верейским и боровским) устанавливает заново отношения к западному соседу. Союзный договор — не принимать взаимно недругов Дмитрия Шемяку и Михаила Сигизмундовича и быти на них за один; вместе через украинских воевод борониться от татарских набегов на украинские места; в случае кончины одного из великих князей другому печаловаться его детьми, как своими, не вступаясь в чужое великое княжение. Не вступаться московскому князю в Смоленск, ни во все смоленские места, что издавна к Смоленску потягло, а Казимиру не вступаться во Ржеву с волостьми. Но князь тверской с братьею и братиничи «в твоей стороне, а со мною, с великим князем Василием, в любви и в докончаньи». Затем о служилых князьях, которые служат из своих отчин Казимиру или Василию: их блюсти, не обижать. Идет перечень князей, служащих Москве: князь В. И. Таруский, Блудов, Хлепинский, Фоминский и др.; мещера; «такоже в Новгород и во Псков королю не вступатися» и не принимать новогородцев и псковичей, если те «имуть ему ся давати», а если Василий захочет их «показнити» за какую грубость — их не защищать. Рязанский князь с Василием Васильевичем в любви, и королю его не трогать, не обославшись с Москвой; но восхочет ли он служити Казимиру, то Василий за то не мстит ему. Верховские князья, что издавна давали в Москву, то и ныне, а не увеличивать.

Положение, конечно, далеко не то, что при Витовте. Литва отказывается от энергичной политики на востоке, отступается от Новгорода и Пскова. Расправа с мелкими удельными князьями Московской земли не находит отклика в политике Казимира. И даже события 70—80-х годов — падение Новгорода и Твери, фактический переход власти над Рязанью в московские руки — не выводят литовское правительство из состояния пассивности. Что парализовало Казимира? До 1466 г. — прусская война, затем — напряженность внутренних отношений, раздваивавшая его силы и энергию. По Длугошу, Казимир считал, что борьба с окрепшей

Москвой Ивана III возможна лишь соединенными силами Литвы и Польши и, когда литвины по поводу дел новгородских порывались взяться за оружие, уговаривал их, чтобы они не пытались вступать в борьбу с великим князем, усилившимся победами и богатствами, пока не обеспечат себе польской помощи, и не надеялись на русских, о которых знают, что они им враждебны из-за различия веры и могут в случае столкновения с Москвой скорее содействовать гибели, чем победе литвинов.

Как бы то ни было, в последней четверти XV в. Московское государство надвинулось на самую литовскую границу, и давление его на внутренние отношения Литовско-Русского государства усилилось, прежде всего на отношения пограничные. Уже в 70-х годах видим часть князей Одоевских на Москве (тогда как другие еще в Литве); в 80-х годах переходят под московскую власть Воротынские, Белевские. Подготовляются более крупные приобретения московской Руси в Чернигово-Северской области 90-х годов. Демаркационная линия между обоими государствами — линия полусамостоятельных крупных и мелких княжеств с разделом сфер литовского и московского влияний — стерта напором Москвы.

Такова одна грозная сила, под давлением которой суждено было в дальнейшем развиваться внутренним отношениям Литовско-Русского государства.

Другая выступает на юге. Тут во второй четверти XV в. Хаджи-Гирей положил начало прочной организации самостоятельной Крымской орды, с которой пришлось считаться продолжателям политики Витовта. Ведь одним из заветов этой политики можно назвать восстановление тяги к югу, к Черному морю. Подольский наместник Витовта, Гедигольд, построил каменный замок близ Белгорода-Аккермана; быть может, это тот «Черный замок» на днестровском лимане, который известен в середине XV в.; в то же время выступает замок и порт Хаджибей — отсюда идет польский хлеб в Византию. Малопольско-галицкая тяга в юго-западном направлении, польский идеал: от моря и до моря.

С 1469 г. во главе Крымской орды стоит Менгли-Гирей, союзник Ивана III ввиду союза Казимира с Ахматом, а Казимир в 1470 г. за себя землю граничную Киев взял! С 1479 г. Менгли-Гирей — турецкий вассал, и это вассальство закончило организацию Крымского ханства. 80-е годы полны татарскими набегами, как и 90-е и начало XVI в.

Эта серия набегов, все более грозных, открывается грозным 1482 годом, когда Менгли-Гирей, по настоянию московского посла, подступил 1 сентября под Киев, сжег город, взял замок, разграбил, уведя большой полон с воеводой (с Иваном Хоткевичем) и воеводской семьей. Иван III получил дар: золотую чашу и диск из св. Софии киевской. Разгром Киева вызвал большой переполох. Казимир мобилизовал все силы великого княжества от Киевщины до Витебска и Полоцка, от Берестья до верховских княжеств, согнав и много крестьян «на работу киевскую» — на восстановление города, по позднейшим известиям, будто до 20 000 топоров. Но этот

поход историки справедливо называют «внушительной демонстрацией», и только. До возрождения энергичной наступательной политики Витовта дело не дошло. Все нараставшая вражда с Москвой, с одной стороны, раздвоение сил «объединенного» правительства польско-литовского между польской и литовской политикой — с другой, наконец, само соперничество Кракова и Вильны из-за южнорусских земель делали энергичную и последовательную политику в этом направлении невозможной.

А гроза осложнялась широтой политических предприятий Ивана III. Он стремится объединить враждебные западному соседу силы. Известны его сношения с Менгли-Гиреем крымским; его дары и поминки, поддерживавшие настояния московских послов о постоянных набегах крымцев на владения Казимира; его сношения со Стефаном, господарем молдавским, сватом великого князя московского, с исконным врагом Ягеллонов — Матвеем Корвином венгерским. Отклоняя татарские набеги от Северщины, которую Москва прочила себе, Иван направляет татар на Подолию, на Киевщину, Волынь. Орда кочует «в королевских землях», хан строит крепость в устье Днепра — позднейший Очаков.

Этих указаний, пожалуй, достаточно для общей характеристики того давления внешней опасности с востока, под которым развиваются судьбы Литовско-Русского государства в последних десятилетиях XV и в первой половине XVI в., и перед ее напором вскрывается в последние десятилетия XV и первые XVI в. колебание внутренних связей, на каких держалось политическое целое, именуемое Литовско-Русским государством.

В начале 80-х годов разыгрывается внутренняя смута, известная под кличкой «заговора русских князей». Известие о ней читаем во второй Софийской летописи (т. VI, стр. 233): «Того же лета (1481) бысть мятеж в Литовской земле: восхотеша вотчичи — Ольшанской да Олелькович, да князь Федор Бельской по Березыню реку отсести на великого князя (московского) Литовской земли». Наши историки толкуют часто это движение как русскую и православную реакцию против литовско-польского католического господства. Но любопытно, кто эти «русские» князья, вожаки движения?

Иван Юрьевич Гольшанский или Ольшанский — из литовского княжеского рода, не Гедиминова, а от Ольгимунта, одного из литовских вождей. Одна из Ольшанских, Сонка, была второй женой Ягайла, а ее тетка, Юлиания, — женой Витовта. С другой стороны, рано встречаем Ольшанских на русской почве. Еще Иван Ольгимунтович был при Витовте наместником киевским (1396 г.). Они стоят в первом ряду литовско-русских княжат и связаны родством и свойством с Гаштольдом и Бельскими, с Чарторыйскими и Радзивилами. Женат Иван Юрьевич был на Анне Михайловне Чарторыйской, родной сестре того Александра Чарторыйского, от руки которого погиб Сигизмунд Кейстутович. Ольшанские были вотчичами в собственно великом княжестве. Их удельное княжество Гольшанское со стольным городом Ольшаны, на реке Ольшанке, притоке Березины. Были у них владения в Минской земле (Глуск)

и в Полесье, на юг от Пинска (княжество Дубровицкое). Типичные удельные служилые князья или княжата.

Михаила Олельковича знаем. Он — внук Владимира Ольгердовича, вотчич киевский, не получивший «отчины» по смерти брата Семена (ум. в 1470 г.) и вынужденный удовлетвориться другой незначительной вединой и отчиной, тоже на территории великого княжества Литовского, в Пинском Полесье, Слуцким княжеством.

Родич его, Федор Иванович Бельский, — внук Владимира Ольгердовича от старшего его сына Ивана Бельского и Василисы Гольшанской. Этому Ивану, родоначальнику Бельских, Ягайло дал в удельную вотчину Бельскую волость в Смоленской земле, город Бельск в северо-восточном углу ее, насупротив Ржевы.

Таковы действующие лица. В чем их деяния, известно нам очень мало. Больше слухов из вторых и третьих рук, чем сведений, сколько-нибудь достоверных и ясных.

Если Гольшанский и Бельский замышляли «отсесть» от великого князя литовского на московскую сторону земли по Березину, то в основе это — план отъезда с вотчиной. Но это московское известие отражает разве только последний момент истории, после поражения заговорщиков. Суть дела должна быть, повидимому, освещена иначе.

Перед нами заговор, метко названный у Грушевского династическим. Ольгердовичи (удельные) старшей линии, Бельский, младшей линии, Олельковичи, считали себя отчичами не киевского только, но и виленского стола. Внук Бельского писал в 1567 г. из Москвы Сигизмунду-Августу: «Ино наша была отчизна великое княжество Литовское, занеже прапрадед наш князь Володимер, великого князя сын Ольгердов, и как князь великий Ольгерд понял другую жену тверитянку и мое для другой своей жены прадеда нашего оставил, а дал тот столец, великое княжество Литовское, другой своей жены детям, сыну Ягайлу». Такие притязания легко могли подняться в эпоху кандидатуры Семена Олельковича на великое княжение Литовское.

Что же замыслили заговорщики?

Польские источники сообщают, что князья задумали убить Казимира, кто говорит на охоте, кто — на свадьбе Ивана Бельского с сестрой Александра Чарторыйского, но были выданы кем-то из «дворян» своих. Приняв эти указания, мы получили бы аналогию заговору, сгубившему Сигизмунда Кейстутовича, только без поддержки литовских магнатов. Но заговор был открыт. Бельский успел бежать в Москву и тут, вероятно, сулил земли «по Березину», лишь бы получить московскую помощь. Ольшанский и Олелькович схвачены и казнены 30 августа 1481 г. Мудрено видеть «недовольство русских князей тогдашним положением дел в великом княжестве Литовском» (Грушевский) и мудрено видеть и «борьбу центробежных сил удельных с верховной централизующей властью» (Папэ) в этой попытке захватить власть Казимира. Это был «заговор князей» «династически-родовой». Мы знаем имена только трех

участников. На «земли» они не опирались. Киевские бояре изменили Олельковичам, и при своей «измене» и остались.

Не более убедительна попытка связать «заговор князей» 1481 г. с очередными вопросами церковной жизни, волновавшими тогда литовско-русское общество.

Не в том, конечно, дело, чтобы разноверие не сознавалось как одно из препятствий к сплочению Литовско-Русского государства. Конечно, ведь и в политике Витовта уже играло роль это сознание, постоянно обостряемое неудобством для Литовско-Русского государства того, что центр православного церковного управления находился в часто враждебной Москве. С начала XV в. этот вопрос становится все острее, тем более что католическое направление политики великих князей литовских поддерживается и другим политическим мотивом: стремлением вырвать духовный меч из рук Ордена и лишить его поддержки западноевропейского мира указанием на христианский, католический характер страны, на которую обрушиваются удары крестоносцев, своей жестокостью лишь мешающие делу миссии, восстановляя население против немецкого запада. Уже тогда сплелись два вопроса: об отделении западнорусской церкви от московской митрополии и о соединении ее унией с католической церковной организацией. Ягайло о соединении церквей вел переговоры с митрополитом Киприаном, Витовт — с Цамблаком, который стал самостоятельным западнорусским митрополитом. Цамблак ездил на Констанцский собор и там перед папой говорил о соединении церквей. Ставленник Свидригайла, митрополит Герасим (потом им сожженный за смоленскую измену), пишет о том же Базельскому собору от имени русских князей и бояр. Но все это касается вопроса о соединении не русской, а всей восточной церкви с Римом, как деле вселенской церкви. Через пять лет (1439 г.) — Флорентийский собор. Но приезд Исидора с унией не вызывает никакого движения в Литовско-Русском государстве. Польское правительство не поддерживает Исидора, польская церковь тоже. Они на стороне Базельского собора, не Флорентийского. Русские князья признают Исидора митрополитом, но, жалуется Длугош, «unio illa... breviusculo duravit tempore, Graecis et Ruthenis eam irridentibus et contemnentibus» [1]. Казимир в 1451 г. признает власть московского митрополита Ионы, избранного Московским собором, над западнорусскими епархиями под влиянием Свидригайла и Олелька киевского, т. е. стоящего за ними русского боярства. Преемник и ученик Исидора, Григорий, был признан в конце 50-х годов особым митрополитом для западной Руси, хотя князья перед тем заявляли, что «мы ден о своем православьи смотрим о всем на господа бога и на пречистую его богоматерь и на своего господина в благочестии цветущего православного великого князя Василия Васильевича и отцом себе и учителем держим господина отца нашего митрополита Иону». Эти князья —

---

[1] «эта уния... держалась очень короткий срок, так как греки и русские не принимали и пренебрегали ею».

Семен и Михаил Олельковичи и Юрий Гольшанский. Они не хотят Григория. Но Григорию для укрепления позиции приходится искать и получить около 1470 г. признание и благословение патриарха Дионисия цареградского, объявившего его даже всероссийским митрополитом. Во всем этом в конце концов больше политической игры, чем церковно-религиозного движения, и не видать, чтобы перипетии ее волновали сколько-нибудь мирские круги общества, а политика князей своеобразно освещается подписями Михаила Олельковича, Федора Бельского, Дмитрия Вяземского под грамотой Мисаила митрополита 1476 г. к папе с выражением пожеланий о возобновлении переговоров об унии для того, чтобы привести в любовь и умиротворение обе церкви с сохранением обрядов и вообще церковной практики обеих, причем грамота одновременно подчеркивает и признание папы старшим вселенским всеначальнейшим пастырем (как на Флорентийском соборе) и зависимость русской церкви от православного константинопольского патриарха. При таких условиях трудно говорить о религиозных мотивах, как чуть ли не основной причине «заговора князей».

Любавский верит, что причина верно указана в словах литовских послов королю Владиславу, что некоторые из подданных княжат нашего милостивого пана, великого князя Александра, во времена Казимира «на его милость не для иного нижь для веры святой повстати умыслили», из которых одних Казимир за то скарал, а иные для того к Москвитину сбегли. Любавский и полагает, что «принуждения к латинству не было, но была попытка склонить к унии с Римом, к признанию папы главой церкви согласно определению Флорентийского собора, и притом попытка, отличавшаяся настойчивостью и требовательностью». Так он рассуждает о позднейшем отъезде князей в 1500 г., но религиозные мотивы выдвигает и для «заговора князей» 1481 г., указывая на запрещение 1481 г. русским строить и возобновлять церкви; впрочем, и сам он приходит к заключению, что «распоряжение 1481 г. либо вовсе не исполнялось, либо применялось только на Литве, среди католического населения». Правда, это ограничительное суждение он поясняет замечанием: «главари заговора поплатились жизнью; но, очевидно, попытка их была не без результата».

Политико-династические мотивы «заговора князей» 1481 г. выступают достаточно четко. О религиозных мотивах современные известия не говорят, а позднейшая мотивировка 1501 г. скорее всего переносит задним числом мотивы, игравшие роль в московской политике и политике княжат времен Александра, на 20 лет назад, а всего существеннее — отсутствие оснований для признания, чтобы за этим заговором стояло какое-либо заметное общественное движение. Этим я не хочу сказать, чтобы тяга недовольных княжеских элементов к Москве была беспочвенной; напротив, она имела свою культурно-историческую основу в национальных, бытовых и вероисповедных связях, поддержанных связями церковной организации. Но, повидимому, эти психологические мотивы не

выдвигались сознательно в событиях 1481 г., носивших скорее характер кружковой и династической интриги, чем общественного движения.

Все это отступление имело целью пояснить, почему я не вижу оснований выдвигать национальные и церковно-религиозные моменты в ряду факторов, поясняющих перипетии внутренних отношений Литовско-Русского государства во времена Казимира. Эти общественные мотивы выступают ярче и постепенно усиливаясь в течение XVI в. и особенно к концу его, когда усиливается значение в государственной жизни организованных общественных групп — сословий. Но в XV в. преобладает еще влияние руководящих сил — князей и панов, преобладают и мотивы политического характера.

ГЛАВА XIV

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ АЛЕКСАНДРА

Победа Казимира над «заговором князей» была победой объединения Литовско-Русского государства над опасностью нового взрыва внутренних смут в борьбе князей за власть великокняжескую. Работа над упрочением единства ведется активно и великим князем и радой, несмотря на вскрывшуюся их рознь. Но до конца княжения Казимира, до его кончины 7 июня 1492 г., государственно-правовое взаимоотношение Польши и Литвы оставалось неопределенным, как не видно и существенно новых, определенных шагов в деле организации государственного управления Литовско-Русского государства, его политического строя.

При таких условиях смерть Казимира являлась событием особенно крупного значения. Она ставила снова ребром вопрос об унии. Она же ставила на очередь и вопрос о положении носителя верховной власти в Литовско-Русском государстве, прежде всего по отношению к раде господарской. И то и другое выдвигало и третью коренную проблему — о взаимоотношении виленского центра и земель-аннексов. В годину смерти Казимира при нем в Гродне находились младшие сыновья, Александр и Сигизмунд. Рада убедила Александра остаться в Литве и взять управление в свои руки ввиду опасного положения государства, угрожаемого и Москвой и татарами. Так возникло регентство Александра с господарской радой. Сохранить единство Литовско-Русского государства от каких-либо потрясений и создать крепкое центральное правительство было первой его заботой. Для этого надо было действовать совокупно с землями-аннексами и поставить во главе управления своего особого великого князя. И в Городне по смерти короля Казимира (1492 г.) «початы посольства писати до Киева, до Смоленска, до Витебска, до Полоцка, до Луцка». А писалось в этих «посольствах» от имени Александра, сына Казимира, короля польского и великого князя литовско-русского, всем князьям, панам и земянам, верным слугам его отца. Александр сообщает, что отец умер, а его раде наивысшей, панам великого княжества Литовского, «виделось», чтобы он, Александр, остался в своей вотчине, великом княжестве Литовском и Русском, чтобы неприятели, «побачивши тую нашу пригоду, боже уховай, не сягнули на тое панство». «Про то жадаем вас, яко слуг отца нашего верных, — продолжает Алек-

сандр, — а приятелей наших, ажбы есте памятовали на присяги предков ваших и на свои, яко предки ваши и вы присягнули отцу нашему, господарю своему, верне по милости служити, якож есте и служили, дали бог аж до его милости скончанья. А на присягах своих то есте прирекли: есть ли бы бог отца нашего короля его милости не вховал, тогды иного господаря не мели есте мети нижьли сына его милости, который бы был господарем на великом княжестве, которого ваша милость згодившися посполу з братьею своею с паны-радою великого княжества Литовского оберете». Он выражает уверенность, что адресаты, «веру свою добре заховают», исполняя присягу, «и посполу з братьею своею с паны радою великого князя литовского за один будут» [1]. Итак, в чьих руках решение судеб государства? — «князей, панов и земян» всех и каждой отдельных земель «посполу», в «одиначестве» с радою великого князя литовского. Только коллективный акт обранья всеми этими элементами, «згодившимися» между собою, может дать Литовско-Русскому государству нового господаря.

Призывая к сохранению единства и совместному обранью, пишут паны-рада с нареченным епископом (электом) виленским князем Войтехом, воеводой виленским Николаем Радивилом, трокским воеводой Петром Яновичем, старостой жмудским Ст. Яновичем во главе и от себя «братьям и приятелям своим милым», напоминая им, что «их предки были завжды за один, посполу з великим князством Литовским» и что Казимир «обовязал и запечатал всих нас души», чтобы все они «служили верно его сыну, который будет господарем на великом княжестве Литовском», и выражая надежду, что это единение земель с великим княжеством Литовским не будет нарушено. При этом паны-рада поясняют, что они оставили у себя Александра, отнюдь не предрешая его избрания на великое княжение, а только по необходимости, «для того, иж бы земля была беспечна от сторон неприятельских». «Бо мы, — заявляет рада, — без вашое милости, братьи нашое милое господаря не хочем выбирати, олиж посполу згодившися со всеми вами, кого слюбим господарем мети, того собе оберем». И для того «положили» паны-рада «сойм у Вильни землям всем зъехаться на день св. Ильи, на выбранье господаря», приглашая представителей данной земли в любопытной по некоторой двойственности формуле: «аж бы есте на тот день там... ехали для тых всих дел и для доброго и посполитого земьского» — «и ваша бы милость старших вас десять або двадцать, або колько ся вам увидит на тот сойм к нам приехали и о тых делех с нами, братьею своею, помыслили, а иньших добрых людей, братью свою, абы ваша милость там заставили, при замку, для часу пригоды».

Сейм состоялся, и на нем выставлены были две кандидатуры — Александра и Семена Михайловича, внука Олелькова, князя слуцкого, который приехал с дружиной в 200 человек. И вот тут выступает известие о завещании Казимира. В грамоте Александра

[1] «Акты западной России», т. I, № 100; *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 135.

и рады к польской королевской раде, отправленной, повидимому, одновременно с рассылкой призывных листов на сейм, Александр сообщает полякам, что, как поведали ему панове-рада великого княжества Литовского, отец его заявил раде своей перед смертью, что корону Польскую поручает после себя Яну-Альбрехту, как известно это и польской раде. И Александр убеждает польских панов исполнить эту последнюю волю отца. О себе он тут еще не говорит, но сохранилась и другая грамота, обращенная также к раде коронной, где рада литовская иначе излагает «остаточную волю и росказанье» Казимира, именно, что он корону Польскую оставил Яну, а великое княжество Литовское — Александру, и потому-де рада литовская и просила его остаться в вотчине своей, в великом княжестве Литовском, по «росказанью и полецанию» отца. Убеждая поляков принять в короли Яна-Альбрехта, рада сообщает о созыве сейма для обранья «по воле и росказанью Казимира» Александра. «А то, — прибавляют они, — есмо вчинили для панств обапольных — а быхмо имели згоду — а быхмо были собе радни и помоцни в всих потребах». Наконец, третья грамота от рады литовской к раде коронной содержит ответ на призыв поляков, обращавшихся в Литву о присылке послов для совместного избрания короля—послы, которые выяснят литовскую точку зрения на это избрание в согласии с последней волей Казимира, уже посланы. Дается ответ и на призыв к восстановлению унии: «што есте ваша милость братья наша нам мовили, ать бы што было опущоно, а любо омешкано, а то бы было на том сойме оправлено: ино мы рады то слышим...» и благодарим за такую добрую волю, и даст бог в удобное время «хочем выправити до их милости, братьи нашое, послы наши».

Несомненна крупная важность этих актов, заявлений и событий. Перед нами первое ясное известие о литовско-русском сейме аристократически-вельможного состава не только для избрания господаря на все земли великого княжества Литовского, но и для иных совещаний о «добре посполитом». Перед нами момент, когда литовско-русское панство всех земель выбирает Александра без сношения с поляками, дипломатически ловко отклоняя и совместный выбор, чтобы иметь особого господаря, и соединение «обранья» с пересмотром унии, чтобы самим выбрать удобное для этого время, сперва сорганизовав свое внутреннее политическое положение. Есть известие у польских историков (Ваповский), что кое-кто из польских панов предлагал избрать Александра в короли, лишь бы сохранить единство власти, но прошел без труда выбор Яна-Альбрехта[1]. *Уния, ставшая личной при Казимире*, грозила обратиться в простой союз двух государств, тем более что Александр и не пытался получить от Польской короны формальное подтверждение.

30 июля совершился обряд возведения Александра на великое княжение, а 6 августа датирован его знаменитый привилей, в котором историки, естественно, видят результат сеймовых рассуждений о разных делах «для доброго и посполитого земского».

---

[1] Хроника Ваповского (Scriptores rerum polonicarum, t. II).

Привилей этот поистине можно назвать учредительной хартией по важности государственно-правового его содержания. Содержание это касается правового определения роли рады господарской в делах государственного управления и создает весьма определенное ограничение великокняжеской власти, устраняя приемы личного управления, личное начало в действиях верховной власти.

Первая половина привилея повторяет дословно привилей Казимира 1447 г. Затем идут новые статьи. Впрочем, первая из статей, содержащих эти «novas gracias et concessiones ac libertates» [1], вовсе не нова. Это — обещание не умалять земель великого княжества Литовского, но сохранить границы времен Витовта и Сигизмунда, а по возможности и расширять их. Притом Александр обязуется: 1) вести сношения с иностранными государствами — «partes exteras», — в числе которых, и притом не на первом месте, названо «regnum Poloniae» (Москва, орды Заволжская и Крымская, Валахия, Польша, Мазовия, Пруссия, Ливония, Псков, Великий Новгород, Тверь, Рязань) «de consilio dominorum consiliarorum nostrorum» [2], храня и все ранее заключенные договоры; 2) вообще всякие решения и дела, какие будут установлены, определены и решены с господами-радою нашею, не изменять, не исправлять и не отменять ни с кем другим; 3) а если подвергнутся обсуждению в совещании с радою какие-либо предположения и дела и не будут одобрены радой, то «pro isto super eos commoneri non debemus» [3], но что они нам посоветуют для нашей и общей пользы, так мы и исполним; 4) не давать никаких должностей и держаний («dignitates, tenutas et alia omnia officia») [4], ни вотчин никакому иноземцу или пришельцу, но только уроженцам великого княжества; 5) не требовать ничего за пожалование духовных и светских должностей или держаний ни нам, ни иному кому, разве кто добровольно поднесет нам что чести ради; 6) ни у кого должностей и держаний не отнимать без совета (приговора — «consilio») рады нашей; если же кто будет обвинен в расточении и разорении добр наших, должен быть осужден по суду перед нами, а без вины никого должностей не решать; 7) держать всех наместников, воевод, державцев, тиунов и всяких vicegerentes по-старине в их чести и доходах по обычаям каждой земли; 8) при вакансии на державу или тиунства отдавать их вновь по представлению воевод заслуженным и достойным людям; 9) должности и держания в замках и городах, хотя бы отдаленнейших («in metis remotioribus»), раздавать по обсуждению с радой нашей, по заслугам и достоинству; 10) все пожалования, данные или грамотой обещанные отцом нашим, сохранить за теми лицами; данные же им до воли своей и мы сохраним до воли нашей и рады нашей; 11) что сами раздадим до воли, то в нашей воле, как и утверждение таких пожалований в вечность (без

---

[1] «новые милости и уступки и свободы»; *Dzialyński*, Zbiór praw litewskich, стр. 58.

[2] «с совета господ советников наших».

[3] «настаивать на этом мимо них мы не должны».

[4] «почетные должности, держания и всякие прочие должности».

рады?); 12) все доходы наши таможенные, мытные и иные, вины и всякие другие поступают в нашу казну и расходуются на земские нужды по приговорам («consilio») нашей рады, и не должны мы брать эти суммы из казны или вывозить из страны без соизволения («sine voluntate») рады нашей, хотя бы и не было ближайшей в них нужды. Характерно, наконец, обязательство: «plebeios super nobiles non debemus extollere, sed totam nobilitatem conservare in sua honestate» [1].

Значение этого конституционного акта ясно. Создавалось в центре Литовско-Русского государства правительство нового типа. Прежде всего я решился бы потому на 1492 год положить грань двух периодов в истории Литовско-Русского государства, что основной принцип средневекового государственного управления — активная личная роль монарха — сводился этим привилеем на-нет. Господарь-вотчинник юридически превращался в должностное лицо, стоящее во главе учреждения — рады, вне которой круг его деятельности оставался крайне узким и ограниченным.

Конечно, привилеем 1492 г. только завершается долгое развитие, начало которого можно искать в эпоху Витовта, а сильный прогресс — в критические годы по его смерти в эпоху созревания и силы в условиях Казимирова княжения. Но новые политические начала, назревшие в фактических отношениях всего XV в., в 1492 г. получают правовую формулировку, углубление, расширение и определенность, которые выдвигают их на первый план в дальнейшем развитии литовско-русского политического быта. Откуда такая сила рады господарской? Ее политическая роль опирается на широкую и мощную социальную базу. Она стоит во главе того землевладельческого и военного класса, которого разные слои называем князьями, панами, земянами, боярами, сумев объединить их вокруг себя, связав их интересы, опекаемые и развиваемые в привилеях, со своими политическими притязаниями. Эта опора рады, землевладельческий класс, в то же время — административная сила, которая на наместничествах и воеводствах, тиунствах и держаниях держит в руках своих все управление. И держания эти, раздаваемые по правилам, сложившимся в ряд обычно-правовых норм, ставшие кормленщицкой привилегией боярского и панского класса, гарантированы как сословное право привилеем 1492 г., и притом право, реализация и заведывание которым уже не в руках господаря, а в такой же, если фактически не в большей, степени в руках рады и ее членов, наместников и воевод.

Такова одна из существенных сторон тех условий, в которых принял власть великий князь Александр Казимирович.

Другая — в особом складе польско-литовских отношений. Уже весной 1493 г., ввиду опасности, что разыграется война с Москвой, Александр и рада великого княжества обращаются к Польше за военной помощью. Эти переговоры сохранились в записях Литов-

---

[1] «мы не должны возвышать плебеев над шляхтой, но содержать всю шляхту в ее чести».

ской метрики. Но записи не изданы; только Любавский и Грушевский приводят кое-какие выдержки из переговоров 1494—1496 гг.[1]. Король готов дать братскую помощь, но препятствие в том, что пришли в забвение «записи», «в которых досыть широко и разумно выписано, которым обычаем собе посполитыи панства мали бы ее вспомогати», — надо их восстановить и держаться. Но московская опасность улажена дипломатическими сношениями, хотя дело было тяжелое. В начале 1493 г. отъехали с вотчинами к Москве князья Воротынские, захватив и два господарских города, Серпейск и Мещовск. За ними приехал князь Мезецкий и князья Белевские, Новосильские. Пограничная война, попытки литовских воевод отстоять спорные территории кончились неудачей, и в начале 1494 г. Александру пришлось заключить договор с Иваном III, по которому признаны за Москвой все ее захваты за платоническое обязательство впредь служебных князей с вотчинами не принимать, а Рязань писана «в стороне» великого князя Ивана. Договор, не мирный только, а союзный, скреплен браком Александра с Еленой Ивановной. Каков бы ни был этот мир, он развязывал руки виленскому правительству в отношениях к Польше. Но осенью 1494 г. вопрос об унии снова поднялся с польской стороны. Ян-Альбрехт ввиду набегов татар на Подолию и неудачной битвы с ними под Вишневцом призывает Литву к общим военным действиям на юге, предлагая составить новые записи об унии, «слушным, а радным обычаем, без ображенья чсти и без шкоды обоего панства». Дело было несколько подвинулось, однако, только в 1496 г., когда Александр вызвал поляков на представление проекта унии «волю свою вказати, которым обычаем мел тот запис вделан быти». Поляки прислали в Вильно с послами какую-то копию акта унии, где рада не нашла ничего «шкодного», «ани нарушене, ани понижене чести з обу сторон» и не отказывалась «того запису дати и подтвердити». Не знаю, что это за «копия». Грушевский предполагает, что с городельского акта[2]. Но ничего из этого не вышло, так как рада великого княжества ставила условие, чтобы все другие акты, старшие и позднейшие сравнительно с подтверждаемым, были раз навсегда признаны не имеющими силы. Польские паны не взяли на себя ответственности за принятие литовской формулы подтвердительной грамоты и уехали. Тогда литовская рада отправила в Польшу своих послов с проектом «записи». Грушевский указывает на проект унии, напечатанный в III томе Codex epistolaris saeculi XV, который, действительно, по составу рады, надо отнести к 1496—1498 гг. и по духу родственен литовским проектам времен Казимира. Тут находим уступку — подтверждение прежних трактатов унии рядом с новизной, вместо инкорпорации говорится о союзе да еще с оговоркой, что если какой-либо стороне обстоятельства помешают итти на помощь, то это не должно считаться нарушением унии; а вместо избрания

[1] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 138 и сл.; *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т. IV, стр. 256—258.

[2] *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т. IV, стр. 257—258.

великого князя по взаимному согласию — об избрании литвинами господаря из польской династии, и то лишь в случае беспотомственной смерти великого князя (в противном случае, видимо, предполагается избрание из его сыновей). Подобный проект не мог быть принят поляками, и переговоры оборвались, чтобы возобновиться в 1498 г. опять в связи с военными делами. Весною 1498 г. Подолия и Галицкая земля подверглись страшному опустошению со стороны турок, уведших в плен до 100 000 человек. Осенью они вернулись новым набегом. Ян-Альбрехт заключил союз с Владиславом венгерским и Стефаном волошским, обратился с призывом и к Александру. Тот выразил готовность итти со всеми силами, но паны-де-рада не хотят быть, «зупелне радны и помоцны», пока нет между Литвой и Польшей «ровных и слушных записов», «без уйму почесности обоих панств»; требовали паны-рада и удовлетворения по пограничным спорам на Волыни. С литовским предложением проекта записи на началах «ровного злученья» явились послы в Краков в феврале 1499 г., и уния была подтверждена в форме подтверждения Городельской унии с более точным определением, что ни великого князя, ни короля нельзя выбирать без участия панов обеих сторон, но стилизация грамоты устраняла инкорпорационные термины и вообще приближала договор к тому проекту союза, который отвергли поляки в 1496 г.

Любавский полагает, что акт унии 1499 г. был принят на вальном сейме всех земель великого княжества Литовского, указывает и срок сейма — июль 1499 г., не подтверждая, однако, этого никакой ссылкой. Это очень сомнительно. Скорее тут дело ближайшей рады Александра, признававшей ранее возможным подтвердить городельский привилей по копии, подтвердившей унию 1499 г., как и ту унию 1501 г., которую позднее, на Люблинском сейме, литвины категорически отвергали как никогда не получившую подтверждения сейма, признавая ее текст только «посольскими артикулами», которые законной силы никогда не имели и на деле не соблюдались.

Чрезвычайно характерна указанная связь всех возобновлений переговоров об унии, о новой более точной и прочной ее формулировке, с моментами усиления то для Литвы, то для Польши внешней опасности. Она вызывалась сознанием, что ни у того, ни у другого государства нехватает собственных сил для самозащиты от соседей. Но не один внутренний антагонизм политических сил в польско-литовском целом объясняет трудность разрешения задачи. Ведь идеальным решением было бы полное слияние всех составных частей этого целого в одно государство с одним сильным правительством. Но для этого нехватало единства общих потребностей даже в области внешних отношений. У каждого из двух государств были свои враги, свои внешние задачи, во многом чуждые контрагенту униатской связи, и каждое из них стремилось обеспечить себе поддержку сил соседа, сберегая в то же время свои силы для самого себя. Для образования единого Польско-Литовского госу-

дарства не было не только прочной внутренней основы (в единстве национальном, социальном, культурном, бытовом), но и достаточно крепких и устойчивых внешних политических условий. Это особенно ярко выступает, если вспомнить, что даже внутри каждой из половин польско-литовского целого мы наблюдаем значительную двойственность тенденций и интересов: в Польше между великопольской и малопольской политикой, в литовско-русском мире — между южнорусскими областями и виленским центром.

Эти общие условия, объясняющие слабость унии, сказались очень наглядно в событиях начала XVI в. «Вечный союз, подтвержденный в 1499 г., в сущности мало гарантировал и Польше и Литве взаимную поддержку» [1]. Возобновление московско-литовской войны в 1500 г. обнаружило ненадежность расчетов на польскую помощь в тяжелую для литовской Руси годину военных неудач с такою силою, что толкнуло на этот раз виленское правительство к попытке создать более тесное единение с Польшей.

Известно, что мир между Александром литовским и Иваном III, хотя и скрепленный брачными узами, оказался непрочным. Вследствие брака Александра с Еленой лишь усложнились взаимные отношения Москвы и Вильно, с одной стороны, вопросами вероисповедного характера, с другой — попытками Ивана III подчинить зятя своему влиянию в делах общей политики. Иван требовал, чтобы придворная жизнь Елены была обставлена, как подобает православной княгине. Александр, согласившись на сохранение женой ее вероисповедания, подчеркивал приватный характер этого обстоятельства. Так, Иван требовал, чтобы дочери его «поставили церковь греческого закона на переходах подле ее хором», т. е. дворцовую. Александр возражал, что «князья наши и паны, вся земля имеют право и записи на предков нашиих, отца нашего и нас самих, а в правах написано, что церквей греческого закона больше не прибавлять, так нам этих прав рушить не годится». А княгине-де близко ходить и в городскую церковь [2]. Иван стремился сохранить при Елене окружение русского двора — московских бояр и детей боярских; Александр торопил московскую свиту Елены отъездом, предпочитая окружить свою княгиню своими людьми своей веры; Иван стремился поставить Александра в зависимость от своей политики по отношению к Крыму и Молдавии, пользуясь дружбой своей с Менгли-Гиреем и Стефаном-воеводой для давления на Литву, и вмешивался даже во внутренние отношения литовской Руси, протестуя против проекта выделить Киев и другие города в управление младшему Казимировичу, Сигизмунду, и т. п. Все это осложнялось пограничными спорами — захватом отдельных волостей после мира 1499 г. на московскую сторону и препирательством из-за требования Ивана, чтобы виленское правительство титуловало его великим князем «всея Руси», в чем выражалась целая, далеко смотрящая политическая программа. Сноше-

---

[1] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 142.
[2] «Сб. Рус. ист. общ.», т. 35.

ния с дочерью служили для Ивана путем разведок о внутренних делах великого княжества Литовского, о внешних его отношениях, о силах, какими оно располагает на случай столкновения с Москвой, а розмирье между Москвой и Литвой быстро созревало и разразилось к 1500 г. Рост московского могущества, широкий размах политики Ивана III усиливали давнее влияние московского центра на русско-литовские отношения, особенно в межеумочной по политическому и государственно-правовому положению области Чернигово-Северской. Для колебавшихся между Москвой и Литвой владетелей удельных княжеств в этой области московское притяжение становилось почти непреодолимым как тем давлением, какое Москва оказывала в пограничных отношениях, так и теми выгодами, какие связывались со службой московскому государю. Ведь каким-нибудь Бельским закрыты были пути к большой политической карьере в Литве в силу католического склада всей придворной среды, а Москва, принимая их, ставила сразу в первые ряды влиятельных сил большого государства.

В начале 1500 г. приехал в Москву князь С. Ив. Бельский бить челом великому князю, «чтоб пожаловал, принял его в службу и с отчиною», ссылаясь на то, что «терпят они в Литве большую нужду за греческий закон». Эта мотивировка вызывала сомнения в нашей исторической литературе. М. К. Любавский, разбирая данные pro и contra, приходит к заключению, которое мне уже приходилось цитировать: «нет сомнения, что принуждения к латинству не было, но была попытка склонить к унии с Римом, к признанию папы главою церкви согласно определению Флорентийского собора, и притом попытка, отличавшаяся настойчивостью и требовательностью» [1]. Эта попытка мало нам известна, но факт подтверждается данными, собранными в IX томе «Истории русской церкви» Макария, особенно показанием современника, краковского каноника Сакрани, в сочинении «Истолкователь заблуждений русской веры», Краков 1500 г. В ней видную роль сыграл смоленский владыка Иосиф, которому Александр за то обещал киевскую митрополию. В Москве же никогда не делали различия между принятием унии и переходом в католицизм. В глубь мотивов Бельского данные источников нас не вводят. Преобладание религиозных побуждений кажется весьма сомнительным, тем более что ясна причина, почему они выдвинуты в переписке того времени на первый план. Вот что писал, приняв Бельского с вотчиной, Иван III своему литовскому зятю: сообщая о челобитье в службу князя, Иван поясняет, что принял его с отчиною потому, что хоть в мирном договоре 1494 г. и написано впредь служебных князей с отчинами не принимать, но прежде ни от Александра, ни от его предков такого притеснения в вере не бывало. И Бельский приводит тот же аргумент в грамоте, которой слагает с себя крестное целование Александру [2].

За Бельским потянули к Москве и другие — Василий Ив. Шемячич, Семен Ив. Можайский — бывшие московские беглецы —

---

[1] «ЖМНПр.», 1898, № 7.
[2] «Сб. Рус. ист. общ.», т. 35.

с Новгород-Северском и Рыльском, с Черниговом, Стародубом, Гомелем и Любечем. За ними — менее значительные князья — Мосальские, Хотетовские. Иван III, приняв их с вотчинами, послал войско для охраны новых приобретений и «складную грамоту» Александру.

Весною 1500 г. московские войска вступили на территорию литовской Руси, заняв ряд городов и волостей. Литовское войско было разбито 14 июля у реки Ведроши (близ Дорогобужа). Поляки были отвлечены защитой южной границы от татар и угрозой турецкой войны...

Таково было положение литовской Руси, когда 17 июня 1501 г. умер король Ян-Альбрехт и снова стал на очередь вопрос о польско-литовских отношениях. На Петроковском сейме королевства Польского появились литовские послы («nuntii et oratores» великого князя Александра и всех великого княжества Литовского светских и духовных прелатов, баронов, панов, рыцарей и шляхты) и обменялись с польской радой документами 3 октября 1501 г., содержание которых обыкновенно называют «прелиминариями унии»[1]. Тут обе стороны объявляют во всеобщее сведение, что «licet veteres fuerint inscriptiones amicitiae et foedera...»[2], полезные и для королевства Польского и для великого княжества Литовского, «tamen cum aliquid videretur in eis contineri ab optima et sincera fraternitatis fiducia discrepans» [3], то поэтому «ob solidiorem communis et mutuae caritatis fraternae connexionem perpetuam, dominiorum defensionem communem» [4] решили «veteras ipsas confederationes innovare et moderare... sub articulis infra scriptis: primum quod Regnum Poloniae et Magnum Ducatum Lithvaniae uniantur et conglutinentur in unum et indivisum ac indifferens corpus ut sit una gens, unus populus, una fraternitas et communia consilia; eidemque corpori perpetuo unum caput, unus rex, unusque dominus... vocis communibus eligatur»[5]. Выбирают «presentes et ad electionem convenientes» [6], притом так, что избрание «absentium obstantia... non impediatur» [7]. Нельзя не отметить этой оговорки как свидетельства, насколько еще неясна была в ту эпоху идея представительства. Акт избрания («decretum electionis») будет храниться в Польше. В избирательном собрании все обладающие епископским, воеводским и кастелянским достоинством («episcopali, palatina, castellanea dignitate») литовцы будут заседать и голосовать «modo

[1] «Codex diplomaticus Poloniae», № 196, 197.

[2] «хотя бы и были старые записи дружбы и союзы...»

[3] «однако когда что-нибудь покажется в них содержащимся такого, что отступает от лучшей и искренней верности братства».

[4] «ради более прочной вечной связи общей и взаимной братской любви, ради общей защиты владений».

[5] «обновить эти древние конфедерации и согласовать... в следующих артикулах: первое, что королевство Польское и великое княжество Литовское объединяются и сливаются в одно нераздельное и однородное тело, чтобы был один народ, одно племя, одно братство и общие совещания; и этому телу да выбирается соединенными голосами всегда одна голова, один король, один господин...»

[6] «присутствующие и собирающиеся для выборов».

[7] «не опорачивается... возражением отсутствующих».

et ordine, quo consulent consiliarii regni»[1]. Таков состав собрания: соединение двух рад.

Далее речь идет о разрешении всех вопросов государственной жизни «communi consilio»[2], причем «nos, utriusque dominii Prelati et Barones»[3], обязуются «invicem»[4] помогать всеми силами, «prospera et adversa tanquam communia reputantes»[5].

Устанавливается единство монеты. Договоры с иностранными государствами соблюдаются, поскольку не противоречат интересам другой стороны. Новые члены рады и должностные лица присягают в верности королю и соблюдении взаимных записей. Коменданты военных округов и крепостей клянутся никому их не передавать, «nisi Regi electo et coronato»[6]. Все это соглашение должно быть подтверждено «juramentis et inscriptionibus», «per singulos, consiliarios atque barones et ex nobilitate precipuos»[7] великого князя литовского, в чем клянутся и присутствующие послы и советники великого князя литовского и дадут в том записи за своими печатями, «quod sub tempore per universos prelatos, barones, nobiles et bojaros Lithvaniae firmabuntur»[8], и притом буквально: «literis... cavendo»[9]. Вот эта клаузула и придает всему документу характер прелиминарного договора.

Далее оговорка, что обе стороны друг другу ручаются, что «regia majestas»[10] сохранит все права и преимущества, порядки и законы. И каждый король, вновь избранный, будет подтверждать все права королевства Польского и великого княжества Литовского «sub uno contextu»[11], причем и все установленное выше будет подтверждаться присягою «tam consiliariorum modernorum, quod futurorum, etiam capitaneorum atque horum, qui ex nobilitate ad praestanda juramenta veniant»[12]. И никогда никто с той или другой стороны не должен стремиться к нарушению этих соглашений, к расчленению этого «incliti unius corporis praesentibus uniti, compacti et conglutinati»[13]. Кончаются документы обещанием подписавших польских и литовских панов стремиться всеми силами к осуществлению, укреплению и развитию заключенной унии[14].

---

[1] «способом и порядком, каким посоветуют советники королевства».

[2] «общим советом».

[3] «мы, прелаты и бароны обоих государств».

[4] «взаимно».

[5] «считая счастье и несчастье общим делом».

[6] «кроме избранного и коронованного короля».

[7] «клятвами и записями», «всеми панами-радными и баронами и лучшими представителями шляхты».

[8] «что со временем будут утверждены всеми прелатами, баронами, шляхтой и боярами Литвы».

[9] «да будет гарантировано в письменной форме».

[10] «королевское величество».

[11] «в одном контексте».

[12] «как нынешних панов рады, так и будущих воевод и тех, кто явится к принесению присяги из шляхты».

[13] «славного единого тела, объединенного, собранного в одно и слитого в лице присутствующих».

[14] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 144.

Прелиминарное соглашение требовало подтверждения унии общим литовско-русским сеймом. Но обстоятельства военного времени не дали возможности исполнить обещание. Александр поспешил в Польшу, чтобы утвердиться в королевской власти, и 23 октября принял и подтвердил присягою акт унии, составленный согласно с прелиминарным соглашением, только с теми панами, которые находились при нем. Этот акт унии и носит характер ратификации со стороны Александра состоявшегося соглашения. Притом Александр обещал привести «omnes Prelatos, Duces, Barones, Nobiles, Proceres et communitates nobiliores nostri Ducatus Lithvaniae», «ut omnia in praesentibus nostris literis et praeinsertis articulis contenta acceptant, approbant, ratificant et confirmant»[1]. Этот акт дан Александром в Мельнике, откуда он отбыл в Польшу. Тем и кончилась документальная история унии 1501 г. Этим предопределилось государственно-правовое значение ее. Позднее литовские паны на сеймах перед Люблинской унией доказывали, что уния 1501 г. и не состоялась, так как не была подтверждена всеми «станами» великого княжества, да и не соблюдалась фактически, так что этот привилей и уния Александровская не может считаться обязывающей Литовско-Русское государство. И когда в 1505 г. польские послы требовали от Александра, чтобы, по крайней мере, даны были им подтвердительные грамоты на унию всех влиятельных лиц, не подписавших ее акта, пришлось ответить, что великий князь требовал таких «реверсалов» от всех панов рады и по всем землям великого княжества, но «тыи, которые при тых записех не были, и тыж многие земли, которые ж прислухают к великому княжеству, тых реверсалов послати не хотели для некоторых причин, в которых же ся их милости трудно видело».

«Таким образом, — заключает М. К. Любавский, — в конце концов литовцы отвергли унию, заключенную их (?) послами и подтвержденную господарем в 1501 г.[2]. И польским политикам пришлось безуспешно хлопотать дальше о заключении унии на основании актов 1501 г. до самого 1569 года, завершившего эту историю попыток создать сколько-нибудь прочную правовую форму для польско-литовского объединения. Акт 1501 г. по содержанию — первая настоящая «уния», соединение равноправных свободных народов.

Пичета («Литовско-польские унии и отношение к ним литовско-русской шляхты») несколько преувеличивает значение унии 1501 г. для вопросов внутреннего строя Литовско-Русского государства, полагая, например, что «если бы уния 1501 г. превратилась в реальный факт», то «литовское боярство должно было бы лишиться своего авторитета», так как она-де «уравняла бы права польской

[1] «всех прелатов, князей, баронов, шляхту и более знатных городов нашего Литовского княжества», «чтобы они приняли все содержащееся в нашей нынешней грамоте и вышеприведенных пунктах, одобрили их, ратифицировали и утвердили»; см. «Zbiór praw litewskich», стр. 77—81.

[2] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 147.

и литовско-русской шляхты, лишив радных панов того значения, которое они приобрели по привилею 1492 г.» [1] Несомненно, однако, что именно магнатство литовское провалило осуществление этой унии. Впрочем, на то были и иные причины, вытекавшие из отмеченных выше общих исторических условий. Отсутствие достаточной солидарности во внешних интересах обоих государств ослабляло основную опору унионных стремлений — потребность во взаимной военной поддержке. Польша более чем слабо помогала Литве в борьбе ее с Москвою, и реальных выгод от унии не получилось. Ввиду отсутствия этих реальных выгод понятно, что почва для оппозиции литовских сепаратистов была весьма благоприятна.

Как бы то ни было, великое княжение Александра не разрешило вопроса о польско-литовских отношениях, не выработало устойчивой государственно-правовой формы унии. Надежда на польскую помощь против Москвы обманула. Александру с 1500 г. пришлось вести переговоры о мире при дипломатической поддержке послов венгерского брата Владислава и заключить в 1503 г. перемирие на 6 лет (до 25 мая 1509 г.), уступив Ивану, «государю всея Руси», земли отъехавших в Москву князей Стародубских и Бельских, Шемячича, Трубецких и Мосальских, 19 городов и в том числе такие крупные пункты, как Чернигов, Стародуб, Брянск, Путивль, Рыльск, Новгород-Северск, Гомель и др.

---

[1] См. «Сборник статей, посв. В. О. Ключевскому», М. 1909, стр. 619.

ГЛАВА XV

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ СИГИЗМУНДА

19 августа 1506 г. Александр умер, и с его смертью снова наступал критический момент для польско-литовских отношений. Литовское правительство не считало себя связанным договорами 1499 г. и унией 1501 г. и не думало об обязательстве не выбирать великого князя без предварительного соглашения с поляками. Назначен был в Вильне съезд всех земель великого княжества, и 2 октября 1506 г. избран был, как «дедичный и прироженый господарь», младший Казимирович, Сигизмунд, литовскими панами и княжатами «со всеми землями, прислухаючими к великому князству». Повторились условия избрания Александра.

Называть ли собрание 1506 г. вальным сеймом? Любавский правильно отмечает, что тут не было «послов» от воеводств, а был, очевидно, съезд магнатов и вельмож, собравшихся на зов «без процедуры избрания» [1]. Такой съезд едва ли можно рассматривать как «учреждение» и применять к нему в техническом смысле слова термин вального «сейма». Но спорить об этом не значит ли спорить о словах? В 1506 г. в Вильне был «сойм» представителей руководящих политических сил всех земель литовской Руси, и его решение было актом общей их всех «политической воли»... Избрание Сигизмунда было признанием за ним господарской власти со стороны всех земель Литовско-Русского государства, как за господарем дедичным и прироженым: сохраняется еще чисто средневековое сочетание династических прав с необходимостью признания их за данным представителем династии так называемой «народною волей», которая тут уже выражается вельможами — правящим слоем общества. Антидинастические тенденции, сказавшиеся и на этот раз в толках о кандидатуре Михаила Глинского (как при избрании Александра в кандидатуре Семена Михайловича слуцкого), не имели практического значения. Избрав Сигизмунда, паны-рада, духовные и светские, и все участники избирательного сейма били челом новому господарю о подтверждении прав и вольностей, и Сигизмунд, связав себя за два дня до избрания (18 октября) письменным обязательством в этом смысле, 7 декабря выдал в Городне подтвердительный привилей, утвердив его присягой.

---

[1] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 149.

По форме и значению это подтверждение привилея 1492 г., но в одном пункте он углубляет и расширяет политическое значение рады господарской. Вот этот пункт: «item super statutis et consuetudinibus approbatis et laudatis, antiquis servandis aut novis condendis promulgandisque et plurimis, quae erunt ordinanda pro communi utilitate Reipublicae ac Nostra, non nisi cum matura deliberatione ac cum scitu et consilio consensuque dominorum consiliariorum nostrorum Magni Ducatus Lithvaniae tractabimus ac disponemus» [1], т. е. Сигизмунд обязывался не изменять и не пополнять существующих порядков и узаконений, иначе как с ведома, совета и согласия панов-рады великого княжества Литовского. Формально это, пожалуй, ничего не меняет сравнительно с привилеем 1492 г. Но более категорическая и отчетливая редакция позволяет признать, что привилей 1506 г. более твердо и точно установил необходимое по праву участие рады в функциях законодательной власти [2]. Так определилось положение нового господаря литовского и русского.

Но поляки, тщетно напоминавшие через особых послов о соглашении 1501 г., убеждая литовцев не приступать к избранию господаря отдельно от Польши, парализовали политические последствия виленского акта, избрав на польский престол того же Сигизмунда. Фактически уния была этим спасена от нового потрясения.

Положение было формально улажено, когда все добытые результаты подверглись сильнейшей встряске, известной под названием восстания Михаила Глинского. Нельзя сказать, чтобы в исторической литературе достаточно установилось определенное воззрение на смысл этого восстания. Антонович называл его «последней попыткой реакции русских князей против польско-литовского направления» и для Грушевского это — «последний пароксизм борьбы русского элемента, собственно русских князей и панов, с ненавистной им системой в великом княжестве Литовском», а для Любавского «это было проявление политического своеволия, выросшего на почве того феодализма, каким насквозь было проникнуто Литовско-Русское государство, с его системою частного подданства, с его многочисленными государями-землевладельцами, и отчасти проявление национального антагонизма в недрах этого государства, русские области которого были недовольны политическим преобладанием Литвы» [3].

---

[1] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 150, прим.: «также мы не будем ничего решать и постановлять относительно статутов и обычаев, одобренных и обнародованных, относительно сохранения старых и издания новых, которые нужно будет ввести для общей пользы государства и нашей, иначе как по зрелом рассуждении и с ведома, совета и согласия господ панов-радных наших великого княжества Литовского».

[2] Ср. мельницкий привилей Александра 1501 г., передававший правительственную власть сенату, сохраняя за королем скорее только примат, чем власть.

[3] *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т. IV, стр. 281; *В. Б. Антонович*, Монографии, т. 1, стр. 241 — 244; *М. К. Любавский*, в «ЖМНПр.», 1898, № 7.

В герои национального движения Глинский не годится. Homo novus, почти выскочка в княжеско-вельможной среде, он не мог быть носителем старых традиций. Человек огромной энергии, натура честолюбивая и с широким размахом, смелый авантюрист и превосходный организатор, знаток военного дела, Глинский в момент борьбы за существование и положение сумел, однако, использовать те связи, какие имел в русской магнатской среде, и те антагонизмы, которые разъедали Литовско-Русское государство, чтобы раздуть свое личное дело в большое движение, с трудом подавленное правительством Сигизмунда. Известно, что род Глинских вел себя от какого-то татарского князька Лексы, выехавшего из Орды на службу Витовта. От Витовта Глинские получили вотчины в Переяславщине (Глинск) и в этом родовом гнезде обрусели, приняв православие. Двух Глинских встречаем в раде Свидригайла. Но крупное значение Глинские получили, ненадолго, только благодаря князю Михаилу Львовичу. В молодых годах он поехал учиться за границу, на Запад, и там принял католицизм. Долго жил при дворе императора Максимилиана (который его не забыл и позднее: когда Михаил Львович очутился в московской темнице, хлопотал за своего питомца), служил при дворе курфюрста саксонского, побывал в Италии и Испании. Изучив досконально современное военное искусство, став человеком европейского образования, Глинский возвращается в Литву и сразу занимает видное место при дворе Александра. Личное влияние его на великого князя было поистине огромно, и он пользуется этим, чтобы как homo novus в вельможной среде укрепить свое положение рядом связей и отношений, возвышая с помощью великого князя свою родню и своих знакомцев с Руси. Так определяется позиция Глинского в виленской правительственной среде. В годину резкого ограничения великокняжеской власти он — наперсник великого князя, эксплоатирующий и возбуждающий энергию его личной власти, часто наперекор раде. В виленском центре, литовском и католическом, он — опора возвышения людей с юга, из земель-аннексов, русских и — хоть сам католик — православных. Его враги вражду свою поясняли тем, что из-за него «rex possessiones et prefecturas, praeteritis ceteris optimatibus, ad unum Michaelem ac ad consanguineos eius Russios deferebat» [1]. Сам Михаил Львович стал «маршалком дворным», ближайшим лицом к великому князю, заведуя великокняжеским дворцом, брат его Иван — киевским воеводой, третий брат, Василий,— старостой берестейским. Чуть не половину Литвы, уверяли противники, захватил Глинский через родственников, свойственников и приятелей своих. Для одного из свояков Глинского великий князь даже отнял вопреки привилею 1492 г. Лидское наместничество. Рада запротестовала, но Александр вторично нарушил ее права, приведя в исполнение опротестованное решение, а затем пошел и дальше, отняв Трокское воеводство у главного врага

[1] «король, минуя прочую знать, передавал имения и воеводства одному Михаилу и его русской родне»; *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т. IV, стр. 282, прим. 3.

Глинских, пана Заберезинского. Дошло до того, что на съезд 1505 г. многие паны не приехали, опасаясь насилия со стороны Глинского, и подверглись великокняжеской опале. Фантастическая карьера Глинского получала политический смысл, так как вызвала личную власть великого князя на борьбу против привилегий рады и неприкосновенности без суда воеводских и иных должностей-держаний. Понятно, что с этой карьерой Глинских связан крупный рост их владений и держаний. В их руках, кроме Глинска, — Путивль и Туров, ряд волостей и вотчин в Киевской земле, немало владений, разбросанных в других областях. Из второстепенного южнорусского боярского рода они выросли в крупную силу, равную и даже превосходившую любой магнатский род. Но все это держалось силой привязанности Александра и грозило рухнуть с его смертью. Связав Сигизмунда накануне избрания обязательством подтвердить свои привилегии, рада не замедлила восстановить его против Глинского. Михаил Львович потерял маршалковство и державы, брат его был переведен на низшее воеводство. Глинский, чуя опалу, удаляется в свои отчины, завязывает сношения с Москвой и Крымом, готовя восстание. В сношениях с Москвой, в стремлении привлечь на свою сторону русские княжие силы, Глинский выдвигает русские интересы, жалобы на притеснение православия. Вспомним, что он еще остается католиком. Наши источники не дают ясного ответа на вопрос о замыслах Глинского. Приписывали ему стремление завладеть великим княжеством Литовским, либо оторвать на московскую сторону пограничные области. Предполагают мечту — с помощью Москвы и татар создать для себя независимую власть над русскими землями Литовско-Русского государства. Последнее подтверждается вполне определенно одним русским известием, которое давно напечатано, но, странным образом, не фигурирует в изложении историков, писавших о Глинском. Оно потом было тщательно затушевано в московских летописных сводах, как содержащее клятвенное обязательство московского правительства перед Глинским, которого потом не исполнили да, вероятно, с самого начала не собирались исполнять. Договор был заключен на том, чтобы Глинским вместе с великокняжескими воеводами воевати Литовскую землю «и которые литовские городы возьмут и на тех градех сидети князю Ивану (Глинскому) с братьею, а великому князю в те грады не вступатися и на том на всем великого князя дьяк Губа Моклоков правду дал» [1].

Московское войско пошло на Литву осенью 1507 г., а Глинский из Туровщины открыл наступление в феврале 1508 г. к северу, братья же его действовали в Киевщине, но сколько-нибудь широкой поддержки движение не встретило. За Глинскими русские земли не пошли. Незначительной оказалась и энергия московских войск, а хана крымского и вовсе не удалось поднять. Видимо, союзники Глинскому не верили, опасаясь личных его целей. Только личная энергия Глинского сделала его восстание на мгновение

[1] ПСРЛ, т. VI, стр. 53 и 247; т. VIII, стр. 249.

опасным — Вильне и Ковну пришлось от него защищаться. Почву для своего развития нашло восстание скорее в пассивности местных сил, которые если не стали за Глинского, то и не двинулись против него, заняв как бы выжидательную позицию. Повидимому, и Сигизмунд так думал. Конец 1507 г. застал его в Кракове. Отсюда он посылает против Глинского польское войско и сам идет с дворским полком. Литовские силы под начальством гетмана Константина Острожского присоединились к королю, и Глинскому пришлось отступать под защиту войск московских к Орше. Отступили за Днепр, а тут королевское войско вытеснило врагов из литовских границ.

Тем дело и кончилось. С Москвою был заключен 19 сентября 1508 г. вечный мир ценою уступки навеки того, что было уступлено по перемирию Ивану III за отказ Москвы от захватов этой войны. Сторонники Глинских получили право выезда, и потянулись за ними князья Друцкие, Одинцевичи, Жижемские, Козловские. Пошло после ратификации договора с Москвой следствие, скомпрометировавшее ряд крупных вельмож, как Альбрехта Гаштольда, воеводу новгородского, маршалка Александра Ходкевича и др. Судили их король с панами-радой, но дело неясно, так как позднейшие известия (Кояловича) о лишении их рыцарской чести и конфискации их имений — прошение 1511 г. — весьма сомнительны.

Все дело Глинского — своего рода повторение истории «заговора князей» 1481 г., без глубокого общественного или национального значения. И сам же Грушевский, например, возводя его в значение «последней конвульсии украинско-белорусской аристократии», сознает, что перед ним — беспочвенное движение, «имевшее скорее фамильный, чем народный характер». Нет в нем даже «настоящей русской аристократии», и Грушевский заключает, что «недобитки русских княжих и панских родов помирились с второстепенной ролью в великом княжестве» [1]. Оно и понятно. Русская «аристократия» оставалась очень мало втянутой в общегосударственные интересы Литовско-Русского государства, живя местной жизнью. Лишь польские отношения да смена правящих лиц интересовали ее в центре, а такие явления, как заговор 1481 г. или восстание 1507—1508 гг., были вызваны партийной борьбой в среде сил, влиятельных в виленской правительственной среде и дорожившей этим влиянием.

Если эти движения — «последние» конвульсии чего-либо, то разве старой удельности, того «литовского феодализма», о котором говорит Любавский. Это эпизоды, имевшие весьма мало влияния на ход внутренней эволюции Литовско-Русского государства. Движение Глинского — драматический эпизод, наибольшее влияние оказавший на ряд событий в отношениях Литовско-Русского государства и Москвы. С ним связано возобновление их борьбы после перемирия 1503 г., раньше чем истек срок перемирия, и непрочность «вечного мира», нарушенного уже в 1512 г. Глинский

[1] *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т. IV, стр. 291.

глубже ввел московское правительство в понимание западных отношений, побудил его завязать сношения с Данией (не имевшие успеха) и с императором Максимилианом против Сигизмунда. Эти последние переговоры завершились союзным договором между московским и австрийским двором. В феврале 1514 г. приезжал в Москву императорский посол Георг Шнитценпауер фон Зоннегг, а 7 марта едут с ним в Вену Дмитрий Ласкирев и дьяк Елизар Суков как русские послы. Шнитценпауер превысил свои полномочия и подписал договор о союзе с целью вернуть Ордену (как части империи) земли, отнятые у него Сигизмундом, отнять Киев и прочие русские города у Сигизмунда в пользу Москвы. Серьезного значения это не имело, но сыграли эти переговоры свою роль в настроении московского правительства. Василий в декабре 1512 г. уже ходил под Смоленск, но первая осада была неудачна. Летом 1513 г. состоялся столь же бесплодный второй поход. Но в следующем году, несмотря на необходимость разделить силы ввиду союза, какой удалось Сигизмунду заключить с Менгли-Гиреем и Казанью, Смоленск был взят. Тут Глинский вспомнил о прежнем договоре с Москвою и выразил притязание на Смоленский удел. В Москве, повидимому, толковали дело так, что тогда речь шла о землях в южной Руси и что Смоленск под уговор не подходит. Разочарованный князь завязал сношения с Сигизмундом, получил гарантии и пытался бежать из московского войска, но был схвачен и попал в темницу, из которой не вызволило его и принятие православия, а освободила лишь позднее женитьба великого князя на племяннице.

Поражение русских войск под Оршею и набеги крымцев на московские границы, однако, не вернули Литве Смоленска. Война затягивалась, утомляя обе стороны, переговоры, начатые в 1517 г. при участии императорского посла барона Герберштейна, не привели ни к чему, и только в 1522 г. состоялось перемирие на пять лет. Смоленск остается за Москвой. Так первые десятилетия XVI в. проходят для Литовско-Русского государства в почти непрерывном военном напряжении — в войнах с Москвой и татарами, и эта необходимость значительной и постоянной траты служилых сил и финансовых средств на государственную оборону явилась основным условием для крупных изменений в складе внутренних отношений Литовско-Русского государства в великое княжение Сигизмунда I, подготовляя в то же время крупные новости и в отношениях польско-литовских.

Литовско-Русское государство вступает в XVI в., в сущности, все тем же агломератом отдельных государственно-правовых единиц великого княжества Литовского и «прислухаючих» к нему земель. Для обозначения этого целого, которое мы называем Литовско-Русским государством, не существовало даже установившегося названия, разве иногда говорили, неточно выражаясь, о «всех землях великого княжества Литовского и Русского» — неточно потому, что не терялось еще различие великого княжества и «прислухаючих» земель-аннексов.

Правда, в двух отношениях за время Казимира и Александра государственное развитие этого Литовско-Русского государства сделало некоторые, даже значительные, успехи. Во-первых, связь с виленским центром, несомненно, окрепла с окончательным падением местных правительств, с устранением опорных точек для проявлений политического сепаратизма. Во-вторых, сама центральная власть преобразилась, и то вдвойне: 1) личная власть великого князя de jure, а в значительной степени и de facto, уступила место власти учреждения—великого князя с радою господарской—без разграничения власти над великим княжеством и землями-аннексами, так что политическое единство данного комплекса земель держалось уже не на личности носителя верховной власти, а на организованном центральном управлении, и 2) центральное правительство в ряде вопросов политического характера действует по соглашению с носителями местной административной власти и общественной силы, созывая их на «соймы», которые историки склонны несколько преувеличенно признавать «вальными сеймами Литовско-Русского государства». Пусть последнее будет порождением именно федеративного состава государства, продуктом живучего политического самодовления отдельных земель. Но это «самодовление» придавало факту созыва представителей областей правовое основание: акт избрания нового господаря, с тем чтобы власть его была признана правомочной для всех частей Литовско-Русского государства, требовал голоса каждой части за себя, проявления воли каждой земли-области. Это проявление воли не было еще организовано, его органом служили элементы, с нашей точки зрения случайные: представители высшей местной администрации, члены рады и те из местных державцев-землевладельцев, которые на зов приедут, сами ли или по соглашению с земляками, — это, повидимому, не подвергалось оценке. Ввиду такого участия земель в общих «соймах» и возможно колебание относительно признания их настоящими «вальными сеймами». Но оно несущественно, если ясно представлять себе суть дела, и законно, так как правильно, полагаю, отражает некоторую неоформленность самого явления.

Мне уже приходилось касаться некоторых черт местного самоуправления, сохранившего до XVI в. явные следы своей эволюции из древнерусских вечевых порядков. Местное общество — князья, паны, земяне и мещане — рассматривалось как политическая единица и как юридическое лицо, получая на свое имя грамоты-привилеи. При слабой государственной централизации, скорее политической, чем административной, текущие дела местного управления не подвергались почти никакому воздействию центральной власти и лежали по-старому на местных властях и местном обществе. Вокруг воевод для решения различных вопросов местной жизни собирались тиуны и державцы, а в экстренных случаях собирали на местный «сойм» и остальных военнослужилых землевладельцев. Кроме того, местные землевладельцы соединялись в годину войны в ополчения, которые не разбивались по частям в общей армии, а составляли особые полки, стоявшие под своею земскою

хоругвью. Все это питало сознание местной общественной солидарности, общности интересов, давая прочную силу значению «земли» как самостоятельной единицы и крепкую опору по отношению к центру, ее руководителям и вождям. Сохранение этой организованности местных земских обществ составляет крупную особенность строя Литовско-Русского государства по сравнению с Московским государством, раздроблявшим, по мере роста центральной власти, местные общества, крепче притягивая их верхи к правительственному центру.

Местное население принимает широкое участие в местном суде и управлении. Наместник-воевода отправляет суд «с окольничими и иншими врядники», «с князи и с бояры и с мещаны», причем воеводы и «пересудом» деливались «посполы» с причастными к суду боярами; «кроме судебно-административной самостоятельности, каждая земля представляла собой и отдельную финансовую единицу» [1]. Напомню земскую «скрыню», где хранилась земская казна и «помочь», собираемая на господаря, которая была во владении выборных — по 2 от бояр, мещан, дворян и поспольства. Местное общество на местных «соймах» ведало и организацию «помочи», ее раскладку и сбор. Ряд доходов, как штрафы за нарушение торгового права, некоторые пошлины, «поборы», «серебщизны», шли в местную земскую казну. Иные из них делились, например, в Полоцке, пополам между боярами и мещанами, и каждое сословие свою долю употребляло на свои потребы.

Эту организацию местной жизни до XVI в. мы ближе изучить не можем, а в XVI в. она уже преобразуется под влиянием все усиливавшейся социальной диференциации. Именно великое княжение Сигизмунда I (1506—1548 гг.) принесло ряд новых явлений в жизни Литовско-Русского государства. Внутренняя эволюция создала новую основу для его государственной жизни и новую почву для дальнейшей эволюции польско-литовской унии. Государственное единство Литвы и государственно-правовое объединение ее с Польшей получили новую базу в создании шляхетского сословия как организованной общегосударственной силы.

Литовско-русское шляхетство выступает в роли такой силы, принимая участие в общегосударственных делах, впервые в великое княжение Сигизмунда I, и это выступление было новым и чрезвычайно крупным шагом в развитии государственного объединения литовской Руси. Он был сделан, но не успел дать достаточно прочных и устойчивых результатов, когда новые осложнения привели в 1569 г. к отделению южнорусских земель в пользу Польской короны.

Этот крупнейший, может быть, момент в развитии литовско-русской государственности хорошо изучен Любавским, насколько это возможно по изданным источникам и по рукописному материалу Литовской метрики.

Исходным пунктом эволюции, проделанной литовской Русью при Сигизмунде I, были военные и финансовые нужды, все нараста-

[1] *М. В. Довнар-Запольский*, Государственное хозяйство великого княжества Литовского, стр. 34.

шая потребность в непрерывном напряжении сил на дело самообороны на юге против крымцев, на востоке — против Москвы. В ценной книге Fryderyka Papée «Polska a Litwa na przelomie wiékow srednich» первый параграф посвящен любопытной попытке подсчета материальных сил Литвы. Собрав указания на крайне слабую заселенность Литвы, Папэ приводит свидетельство, что в начале XVI в. Литовско-Русское государство, занимая территорию втрое обширнейшую польской, могло в лучшем случае выставить до 40 000 «посполитого рушения», тогда как польское ополчение числило 60 000, организация же этого посполитого рушения делала цифру 40 000 совершенно фиктивной. Отсутствие сильной центральной власти, носительницы организующего и дисциплинирующего начала, приводило не только к крайней медленности мобилизации ополчения, но и к полной невозможности собрать его сколько-нибудь сполна. Нам встретятся на сеймах Сигизмундова времени постоянные жалобы на «нетство», установления суровых кар для нетчиков и сознание бесплодности, неосуществимости этих кар. Вдобавок ополчение не годилось для долгой, упорной борьбы не только потому, что было иррегулярным, нестройным войском, но и потому, что кормилось собственным коштом и быстро таяло, разъезжаясь с нужды, как только иссякали запасы, плохо восстановляемые мародерством. С цифрой 40 000 ополчения характерно сопоставляются известия о том, что несколько (3 — 4) сотен наемников из Польши, под начальством «ротмистров» и «полковников», живших военным делом, считались крайне важным элементом в походах литовской силы. Они давали крепкое ядро расплывчатой массе местных военных сил, и без них дела шли из рук вон плохо. 4 или 5 тысяч таких «жолнеров» составляли идеал, который редко достигался. Но наемные войска стоили дорого. Уже борьба с Москвой и татарами, которую вел Александр Казимирович, можно сказать, дотла исчерпала небогатую литовскую казну: Александр и в Польше и в Литве оставил брату в наследство одни долги. Дело в том, что, быть может, наиболее характерную сторону своеобразного государственного развития Литвы во второй половине XV в. (подобно тому, как и в Польше) составляло то обстоятельство, что умаление личной власти господаря, великого князя, не уменьшило его ответственного значения как главы государства в вопросах военной обороны и финансовых средств. Ведение войны и организация боевой готовности страны лежали всецело на его плечах. Теряя постепенно, и чем дальше, тем больше, возможность сколько-нибудь властно распоряжаться силами и средствами страны, он сохранял, однако, всю обязанность и ответственность за результаты внешней политики. Знакомый нам административный строй Литовско-Русского государства лишал господаря сколько-нибудь надежных исполнительных органов, и неудачи борьбы с Москвой были сплошь и рядом следствием того, что ополчение собиралось неполно, отрывочно или же сходилось в достаточной силе, когда было уже поздно. Широкое развитие привилегий финансовых сводило источники государственных дохо-

дов до сумм, совершенно ничтожных. Приходилось покрывать расходы военного времени, главным образом, средствами господарского скарба. Но их, конечно, не могло хватить на многое, и особое значение получила практика добывания экстренных средств путем своеобразной и очень тяжелой формы «внутреннего займа»: отдачи «в заставу» господарских имений, т. е. займа у частных лиц денег с предоставлением им права взимать в свою пользу господарские доходы с замков и дворов господарских с волостями. Притом доходы эти погашали не долг, а лишь проценты до уплаты капитального долга. Такой прием давал сравнительно значительные суммы в момент нужды, но дорогою ценою разрушения наиболее надежного и постоянного источника господарских доходов.

Подобная практика существовала и раньше, но лишь со времени Александра приняла она особенно широкие и грозные размеры, и это не вывело виленского правительства из затруднений. Александр оставил брату значительные долги по «старым службам» людей «служебных», наемных «жолнеров», и Сигизмунду приходилось не раз широко пользоваться отдачей разных маетностей в заставу, чтобы добыть неотложно и срочно потребные средства. Но в его времена было уже вовсе невозможно удержаться на старой финансовой основе, и Сигизмунд делает попытку получить более значительные средства путем субсидий от земель, составлявших его Литовско-Русское государство.

Такие субсидии, «помочи» — явление не новое. Их получали предшественники Сигизмунда с отдельных земель. Мы встретили в полоцком привилее Казимира ряд постановлений относительно «помочи», которую Полоцк должен вносить «на земскую потребу» согласно «листу господарскому». Эта помочь вносится общиной в земскую «скрыню»; вносится она под «присягою», так как, очевидно, назначалась как сбор не окладной, т. е. не в определенном размере общей суммой для всей земли, которая затем шла бы в разруб или раскладку, а в определенном с количества единицы обложения — с плуга, для данной эпохи. В полоцком (1456—1457 гг.) привилее сохранилось известие о споре между боярами и остальными местными жителями (мещане, городские дворяне, черные люди и все поспольство) по жалобе последних, что, когда господарь требует «помочи» с города Полоцка для земской потребы, бояре в том «вельми мало помогают» [1]. Бояре добивались особой привилегии, ссылаясь на «лист» великого князя Витовта, и Казимир, «порадившеся с паны радою», признал, что «мают бояре тую помочь класти, коли мы их пожадаем, по той нашой присязе, как нам присягнули во всем добра хотети, под суменьем, без нашого шкодного, каждый по силе». Остальные вносят под присягою в добросовестности каждого сбора не «по силе», а по точному окладу на единицу обложения.

С тою же помочью встречаемся при Казимире в 1473 г., когда «сойм» рады господарской и литовской шляхты (великого княже-

[1] «Акты западной России», т. I, № 61.

ства) определил дать субсидию «de universis Magni Ducatus Lithvaniae terris» [1] в размере 6 грошей с плуга на определенную цель — на войну с Венгрией.

Эта практика назначения экстренных субсидий, сбор и размер которых определяется по соглашению господаря с местными землевладельцами, явилась естественным суррогатом сбора постоянного налога — подымщины и серебщизны, отмененных в ряде привилеев. Отмену серебщизны с людей княжеских, панских, боярских и городских в привилее Казимира 1457 г. считают обычно обобщением этой привилегии для всего Литовско-Русского государства.

Практика субсидий получает при Сигизмунде существенно новую постановку. Вместо механической суммы разрозненных финансовых ассигнований отдельных составных частей Литовско-Русского государства на «земские потребы» должно было создаться цельное, единое финансовое усилие всей страны. Сигизмунд обращается с требованием субсидии не к отдельным землям, а ко всему Литовско-Русскому государству на «вальном сейме». «Деяния» этого сейма под датою 2 февраля 1507 г. напечатаны в «Актах западной России», т. II, № 12. Впрочем, точнее сказать, что этот документ воспроизводит не «деяния сейма», а то, что делалось на сейме. Участие в сейме представителей всех земель Литовско-Русского государства несомненно. Результатом работ на сейме были: 1) устав о порядке отбывания военной службы и 2) постановление о сборе «серебщизны» на текущий год. Устав возникает следующим порядком:

«С полецанья господаря, короля его милости Жигимонта, князь бискуп виленский и панове рада, воеводы, княжата на том сойме нынешнем тую уставу уставили». Пункты «той уставы» таковы: 1) «Панове, княжата, земяне, вдовы и вся шляхта мають в именьях своих люди свои вси переписати и под присягою господарю его милости дати»; такие «пописы» имеют целью служить основой для определения господарем размера службы с имений; 2) рада установляет 100 рублей вины за неявку в назначенный срок на назначенное место — за нетство, и смертную казнь за неявку магнатов, надеющихся на богатство свое и проявляющих упорство; срок и место сбора военных сил назначаются господарем; 3) для вдов, т. е. для присылки ими слуг, — то же правило: 100 рублей штрафу и утрата именья за неприсылку «после року» (на второй срок); 4) смертную казнь за отъезд с войны без ведома господарского. Заключается устав объяснением, что «для тое причины тым обычаем тое установлено», что «межи подданными его милости» за последние годы укоренились «сплошенство и неряд», не все собираются, а «половица земли придет, и половица не будет», так много было нетчиков, что всех «шыями карать» было бы невозможно, а только некоторых — несправедливо; для того и уставлено: кто в срок не явится, — платит вину; кто еще неделю промеш-

[1] «со всех земель великого княжества Литовского».

кает, «шыю тратит». На данный год мобилизация назначена «на сесь велик день прыйдучий».

Это — распоряжение рады, по полномочию господаря, опубликованное на сейме. Иначе изображается постановление о серебщизне:

«И теж их милость, князь бискуп и панове рада, воеводы, княжата, земяне, вдовы и вся посполита шляхта, которое на тот час на том сойме были, зволили: его милости господарю з людей своих на тот год серебщизну дати, з воловое сохи по 6 грошей, а з коньское по 3 гроши», а кто землю держит и с нее «поживу мает», хотя у него нет скота, даст 3 гроша. Но срок сбора этой помочи не был назначен господарем ввиду просьбы землевладельцев отложить сбор до осени, «на день матки божьи последнее» (21 ноября). Это — постановление «сейма». Его «зволенье» создает основы для сбора серебщизны в определенном размере. Назначение срока — прерогатива господаря, но он отказывается от нее, соглашаясь на срок, указанный в просьбе сейма.

Но что такое этот «вальный сейм»? Съезд знати и военнослужилой шляхты «viritim» [1] «в более или менее случайном составе». Согласие отсутствующих подразумевается (ср. оговорку в актах унии 1501 г. об избрании господаря теми, кто прибудет на элекцию) с тем, чтобы избрание не могло быть разрушено несогласием отсутствующих, «absentium obstantia... non impediatur». Так постепенно намечалась мысль об обязательном значении постановлений для всей страны. Фикция, что наличный состав сейма выражает мнение страны и связывает все население ее своими решениями, с трудом пробивалась в политическое сознание того времени.

Принцип этот, весьма важный, так как от прочного его утверждения зависело признание «вального сейма» учреждением общегосударственным для политического целого, именуемого Литовско-Русским государством, был подготовлен прежними случаями избрания господарей на общих съездах. Теперь его применение к новому вопросу — «ухвале» серебщизны — подвергалось тут же тяжкому испытанию. Единогласие решения было нарушено обособлением присутствовавших на сейме жмудинов: «А что ся дотычет о серебщизну панов земли Жомоитскои, — читаем в конце нашего документа, — от того они не отступают: нижли зволити не могут без иншых панов, старших своих, которых на тот час на сойме не было». Факт весьма любопытный: он показывает, что решение вального сейма рассматривается как сумма решений отдельных земель, каждой особо...

Заявление жмудинов паны-рада сообщают Сигизмунду: «про то ваша милость, господарю, рачьше о том писати до пана старосты жомоитского, або послом вашое милости до него всказати». Повидимому, предстояло добиться особого решения «Жомоитской земли». Думаю, что этот факт можно назвать первым примером апелляции от сейма к сеймику, по неполноте представительства послед-

---

[1] «поголовно».

него на первом. К сожалению, на этот раз не знаем, чем кончилось дело, но когда через несколько лет (в 1520 г.) на сейме в Минске большинство шляхты согласилось дать серебщизну, а жмудины отказали, «выламуючись своими правы», то господарь писал панам-раде, что надо послать листы к панам и земянам жмудским, чтобы и они дали даток, раз вся земля решила его дать; они-де не имеют права отказываться, так как этот даток пойдет не на господаря, а на потребу Речи Посполитой; если они не послушают, то паны-рада должны послать дворян править на них этот даток. Любопытен ответ рады: пусть господарь напишет о том старосте жмудскому, который скорее послушается самого господаря, чем рады господарской. В обоих случаях (в 1507 и 1520 гг.) рада, видимо, признает законность действий жмудинов: даток должен быть добровольным «зволеньем» каждой земли.

Такое, как в 1507 г., общее сеймованье земель Литовско-Русского государства часто повторяется при Сигизмунде I. Следующий сейм — в Вильне с 13 декабря 1508 г. по 16 февраля 1509 г. Все, что известно относительно этого сейма, касается указной и уставной деятельности господаря и его рады. Можно допустить предположение Любавского, что на нем король заручился «зволеньем» на сбор новой серебщизны, хотя ни записи Литовской метрики, ни другие документы о том не упоминают [1]. Какие же акты власти связаны с этим сеймом? 1) Суд короля и рады над соучастниками Глинского; 2) устав, ими выработанный по этому поводу, о судьбе родовых имений «здрадцев» («до двух лет»[2]); 3) постановление господаря и рады по вопросам внешней политики; 4) рассылка великокняжеских писарей для «пописанья» земель; 5) устав об оправе женам в именьях [3]; 6) отмена неслушного взимания пересуда [4]; 7) посылка комиссаров — судей на разграниченье и правенье границ между великим княжеством и королевством Польским; 8) подтверждение витебского и волынского привилеев.

Принимал ли «сейм» участие в этих постановлениях? Вероятно, да: челобитьями отдельных групп, сообщением сведений, но не «зволеньем», кроме разрешения серебщизны, если такое было сделано.

Однако практика показывала невозможность добиться действительного осуществления велений власти, слишком слабо вооруженной исполнительными органами. Само непрестанное повторение распоряжений об исправном несении военной службы под страхом суровых кар свидетельствует об этом. И немудрено! Авторитет власти и после 1492 г. тождественен в сознании общества с личным авторитетом господаря, великого князя. И ссылка рады на то, что староста жмудский скорее послушает господаря, чем рады, или ее ссылка по другому поводу, что она в отсутствие короля «так великым речам досыть вчинити» не может, не напоминает ли старое лето-

---

[1] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 182 и сл.

[2] «Акты западной России», т. II, № 50.

[3] *Данилович*, Scarbec diplomatyczny, т. II, № 2207. Это источник арт. I, разд. IV статута 1529 г.

[4] «Акты западной России», т. II, № 52.

писное объяснение военной неудачи: князя не было, а боярина не все слушали? Сигизмунд в первые годы пребывал почти сплошь в Польше занятый сложными польскими делами, а в Литве чувствовалось почти анархическое состояние всего управления в тяжелое время почти непрерывной борьбы с соседями. На сейме в Берестье в мае 1511 г. король с радой обсуждали совместную с Польшей организацию обороны южных границ против татар по поводу постановления петроковского сейма о посылке хану 15 000 злотых пополам с Литвой. Тут поднимался было вопрос «о способе, што ся дотычет обороны от всих неприятелей на прейдучое лето и на потом». Но съезд был незначителен: «вси посполом на том сойме быти не могли» «для шкодливых частых новин неприятельских и для небезпеченства вторгненя в землю поганства», и король решил поэтому не принимать окончательных решений. Это объяснение бесплодности сейма 1511 г. (на сейме, повидимому, кроме прощения осужденных в 1508 г., были только удовлетворены господарем просьбы дорогичинской шляхты об определении судебной компетенции их старосты, православного духовенства и Полоцкой земли— о подтверждении их привилеев) находим в послании Сигизмунда раде от 14 декабря 1511 г., где указывается на решение короля-господаря установить порядок военной службы при участии вального сейма [1].

Любопытно оно и другой чертой: указанием на то, чем собственно должен был бы быть настоящий вальный сейм: съездом «всех посполу» — прелатов, панов-рады, всех князей и панов, наместников, тиунов, дворян королевских и всех земян со всех земель и поветов. Неисполнимость подобного идеала вального сейма и привела постепенно после неуклюжих (помянутых выше) попыток утвердить авторитет неполных и случайных (по составу) съездов для всей страны к идее представительства в форме полномочного посольства.

Королю пришлось снова уехать в Польшу. Но он, по соглашению с радой, попробовал создать в свое место диктаторскую власть — гетмана наивысшего [2]. Организация гетманской власти относится к 1507 г. и стоит в связи с военным уставом этого года. Тогда Сигизмунд уставил с панами-радой устав о гетманских полномочиях, о котором Леонтович[3] справедливо говорит, что хотя должность литовского гетмана встречается еще в конце XV в., но уряд этот окончательно построен ухвалой 1507 г. Источник наш — окружная грамота 13 августа 1507 г. короля Сигизмунда о том, что он «отпущаючи гетмана... Станислава Петровича з войском нашим з паны-радами нашими уставили есмо такову уставу, которою бы ся мел пан гетман князи и паны со всем рицерством и шляхтою справовати». Главное назначение «уставы »[4] — вооару-

---

[1] «Акты западной России», т. II, № 64, 65, 70; *М. В. Довнар-Запольский*, Документы Моск. архива министерства юстиции, т. I, М. 1897, стр. 66.

[2] *Dzialińsky*, Zbiór praw litewskich, стр. 115.

[3] «Юридические записки», 1908, № 1, стр. 44.

[4] «Акты западной России», т. II, № 25.

жить гетмана определенной карательной властью против нарушителей дисциплины, войскового порядка, против проявлений своеволия и насильничанья военных людей по отношению к мирному населению. По изложению грамота носит характер «послушной»: «приказуем, абы гетмана во всем были послушни, бо есмо казали ему послушных чествовати, а упорных и непослушных карати, не меней, как мы сам пан господарь» (то же в окружной грамоте 1508 г., № 31, по поводу гетмана К. И. Острожского). Обширные полномочия давались гетману в военное время, в походе, когда он стоял во главе военных сил. В мирное время гетманство оставалось только званием. Так, К. И. Острожский был собственно старостой луцким и маршалком Волынской земли, и перед мобилизацией рада писала господарю, чтоб он «ратил до гетмана его милости кн. Константина писати, ожебы он к своему вряду ехал», «к кому бы ся мели подданные... в час потребы сбиратись».

Коллизия двух функций иной раз приводила к тому, что мобилизация расстраивалась, лишенная своего властного центра в гетмане, когда князь Константин Иванович, как в 1520 г., не мог покинуть Волыни, занятый отражением вместе с поляками татарского наезда. Так должность наивысшего гетмана была как бы замещением великого князя в годину войны и потому: 1) гетман отправлял свой уряд не постоянно, а лишь в исключительные моменты, прежде всего, когда собиралось посполитое рушение; 2) не требовала поэтому постоянного замещения. В XVI и XVII вв. списки гетманов наивысших пусты для ряда лет, но раз получив звание гетмана, данное лицо носило его пожизненно как титул, поэтому от гетманского титула среди подписей рады нельзя еще заключать о том, что в данном году «справовался» на деле гетманский уряд, нельзя и заключать о том, что гетман по должности был членом рады. Сама рада в обращениях к королю, вроде приведенного, рассматривает гетмана как господарского заместителя, стоящего вне ее функций. Естественно поэтому и встретиться с известиями о проявлениях антагонизма между радой и гетманом и видеть в известном антагонизме К. И. Острожского и старейшего по сану среди панов радных воеводы виленского Альбрехта Гаштольда нечто большее, чем простой личный антагонизм. К. И. Острожский был назначен воеводой трокским, но Сигизмунд признал его как гетмана стоящим в иерархии выше Гаштольда, — «inde ira» [1], но ira едва ли только личных счетов. Паны-рада и шляхта позднее настаивают на регламентации власти гетмана, чтобы поставить ее в определенные рамки.

Так, на очереди перед Сигизмундом стоял вопрос об организации военной обороны Литовско-Русского государства. Финансовая сторона дела разрешалась с грехом пополам ассигнованием сбора — «серебщизны», для которой приходилось часто созывать сеймы. Попытка поднять дисциплину созданием новых полномочий гетманского уряда была, конечно, паллиативом, но все-таки зна-

[1] «отсюда злоба».

чительно централизовала военное управление и, по крайней мере, отчасти гарантировала наблюдение за исполнением правил мобилизации и службы.

Общее состояние Литовско-Русского государства было таково, что, очевидно, требовало бы серьезной военной и административной реформы. Но власти, достаточно сильной для этого, налицо не было. Рада без господаря ее не имела. Сигизмунд погрузился в польские дела, очень сложные в первых десятилетиях XVI в., и поручал панам-раде как дела управления, так и международные отношения на востоке. Управлять двумя государствами при значительности личной роли господаря было задачей невыполнимой, а состояние Литвы требовало организационной работы.

Не имея силы на нее, правительство пробует возложить решение важнейших очередных задач на само общество, как, с другой стороны, Сигизмунд настойчиво требует все большей самостоятельной правительственной работы от своей литовской рады. До нас дошло не мало его посланий к раде, как и ответов от рады. В их отношениях незаметно борьбы за власть. Напротив. В ряде случаев Сигизмунд пишет раде, что сам не может прибыть в великое княжество и требует, чтобы рада «мыслила и радила» сама и на сейме (sic!), как заключить мир с Москвой, а если войну вести, то «которым способом» ее вести, об обороне и оборудовании украинных замков, о расплате со «служебными», об «упоминках» хану, поручает раде добывать деньги путем «заставы» замков господарских и вообще «зготливым обычаем» справлять господарские и земские дела так, чтобы он, князь великий, мог быть спокоен, сам жалуется раде, что «некарны» и «не послушны» его подданные, урядники не высылают людей на работы, не доставляют хлебных припасов, а княжата, панята и шляхта не являются на службу в срок или вовсе не являются, хотя господарь «обсылает» их своими листами, и требует, чтобы рада на сейме «грозно» приказала всем исполнять свои обязанности под страхом господарской кары «горлы и именьи их».

Рада за эти годы сильно расширяет свою инициативу, беря иной раз почин в том или ином спешном деле, не дожидаясь посланий Сигизмунда, и делает это, как видим, по настойчивым требованиям короля, осыпающего, можно сказать, ее поручениями, а стало быть, и полномочиями неопределенного, широкого свойства. Но часто, и именно в случаях важнейших, рада отвечает господарю, что она «таким великим речам (делам) досыть вчинити» не может в отсутствие короля, просит его поскорее приехать в отчину свое — великое княжество, слагает с себя чрезмерную ответственность, не берется решить на основании сношений с Москвой, «кому бо ся стегало, ку покою, або ку вальце», просит о снабжении замков писать от самого господаря «до тых панов, у которых дворы вашое милости в заставе». В ответ на поручение «за часу науку дать» послам к хану рада излагает свое мнение с прибавкой: «ино если ся то вашой милости, господарю нашему, будет видети заподобно... рачите под тою же мерою до пана воеводы (посла) писати», а нет,

«то рачте так вчинити подлуг воли вашое милости господарское». А общий припев: «без бытности вашое милости господарское через так долгий час... трудности великие терпим, як от москвич, так от татар». На учет старой «серебщизны» и отписку имений у неплательщиков рада не решается, ибо «не может тая речь быти добре справена без бытности вашое милости — господарские, бо... треба на то пильного обыску», да и часть реестров «за печатью вашое милости захованы». И вообще государство в опасности. «Нижли что ваша милость, господарь наш милостивый, тыми часы высказываете до нас слуг своих, даюче то на наши головы и разумы, аж быхмо через так долгий час без небытности вашое милости тое отчизнье панство вашое милости у в обороне заховали, чого ж мы знести не можем, а ни ся того подвязуем, же бы мали тому досыть вчинити без вашое милости... бо, милостивому господарю, не только в таком панстве широком, але и в кляшторе без небытности старшого не могут се добре законы справовати... то можем ли мы... через так долгий час без бытности вашое милости господарское так великую, а трудную речь на себе взяти». Это, конечно, не риторика, а выражение действительной правительственной беспомощности рады. Отсутствие господаря создавало подлинный правительственный кризис.

Из этого кризиса надо было найти выход. Рада ищет его в призыве господаря. Особенно характерен призыв 1526 г. Рада взволнована вестью, что папский посол, прибывший в Вильну, везет царю московскому корону[1]. Надо задержать посла. А в «артикулах», которые «мают быть мовены перед королем, особно в таемнице», рада добавляла, что «кдыж отец св. папеж зычит тое чти тому, который есть того негоден: лепей бы его милости мел зычити того сыну вашое милости, пану нашому, великому князю литовскому».

Припоминая план коронации Витовта, рада просит о возвращении в Литву короны Витовтовой, задержанной поляками, которых рада подозревает в сочувствии коронации царя, а не великого князя литовского, «для того, абы тое паньство вашое милости было в пониженью, аже бы втелено им к коруне, оштож ся они давно працуют, хотячи дедитство вашое милости привлащити ту к князьству коруны Польское». И рада пробует подкупить Сигизмунда указанием, что именно Литва, и только она, есть опора династии Ягеллонов, «бо завжды лепей а пожиточней будет потомком вашое милости, коли тое панство вашое милости отчизное будет под особным титулом и правом от коруны Польской». Ведь и теперь Литва сына Сигизмунда охотно обрала себе за пана и присягнула, «чого панове поляцы и до тых часов вчинити не хотят». Обеспечить этому сыну наследство лучше всего, короновав его королем литовским. Это обеспечит Литву от инкорпорации: «бо коруна в коруну втелена быть не може», и тогда не будет уже речи об унижении Литвы и овладении ею, «але равное братство и приязнь стала бы з одного напротив каждому неприятелю».

---

[1] «Акты западной России», т. II, № 144.

Вернуть себе свою, местную и самостоятельную власть господарскую, оборону от восточных и южных врагов и от Польши — вот мечта руководителей виленской политики.

Сигизмунд думал иначе. Он примкнул к мысли своих коронных советников об организации обороны против внешнего врага—на юге, против татар и турок — совместными силами обоих государств, с дележом пополам расходов то на «упоминки» хану, то на военные расходы. В данную эпоху именно эта южная татарско-турецкая опасность создавала общий интерес Польши и Литовско-Русского государства. Остальные отношения — московские, с одной, прусские, чешские, венгерские, с другой стороны—задевали лишь интересы то той, то другой половины владений Сигизмунда. Не желая колебать и осложнять свое положение в Польше, он не увлекся династическими планами своей литовской рады и стал искать иных путей. Укрепления организации оборонительных сил Литовско-Русского государства он требует от литовско-русского военнослужилого класса, от шляхты, все более объединяя ее в общегосударственную силу привлечением к веданию интересов литовско-русского целого, стремясь пробудить в нем сознание ответственности за судьбу государства. При отсутствии сильной принудительной власти, сильной правительственной организации, при признании этой задачи неразрешимой—другого пути, как попытка пробудить политическую сознательность и активность в шляхетском сословии, и не было. Говоря так, я не хочу приписывать Сигизмунду вполне сознательную широкую мысль о политическом воспитании шляхетства. Нужда гнала в эту сторону. Попытки действовать приказами, уставами, назначением суровых кар ни к чему не приводили при слабости исполнительной организации. Приходилось взывать, требовать, созывая съезды и сеймы. Отношения Сигизмунда к литовско-русским сеймам по существу те же, что рассмотренные отношения к литовской господарской раде.

В этом отношении существенно указанное выше известие, что на Берестейском сейме 1511 г. Сигизмунд не нашел нужным итти по старому пути: издать «уставу» о военной службе с одною радой, а, напротив, не приняв никаких окончательных решений по вопросу государственной обороны, назначил новый сейм в Вильне и принял меры к тому, чтобы этот сейм был действительно представителем всех земель Литовско-Русского государства. Именно в окружной грамоте «писал его милость к державцом земель и ко всем княжатом и паном великого князьства, приказуючи, абы каждый воевода и намѣстник граничных замков его милости казали земяном в поветех своих зъехавшися межи собою, обравши двух земянинов, которым ж бы подали суполную моць и на тот снем ку вашой милости бы послали (это грамота Сигизмунда к раде и земянам, которые должны собраться в Вильне)[1]; не граничные бы державцы сами бы персоною своею и з земяны ку вашой милости бы

---

[1] *М. В. Довнар-Запольский*, Документы Моск. архива министерства юстиции, т. I, стр. 506—508.

приехали и там будучи сполом с вашою милостью радили, и што полвек на том сойме врядите ку его милости доброму и ку обороне посполитое речи земское (ср. дело государево и земское) абы они вси ку тому зволили».

Тут все характерно: и то, что сейм есть совещание рады с земянами («с вашою милостью — рада»), и то, что съезд представляется персональным, viritim, и только из пограничных поветов предполагаются делегаты за невозможностью обнажить границы от военной силы, и то, что ехать должны державцы во главе земян («державцы с земяны»), и то, что на решения сейма требуется общее всех «зволенье». Характерны последние слова: «што вы на том сойме врядите... ку тому бы они (земяне) вси зволили». Как мы далеки от реально-исторических представлений, когда говорим о решениях сейма, вернее было бы говорить о «постановлениях рады на сейме и согласии на них шляхты». И как это близко к отношениям на московских земских соборах? С той, конечно, разницей, что там реальное соотношение сил было иное, что зволенье не было conditio sine qua non сбора денег. Главная задача сейма — о чем рада должна «со всею пильностью о то помыслить и радить»,—чтобы «на том нынешнем сойме способ ку обороне слушный на прийдучое лето и завжды напотом был вчинен». Выработать этот «способ» рада должна на сейме, в общении с земянами , «абы каждой ведал, як из своего именя службу земскую мял бы заступовати и которым обычаем из своих людей на войну выправитися».

Думаю, что наиболее верный ответ на вопрос о роли шляхты в этой работе сейма был бы такой: собственно для юридической силы, как мы выражаемся, «военной уставы» зволенье не нужно: ведь она не нарушает привилеев, как сбор «серебщизны». Но оно фактически стало необходимым, во-первых, как материал для установления житейски исполнимой нормы, во-вторых, как форма ее публикации в общее сведение военнослужилого класса и как средство заручиться с его стороны обязательством исполнять обязанность, принятую на себя сознательно и обдуманно. Фактически, конечно, такая практика при слабости власти вела к отождествлению практики в определении «серебщизны» и размеров военной службы, а застарев, эта практика стала правом, хотя бы «обычным».

На сейме 1512 г. господарь указывал, что норма, определенная Александром Казимировичем на новгородском сейме с прелатами и панами-радой—«з десяти служоб пахолка у сброи на кони з древцем», — недостаточна, и предлагал либо «з десяти дымов пахолка на кони в зброи з древцом», либо, если это покажется тягостным, «з десяти служоб два молодцы — конно, збройно». Не совсем ясно, как это служба с 10 дымов оказывается тяжеле той же службы с 10 «служеб». Даже Довнар-Запольский в главе, посвященной «окладу земской военной службы», обходит этот вопрос [1]. Пови-

[1] *М. В. Довнар-Запольский*, Государственное хозяйство великого княжества Литовского, гл. VI.

димому, сейм иначе решил дело, приняв в принципе размер новгородского постановления Александра и рады, попытался ввести замену, по возможности, службы денежным взносом, по крайней мере с городов. Ухвалы сейма не сохранились даже в записях Литовской метрики.

В 1514 г. рядом с «поголовщиной» на наем жолнеров король с панами-радою «и теж со всими землями и подданными великого княжества Литовского» установили строгую уставу нетчикам. Но на расходы по найму жолнеров шляхта шла неохотно: они были большою тягостью для страны, да, быть может, шляхта литовско-русская подобно польской опасалась развития наемного войска как чрезмерной силы в руках господаря. Новый сейм конца 1515 — начала 1516 г. отказал в новом обложении на жолнеров, и королю пришлось распустить их, рассчитавшись средствами, добытыми путем новых «застав» и сбора «серебщизны» с одних господарских имений. Гарнизонную службу шляхта предпочла нести своими ратниками. В том же духе и постановление сойма 1516 г. (весной): «consiliarii et subditi»[1] взялись кровью и достоянием нести бремя войны, определив ряд мер по сбору и отправлению на войну ополчения, но дали, впрочем, и «серебщизну» на наем служебных. Весы военной практики поневоле снова склонялись в сторону наемного войска. Земские ополчения плохо приспособлены для наступательных действий. Их дело — роль милиции, обороняющей землю, не раз мешало общей мобилизации посполитого рушения. Особенно жмудская шляхта бывала поглощена обороной границы под командой своего старосты от прусского магистра и даже вне войны с Пруссией задерживалась на месте в периоды натянутых отношений с соседом. Киевская, волынская шляхта была поглощена стереженьем своих границ от набегов татарских. Во второй половине 10-х годов видим назначения на наем жолнеров не «серебщизны», а поголовщины на все сословия. Паны радные вносят от 30 до 100 грошей, каждый пан и урядник с головы своей, с жены и детей по злотому (30 грошей), шляхтич — по 2 гроша, посполитые люди — по грошу. Урядники господарские, выбрав со своих людей поголовщину, доставляли ее в Вильну. Землевладельцы вносили ее особым «бирчим» при наместниках господарских дворов. За утайку поголовщины — конфискация имения с отдачей его тому, кто донесет об утайке. Это не избавляло Сигизмунда от долгов и новых и новых «застав», да и строгие и определенные порядки мобилизации не исполнялись. Я уже поминал о неудаче мобилизации 1520 г. по причине отсутствия гетмана: бо́льшая часть служилых людей уклонилась от посполитого рушения. Рада не знает, что дальше делать, и взывает к восстановлению местной власти великого князя.

Но хоть результаты плохи, однако в развитии организации и значения шляхетского сословия привлечение его сеймов к делу устройства военных сил имело огромное значение. Самообложение денежными

[1] «паны-радны и подданные».

сборами соединяется с самообложением воинской повинностью. Даже в порядке денежных сборов по постановлению Гродненского сейма 1522 г. «серебщизну» собирают с господарских людей державцы, с княжеских и панских — их наместники, а с боярских, дворянских, вдовьих и татарских — хоружие под контролем державцев.

Хоружий — центральная фигура поветового ополчения — упоминается со времен Витовта. Он — знаменосец повета, ответственный в XVI в. орган военного управления, так как его забота — собрать ополчение повета и привести его на сборный пункт, выслеживать нетчество; он назначается господарем, но часто по рекомендации местной шляхты, получая привилей на держание должности «до живота». Постановление 1522 г. на этот орган военного управления возлагает и сбор «серебщизны». И то и другое делается постепенно более или менее функцией шляхетского самоуправления, ибо властью господаря требуется исполнение установленных на сеймах уставов, властью господаря карается их нарушение, этою же властью даются льготы от уплаты постановленного на сейме сбора: так, например, в 1524 г. Сигизмунд «отпустил» «серебщизну» боярам витебским и 30 коп грошей из нее мещанам витебским ввиду разорения области Витебской «от людей неприятельских». Шляхетское самоуправление есть орган государственного управления, черта новой административной системы.

Пойдем дальше. Не только по делам финансовым и военным обращается господарь к сейму. На сеймах господарь с панами-радою разбирает ряд жалоб, ряд судебных процессов, тут члены сейма служат ему источником информации о действующем обычном праве, не кодифицированном, о местных обычаях отдельных земель. В 1514 г. Сигизмунд разбирал с радой одно сложное дело по наследству и нашел нужным, не постановив решения, отложить его «до великого сойму»: «маем то с паны и со всею землею обмовити, которым обычаем то встановити, как бы и потом потомуж было суждено». Сложное дело потребовало нового общего решения законодательного вопроса, и оно отложено «до великого сойма». Господарь в привилеях не раз обещал соблюдать и хранить старые обычаи, обычно-правовой уклад местной жизни. Теперь явилась необходимость дополнить или видоизменить действующее право, истолковать его ясно на будущее время: нужно «зволенье» сейма. Такое «обращение правительства к станам сейма по поводу разных казусных дел, встретившихся в судебной практике», Любавский, естественно, ставит в связь с просьбой, поданной господарю на сейме того же 1514 г., о писаных правах и законах[1]. Просьба эта — о даровании Литве статута — была повторена на Городенском сейме 1522 г. Господарь с панами-радою «право им прирекли дати и тыи вси члонки, как ся подданные наши мают справовата и радити, казали... выписати». Сейм этот — в феврале и марте 1522 г. в Городне; а с июня и до ноября 1522 г. слышим о сейме в Вильне.

[1] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 199.

Это сеймование в течение чуть не целого года не оставило, к сожалению, никаких сколько-нибудь обстоятельных следов в источниках. На Виленском сейме Сигизмунд велел заготовленные «члонки» будущего статута «чести перед паны-радами и перед подданными нашими» — тут статут подвергся обсуждению, и этим Любавский объясняет, что Сигизмунд в указе о введении в силу статута говорит: «decrevimus... unum jus scriptum atque unam legem sub constitutionibus et statutis certis in scripta redactis, communi deliberatione atque consilio ultro citroque communicato... uni cuique sanctis laudatis et omni voto approbatis»... «dare in perpetuum» [1], полагая притом, что общая редакция статута была одобрена общим голосованием станов сейма в 1522 г. Трудно представить себе такое голосование незаконченной редакции статута. «Тое право писаное» Сигизмунд прислал со своим секретарем князем Вежкгайлом за своею печатью на сейм в Вильне 1524 г. и велел передать канцлеру, «а пан воевода его милость виленский, канцлер мает тое право выдати всим подданным нашим великого князьства Литовского» и «рассказати нашим господарским словом, абы вже тым правом справовалися и радили водлуг того россказанья нашего» [2]. «Россказанье» это и формулировано в помянутом указе Сигизмунда, который помечен 1522 г., но едва ли был тогда даже и опубликован: привилей этот говорит о немедленном отпечатании статута, а печатный статут вышел в свет лишь в 1529 г.

И в 1524 г. паны-рада и подданные «на тот час того права для некоторых члонков не приняли, а отложили до приеханья великого князя к великому князьству». Получив это известие, Сигизмунд пишет канцлеру в декабре 1524 г., что когда будет в великом княжестве, то эти «члонки» поправит, «а теперь естли тых справ похочут мети, абы твоя милость, пане воеводо виленский, яко то канцлер нашего великого князьства рачил тои права выдати всим подданным нашим великого князьства Литовского».

Но и такое условное введение статута, видимо, не состоялось. Обстоятельства ближайших лет отодвинули это дело на второй план. На сейме 1528/29 г. работа над окончательной редакцией статута продолжилась, и статут вошел в силу с 29 сентября 1529 г. Едва ли нужно говорить об огромной важности этих событий в истории Литовско-Русского государства. Сейм в течение ряда лет пересматривает «артикулы» первого свода прав, настаивая на их поправлении и дополнении. В силу свод входит лишь принятый сеймом, а введение статута — законов всего Литовско-Русского государства — крупный успех в развитии единства этого политического целого, хотя действует он рядом с местными привилеями отдельных земель.

---

[1] «постановили... дать навсегда... одно писаное право и один закон о конституциях и статутах, точно редактированных в письменной форме, общим решением и советом, сообщенным взаимно... священных для каждого и одобренных и принятых всеми».

[2] *М. В. Довнар-Запольский*, Документы Моск. архива министерства юстиции, т. I, стр. 516.

Наконец, во время Виленского сейма 1522 г. Сигизмунд 4 декабря предложил панам-раде признать в случае его смерти господарем своего сына, Сигизмунда-Августа, родившегося 1 августа 1520 г. «Unanimi consensu et voluntate» [1] приняли это паны радные, а затем «consiliarii tam spirituales, quam seculares, barones proceres et tota nobilitas» [2] приняли присягу не признавать и не выбирать никого в господари, кроме Сигизмунда-Августа.

[1] «По единодушным согласию и желанию».
[2] «паны-радные, духовные и светские, бароны, знать и вся шляхта».

ГЛАВА XVI

МАГНАТСТВО И ШЛЯХТА В ЛИТОВСКО-РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.

Та организация участия «станов» литовско-русского шляхетства в общегосударственных делах — управлении военном и финансовом, законодательстве и вопросах так называемой «высшей политики», которая так определенно выступает в первые десятилетия XVI в.,— несомненно, крупный шаг в развитии литовско-русской государственности, шаг к созданию из суммы самодовлеющих земель объединенного государства. Образование национальных государств в так называемом «конце средних веков» мы подводим под формулы «собирание земли», «собирание власти» из того состояния раздробленности территорий и верховной власти, которая так характерна для эпохи феодализма, для эпохи удельщины. Процесс этот ведет к образованию «сословных монархий» путем возникновения центральных учреждений, таких, как «генеральные штаты» на Западе, как сеймы вальные в Польше и Литве. При всем различии внутреннего строения этих учреждений в разных странах, при всем различии уклада их внутренних социальных отношений существенно подчеркнуть тождество исторической функции, которую исполняли эти учреждения в развитии новой государственности. Но для понимания основных явлений литовско-русской истории важна прежде всего оценка степени и характера достигнутого объединения.

А «степень» эта осталась в течение всей первой половины XVI в. весьма и весьма относительной, характер же объединения сохранил в весьма значительной степени старую печать союзности, соединения лишь для определенных целей, и то недостаточно глубоко захватывавших широкие круги, массу общественную. Области продолжают жить своею местною жизнью, своими местными интересами. Сознание своих прав и своих интересов, своей политической индивидуальности преобладает над сознанием ценности общегосударственного единства, к охране и укреплению которого шляхетская масса относится со значительной пассивностью. В этом элементарном явлении ключ к пониманию исторических судеб Литовско-Русского государства.

В чем была задача начавшегося государственного строительства? Перед непосильным бременем внешней борьбы на два фронта —

против Москвы и татар — Литовско-Русское государство из чувства самосохранения стремится собрать свои силы, объединить военные и финансовые средства, необходимые для самообороны. Создать единство управления в смысле единства распоряжения силами и средствами страны было единственным способом обеспечить для Литовско-Русского государства возможность дальнейшего существования и развития.

Мы видели те условия, которые сделали эту цель недостижимой московским или французским путем — усиления монархической власти, собирания власти и централизации управления. Напротив, политический процесс в великое княжение Сигизмунда I идет в направлении ослабления не только господарской власти, но и народившегося было значения господарской рады.

Рада оказалась не в силах выработаться в значительную административную власть, не стала во главе сеймов как носительница крепкой центральной власти, хотя имела, повидимому, не мало данных для этого и шла не без успеха по пути к этой роли.

Постоянные и весьма продолжительные периоды отсутствия господаря, как мы уже видели, возлагали на раду всю полноту забот о ходе управления. Но красной нитью проходит через всю первую половину XVI в., в княжения Сигизмунда Старого и Сигизмунда-Августа, ее бессилие как административной инстанции. Насущная потребность упорядочить управление вызывает в эту эпоху развитие двух единоличных властей для управления военного и финансового — гетмана наивысшего и подскарбия земского.

О дебютах первой из этих должностей речь уже была. Созданное в замену личной власти господаря как единоличного вождя соединенных военных сил всех земель государства гетманство наивысшее могло только окрепнуть в своем значении в эпоху все нараставшей борьбы с Москвой. Наряду с этим нарастает у станов сейма настроение тягости непомерных жертв, поглощаемых войной, и стремление сложить возможно большую часть бремени на господарский скарб и на господарские имения. На сейме 1544г. князья, паны и шляхта просили, чтобы господарь, на котором лежит обязанность давать оборону подданным, делал взнос из скарба в суммы, собираемые по решению сейма на военные нужды, и нес бы военную службу с так называемых «спадковых» имений, т. е. тех земских имений, которые переходят к нему в порядке выморочности. Сигизмунд выразил удивление, что его равняют с подданными, «бо то есть речь незвычайная а ни пристойная господарю, дабы его милость имел з вами, подданными своими, в оной службе з имений спадковых быти ровним», и отказал [1]. Отказывал он и позднее, когда сеймы домогались, чтобы шляхта этих «спадковых» имений причислена была к общему стану шляхетскому, пользуясь общим «земским правом», и служила под хоругвями шляхетских ополчений. Это стремление поставить господаря, так сказать, на одну доску с другими землевладельцами сказывалось даже в требова-

[1] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 294.

ниях, чтобы он сам «рушался» своей особой в походы, — требованиях, особенно неприятных Сигизмунду-Августу, чуждавшемуся походной жизни.

Эти отношения к великому князю чрезвычайно характерны. Видим своеобразную трактовку носителя верховной власти как силы не столько органически необходимой для государственного дела, сколько отвлекающей значительную часть средств от этого дела. Глубокое падение авторитета власти господарской ввиду систематического абсентеизма обоих Сигизмундов из Литвы — естественный результат сложившихся условий и отношений. Ведь упреки и требования вроде приведенных нельзя не признать, несомненно, заслуженными. Это же течение сказалось и в отношении к сбору «серебщизны», податков, поконевых сборов на военные нужды. Если правительство было более чем право в постоянных жалобах на то, что ухваленные сеймами сборы поступают крайне неаккуратно, с огромными недоимками за ряд лет, с невозможностью добиться их взыскания, то и сеймы имели достаточно оснований подымать вопрос о том, куда деваются собранные деньги, и жаловаться на прямое расхищение господарских имуществ, уходивших повально в «заставы» поистине ростовщического характера в руки вельможных панов. Вопрос о расходовании «серебщизны» возник в начале правления Сигизмунда-Августа. Сейм 1547 г. нашел нужным, выразив недоумение по поводу того, куда девались средства, собранные по ухвалам сеймовым на земскую оборону, просить господаря, чтобы впредь эти деньги расходовались «одно на посполитую оборону земскую, на люди служебные», а для гарантии, что так будет, поступали бы не в общую казну, скарб земский, а на хранение особой комиссии из двух избранных лиц и писаря с обязанностью отчитываться в них перед сеймами.

Из отчетов земского подскарбия за 40-е годы видно, что, действительно, несмотря на постановления 1538 и 1540 гг. не обращать сбор «серебщизны» ни на какие иные расходы, кроме «обороны земской», значительная часть их ушла на «оправы послом», на покупку коней для дворян господарских и разных товаров у турецких и татарских караванов, на нужды «минцы» господарской, т. е. денежного двора. Господарь ответил с досадой, что все произведенные расходы касаются «потребы земское», а отчет дается ему и раде. Недоверие к господарскому хозяйничанью сказалось, с одной стороны, в протестах 1544 г. против частых сборов «серебщизны», которые становятся почти постоянной податью и потому, являясь по форме уступкой добровольного изъятия из привилегий, разрушают в конце концов самую суть привилеев. И сеймы были правы — общие условия жизни государственной должны были вести к установлению постоянной общей подати как прочной основы государственных финансов. Но станы отступали перед такой перспективой, тем более что могли заявить: пользы-де от этих сборов для государства они не видят. Такими пререканиями подготовлено было постановление сейма 1568 г. Сеймовая ухвала, назначившая новую «серебщизну», предоставила ее расходование

гетману наивысшему, которому поручен и набор жолнеров (эта «серебщизна» определена взамен посполитого рушенья), а также управление всей наемной военной силой, держание всех жолнеров под гетманскою «справою и послушенством». Лишь по «квитам» гетмана могла расходоваться эта военная казна. Эти постановления, по справедливому замечанию Любавского, превращали главнокомандующего-гетмана в своего рода военного министра, ведающего и комплектование армии, и всю военную администрацию, и расходование сумм, назначенных на военные нужды[1]. Непрерывность военного напряжения требовала организации постоянного войска по типу наемных войск и постоянного деятельного надзора за состоянием оборонительных средств государства. Такова почва, на которой вырастает крупное значение гетмана наивысшего, явившегося заменой, а скорее суррогатом, прочной организации военного и военно-финансового управления. Гетман даже раздает «до воли и ласки господарской» земли за военную службу, и сам господарь нередко через него осуществляет свои пожалования заслуженных людей, поручая ему «яко гетману наивысшему» подыскать соответственные имения для того или иного лица. Но на должности гетмана остается печать власти экстраординарной, снабженной временными и чрезвычайными полномочиями. Воплощаемая в гетманских полномочиях сторона государственной власти прочной, устойчивой, органической силы в них не получила.

Аналогичным явлением можно признать и развитие полномочий подскарбия земского. Как постоянный орган управления подскарбий имеет более устойчивое значение, чем гетман, в системе управления Литовско-Русского государства и ведает в нормальное время все государственные доходы и расходы, в том числе и военные. Первоначальная роль подскарбия — быть господарским казначеем и расходовать по распоряжениям (устным и письменным) господаря и его панов-радных казну господарскую. Несколько более широкое значение приобретает подскарбий в конце княжения Сигизмунда I больше в силу огромного личного доверия господаря к Ивану Горностаю, подскарбию с 1530 г., чем вследствие развития самой должности и строя финансового управления. Только к 60-м годам XVI в. невозможная неурядица в заведывании государственными финансами привела к попытке внести в эту сторону управления больше единства и порядка расширением компетенции земского подскарбия. Из господарского казначея он определенно стал действительно земским в силу постановления Виленского сейма 1561 г. Этот сейм сделал попытку усилить финансовые средства казны, увеличив косвенные налоги — мытные, шинковые и иные, — обязав господаря не отдавать их в аренду или заведывание помимо представлений подскарбия. Все «поборцы» ставились под присуд и послушенство подскарбия земского, который один и возбуждает ходатайства о предоставлении кому-либо льгот. Расходы из скарба производятся им по приказу господаря

[1] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 792—793.

или формальному, «з сполные намовы», постановлению рады. В руках подскарбия сосредоточивается при Сигизмунде-Августе и все управление господарским хозяйством, получившее особое значение ввиду реформы этого хозяйства новой размежовкой крестьянских участков с целью уравнения как размера наделов, так и обложения крестьян повинностями, замены дробных и пестрых повинностей чиншем и барщиной, наконец, раздачей пустых участков новым тяглецам. Во главе всего этого дела — волочной померы и введения новой уставы господарского хозяйства — стоит подскарбий земский. Устава эта подчинила контролю подскарбия всех держателей различных держав на землях господарских, сильнее централизуя эту сторону финансового управления. Подскарбий поставлен в 1566 г. и во главе всего монетного дела с обязанностью чеканить монету по мере надобности с выгодою. Он производит ревизии всех источников скарбового дохода, заботясь об увеличении этих доходов. И расходы государственные в его ведении — выплата заслуженного людям служебным и пушкарям, ремесленникам замковым, выдачи на расходы по строительным работам в замках и снабжение их провиантом и боевыми припасами, выдача пенсий заслуженным (юргельтов) и т. п. Словом, скажу и о нем словами Любавского: «Подскарбий земский из казначея при главной государственной кассе превратился в доверенного и самостоятельного начальника всего ведомства финансов и государственных имуществ с инициативою и широкими полномочиями в пределах этого ведомства» [1].

Такая эволюция строя важнейших сторон государственного управления в направлении к централизации и единоличному ответственному заведыванию стояла, однако, в решительном противоречии с общими судьбами центральной власти за ту же эпоху. Полномочия гетмана и подскарбия так определены, что они в их развитии ограничивают, даже вытесняют из соответственных сторон дела личную власть господаря, оставаясь вместе с тем органами его власти, хотя и введенной в определенные рамки сеймовыми ухвалами. Все это конституционное развитие Литовско-Русского государства не привело на деле к созданию сильной центральной власти и не разрешило очередной политической задачи, поставленной перед ним жизнью.

Причина тому — в особенностях развития сеймового строя и связанных с ним внутренних отношений социальных, между разными станами, «до сейму належачими», и политических, между отдельными землями и общим государственным центром.

Значение сейма, сложившееся в первые три десятилетия XVI в., естественно растет дальше при слабости центральной власти. Попытки господаря отстоять остатки своих прерогатив, хотя бы и разделенных им с радой, становятся все слабее, растет сеймовое «гминовладство». Уже в 1544 г. для сейма недопустим порядок установления размера военной службы решением короля с на-

---

[1] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 801.

нами-радой. Установление это «произволением и радою» вальных сеймов уже сознается как «исконная» старина, так-де было «завжды» — при Сигизмунде, как и при «предках его». И сейм настаивает, чтобы паны-рада впредь не решали вопроса о «бремени» земском «без оповеданья и произволенья княжат, панят и всего рыцарства». Господарь еще пробует ответить, что такое напоминанье — дело непотребное; он, как осел на вотчине своей, всегда «обороны панства своего и иншие речи, прислухаючи того панства, рядил и справовал» сам с панами-радою. «И на том его милость есть ныне и на потомные часы», «як здавна бывало»[1]. Исторически прав был Сигизмунд, но его старина быльем поросла, и шляхта верно ссылалась на свое право, как уже «застаревшее», достаточно окрепнув. И сам господарь, публикуя новую военную уставу, ссылается на согласие шляхты, хоть, конечно, обе стороны вкладывают разный смысл в такую ссылку. О праве обложения и споров уже быть не могло; отдельные же случаи нарушения вызывали немедленно протесты сеймов. Нарушения если и возникали, то ввиду спешной нужды, ибо принципиально Сигизмунд признавал, как он это особенно ясно формулировал в грамоте 1528 г. по поводу выкупа господарских имений на данную сеймом субсидию, что он не имеет права без нарушения законов облагать землевладельцев «серебщизною» без их воли и согласия.

Примеры нарушений, или того, что шляхта считала нарушениями этого принципа, интересны тем, что спорные назначения сборов произведены были на сейме, но особого состава. Еще не установившееся представительство давало повод толковать понятие сейма с точки зрения его личного состава. Например, в 1534 г. господарь призвал на сейм — кроме панов радных — княжат, панят и всех урядников, а также рыцарство-шляхту, но так, что поветовым хоружим поручено выбрать в своих поветах двух «добрых» земян и с ними приехать в Вильну. В земле Полоцкой то же поручалось воеводе. Не вижу надобности подставлять под этот выбор избрание шляхетским съездом. Постановления этого сейма не вызвали споров. Иначе пошло дело в 1551 г., когда Сигизмунд-Август и рада нашли возможным заменить посполитое рушенье особой платой на наем служебных с каждого коня, которого обязаны были землевладельцы ставить на войну. Этот поконевый сбор был определен на сейме панов-рады, всех урядников, княжат и панов. Поветы были представлены только хоружими, без шляхетских послов. Сбор и стали собирать через детских, притом строго и с конфискацией имений у неплательщиков. На следующем вальном сейме 1554 г. это вызвало протест шляхты, требовавшей возврата «поконевских пенязей» как взысканных незаконно. Господарь отвечал, что пенязи эти определены-де на сейме, собрании «сойму належачих» особ-урядников, и так при своем и остался.

Наконец, вопрос об издании новых законов. После издания первого статута сеймы неоднократно поднимали вопрос об его «по-

---

[1] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 292.

правлении». На сейме 1544 г. король согласился и предложил сейму выбрать 10 лиц, «людей добрых и поважных», как греческого, так и римского закона, поручая им одни артикулы поправить, а другие вновь учинить и представить свою работу на следующий сейм, чтобы выработанные артикулы были «уфалены» «через посполитый снем, на што вся земля зволить», и приняты «з его милости господарским дозволеньем». Так новая кодификация с изменением артикулов статута поручена сеймовой комиссии. Что же вышло на деле? Избрание комиссии не состоялось. Станы сейма просили, чтобы король сам назначил ее членов и платил им жалованье. Король предлагал сейму назначить содержание кодификаторам особым ассигнованием, помимо средств скарба. Прошло несколько лет, и на сейме 1551 г. вопрос об исправлении статута возник снова. На этот раз господарь соглашался сам назначить 10 лиц по соглашению с радой, лишь бы сейм изыскал средства на их содержание. На том же сейме станы ходатайствовали, чтобы ничто не имело силу закона, кроме установленного на вальном сейме. Дело снова затянулось, причем король оттягивал ряд вопросов, касавшихся шляхетских прав и ходатайств, до «поправы» статута, и только к 1561 г. исправленный проект был намечен и представлен сейму для ознакомления. Ряд споров по отдельным артикулам дал возможность создать окончательную редакцию второго статута только в 1566 г. Этот статут, торжественно признавший (разр. II, арт. II), что, «когды будет потреба противно которого неприятеля нашего обороны земское... албо войска вести, тогды мы сами господарь, або и с паны радами нашими не маем а ни будем мочы того учинити, а ни серебщизны и поплату никоторую установляти, аж первой сойм великий вальный зложивши, на который съедутся княжата и паны-рада духовные и светские маршалки и иные врядники земские и дворные, паны хоруговные и послы земские поветовые»; признал и законодательные полномочия сейма: во введении сказано, что все обыватели великого княжества Литовского и все земли, к нему належачие, будут рядиться и судиться по этому статуту, «поправуючи и прибавляючи водле часу потребы артикулов в том статуте на соймах вальных великого княжества Литовского». Так статут 1566 г., вообще значительно расширивший шляхетские права, можно назвать первой конституционной хартией Литовско-Русского сейма. Этот сейм занял правом определенное положение в основных спорных вопросах накануне своего исчезновения с исторической сцены.

Вальный сейм Литовско-Русского государства приобрел в первой половине XVI в. не только огромное значение в судьбах страны, но и возможность почина, инициативы в деле государственного строения. Он выступает в качестве учреждения, без которого господарь и паны-рада, в сущности, бессильны. Он становится вместе с ними составной частью верховной государственной власти. Что же сам он такое? Мог ли этот вальный сейм стать той силой, которая укрепит и обновит государственное единство, поставя его на новых и прочных основаниях? Насколько вальный сейм мог дей-

ствительно сыграть ту роль, для которой он предназначался по условиям своего возникновения? Прежде всего по составу своему наиболее полные вальные сеймы представляют преимущественно великое княжество Литовское в собственном, тесном смысле слова. Высший слой, основной с точки зрения влияния, составляли те из сейму належачих, которые призывались viritim, именными пригласительными листами, — князья, паны и урядники; второй — шляхта, представительство которой по поветам установилось в рассматриваемый период. Число и тех и других распределялось так, что великому княжеству на сеймах принадлежало подавляющее большинство, руководящая роль в деяниях великих вальных сеймов. Но и помимо того так называемый вальный сейм был для местной шляхты великого княжества своим местным сеймом, так как для нее он был единственным объединявшим ее местным собранием, и шляхта великого княжества съезжалась на сеймы в большом числе со своими частными делами и ходатайствами, помимо призыва, поддерживая и в те годы, когда устанавливается представительство по два земянина при поветовом хоружем, старую традицию поголовного съезда, и она также привлекается к занятиям сейма. Вальный сейм есть с этой, бытовой стороны своей сейм великого княжества Литовского, расширенный призывом на общее совещание князей и панов, урядников и представителей шляхты из земель-аннексов

Основной дуализм состава Литовско-Русского государства остается непреодоленным и дает себя чувствовать в ряде моментов политической жизни. Недаром и статут 1566 г. еще говорит о «панстве нашого великого князьства Литовского и всех земляx, ку нему належачих». Действительно, так называемые земли-аннексы и на вальных сеймах не тонут в общем единстве. Они выступают то и дело со своими особыми заявлениями и ходатайствами. Правда, попыток признать те или иные постановления сейма не имеющими силы для данной земли, какую однажды сделали жмудины, не встречаем более в наших известиях, но тем не менее отдельность, особые интересы земель выступают явственно в общей сеймовой работе. На каждом сейме, кроме ряда петиций по разным вопросам от князей, панов и шляхты всего великого княжества (государства), встречаем просьбы отдельных земель. Просьбы эти то касались тех или иных местных нужд, то повторяли некоторые из просьб, входивших в состав общих петиций. Любавский в последнем случае видит в соответственном местном привилее источник общих петиций, указание на то, что инициатива по данной просьбе принадлежала данной земле. Общие петиции, вероятно, составлялись из заявлений отдельных земель, находивших сочувствие всего сеймового собрания. Но бывало и иначе: местные просьбы на следующем сейме повторяют тот или иной пункт предыдущей общей петиции, свидетельствуя о сочувствии данному домогательству шляхты со стороны местного общества и служа напоминанием об исполнении. На такие повторения господарь обычно отвечал ссылкой на свой ответ предыдущему сейму.

Нередки случаи ходатайств о подтверждении местных привилеев отдельных земель наряду с просьбами о подтверждении общеземским привилеем прав панов, княжат, панят и всего рыцарства. Забота о сохранности местных привилеев даже обострилась с развитием общего законодательства на сеймах. Она ведь вела к осуществлению мысли, чтобы все обыватели великого княжества и земель, «ку нему належачих», жили под одним правом. И в эпоху статутовой кодификации встречаем ходатайства, чтобы новый статут не нарушал привилеев отдельной земли, чтобы господарь гарантировал эту ненарушимость особым «листом». С этим связаны и ходатайства о том, чтобы в статут были вписаны все местные привилеи. Господарь отказывал в таких просьбах, ссылаясь на то, что он ничьих прав не нарушает, или просто «для некоторых причин». Любопытно, что не встречаем конкретных указаний на нарушение новым законодательством тех или иных статей местных привилеев. Дело и было, видимо, не в отдельных пунктах, а в опасении утратить вообще свою обособленность и связанные с нею выгоды, прежде всего по части держаний и урядов. Обобщение понятия местных уроженцев, которым таковые должны даваться, на все население государства умалило бы выгоды представителей местного общества, и, например, жмудины просят на сеймах 1542 и 1554 гг., чтобы уряды в Жмудской земле не давались ни литовцам, ни русским, а только уроженцам Жмудской земли по представлению старосты, тиунов и шляхты. Господарь отвечал, что никому неоселому на Жмуди не давались там уряды, уклоняясь от сути дела, так как их уряды давались вместе с пожалованием земли, что создавало чужаку оседлость. Так, в 1554 г. волынская шляхта протестует против отдачи старосте луцкому, князю Сангушке, городничего и мостовничего в Луцке, тогда как эти уряды искони раздавались местным земянам. Протесты эти, как и возражения на совмещение урядов, направлены против все большего проникновения в местные единицы людей из центра, становившихся и местными урядниками и местными землевладельцами, связывая более крепкими административными и бытовыми связями область с центром.

Привычная местная обособленность стала почвой, на которой развивается стремление шляхты к судебно-административной децентрализации. Она вырастала из весьма реальных и существенных интересов — потребности в более доступном и дешевом суде. Добившись установления определенной судебной сессии высшего суда, панов-рады, сперва одного, затем двух «снемов судовых» в Вильне, шляхта борется против практики изъятия господарскими листами отдельных лиц из обычного присуда под личный присуд господарский. Подобная привилегированная подсудность на деле, особенно при Сигизмундах, обращала иск к такому лицу в нечто трудно исполнимое ввиду пребывания господаря в Польше. И сеймы борются с панами-радою во главе против апелляции к господарю, когда он находится в Польше. Вызовы на суд в Польшу, присылка оттуда детских и т. д. встречают постоянные жалобы, как практика, дающая широкий простор сутяжнической волоките.

Господарь объяснял развитие этой практики тем, что паны-рада не съезжаются на роки судовые и не чинят справедливости, но рада отвечала, что мало кто судится у нее: одних детские увели- де в Польшу, другие представляют господарские листы о неподсудности, и хотя по праву такие листы не обязательны, но рада стесняется пренебрегать ими из уважения к господарю, не желая оказать ему «непослушенства». В 1542 г. господарь уступил и запретил вызывать противника на господарский суд в Корону, иск должен предъявляться в повете, местному суду, по инстанциям от державцы к воеводе, от воеводы до рады, от рады до господаря, причем только от державцев можно переносить дело на суд воеводы, «не вступаючи в речь». Остальные инстанции доступны только «по сказаньи». Это распоряжение было «ухвалено» на сейме 1544 г. как постоянный закон и подтверждено Сигизмундом-Августом в 1547 г. Так была несколько упорядочена центральная юрисдикция.

Но интересов шляхты касался более всего вопрос о местных судах. На сейме 1544 г. шляхта возбудила ходатайство, чтобы в каждом повете был учрежден выборный суд из судьи-шляхтича и писаря, в котором могли бы воеводы, старосты и державцы судить каждого князя, пана светского и духовного. В этой просьбе две мысли: 1) устранение единоличного суда урядников, хотя бы и ограниченного, часто, впрочем, не исполнявшимся требованием присутствия на суде земян; шляхта жалуется, что урядники обратили свой суд в домашнее дело, судят у себя в имениях, а не по поветам, держат на дому судовые книги, и 2) устранение изъятий из местного суда крупных панов-магнатов, на которых никак не получишь управы. Эти просьбы повторялись неоднократно в конце княжения Сигизмунда I и при Сигизмунде-Августе. Шли они от рядовой шляхты и встретили решительное противодействие урядников, чуявших резкое умаление своих доходов, и панов — против уравнения перед судом с рядовой шляхтой. Господарь уступки делал лишь постепенно, приказав урядникам назначать судей за себя от воевод и старост, упорядочивая производство, уменьшая судебные пошлины. Только на сейме 1564 г. добились станы учреждения поветовых судов. На этом Бельском сейме при исправлении судебного раздела статута установлено, что паны-рада, старосты, державцы и прочие урядники отступаются по своей доброй воле от своей судебной власти и связанных с нею доходов и что все станы сейма — все и с потомками своими — поддаются «в одно ровное право, в одинакий и не инакший суд и моц, а власность и поступки судовые».

Организация этих новых судов получила свое политическое значение, потому. что потребовалось новое, более равномерное распределение поветов взамен старых, исторически сложившихся. Новые поветы были определены на сейме 1565—1566 гг.: великое княжество Литовское — 15 поветов, Жмудь — 1, Берестье и Подляшье — 5, Волынь и Подолия — 4, Киевщина — 2, Витебск — 2, Полоцк — 1. Присуду местного земского суда подчинены все местные землевладельцы, паны-рада, духовные и светские, княжата

и паны хоруговные, шляхта и бояре. Эта новая организация судов поветовых повела к преобразованию сеймиков. По требованию сейма, Сигизмунд-Август издал особый привилей, учредивший поветовые сеймы по новым судебным поветам с обязательством являться на эти сеймики всем местным землевладельцам без исключения — панам радным и князьям, урядникам земским и дворным и шляхте-рыцарству. Эта реформа повела к дальнейшим последствиям. По новым поветам сложилось и ополчение шляхетское — каждый повет собирал под своей хоругвью шляхетское ополчение, объединенное по воеводствам, с каштелянами и маршалками во главе. Число шляхетских хоругвей поэтому уменьшилось, но стали они крупнее, значительнее. Увеличилось количество должностей каштелянов, воевод с учреждением, по ходатайству сейма, новых воеводств: вместо семи — тринадцать (7 на великом княжестве), чем усилен состав рады господарской. Воеводы, каштеляны и маршалки стали во главе местных обществ не только в ополчении, но и в мирное время, как влиятельные лица и руководители сеймиков. Это втягивало более прежнего вельможные верхи в шляхетскую жизнь и привело к серьезному противоречию их положения. Носителям единства политического и общегосударственных интересов пришлось стать местной силой, в положении которой боролись две тенденции: к подчинению местных интересов целому или развитию их в ущерб только что сложившейся общей государственности. Вторая тенденция в землях-аннексах взяла, как увидим, верх и подчинила себе дальнейшие судьбы Литовско-Русского государства.

Наконец, по тем же поветам выбирала сеймиковавшая шляхта своих послов (по 2) на вальные сеймы. Это повело к значительному уменьшению числа шляхетских послов. Прежде являлись выборные от множества мелких поветов, особенно в великом княжестве. Но это не умалило значения шляхты. Наоборот, установление обязательности созыва сеймиков перед каждым сеймом для предварительного обсуждения очередных вопросов давало возможность снабжать послов определенными инструкциями, получавшими в случаях особой заинтересованности шляхты значение императивных мандатов. Воззрения местных общественных групп получили более сильное влияние на общие судьбы государства, что в условиях розни внешних интересов и особенно разъедавшей Литовско-Русское государство социальной вражды магнатских верхов и шляхетской массы привело его к гибели. Процесс построения государственного здания на более широком фундаменте, чем ранее, привел не к укреплению, а к распаду целого, ослабляя значение тех социальных элементов, которые являлись носителями центростремительных, объединяющих Литовско-Русское государство тенденций.

Вельможное магнатство переросло еще во второй половине XV в. ту раздробленность территории Литовско-Русского государства на отдельные политические единицы-земли, которая придавала его представителям, пока они стояли преимущественно во главе

земских миров, значение вождей местных обществ. Этот результат получился вследствие двух причин — развития магнатского землевладения вне рамок деления на земли и расширения круга лиц, занимавших высшие административные должности и примыкавших ко двору и раде господарским.

Географическое распределение владений крупных землевладельцев можно проследить по данным, собранным у Любавского в его исследовании «Областное деление и местное управление в Литовско-Русском государстве» и особенно у Леонтовича в его книге «Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства». Характерной его особенностью является разбросанность этих владений по разным местностям великого княжества Литовского в собственном смысле и земель-аннексов. Конечно, для многих старинных фамилий можно указать место их родового гнезда, но разнообразные приобретения обычно не расширяли этого гнезда, а связывали их землевладельческие интересы с иными областями и поветами. Разрастались экономические связи вельможного магнатства различными путями: родственными отношениями между различными фамилиями, что вело к изменению состава их владений путем наследования; пожалованиями земель за выслугу в вечность; наконец,приобретением держаний и застав, иной раз, и притом нередко, переходивших в пожизненное пользование и даже наследственное владение. Ведь «держания» по принципу кормления были гарантированы неотъемлемостью иначе как за вину по суду, а заставы фактически отходили во владение панов столь прочно, что попытки их выкупа, их «редукции», переживались как крупная мера социально-политического характера, с характером принудительного выкупа имуществ у их владельцев для восстановления разрушенного фонда государственных имуществ. Даже наиболее прекарное владение панское — держания «до воли господарской» — постепенно крепло и консолидировалось, когда в привилеях проведено было различие пожалований, полученных при предках нынешнего господаря, от пожалований, данных им самим. Земский привилей Александра относительно первых подчиняет «волю» господаря соглашению рады, а вторые оставляет в личной воле господарской. Путем получения пожалований «в вечность», «до живота», «до воли», путем купли и наследования вельможные паны, появлявшиеся в той или иной области в качестве воевод, старост и наместников, становились местными землевладельцами, пускали корни в области, не разрывая своих основных связей с литовским центром. Некогда, еще в начальных периодах образования Литовско-Русского великого княжества, таким процессом — историки иногда называют его «военно-служилой литовской колонизацией» — создались новые социальные связи, спаявшие великое княжество в собственном смысле в целое крепче, чем могли бы это сделать одни отношения политического господства. Позднее явления того же порядка ввели в состав крупных землевладельцев земель-аннексов фамилии не местного, а литовского происхождения — Ольгердовичей и Гедиминовичей,

панов литовского корня. Так, видим на Волыни Сангушек и Рожинских, не считая более мелких; зато и русские волынцы, Чарторыйские и Острожские, владеют значительными земельными имуществами в других областях — в Пинском Полесье, в поветах Трокском, Оршанском и т. п.

Уже одни эти землевладельческие отношения расширяли политический кругозор высшего общественного слоя. На поддержку шли отношения родства, свойства между магнатскими родами разного происхождения. Хороший пример образования, хотя и эфемерного, магнатской силы, раскинутой по лицу Литовско-Русского государства, видели мы выше на судьбе рода Глинских.

Явления этого порядка вели дело к образованию общегосударственной, если можно так выразиться, земельной аристократии как естественной, в силу «классового» (не сословного) интереса, носительницы объединительных тенденций в Литовско-Русском государстве. В этом классе и лежал, как сейчас увидим, центр тяжести литовско-русской самобытности против польских стремлений к инкорпорации Литвы или хоть к «реальной» унии ее с Польшей.

Этот магнатский класс, «стан» княжат и панят, весьма определенно выделялся из общего строя тех земель, в территорию и бытовые отношения которых врезывался своими владениями и своими привилегиями. Крупные княжеские и панские отчины и выслуги на вечность составляли в строе управления гражданского и военного особые единицы. Их собственники владели ими «со всем правом и панством» — «cum pleno jure et dominio», т. е. на таком же праве, как господарь своими доменами. Сохранялось такое право и за мелкими владениями, образовавшимися путем дробления крупных: куплей и дарением их частей, дроблением по наследству. Владельцы их могли служить, кому хотят, и тем самым выделялись из общеземской служило-землевладельческой организации по поветам. Крупные землевладельцы, князья и паны, служили, конечно, прямо господарю. Это были «паны хоруговные» со своей, особой от поветовой, хоругвью, под которой они выезжали на войну с людными «постами» слуг, получая и призыв к посполитому рушенью непосредственно, наравне с хоружими, через которых созывалась поветовая шляхта. И состав их «постов» резко выделяет их из шляхетской массы. В этих «постах» не мало мелкой шляхты, либо сидящей на землях магнатских, либо добровольно примкнувшей, по бедности, к панской хоругви. Эти «посты» стоят в войске рядом с поветовыми отрядами шляхты, как равносильная им тактическая и военно-административная единица. Уже это одно налагает на магната литовско-русского печать средневекового феодала.

Резко выделялся магнатский класс из местного общества и по подсудности. Первостепенные княжеские и панские фамилии не подсудны местным властям, потому что, как выражается первый статут, они «не суть в поветех». Таких «панов, которые не судятся у поветех», можно было до судебной реформы 60-х годов «позывать» только перед господаря и его раду. Кроме того, они могли отвечать

разве перед господарскими комиссарами, специально на то делегированными: «coram nobis successoribusque nostris aut nostris et illorum commissariis, ad id specialiter deputatis» [1], — читаем в привилее Радивилу. И на сеймах вальных положение этого стана особое; его члены вызывались на сейм лично, т. е. почти все, кто по «пописам» военной силы выставлял крупные «посты» под особою хоруговью. Причина такого особого положения магнатского класса в его значении как государственной административной силы.

Первый статут, упоминая о неподсудных поветовым судам привилегированных лицах, выражается так: «а естли бы кто с панов рад наших, воевод и старост, которые не суть в поветах...» Мы крайне сузили бы понимание этого текста, если бы поняли дело так, что речь идет о неподсудности местным властям лиц высшей администрации. «Паны рады, воеводы и старосты» означает тут целый общественный слой, изъятый для каждого из его членов из обычной подсудности «cum conjuge et ligitima postoritate suaet incolis bonorum» [2] не на время занятия должности, а навсегда. Впрочем, последняя оговорка не имеет и смысла. Ведь должности неотъемлемы сперва по обычаю, потом по привилею 1492 г., а если на практике оказываются отнимаемыми, то в форме перемещения. Не служащий магнат не предполагается ни правом, ни жизнью. Землевладелец вообще — из тех, кто покрупнее, — державца чего-либо, участник в администрации, правитель хотя бы вотчинных княжих и панских имений своих. Верхи землевладельческого строя, паны-рада и княжата, ordo senatori — класс, а не только группа лиц, занимающих должности.

Состав этого высшего «стана» Литовско-Русского государства определился во вторую половину XV в., со времен Свидригайла, в полном противоречии со статьей Городельского привилея, обеспечивающего католически-вероисповедное единство господарской рады. Любавский выдвинул для объяснения того факта, что во вторую половину XV в. не редкостью были члены рады господарской, «не только римского костела послушныи, але и грецкого», ряд наблюдений в пользу мысли, что в эпоху увлечения идеей церковной унии правительственные и иерархические верхи католического мира перестали смотреть на православных как на иноверцев, что сильно смягчились взаимные отношения двух вероисповеданий как на греко-византийской, так и на литовско-русской почве [3]. Наблюдения эти во многом, несомненно, интересны, но столь же расплывчаты и неопределенны, как и те вероисповедные отношения, полные колебаний, какими характеризуется данная эпоха [4]. Но корень этой смены тенденций лежит глубже и указан

---

[1] «при нас и наших преемниках и наших и их комиссарах, для того специально назначенных».

[2] «с женою и законным потомством своим и жителями имений».

[3] «Сборник статей, посв. В. О. Ключевскому», М. 1909.

[4] Ср. работу *Богдана Бучиньского*, Змагання до унии руськой церкви з Римом в роках 1498—1506 в «Записках Украинского наукового товариства в Киеве», 1909, тт. IV, V, VI.

самим Любавским в IV главе «Литовско-русского сейма». По мере развития более широких задач общей политики Литовско-Русского государства господари не были в силах разрешить их без поддержки «всех других землевладельцев... которые наряду с ними пользовались в своих владениях государственной властью». В них прежде всего ищут они опоры, с ними, по необходимости, делятся властью и влиянием. Взаимоотношения господаря и магнатского класса не могли определяться «идеологическими» мотивами национального, вероисповедного или иного какого характера. Опорой положения и значения той или иной фамилии в Литовско-Русском государстве была прежде всего ее материальная, экономическая и военная сила.

Разбирая вопрос о причине преобладания в раде литвинов, Любавский на основании подсчета размера «постов» панов хоружих приходит к выводу: «это преобладание объясняется именно тем, что главным образом в собственно Литовской земле создалось и держалось крупное землевладение, здесь народилась и выросла крупная землевладельческая аристократия, с течением времени охватившая своими владениями и области-аннексы... Литовско-русский господарь набирал себе советников и сотрудников из князей и панов литовского происхождения не потому, что они были литовцы и католики, а потому, что они были самые богатые (и знатные) землевладельцы. Как скоро находились таковые среди русских князей и бояр, он привлекал и их»[1].

Обедневшие, хотя бы и весьма знатные, фамилии переставали поставлять господарю советников и воевод-управителей, уступая место новым выходцам из землевладельческого класса, увеличившим свои средства. Нет нужды придерживаться материалистического понимания истории, чтобы признать магнатский класс как класс крупных землевладельцев основной силой Литовско-Русского государства и даже определить строй этого государства в его политической вершине термином, заимствованным из марксистской терминологии, как «классовую организацию крупных землевладельцев-магнатов». Центром организации этого класса была рада господарская, а состав этого высшего «стана» характерно определяется Любавским так: «Все крупные землевладельцы шляхетского звания, князья и паны, входившие в состав господарской рады, занимавшие уряды земские и дворовые или бывшие кандидатами в господарскую раду и на эти уряды». Социальная сила этого класса была той основой, на которой вырастала и которой обусловливалась неизбежность его подавляющей остальные элементы Литовско-Русского государства роли в государственном управлении. Полная зависимость господаря от панов-рады, получившая государственно-правовую формулировку в привилее 1492 г., была капитуляцией личной власти господаря перед силой магнатского класса. И эта сила была использована в широких размерах для обеспечения и удовлетворения фамильных и классовых интере-

[1] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 361—362.

сов магнатства, укрепления за ними должностей, земельных пожалований и доходов.

Стремление магнатов сохранить и умножить число должностей, доставлявших место в раде господарской, встречало не раз поддержку рядовой шляхты. Отсюда просьба сеймов, чтобы господарь не оставлял незамещенными вакантные уряды, «алижбы зуполна панове рада на местцах своих были осажоны». На сейме 1544 г. шляхта выставила и мотив своей просьбы: чтобы шляхте было у кого служить и тем богатеть и множиться. Сейм в 1563 г. вынес решение об освобождении от кары за неявку в поход тех шляхтичей, не имеющих самостоятельного хозяйственного положения, которых сейм обязал ввиду «гвалтовной потребы» ехать на войну в качестве жолнеров или же слуг в панских постах, кто не получит денег из скарба за жолнерскую службу или кого никто из панов не примет в свой пост. Впрочем, шляхетское общество в эту пору уже косо глядит на такую приватную службу шляхты, по крайней мере той, которая имеет собственные земские имения. На том же сейме шляхта протестовала против отлива служилых сил шляхетских от поветовых ополчений под панские хоругви, требуя господарского распоряжения, чтобы шляхтичи, служащие панам, покидали эту службу и становились на свое место под поветовые хоругви, как и вообще жаловалась на такое «закладничество» шляхтичей за панов, которое состояло в отдаче их себя с имениями «для обороны» в подданство панам, и просила вернуть их в поветы.

Но паны крепко держались за свое положение, и домогательства шляхты были уклончиво отвергнуты господарем.

Со своей стороны паны просили господаря, пребывавшего преимущественно в Польше, держать и в Вильне свой двор с надлежащим блеском, чтобы их братья и сыновья, их молодежь имела где упражняться в рыцарских поступках и заслуживать господарскую милость. Это требование особого литовского великокняжеского двора играло немалую роль в спорах литовского магнатства против слияния Литвы с Польшей в одно государство, как и вообще стремление сохранить особый административный строй великого княжества со всеми его должностями. Те же мотивы заставляли магнатов настойчиво возобновлять настояния, чтобы должности не давались полякам; зато они же поддерживали господаря в стремлении расширить понимание правила об отдаче должностей только местным уроженцам так, чтобы под понятие это подводились не уроженцы только данной земли, а вообще всего государства, что в свою очередь, как мы уже видели, вызывало протесты на Жмуди и на Волыни.

С назначением на высшие должности связана была раздача господарем земельных пожалований. Эта раздача производилась из фонда господарских доменов, а вела она к тому, что в руки панов и князей перешло множество имений, с которых прежде шли разнообразные службы на господарские замки, службы, необходимые для поддержания замковых укреплений и военного снаряжения. Часто освобождение от повинностей выхлопатывалось

при пожаловании, еще чаще возникало фактически, так как паны переставали отбывать повинности с «выслуг». Попытки произвести ревизии привилеев разбились о сопротивление крупных землевладельцев, не желавших представлять свои грамоты ревизорам, заявляя, что согласны представить их лишь самому господарю на вальном сейме, и то при том условии, если другие земли «будут привилья свои класти перед его милостью, тогда и мы».

Та же судьба постигала и рядовые шляхетские имения, по крайней мере в отношении к ополчению данной земли, если их скупали вельможные паны. Крупные землевладельцы, владевшие имениями в разных местностях, выхлопатывали себе разрешение ставить со всех своих владений общие посты под своей хоруговью или под хоруговью одного повета, разбивая, таким образом, единство ополчения отдельных земель. Этим объясняются такие ходатайства, как просьба Волынской земли на сейме 1565/66 г., чтобы земли князей и панов, скупивших шляхетские имения, были привлечены к земской воинской службе в ополчение Волынской земли.

Разбивая обычную организацию земских общественных сил и ослабляя общую сумму государственных средств своими привилегиями, привилегированные паны прямо расхищали основные государственные средства приобретением пожалований и льгот. Расхищали они эти средства и косвенно, путем застав. На сеймах, начиная с 20-х годов, не раз подымались нарекания на магнатов, которые использовали затруднения скарба для наживы, ссужая господаря пенязями под заставу замков и господарских имений, а затем выхлопатывали себе держание этих имений «до живота». На сеймах предлагалось кассировать все такие пожалования заставных имуществ «до живота» или «до дву животов», запретить и иную практику: отдачи «урядом», т. е. в качестве уряда выкупленных из заставы имений, тем же лицам, у кого они выкуплены. Раздавались жалобы на хищническую эксплоатацию заставных имений, вытягивание из них доходов сверх положенных по уставу и условиям заставы, наконец, и на прямые захваты панами к своим имениям частей соседних господарских доменов путем незаконного расширения границ. Изложенная выше борьба шляхты за судебную реформу направлена против невозможности добиться управы на насилия магнатов и их челяди, на неустройство судебного дела по произволу панов, державших судебную власть в своих руках по должностям воевод и наместников, доставлявших своим людям державы и тиунства.

Перечисленных черт положения литовско-русского магнатства достаточно для характеристики его положения в Литовско-Русском государстве как властного класса крупных привилегированных землевладельцев, сосредоточивших в руках своих и всю правительственную власть в государстве.

В прошлой истории магнатский класс был той силой, которая построила Литовско-Русское государство и в XV в. добилась значительных успехов в политическом объединении его состава во время княжений Казимира и Александра. Но позиция, занятая

им к началу XVI в., выяснила в жизни Литовско-Русского государства особенно те стороны, где гипертрофия магнатского господства подтачивала самые источники государственной силы и правительственного авторитета, будя в широких слоях шляхетского общества социальную вражду против властного «стана» и суровое суждение о его государственной роли.

На сеймах первой половины XVI в. магнатству противостоит стан шляхетский, новая сила, выступившая на арену общегосударственной жизни. Это новая общественная сила со своими интересами и требованиями, со своими понятиями и стремлениями. Откуда взялась она? Шляхта XVI в. — класс мелких и средней руки землевладельцев; положение и значение их предков определялось в предыдущие века всецело их военнослужилыми обязанностями. Мы очень плохо, и едва ли не безнадежно плохо, знаем начальные стадии развития военнослужилого класса Литовско-Русского государства, потому что для изучения внутренних отношений в землях Литовско-Русского государства в переходное время его создания — XIII и XIV вв. — нет никакого материала. История землевладения и социальных отношений за эти столетия не написана и не может быть написана, а то, что выступает перед нами в XV и XVI вв., есть результат продолжительной, но не исследованной эволюции. Суть ее должна была быть в созидании поместных войск на смену старым дружинным и городским полкам. Вдобавок понимание истории служилого класса и служилого землевладения в Литовско-Русском государстве долго было вконец искажено — и остается таким у некоторых, особенно польских, историков — доверием к фразеологии общеземских привилеев, начиная с Ягайлова, по буквальному смыслу которых вотчинное землевладение было в Литовско-Русском государстве искусственным насаждением законодательной власти, пересаживавшей на новую почву польское право. Условность и ограниченность военнослужилого землевладения ярко выступает в XV в., притом не только относительно земель поместных, держаний, выслуг, но и относительно владений вотчинных, наследственных. Притом время наших источников — время постепенного, а отнюдь не внезапного, в силу заимствования польского права в привилеях, ослабления этой условности, роста свободной собственности в праве [1].

Шляхта-земяне владели вотчинными и пожалованными землями и были обязаны нести земскую военную службу, а также иные повинности и с тех и с других, притом, что касается военной службы, в размере, одинаковом для всякого рода владений. Это — земяне, подчиненные власти господаря непосредственно и организованные по поветам в хоругви с хоружими во главе. До последних десятилетий XV в. они не играют активной роли на общей политической

[1] *М. Ф. Владимирский-Буданов*, Поместья Литовского государства, «Чтения в Ист. общ. Нестора-летописца», кн. III; *М. С. Грушевский*, История Украини-Руси, т. V; *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, и его же, «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства».

сцене Литовско-Русского государства, следуя за своими вождями — князьями, панами и урядниками — как их зависимая опора. Только на сеймах XVI в. выступают они со своей определенной физиономией сложившегося и сознавшего свои особые интересы класса, и тут перед нами класс, интересы которого далеко не поглощаются военнослужилыми делами и отношениями. Характерное место среди шляхетских ходатайств на сеймах занимают просьбы экономического характера. Шляхта пользуется своей силой, своим значением в государстве для того, чтобы удовлетворить свои новые экономические нужды, а касаются эти просьбы дела торговли, вывоза продуктов лесного и сельского хозяйства. Конец XV — начало XVI в. — время общего оживления экономической жизни на всем севере Европы, развития морского торга и международной коммерции, в которую во вторую половину XVI в. втянулась ведь и московская Русь. Это эпоха, когда замкнутые местные мирки втягиваются из глуши своего «натурального» хозяйства в более широкие отношения требованиями международного рынка. Быстрое падение ценности денег и рост цен создают экономические условия, вынуждающие к производству на продажу; начинается медленный, но неуклонный переход к так называемому докапиталистическому денежному хозяйству. Рост цен на хлеб и другие продукты сельского хозяйства, на лесные продукты втягивает шляхту в торговые предприятия.

На Виленском сейме 1547 г. обсуждается проект организации отпускной торговли лесными товарами. Сеймовские станы сходятся в просьбе, чтобы господарь учредил на границах «коморы» и склады, где чиновники господарские принимали бы лесные товары по уставной цене и затем продавали за границу, — любопытный проект обслуживания правительством вывозного торга землевладельцев-лесопромышленников. В 1559 г. возбуждается ходатайство об освобождении от мытных сборов хлеба и лесных товаров шляхты, и она проводит в жизнь освобождение себя от господарских и частновладельческих внутренних таможен. Все это симптомы крупной перемены в шляхетском хозяйстве, а стало быть, и в складе интересов шляхетского общества. Шляхта начинает по мере сил и уменья интенсивнее хозяйничать, расширяя запашки, развивая барщину путем организации фольварочного хозяйства. Оживление сельскохозяйственного дела подымает и ценность земли и ценность рабочих рук.

Шляхетское хозяйство построено на крепостном труде зависимого крестьянства, и борьба с побегами крестьян становится одной из неусыпных забот сеймов, усиливая антагонизм шляхты к крупным землевладельцам, на земли которых охотно уходили крестьяне. Уже в актах XV в. встречаем в составе сельского населения рядом с людьми вольными, «похожими», людей «неотхожих», «заседелых», «отчинных». А первая половина XVI в. — время быстрого развития крестьянского закрепощения. Захватывая со всею энергиею крестьянский труд, шляхта стремится к монополии на землевладение. Она восстает на сеймах против приобретения зем-

ских имений духовенством или мещанами, ходатайствуя о предоставлении себе широкого права выкупа таких имений обратно в шляхетские руки.

Характерны, наконец, стремления шляхты обеспечить свои интересы не только как землевладельцев-производителей, но и как потребителей. Добившись на сейме 1547 г. установления «певной, а неотменной меры», коей мерять мещанам хлеб, скупаемый у шляхты, станы сейма жалуются, что ремесленники — портные, сапожники, слесаря — берут за труд свой непомерную плату, и ходатайствуют о господарском приказе войту и бурмистрам виленским «уставу в том постановити» — «на часы вечистые», и господарь обещал распорядиться о такой таксе. А на сейме 1563 г. снова возникает ходатайство, чтобы господарь с радой своей издал таксу на сукна и другие товары, а также на изделия ремесленников и установил бы единообразную хлебную меру. Обещав сделать последнее, Сигизмунд-Август поручил выработку таксы воеводам вместе с выборными от шляхты для каждого воеводства. Шляхта первой половины XVI в. выступает на сеймах классом, который противопоставляет себя другим — вверх, по отношению к магнатству, и вниз, по отношению к мещанству и крестьянству. Шляхта со всею силою борется за свои интересы, пытаясь сломить препятствия, овладев влиянием на государственную власть. И она многого достигла. Но могла ли она сыграть притом ту государственную роль, которую предназначало ей развитие значения вальных сеймов, роль силы, которая сплотит окончательно земли Литовско-Русского государства в одно политическое целое, возьмет на себя и осуществит организацию государственной обороны, создаст прочную государственную силу, военную и финансовую?

В истории Литовско-Русского государства первой половины XVI в. решался вопрос, станет ли оно из магнатского шляхетским государством, и, как сказано выше, две причины — разрозненность областных интересов и социальная рознь станов сейма — привели к отрицательному ответу на этот вопрос.

ГЛАВА XVII

СУДЬБА ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКОЙ УНИИ В XVI в.

Всего яснее выступает эта сторона литовско-русской истории в судьбах литовско-польской унии при Сигизмундах и в деяниях Люблинского сейма 1569 г.

Предыдущая история унии достаточно показывает, как сильно обусловлены были ее перипетии внешней опасностью для обоих государств от сильных врагов. В данный период интересы самообороны Польши и Литвы были тесно связаны с южной опасностью, татарско-турецкой. Русские земли Польской короны — Галичина и Подолия, южнорусские земли, «прислухаючие» к великому княжеству Литовскому, — были сильно связаны этой общей опасностью, и мечтой Сигизмунда Старого была организация совместной борьбы Польши и Литвы в южном направлении. На сеймах в Польше и Литве 1511 и 1512 гг. Сигизмунд развивает план прочной постановки дела государственной обороны, призывая и тут и там военную силу страны, шляхту, на эту работу. Коронные советники Сигизмунда не замедлили связать с этим вопросом предложение поновить и поправить старые записи унии, слишком давно забытые. Вопрос этот обсуждался не на сейме, а лишь в кругу пановрады, и литовские послы привезли в 1512 г. полякам «артикулы», предполагавшие лишь простой оборонительно-наступательный союз с дележом пополам всех издержек по обороне от татар и возможных новых земельных приобретений. Преобладание в раде литовского магнатства сказалось на более спокойном, почти равнодушном, отношении виленского правительства к южной опасности при большой чувствительности к московским делам.

Удар 1514 г. — взятие Смоленска Василием III — оживляет идею унии, и рада обещает полякам, прося у них помощи, возобновить дело унии «порозумене вземше с княжаты и паняты и земяне которые суть привлащоны ку панству» литовскому, и утвердить ее так, чтобы «было на обе стороны равно, без пониженя чти обоих паньств, как коруны Польской, так ы великого князьства Литовского»[1]. И поляков встревожила сдача Смоленска. Они опасались, что пример смольнян может увлечь другие русские области

---

[1] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 200; *М. В. Довнар-Запольский*, Польско-литовские унии на сеймах до 1569 г., М. 1897, «Труды Слав. комиссии Моск. археол. общ.», т. II.

на московскую сторону: польская помощь участвовала в боях под Оршею. Для них все же важнее было соединение с Литвою в общей борьбе с татарами, но настояния Сигизмунда, что ни литвины без поляков, ни поляки без литвинов не в силах обороняться от сильных поганских царей — татарского и турецкого, — не давали результата. Почва для возрождения унии казалась крайне неподходящей, особенно после эпизода 1526 г., когда рада призывала Сигизмунда короновать сына в короли литовские короной Витовта. И то, что толкало к унии поляков, краковское правительство, — усталость от вечной опасности с юга, — слабо тревожило виленских правителей. Киевщина оставалась беззащитной, поддержка киевской крепости всеми подданными великого княжества Литовского была, как жаловался Сигизмунд, давно забытой традицией.

Дело стало принимать иной оборот, когда в него вмешалась шляхта. Польский сейм, и именно шляхетские послы, еще на Петроковском сейме 1548 г. требовали от Сигизмунда II, чтобы он созвал для осуществления унии и общей обороны на вальный сейм вместе с поляками шляхту литовско-русских земель. Но между королем и шляхтой стояла рада, а она наотрез отказалась от общего сейма с поляками по делу унии. Чего она опасалась, показал 1566 год, когда земское ополчение великого княжества, изнуренное постоянными походами и общим напряжением ливонской войны, послало Сигизмунду-Августу из-под Витебска просьбу о заключении унии с Польшей, чтобы шляхта литовская и русская могла собираться с поляками на общие сеймы, сообща избрать государя ввиду бездетности последнего Ягеллона, пользоваться одинаковыми правами и вольностями с польской шляхтой и сообща обороняться от врагов. Шляхта просила короля назначить общий польско-литовский сейм, на который она пришлет своих послов, и заключила между собою уговор не отказываться от этого требования, как бы ни старались ее отклонить от того новым статутом и другими уступками, не вступать ни в какие совещания, не ухвалять «серебщизны» и других податков, прежде чем будет исполнено королем требование созыва польско-литовского сейма для заключения унии [1].

Эта формальная конфедерация литовско-русского шляхетства в пользу унии не дала плода ввиду грозных событий того же года: взят был царем Иваном Полоцк. Но затем в течение ближайших лет быстро следуют уступки разного рода в пользу шляхетского стана, увенчанные статутом 1566 г. Паны-рада пытались успокоить шляхту и удержать руководство делами в своих руках, но замять вопрос об унии уже не удалось. На Виленском сейме 1563 г. избрано торжественное посольство на польский сейм, снабженное инструкцией для переговоров об унии. Состав этого посольства характерно полон: от рады, от ее «преднейшей лавицы», двое — епископ виленский Валериан и канцлер Николай Радивил; от другой лавицы—

---

[1] *Dzialyński*, Zródło pisma do dziejów unii, cześć II, odd. I; ср. *М.К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 635—636.

епископ киевский Николай Пац, витебский воевода князь Збаражский, староста дорогицкий, Ник. Кишка; от княжат и панят — Радивил, Ходкевич, Чарторыйский, Сангушко; от маршалков — двое, от знатнейшей шляхты — три пана; и послы от шляхты поветовой — двое от великого княжества и по одному от Жмуди, Волыни, Киева, Полоцка, смоленской шляхты, Витебска, Подляшья и повета Мстиславского; наконец, два бурмистра места Виленского. Посольство это было связано точной инструкцией об условиях унии, видимо, составленной панами-радою.

В XVI в. в Литовско-Русском государстве происходил процесс, по существу родственный тому, какой наблюдаем и на московском севере во второй половине столетия: оживление земледельческого хозяйства под влиянием оживления рынка, особенно внешнего, и в то же время нараставшая потребность в объединении средств страны для государственной потребы ввиду усложнения международных отношений, роста государственных расходов на надобности государственной обороны. В связи с этими неразрывно связанными явлениями стоят две основные тенденции политической и социальной эволюции этого времени: стремление к большей централизации управления, особенно заведывания военными силами и финансовыми средствами — с одной, а с другой стороны — подъем государственного значения и влияния тех общественных элементов, которые в данное время действительно держали в руках эти силы и средства: класса военнослужилых землевладельцев и торговопромышленного люда, особенно первых, ввиду земледельческого склада всего народного хозяйства. К военнослужилому землевладельческому классу с этой точки зрения не приходится причислять магнатство-боярство. Этот класс уже отыграл свою руководящую роль в народном хозяйстве, организаторскую и колонизационную роль крупного феодально-удельного владения. Под ним сложилась сеть более мелких землевладельческих хозяйств, непосредственно ведших производство, увеличивая барскую запашку, сажая на пашню холопов, развивая для той же потребы долговую кабалу, по-западнорусски закупничество, усиливая барщину крестьянскую и крестьянское закрепощение. Важнее и сложнее становятся интересы этого класса, и он тянется к влиянию на ход государственного управления, тяготясь зависимостью от высших, правящих слоев, осуждая их привилегии, потому что ему они уже не приносят пользы, прежде вытекавшей из потребности в опеке, защите и материальной поддержке.

Этот класс выступает в XVI в. естественной опорой и основой всего государственного строя. Ему важна власть для обеспечения своих интересов как внутри страны, по отношению к другим разрядам населения, так во вне, в соответственном направлении внешней политики, так как сбыт продуктов его хозяйства, наиболее выгодный, есть сбыт за границу, требующий выхода к морю и свободных торговых сношений с западноевропейским рынком. Литовско-русские сеймы и в этом последнем отношении проявили ряд характерных тенденций. Вялые и неохотно напрягавшие силы

страны в тяжелой оборонительной борьбе с Москвой, вяло и уклончиво относившиеся к обороне от татар южных границ, так как бедствия южных земель слабо волновали большинство вального сейма, состоявшее из представителей великого княжества и северных областей, — сеймы проявили неожиданную и сильную энергию в поддержке плана присоединения Ливонии. Слишком очевидна была опасность от захвата ее Москвой. Ведь Ливония была ключом к отпускной торговле всей Белоруссии и отчасти собственно Литвы и Жмуди [1].

Литве приходилось принять участие в великой борьбе за господство на Балтийском море. 31 августа 1559 г. Сигизмунд-Август заключил с магистром ливонским, Готардом Кетлером, договор о принятии орденских владений «in fidem, clientelam et protectionem» [2] великого князя литовского. Прошли два года тяжелой войны, потребовавшей трижды посполитого рушенья и новых сборов «серебщизны». Ордена защита не спасла, а в 1561 г. начавшийся раздел Ливонии поставил на очередь вопрос о доле Литвы. Николай Радивил начал переговоры о присоединении Ливонии «suo motu» [3] помимо инструкций королевских. Сигизмунд-Август не сочувствовал столь решительному шагу, вероятно, под влиянием своих коронных советников. Вслед затем возник другой вопрос: ливонцы желали соединения не с одним великим княжеством Литовским, но и с короною Польскою. Поляки держались уклончиво, не желая ни усиления великого княжества, ни траты своих сил на ливонские дела. На Виленском сейме король провел в ноябре 1561 г. присоединение Лифляндии к обоим своим государствам, но так как на это нужно было согласие польского сената, то временно принял ее в личное свое подданство, обеспечив привилегии новых владений и признав Кетлера вассальным герцогом курляндским. Война затягивалась и вконец надрывала государственные силы.

Эта тяга Литвы к морю и свободным торговым путям ставила, как и военное и финансовое изнеможение, снова и острее, чем когда-либо, на очередь вопрос о литовско-польских отношениях. Для понимания отношений этого момента надо помнить, что помянутым процессом оживления торговых отношений с Западом Польша была охвачена и раньше и сильнее, чем Литва. Там еще в XV в. развивается крупный вывоз через Гданск и Силезию, сбыт хлеба и скота, лесного товара, особенно строевого леса, воска, мехов, льна, конопли, шерсти. Польские торговые пути получают огромное значение для средней и южной полосы владений Литовско-Русского государства, и выросшее на той же почве шляхетское движение добыло для польской шляхты то положение в государстве, к какому только устремилось в своих сеймовых ходатайствах шляхетское сословие литовских и русских земель.

---

[1] Ян Тарновский говорил, что и 10 гривен не даст за Вильну, если Рига попадет в руки Москвы; *St. Karwowski*. Weielenie Inflant do Litwy i Polski, 1558—1561, Познань 1873.

[2] «в верность, клиентелу и покровительство».

[3] «по собственной инициативе».

Немудрено, что идея унии с Польшей значительно ожила в литовско-русской шляхетской среде. В сторону Польши тянула и надежда на облегчение в союзе с поляками борьбы с Москвой из-за Ливонии и расчет на выгоды участия в шляхетской торговле Польши с Западом, сильно стесненного польской границей, и на поддержку сильной польской шляхты в деле уравнения прав по отношению к высшему сословию и подчинения всех социальных отношений шляхетским интересам; кроме этих общих причин польских симпатий среди литовско-русской шляхты, южнорусские области, издавна испытывавшие влияние своих галицко-русских соседей, не могли не сознавать солидарности своих интересов в деле обороны от татар с турецко-татарской политикой краковского правительства и не тяготиться неудобством польской границы как для торговли, так и для разрешения счетов между соседями-землевладельцами: на сеймах литовских часто слышатся жалобы на обиды от пограничных польских землевладельцев и невозможность добиться управы и вознаграждения.

С польской стороны навстречу этим настроениям литовско-русской шляхты шел план совместной организации южной борьбы против татарско-турецкого поганства и не менее того стремление втянуть в оборот польского национального хозяйства богатый южнорусский земельный капитал. Вспомним тут же для связи с дальнейшим ту точку зрения на польские выгоды относительно Литвы, которую некогда формулировал Збигнев Олесницкий: для Польши важна не столько уния с Литвой как целым или даже ее инкорпорация, сколько ее раздел с отрезкой на польскую сторону южнорусских земель и Подляшья, издавна тянувшего к Польше и Мазовии.

Таковы были общие условия, в которых возникли переговоры относительно обновления унии в 1563 г.

Торжественное посольство, отправленное в этом же году из Вильны в Польшу на Варшавский сейм, везло с собой инструкцию, выражавшую воззрения не массы шляхетской, а литовско-русского магнатства: один государь, избираемый из царствующей династии общими голосами; совместное избрание в случае прекращения династии; коронация в Кракове и посажение на великое княжение в Вильне; подтверждение избранным под присягою польских привилегий перед коронацией, литовских — перед вокняжением; возможность назначения одного из королевичей правителем великого княжества; общая внешняя политика, но с точным определением размера взаимной военной помощи; общие сеймы только для общих дел, раздельные — для местных; два особых сената, особые должности, суды и законы; соблюдение старинных границ между Литвой и Польшей. Уступку литвины делали лишь в отмене закона, запрещавшего полякам приобретать в вечность имения в землях великого княжества. Государств по этой унии должно остаться два: в Польше и Литве своя верховная власть — «merum et mixtum imperium»

Этой формулировке традиционного со времен Казимира воз-

зрения на унию виленской столицы резко противостояло польское понимание унии, развитое и обоснованное как исторически, так и юридически в хронике краковского каноника Мартина Кромера, который изучил и привел в порядок документы, относящиеся к прежним договорам об унии. За базу переговоров поляки благодаря Кромеру хотели принять акт 1501 г., скрепленный великим князем Александром, но не признанный литовским магнатством, ни литовско-русским вальным сеймом.

На январских совещаниях 1564 г. с литовскими послами поляки поставили вопрос на почву полного слияния двух государств в одно, опираясь на старые записи унии, с полным упразднением особой литовской государственности и даже заменой имени «Литва» наименованием «Новая Польша» в знак господства одного скипетра, одной государственной печати, одного права. И рядом — без особой последовательности, но тем более характерно — выдвигались притязания Польши на Волынь и Подляшье. Согласие вести переговоры на почве акта 1501 г. было для поляков уже некоторой уступкой. В своей требовательности поляки рассчитывали на уступчивость литовско-русской шляхты. Шляхетские послы польского сейма настаивали, чтобы шляхетские члены литовского посольства сели среди них и с ними вели переговоры, но глава посольства, Радивил, отклонил это требование, боясь выпустить дело из своих рук. Ту же попытку решать дело непосредственно со шляхтой литовско-русской поляки повторили, внеся предложение, чтобы спорные вопросы, например, о сохранении отдельных урядов для Литвы, подвергнуты были обсуждению не на вальном литовско-русском сейме, а на поветовых сеймиках.

Результаты бурных прений остались спорными. Поляки с королем во главе составили свой «рецесс» о том, на чем стороны согласились, а что остается спорным, — отложено до будущего сейма; литовцы — свой, протестуя против заявления, будто они согласились признать Польшу и Литву одной Речью Посполитою и отказались от особых литовско-русских вальных сеймов. Обнародовав, несмотря на литовский протест, польский рецесс, король в то же время издал и декларацию о своем отказе за себя и потомков своих от династических прав на Литву, чтобы различие его прав на те и другие владения не служило препятствием к полному слиянию их в одно государство (1564 г.), и притом отказе в пользу «короны Польской». Эта последняя формула опять подчеркивала в противовес литовской идее унии на началах равенства польскую тенденцию считать Литву принадлежащей Польше.

В июне 1564 г. явились польские послы на литовско-русский вальный сейм в Бельск от имени польского сейма. На следующем польском сейме эти послы докладывали, что рыцарство литовское соглашалось на польский проект унии, на общие польско-литовские сеймы и единую государственную раду, но дело разбилось о решительное сопротивление можновладства литовского, литовских «потентатов». Эти последние, однако, быстро теряли в 60-х годах почву под ногами, вынужденные итти на ряд уступок шляхте в деле урав-

нения ее прав со своими и повышения ее политического влияния. При завершении этого роста шляхетских прав деяниями Виленского сейма 1565—1566 гг. грозным memento прозвучало внесение виленской шляхтой просьбы о скорейшем созыве общего польско-литовского сейма, обещанного в Бельске, для решения вопроса об условиях унии. Это требование поддержали и подляшане, жалуясь подобно виленцам на невыносимые условия их пограничного положения с Польшей, при котором соседи трактуют их, как чужих, допуская разные «утиски, гвалты, наезды, мордерства» и захваты земель, на что никакой управы получить нельзя. Для умиротворения этих пограничных отношений подляшане просят о скорейшей унии с Польшею. Свою тенденцию они еще резко подчеркнули просьбой, чтобы сеймики у них отбывались по польскому образцу, а «листы» из господарской канцелярии присылались к ним на латинском или польском языках, так как русского письма они читать не умеют. Господарь ответил, что гражданские акты будут по-старому выдаваться по-латыни и по-польски, но государственным языком останется русский, впрочем, с латинским переводом «листов» для подляшан.

Эта подляшская земля — территория старых земель Берестейской, Дорогичинской, Мельницкой и Бельской — издавна занимала межеумочное положение между Литвой и Польшей. Ее части переходили из рук в руки в XIII и XIV вв. Во времена Ягайла Подляшье западное уступлено мазовецкому князю, и притом в «вечность», что затем подтвердил и Сигизмунд Кейстутович, и только в 1443 г. литовцы вооруженной рукой утвердили свою власть тут окончательно. Введя Подляшье в состав литовской государственной территории, Казимир, однако, нашел тут уже значительно окрепшую колонизацию. Из Мазовии шла сюда военнослужилая земледельческая колонизация, и в ряде поветов не меньше половины шляхты было польской. Польская культура и польское право стали опорой полонизации и той подляшской шляхты, которая по крови была русской или литовской. Местными привилеями Казимира, Александра и Сигизмунда в Бельском и Дорогичинском поветах утверждено действие польского права. Литовско-польская граница была для этих областей, и экономически и культурно связанных с Польшей, бытовой ненужностью, тягостным стеснением.

Берестейский сейм 1566 г. был первым сеймом нового состава, которому предшествовали заново организованные предсеймовые поветовые сеймики. Этот сейм, завершивший исправление статута в духе шляхетских пожеланий, снова отрядил посольство к полякам в Люблин на вальный сейм польский для переговоров об унии. Роль посольства была более чем скромная: лишь передать проект, мало чем отличавшийся от предыдущего, не вступая в какой-либо договор. Литовская рада еще крепко держит это дело в руках. Соответственно тому на том же сейме решено назначить Яна Ходкевича «гетманом и администратором в земле Лифляндской», снабдив его инструкцией, явно направленной к подчинению Лифляндии Литве особо, а не вместе с Польшей.

Но и на этот раз из среды шляхты слышим просьбу об унии. Витебская шляхта на первом месте ставит ее в ряду своих ходатайств, которые она послала королю в Люблин с особыми послами — витебским городничим и судьею Витебского повета. Такая просьба, такое посольство рядом с официальным посольством от сейма не похоже ли на своего рода апелляцию или на подачу «особого мнения»? В тягостную годину затянувшейся войны все яснее выступает недостаток сил у великого княжества Литовского «ни экономических, ни политических, ни моральных», — как выражается Любавский. Бесплодная трата сил вызывает апатию, пассивное сопротивление — абсентеизм из посполитого рушенья, неплатеж назначенных сборов и питает мечту о возрождении государственной силы и энергии в соединении с Польшей. Вспомним, забегая вперед, что на такие расчеты уния ответила через несколько лет Стефаном Баторием. И шляхта провела свои настояния в 1567 г. на «съезде и собраньи у войску в Лебедеве», откуда к королю поехало посольство от всех станов, «жадаючи и упоминаючи з милости братское о постановенье и сконченье сполными намовами и зволеньем сполным унии меж тыми панствы... коруны Польское и великого князьства Литовского» — «в таковом взвязку милости — сгоды братское, который бы был однако и заровно во всем пожиточный обоим тым панствам» [1]. Станы сейма просили господаря назначить «час и рок ку зъеханью обывателем обоих тых панств для намовы и становенья», с тем чтобы он исполнил это в 1568 г., а на Гродненском сейме 1568 г. станы просили, чтобы господарь назначил поветовые сеймики, а затем «час и место спольному съезду при границах обоего паньства обоего народа, корунному и великого князьства на вальные сеймы», а «отголь зъеханьё вжо станов коронных и великого князьства Литовского для становенья унии при границах же». И король в том же 1568 г. разослал «листы соймовые», назначая «водле того постановенья и зволенья» станов сеймики предсеймовые на 11 октября, вальный сейм литовско-русский в Войне (на Подляшье) на 9 декабря и вальный сейм спольный со станами короны Польской в Люблине на 23 декабря. Люблин был выбран вопреки постановленью Гродненского сейма, полагавшего общий сейм тоже где-нибудь в пограничном месте — в Парчове или в Ливе, но так как эти местечки сгорели, то пришлось местом сеймования выбрать Люблин за недостатком в иных местах строений, удобных «для стоянья под часом зимным», и достаточных запасов провианта. В листах сеймовых король приказывает выбрать на поветовых сеймиках согласно статуту по два посла и отправить их «з моцъю суполною» на сейм в Воин, с тем чтобы они «за тою же моцъю» могли «около тое речи и потребы, а сполного звязку унии на сойме становить», как и будет подробнее объяснено на сеймиках господарскими послами [2].

[1] *М. В. Довнар-Запольский*, Документы Моск. архива министерства юстиции, т. I, М. 1897, стр. 482; *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, прилож. № 70, стр. 207 и сл

[2] Там же, стр. 209.

Мотивировка необходимости унии в инструкциях этим королевским посланцам говорит о том, как, несмотря на большие затраты «податками немалыми», несмотря на «нелитоване крови и здоровя» со стороны шляхты, московский враг все верх берет, почему король и считает, что вести войну «способом большим» и «з меньшим накладом» подданных возможно только «за злученем в унию з станы короны Польское», чтобы чинить отпор оному неприятелю «одностайною, а спольною рукою», так же как и против всех врагов.

Так возник знаменитый Люблинский сейм. Изложенные факты достаточно показывают, что движущей дело унии силой была наряду с руководителями польской политики и польским сеймом литовско-русская шляхта, среди которой нельзя по имеющимся данным установить какие-либо признаки оппозиции делу унии: она в наших источниках выступает, видимо, единодушной сторонницей возможно тесного соединения с Польшей.

Заседания Люблинского сейма открылись с некоторым опозданием против намеченного срока — именно 10 января 1569 г. Деяния этого сейма в нашей историографии часто, даже обычно изображаются как дело польской инициативы и энергии и как насилие над Литвою, загнанной трудной позицией в тупик, а в историографии польской часто как благодеяние Литве со стороны Польши. К 1901 г. вышли одновременно два труда, в которых по главе посвящено Люблинскому сейму: «Великое княжество Литовское за время от заключения люблинской унии до смерти Стефана Батория (1564—1586)» И. И. Лаппо и «Литовско-русский сейм» М. К. Любавского. Крупнейшим недостатком изложения И. И. Лаппо является то, что он, излагая тенденции, боровшиеся на сейме, оперирует понятиями «Польша» и «Литва» как бы цельными и определенными ипостасями. Начав свою работу с изучения официальных актов Люблинского сейма, Лаппо не анализирует условий возникновения проявившихся тенденций, не дает отчета о том, кто реально стоял за каждой из них, ни словом не упоминает о настроениях литовско-русской шляхты и хотя указывает сам на большие разногласия в польской политической среде по вопросу о желательности полного слияния Литвы и Польши в одно государство, но только мимоходом, и оставляет эти разногласия без достаточной оценки. Весь ход дела и его результаты получают поэтому одностороннее освещение и однобокую оценку. М. К. Любавский, завершая свой труд главой о Люблинском сейме и Люблинской унии, естественно, понимает события 1569 г. не как осуществление чьих-то замыслов в данный момент, а как итог продолжительной эволюции отношений, сложной борьбы различных интересов и потому ставит весь вопрос на научно-историческую почву.

Существенно прежде всего отметить, что и в Люблине повторилась та же попытка польской шляхты вступить в непосредственные отношения с шляхтой литовско-русской, чтобы переговоры велись не в келейных заседаниях панов радных, а в присутствии шляхты обоих народов: «мы знаем, — говорили польские

шляхетские паны, — как литовские сенаторы заботливо наблюдают, чтобы при совещаниях не присутствовал их шляхетский народ» [1]. Но как в 1563 г., литовские паны на это не пошли. Они соглашались вести дело в соединенном польско-литовском вальном сейме только при том условии, если некоторые вопросы будут заранее предрешены королевской гарантией основ государственного права Литовско-Русского государства, как они формулированы во втором статуте, т. е. прежде всего целость и неприкосновенность его территории с возвращением всего, что неправо оторвано от нее, особые вальные сеймы, монополия уроженцев великого княжества на уряды, держания и имения. Отказ в такой гарантии, само требование которой показывает, как мало паны литовские надеялись на преданность своей шляхты этим «устоям», заставил их не допускать единства польско-литовского Люблинского сейма. Такого сейма и не было. Стояли рядом два сейма — польский и литовский, отдельно обсуждавшие очередные вопросы и обменивавшиеся готовыми замечаниями через своих вождей и панов радных литовских и сенаторов коронных.

Суть возгоревшихся споров стародавняя. Поляки желали понимать задачу как осуществление старинных прав Польши на государственную связь с нею Литвы, созданных при Ягайле и его преемниках рядом актов. Литовские политики, имея, как мы видели, больше исторической и юридической почвы под ногами, отрицали силу этих актов, как устарелых и потерявших значение. Особенно неудачно было построение польской аргументации на акте 1501 г., документальная история которого показывает, что дело закрепления предположенной унии не было доведено до конца. Литовские паны стремились к выработке нового соглашения в духе литовских проектов времен Казимира и Александра, т. е. на основе сохранения самостоятельной литовской государственности и равенства в политическом союзе-унии обоих народов. Поляки настойчиво требовали от литовских политиков политического самоубийства и встретили резкий отпор. Польский проект унии тот же, что в 1563—1564 гг., с тою лишь уступкою, что они соглашались теперь на сохранение особой системы литовских урядов, думая тем подкупить магнатство литовское. Литовский проект намечал не единую государственность, а «unionem foederis et amicitiae»[2], в общем также на основе предыдущего проекта.

Характерны только два добавления: 1) о том, что литовские вальные сеймы могут созываться и помимо короля панами-радою, и решения таких сеймов должны быть скреплены государственной печатью великого княжества Литовского и вступать в обязательную силу хотя бы и без утверждения королевского; 2) поляки должны присягою гарантировать, что ни господарь, ни сеймы (сказано: «ни послы земские великого княжества») не будут добиваться редукции вечных выслуг, доживотий и пожалований, а

[1] «Дневник Люблинского сейма 1569 г. Соединение в. княжества Литовского с королевством Польским», изд. М. Кояловича, Спб. 1869, стр. 5.

[2] «унию союза и дружбы».

также заставленных замков и дворов господарских, так что если подобное постановление состоится на сейме и будет сделана попытка принудительно провести его в Литве, то тем самым и уния расторгается. Тут ясны мотивы: магнатство чувствует, что ему грозит утрата захваченного положения, и стремится обеспечить себе сохранение — именем господаря или помимо него — государственной власти и материальных выгод, приобретенных расхищением фонда государственных имуществ. «Автономное великое княжество Литовское, — по выражению Любавского, — было предприятием, на которое магнаты затратили огромные фамильные капиталы в форме ссуд скарбу, и им, естественно, хотелось попрежнему хозяйничать и распоряжаться в этом предприятии»[1]. Главные борцы за литовскую государственность, Ходкевичи и Воловичи, боялись не только за свое значение в будущей соединенной Речи Посполитой, но и за свои «пенязи». Любопытно, что в составе польского сейма особенно резко выступили против сохранения в соединенной Речи Посполитой значения особой литовской рады господарской послы воеводства Русского и шляхта галицкая и подольская.

Поляки настойчиво стали требовать от короля приказа слить заседания представителей обоих народов в один польско-литовский сейм. Перед этой угрозой литовские паны сделали попытку сорвать весь Люблинский сейм и разъехались.

Этим был сорван не только проект общего сейма, но и отдельный литовский сейм, который тут, в Люблине, пока спорили паны, занимался своими делами — о новой поправе статута, об исправлении границ, о признании шляхетских прав за шляхтой спадковых имений и т. п.

Теперь полякам предстояло определить свою политику. Литва была слишком истощена и подавлена московской войной, чтобы опасаться с ее стороны серьезного отпора, тем более что было ясно, как мало магнатство, рада господарская, может рассчитывать на поддержку шляхты. На коронном сенате сказалось весьма сдержанное отношение вообще к «аннексии» Литвы. Так, краковский епископ отстаивал перед польским сеймом необходимость сохранить особые литовские сеймы, особую литовскую казну и вообще особую организацию Литвы, «чтобы они сами себя защищали»; другой сенатор развивал ту же мысль: «пусть литовцы имеют особые сеймы, — говорил он, — потому что им нужна бо́льшая защита государства, чем полякам». В среде польских сенаторов живо было сознание, что создание единого Польско-Литовского государства крайне усложнит задачи польской политики и потребует огромного напряжения государственных сил всего нового политического целого. Теперь Литва выносит одна всю тяготу московского напора, а южные ее земли, Киевщина, — наиболее тяжкие удары татарщины. Сняв этот барьер с востока, втелив его в себя, Польша взяла бы на себя новые тяжкие задачи. Озабоченные такими соображениями гово-

[1] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 821.

рили: «Киев нужно оставить литовцам, пусть они своей казной устрояют и защищают его, как устрояли и защищали до сих пор; нам нужно соображать, как бы не взять на себя больше тяготы, чем сколько могут вынести наши силы» [1]. Уния с Литвой — далеко не господствующая польская идея. Напротив, иные из поляков, когда поднялся вопрос о присоединении отдельно Волыни, откровенно высказывались так: «Не следует пока упоминать о Волыни, а требовать вообще всего, чтобы Литва не подумала, что нам, собственно, нужна Волынь, а об Литве мы вовсе и не хлопочем» [2].

Такие сепаратные виды на отдельные части Литовско-Русского государства со стороны поляков шли навстречу особым интересам земель-аннексов, мало дорожившим литовской государственностью, столь плохо их защищавшей и плохо обслуживавшей их экономические интересы. Опираясь на настроение подляшской и волынской шляхты, послы польского сейма стали требовать от короля — а сенаторы советовать—осуществления притязаний Польши на Волынь и Подляшье, ожидая от такого шага, кроме непосредственной выгоды, подчинения своим требованиям и панов литовских: еще Збигнев Олесницкий указывал, что урезанная Литва не будет в состоянии проявлять строптивость по отношению к польскому правительству.

Притом более чем вероятным надо признать предположение, высказанное, например, Любавским, что между польскими послами шляхетскими и подляшской и волынской шляхтой состоялось предварительное соглашение. Это подтверждается теми требованиями, которые выставлены ими относительно условий присоединения этих земель. Привилей о присоединении их к короне Польской должен ввести сенаторов и послов от них в сенат и сейм, освободить обывателей их от литовских тягостей, запретить отдачу корчем и мытов евреям и изъять эти земли, когда они станут польскими, от действия конституции 1504 г. о редукции государственных имений из частных рук.

Король колебался, опасаясь разрыва с Литвой. Соглашаясь только на присоединение Подляшья, он требовал от сейма формального обязательства защищать в случае надобности подляшан от Литвы. Того же, и притом письменного, обязательства требовали и подляшские послы, опасаясь репрессий, которыми грозили за измену литовские паны-рада. Получив обещание, подляшане присягнули короне Польской и засели в польском сейме, чтобы принять участие в составлении универсала о присоединении своей области к Польше. Присягнули и местные урядники. Отказался от присяги один подканцлер литовский Волович, имевший в Подляшье крупные держания: ему разрыв Подляшья с Литвой грозил чрезмерной двойственностью положения. Паны-рада литовские ответили рассылкой военных листов, в том числе и в Подляшье,

---

[1] «Дневник Люблинского сейма», Спб. 1869, стр. 401—403.
[2] Там же, стр. 117.

требуя выезда шляхты в посполитое рушенье под угрозой конфискации имений.

12 марта король разослал универсал о возвращении Польше Подляшья и Волыни, назначая сенаторам и послам волынским и подляшским, если кто из них уехал, срок для возвращения на сейм. В Люблин вызывались все старосты и державцы Волыни и Подолии для присяги. Привилей обеспечивал то, чего требовали послы: освобождение от тягостей и от редукции, и был принят сеймом. Им обещалось также, что уряды и достоинства будут даваться только местным уроженцам.

Литовское магнатство готовило сопротивление, но масса шляхетская отнеслась ко всему делу с крайним равнодушием, и сил для борьбы не было. Шляхта великого княжества Литовского удержала панов от разрыва с Польшей и настояла на отправлении послов в Люблин. 5 апреля явились эти послы: Волович и Ходкевич, Радзивил и Кишка. Они настаивали на господарской присяге хранить целость Литовско-Русского государства, на выработке проекта унии согласно с достоинством обеих стран для рассылки его на поветовые сеймики, чтобы уния по предварительном обсуждении была принята свободно на вальном литовско-русском сейме. Коронный сенат соглашался, но посольская изба возражала, опасаясь давления панов на шляхту. И громче всего возражали подляшане. Один из их хоружих, доказывая, что нечего обращаться к сеймикам, говорил полякам: «Сеймики там отбываются иначе, чем у вас, господа. Там приезжают на сеймики только воевода, староста да хоружий, напишут, что им вздумается, и пошлют земянину на дом, чтобы подписал; если не подпишет, его отдуют палками... там шляхта ничего не решает, одни паны что хотят, то и делают» [1].

Пусть это несомненная карикатура на сеймики литовские, проведшие в предыдущее десятилетие столько нового наперекор панам, но характерно настроение шляхетских послов, вскрывающее, что их гнало к унии.

Сейм и не дал согласия. От коронной рады литовские послы получили ответ, что поляки ждут еще 4 недели простого возвращения литвинов в Люблин. Но Сигизмунд-Август взял на себя решить дело иначе. Он разослал от 28 апреля листы, назначая поветовые сеймики на 10 мая, со своими посланцами. Сеймики должны были прислать послов в Люблин к 30 мая. Посланцы королевские должны были изложить на сеймиках историю всего дела: как король созвал «сейм спольный» по просьбе станов Литовско-Русского государства, как станы панов и магнатов не могли согласиться на начало дела «от старых списов» и «от намов на соймах прошлых», не имея на то полномочий от братьи своей, и как паны отъехали, ничего не постановивши. Приходится потому созывать новый сейм. Призывая на сейм, господарь выражал удивление, «иж сами добровольне просите о зуниеванье для вальки потужное и о соймы спольные для того,

---

[1] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 830.

а гды на съем послов выправуете, замероную моц им даете и на становенье унии новый обычай», вместо того чтобы основываться на старых актах. Теперь пусть приедут послы «с зупольною моцъю становити тако коло унии, яко и спольные обороны». Ввиду напряжения отношений король обещает послам свободу и неприкосновенность [1].

Пока шло дело о новом сейме, поляки заканчивали присоединение Подляшья и Волыни. Сенаторы и магнаты, владения которых были в Подляшье, не явились. 2 мая Тышкевич потерял воеводство — оно было передано присягнувшему Кишке. Каштелянство потерял Тризна — получил его поляк Адам Косинский. То же и на Волыни. В 20-х числах мая магнаты один за другим стали присягать. Присягнул волынский воевода Чарторыйский, киевский воевода князь Вас. Острожский, луцкий староста Корецкий, князь Вишневецкий и др. Остафий Волович оговорил, что присягает, как волынский землевладелец, оставаясь подданным великого княжества. Так эта присяга, видно, вообще разумелась. 26 мая издан волынский привилей, сохранивший на Волыни действие литовского статута; кроме того, что противоречит уравнению прав волынской шляхты с польскою, дозволяется волынцам исправлять статут на сеймиках, внося исправления на коронный сейм. Официальным языком остается русский.

На этом не кончилось. Поднят был вопрос о таком же возвращении Киевщины и Подолии литовской, как и Брацлавского воеводства. Брацлавщину присоединили как часть Волыни, а далее уже сенаторы и послы воеводств Брацлавского и Волынского стали особенно настаивать на присоединении Киевщины. Воевода брацлавский, князь Роман Сангушко, при присяге умолял не отделять Брацлавщины от Киевщины, с которой она связана более, чем с Волынью.

Волынцы настаивали, что для южной Руси Киев необходим, как ключ ее, форпост против татар и Москвы. Именно это значение Киева, как мы видели, вызвало возражение против его аннексии в сенате. Киевщина была присоединена на тех же условиях, как Волынь.

Когда явились на новый Люблинский сейм паны и послы литовские, дело было закончено. Панам радным оставалось спасать, что можно. Результат компромисса — акт 1 июля 1569 г. Известны основы этой Люблинской унии: 1) великое княжество Литовское и королевство Польское составляют отныне одну Речь Посполитую, одно нераздельное государственное целое; 2) у них один государь, избираемый польско-литовским сеймом, коронуемый в Кракове; 3) хотя особое избрание и посажение на великое княжество отменено, но в титуле сохраняется провозглашение его королем польским и великим князем литовским, русским, прусским, мазовецким, жмудским, киевским, волынским, подляшским и ливонским; 4) элекция вольная, так как династические права Ягеллонов перешли к короне Польской; 5) король под присягою подтверждает

[1] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, прилож. № 78, стр. 220 и сл.

права и вольности обоих народов в одном привилее; 6) рада и сейм общие, отдельных литовских сеймов король созывать не будет; 7) но законы, судебные решения, права и вольности земские и привилегии отдельных лиц остаются в силе по-старому; 8) договоры и союзы с иностранными государствами заключаются не иначе, как сообща, а по делам важным и переговоры не иначе, как сообща; 9) одинаковая по весу и ценности монета; 10) свобода сельскохозяйственных продуктов шляхты и ее подданных от внутренних и внешних таможен; 11) отмена запрета приобретать имения полякам в Литве, литвинам в Польше; 12) уряды и достоинства в великом княжестве остаются без изменения; 13) редукция розданных столовых имений не распространяется на Литву, но король не будет больше их раздавать (спадковые может раздавать и полякам и литовцам, лишь бы без ущерба для военной службы) [1].

Таковы существенные пункты государственно-правового акта, превратившего, по обычному представлению, династическую унию Литвы с Польшей в унию «реальную». Но нет более сложного вопроса в теории государственного права, как учение о «соединенных государствах», а такие исторические формации, как Польско-Литовское государство, особенно трудно «догматизировать», тем более что действительные отношения плохо укладывались в формулы люблинского акта, да и сам этот акт редактирован крайне неотчетливо, бессодержательно и неопределенно. «Акт унии, — читаем в одной из статей М. К. Любавского, — совершенный в Люблине, намечал только в общих чертах будущее положение великого княжества Литовского, многого не договаривал до конца, кое-чего не касался вовсе, так что по одному этому акту, в сущности, нельзя еще составить себе ясного и конкретного представления о том, что же принесла с собою уния 1569 г. для великого княжества, что удержало оно из прежнего исторического наследия и с какою внутреннею организациею сделалось оно неотъемлемым членом Речи Посполитой».

По идее, пересмотр унии должен был создать из двух государств одно новое целое. Такое большое дело, будь оно предпринято с достаточною содержательностью, потребовало бы значительного творчества, большой организационной работы. Но дело свелось к наспех составленному документу, не воплотившему, собственно говоря, никакой сколько-нибудь плодотворной политической идеи, а между тем постановления люблинского акта должны были стать основным законом, нерушимой конституционной хартией: никогда, ни под каким видом не должны быть они изменены ни королем и радою, ни даже станами обоих народов, но должны вечно сохраняться целыми и в полной силе!

Прежде всего акт 1569 г. внутренне противоречив. Толкуя о единой Речи Посполитой, о едином государственном теле, он сохраняет раздельные территории, для точного определения гра-

---

[1] *М. К. Любавский*, Литовско-русский сейм, стр. 836—837; «Volumina Legum», т. II, стр. 87—92.

ниц которых посылались комиссары, например, для точного разграничения Подляшья от великого княжества, различие административного строя и действующего права, словом, создает унию раздельных политических целых. Иначе и не могло быть не только в силу резкого различия быта и интересов Литвы и Польши, но и в силу того, что само королевство Польское не составляло политического монолита, а делилось на весьма различавшиеся по тенденциям и интересам Малую и Великую Польшу, постоянно боровшиеся за перевес и государственное влияние, да еще обросло такими «аннексами», как Пруссия, Русское воеводство, Волынь и Киевщина! Иначе и не могло быть, потому что для глубокого объединения, коренного и прочного, не было почвы в общности всех основных интересов. Это ясно сказалось на том же Люблинском сейме, как только от унии перешли к текущим делам. Возникал ряд первостепенных вопросов для поляков — литовцы отказывались рассуждать о них, как о деле незнакомом и постороннем. Поляки предоставляли литовцам самим вырабатывать «конституции», касающиеся их дел. И работа единого коронного сейма единой Речи Посполитой оставалась механическим соединением работ литовского и польского представительства, текших двумя разными руслами. И Лаппо прав, предпочитая этот «унионный» сейм называть не его официальным термином «коронный», а иначе: «сейм польско-литовский». При таких условиях понятно, что Люблинская уния не могла закончить историю особой литовской государственности и даже покончить с историей особого литовско-русского сейма, лишь формально, не фактически упраздненного актом унии. Он не замедлил воскреснуть, как только того потребовали внешние и внутренние условия жизни великого княжества Литовского.

Литовские магнаты в 1569 г. оплакивали «погребение и уничтожение на вечные времена вольного и независимого государства — некогда великого княжества Литовского», — как писал Радивил, воевода виленский, одному из своих корреспондентов. Великое княжество теряло свой суверенитет и во внешней политике и в делах законодательных, так как новые узаконения надо было вносить для получения ими силы закона на общий польско-литовский сейм, где их утверждал король «силою сейма» — «моцю того сейму, зверхностью нашею господарскою». Окупились ли эти уступки тою выгодой, на которую рассчитывала шляхта: усилением средств государственной обороны с облегчением тягот непосильных великого княжества? На первых порах всего ощутительнее было значительное ослабление Литвы отрезкой целых четырех воеводств, что умаляло не только военные силы, но и финансовые средства великого княжества.

Король, видимо, сознавал это нарушение целости сил, обращенных к отпору восточного врага: он предложил было в 1572 г. вознаградить великое княжество присоединением к нему Мазовии только что перед тем потерявшей свою удельную самостоятельность с прекращением линий князей Мазовецких; польские послы отвергли это предложение.

7 июля 1572 г. скончался последний Ягеллон. Предстояла первая «элекция», подвергшая новоустановленную унию серьезному испытанию, тем более что возникшие резкие раздоры между великополяками и малополяками по вопросу, кому быть «начальным человеком» в годину бескоролевья: примасу уханьскому, архиепископу гнезненскому или великому маршалку коронному Яну Фирлею. За спором этим стояла борьба севера и юга королевства из-за гегемонии в стране. В этих спорах о праве назначать срок и место избирательного сейма Литва заняла особое положение, протестуя против действий велико- и малопольских шляхетских съездов, бравших на себя назначение элекции и решение разных общегосударственных вопросов — о найме войск, обороне границ и т. п.

По смыслу унии, заявили литовцы, возможен лишь вальный сейм избирательный, которому и надлежит принять меры для безопасности государства в момент бескоролевья. В то же время литовцы возобновили требование возврата отнятых воеводств, и паны-рада, собравшись в Вильне, даже постановили, чтобы доходы с Волыни и Подляшья вносились в литовский скарб.

5 апреля 1573 г. открылся избирательный сейм под Варшавой. Литвины, отбыв свои сеймики и общий съезд в Бельске, прибыли сюда, хоть с опозданием, и поддержали кандидатуру Генриха Валуа, с тем чтобы он женился на королевне Анне Ягеллонке. Генрих и был провозглашен королем от имени Польши, великим маршалком коронным, от имени Литвы — великим маршалком литовским. На этом же сейме представлены были литовские требования: 1) вернуть Литве все южные земли; 2) созывать общие сеймы по очереди в Литве и Польше; 3) расширить состав общего сената, приняв в него тех членов, которые остались без кресел, хотя принадлежали к прежней литовской раде, т. е. князей и маршалков (всех). Поставлен был и вопрос о защите Литвы от Москвы. Элекционный сейм, отвергнув обсуждение вопросов, противоречащих унии, до приезда короля, разрешил собрать подать на войну с Москвой с земель великого княжества, но ничего не дал из средств Короны. Денежная помощь была оказана только на защиту «Инфлянт», как общего владения Литвы и Польши. Так защита великого княжества признана собственным делом литовцев, а защита Лифляндии возложена на них с польской денежной субсидией. Тем самым признано существование в Вильне особого правительства, т.е. панов-рады как носителей государственной власти в великом княжестве, хотя по унии рада одна! «Единство» Речи Посполитой осталось на бумаге.

Известно, что эта литовская рада сделала попытку иметь своего кандидата на вакантный престол: царевича Федора Ивановича, и завела об этом переговоры с Иваном Грозным. Ответ Ивана перенес вопрос на почву признания королем самого царя, т. е. подчинения польско-литовских земель Москве, на чем и оборвались сиошения; литовцев не соблазняла и другая перспектива — более реальная с московской точки зрения — отделения великого кня-

жества от Польши на московскую сторону. Признав Генриха Валуа, литовские сенаторы посылают в Париж Криштофа Радивила, который отдельно от польского оратора приносит новому королю выражения литовского подданства, а затем присылает ему из Вильны особый диплом, которым великое княжество Литовское подтверждает избрание его королем Польско-Литовского государства. Трудно решить формальный вопрос, противоречили такие действия акту унии или нет, но несомненно, что толкование унии тут определенное: уния — союз двух свободных политических единиц, из которых каждая за себя решает свою судьбу в общем польско-литовском целом.

18 февраля 1574 г. прибыл Генрих Валуа в Краков, а в ночь с 28 на 29 июня убежал из краковского замка, чтобы занять французский престол. Примас созвал съезд всего государства в Варшаве. Это был чисто польский съезд, созванный не общегосударственной властью, которой представителем в отсутствие короля должен бы быть примас, а съезд, созванный по постановлению сеймиков краковского, познанского и сандомирского. Литовцы отсутствовали. Опять вскрывается основная трудность реального истолкования унии: поляки верховную государственную власть понимают как свое национальное учреждение, а смысл унии для них в праве Польши на неотделимость от нее Литвы. Литвины ищут равенства своей доли в соединенном государстве, но такой сверхнациональной государственной власти не оказывается в момент бескоролевья, и великое княжество выступает как самостоятельная политическая единица: дело избрания нового короля по существу обращается в дело возобновления унии, так как в момент бескоролевья ее «реальность» на деле ни в чем не воплощена.

Так в 1574 г. поляки созвали свой экстренный «конвокационный» сейм для решения, как быть в столь чрезвычайных обстоятельствах. Литвины созвали свою особую «конвокацию», собравшись вооруженными близ Полоцка. В Варшаву они послали заявление, что не могут покинуть великого княжества ввиду московской опасности, и притом требовали, чтобы Варшавский сейм не делал постановлений, которые могли бы задеть права великого княжества, снесся с Литвой относительно содержания посольства во Францию, к которому присоединятся и литовские послы, не рассуждал об элекции, так как это преждевременно. По взаимному соглашению назначали Генриху срок возвращения — 12 мая 1575 г.

Во время смут или бескоролевья Польша выработала особый прием организации власти — конфедерации. Так называлась самостоятельная организация съезда, частичного и общего (сеймового), который берет на себя проведение в жизнь принятых решений, создавая, таким образом, своего рода исполнительную власть. Нормальная организация конфедерации берет на себя поддержку власти, обращаясь в рокош, если направлена против нее. Классический тип конфедерации проявляется во время бескоролевья,

когда конвокационный сейм провозглашает конфедерацию генеральную, т. е. дает в руки своих органов всю полноту правительственной власти, восстановляя, таким образом, прервавшееся функционирование ее. Литовский съезд независимо от конфедерации Варшавского сейма создает в 1574 г. свою, решая не разъезжаться, не постановив, как действовать в случае, если создавшийся правительственный кризис не разрешится возвращением Генриха: ведь было ясно, что он не вернется, и предвидеть можно было неприемлемую попытку сохранить власть через вице-короля, какого Генрих пожелает назначить. Решили: 1) стоять за избрание эрцгерцога Эрнеста, сына императора Максимилиана, в том расчете, что он вернет Литве отнятые у нее воеводства; 2) добиваться этих земель путем заключенной конфедерации 3) если кто из литовцев отступит от принятого решения, — подвергнется опале; 4) если избрание Эрнеста не удастся по его вине, то принять решение только сообща.

Основная задача этого постановления — обеспечить объединенное выступление всего великого княжества в общем деле, без раздробления на партии. Генрих не вернулся, и 11 мая 1575 г. собрался съезд польско-литовский в Стенжице. Этот съезд назначен был варшавской конфедерацией, принявшей также ряд мер по внутренним делам и обороне государства. Литовцы не упустили заявить, что не признают ни варшавской конфедерации, ни ее решений; эти постановления приняты без них и не могут их обязывать, как и литовские постановления не относятся к полякам. Но было необходимо найти выход, и литовцы кончили тем, что признали назначение элекции и постановление варшавской конфедерации относительно нее. Нужно ли говорить о том, что все это — политика литовских магнатов? На съезде польская шляхта снова просила, чтобы литовская шляхта заседала вместе с нею, и снова встретила отпор со стороны панов. А когда состоялось соглашение и соединение шляхты, то на жалобы литвинов, что поляки не соблюли унии, устроив свою варшавскую конвокацию без них, то получили ответ, что приглашение литвинам на общий польско-литовский съезд в Варшаве было послано, но паны-рада литовские не известили о том шляхту великого княжества,созвав ее на особую литовскую конвокацию. Тянуть бескоролевье было особенно тягостно для Литвы — с одной, и украинских земель, с другой стороны. Москва наступала. Подолия и Волынь подверглись сильному опустощению татар. Литовцы требовали помощи Короны против Ивана и получили ответ, что во время бескоролевья государственными доходами в Польше распоряжаются сенаторы коронные, а в великом княжестве сенаторы литовские. Обе страны вынуждены действовать каждая своими средствами, а если литовские паны желают соединения всех сил и средств, пусть сдадут сенату литовские доходы! Так официальные политики польские признавали раздельность двух правительств!

Настали дни элекции. Маршалок сейма предложил литовцам подавать голоса по воеводствам. Они отказались, заявляя, что

уполномочены голосовать только все вместе, от имени целого великого княжества, и высказались за Эрнеста. Так подан был не голос воеводств единого Польско-Литовского государства, а голос великого княжества Литовского.

Поляки разделились: великополяне с примасом во главе стояли за австрийского кандидата, но подменили Эрнеста самим императором Максимилианом. Его и провозгласил примас королем 12 декабря 1575 г. Но против стали вожди малопольской политики, Ян Замойский и Андрей Тенчинский. Ян Замойский на провозглашение Максимилиана ответил провозглашением королевы Анны Ягеллонки, причем шляхта избрала ей в супруги семиградского князя Стефана Батория. Чтобы достигнуть соглашения, назначили новый сейм в Андрееве на 19 января 1576 г. Но пока император принял Польскую корону и присягнул соблюдать pacta conventa. Австрийская партия в Андреев не явилась. Тем не менее Андреевский съезд признал себя вальным сеймом, подтвердил элекцию Анны и Стефана и назначил 4 марта днем коронации и брачного венчания, выбрав в посольство к новому королю отсутствующих литовских вождей, Радивила и Ходкевича. К литвинам сейм послал уговаривать их стать на сторону Батория. Для такого изменения литовского мнения была подготовлена почва: литовцев охладило избрание вместо Эрнеста Максимилиана, а еще более отказ в помощи против Москвы, и от Ходкевича является посол в Андреев с просьбою об этой помощи, так как царь Иван уже под Ригой. В апреле король Стефан уже приехал в Польшу, а в Гродне собрался литовский съезд, создавший новую литовскую конфедерацию ввиду «опасности государственной по причине избрания двух королей». Решили заявить полякам, что литовцы требуют обычного общего сейма в Варшаве и там будут настаивать на прекращении распри и восстановлении единства, на исправлении обид, нанесенных Литве, на согласном признании нового короля. Если же поляки будут насильно навязывать своих избранников, с нарушением вольной общей элекции, то литвинам останется только провозгласить разрушение унии, созвать свой съезд для выбора себе великого князя. Этот ультиматум литовцы соединили с предложением Баторию отложить коронацию и обождать Варшавского сейма.

Принципиально литовцы соглашались под влиянием Ходкевича признать Батория, но старались соблюсти свое независимое значение. Но в Кракове не ждали, собрали коронационный сейм и совершили коронацию без литовцев. Послы из великого княжества прибыли уже post factum. Им оставалось только протестовать против нарушения унии избранием короля без общего участия, против титулования Стефана великим князем литовским, хотя литовцы не выбирали его своим князем и не участвовали в заключении с ним условий: «мы, — заявляли послы, — уже совершенно освобождены от уз унии с Польшей». Но эта демонстрация проделывалась лишь для того, чтобы вольно признать Батория, чему сильно помог тактичный примирительный тон, взятый сразу новым

королем. Литовские станы собрались в Мстибогове и, выслушав посольство из Кракова, согласились признать Батория. С этим признанием отправили послов в Краков от панов-рады, от урядников и шляхты. Посольство это представило Стефану подданство Литвы и ее требования. 29 июня Баторий выдал привилей, которым утверждал пять литовских требований: 1) о порядке участия литовских сенаторов в «прибочной раде» королевской; 2) о возобновлении тех правительственных «praescriptiones» [1], которых действие приостановлено смертью Сигизмунда-Августа; 3) об амнистии противникам Батория; 4) о переходе королевских имений к великому княжеству и 5) о неприкосновенности литовской юрисдикции. В тот же день король Стефан повторил перед литовцами присягу, принесенную раньше полякам. Остальные требования литовцев (войска в Литве под начальством литвина, также и пограничные замки; сеймы alternatim; уменьшение сил великого княжества вознаградить равносильно, чтобы могло оно в опасности обходиться без польской помощи; сохранение обычной формулы обращения к сенату и станам великого княжества; учреждение каштелянов в судовых поветах; чеканка монеты в Литве наравне с Польшей; сохранение за скарбом литовским таможенного сбора; князю слуцкому и вообще князьям — место в сейме) Стефан отложил до вального сейма, как относящиеся не к нему лично и подлежащие решению «in comitiis generalibus» [2]. Только там, устанавливая власть нового короля в великом княжестве Литовском, литовские политики сумели выдержать форму свободного признания Батория великим князем литовским, вполне отдельно от польской его коронации.

Во главе соединенного государства стал человек огромной энергии, реальный политик, быстро разобравшийся во внутренних отношениях своих новых владений. Король Стефан на первом же сейме взял необычный тон, ответив на поднявшиеся споры такими словами: «Не в хлеву, но вольным человеком родился я, и было у меня, что есть и во что одеться, прежде чем прибыл я в эту страну. Люблю мою свободу и храню ее в целости. Королем вашим я стал волею божией вами избранный, прибыл сюда вследствие ваших просьб и настояний, и вы сами возложили корону мне на голову. Поэтому я вам настоящий король, а не король, нарисованный на картинке. Хочу царствовать и приказывать и не потерплю, чтобы кто-нибудь правил надо мной. Будьте стражами вольности вашей — это дело доброе, но я не позволю вам стать опекунами для меня и моих сенаторов. Храните вольность так, чтобы она не выродилась в своеволие». Такой король сумел создать то, чего давно нехватало Польско-Литовскому государству: сильное, деятельное правительство.

На том же Торунском сейме 1576 г. послы великого княжества Литовского подали протестацию против станов Короны из-за «неданя

---

[1] «предписаний».
[2] «в общих собраниях».

обороны великому князьству Литовскому водлуг списов унии». Литовцы, ссылаясь на то, что «от станов коронных обороны жадное водле повинностей их» не имеют, а сами «в зменьшенью сил своих за одештьем до Коруны певных земель и воеводств от великого княжества Литовского», слагали ответственность за гибельные последствия подобной политики поляков и просили внести эту протестацию в книги канцелярии королевской. Баторий взял дело в свои крепкие руки. Торунский сейм не дал ему требуемых средств на войну против Гданска, не хотевшего признать его власть, ни тем более на московскую войну. Тогда король решил пойти иным путем, обойтись без громоздкого вального сейма. Вопрос об ассигновании на военные нужды он поставил на обсуждение поветовых и воеводских сеймиков, созвав затем съезды великопольский, малопольский и мазовецкий — областные генеральные сеймики. Указав королю на необычность созыва сеймиков без последующего созыва вального сейма, эти собрания шляхты, однако, вотировали налог и назначили сборщиков. Такой же генеральный съезд созвал Баторий после созыва поветовых сеймиков и в великом княжестве Литовском; съезд этот собрался в составе прежних литовско-русских вальных сеймов и, по предложению короля, установил податок со всех имений — господарских и духовных, княжеских и панских, шляхетских и всяких без исключения, «чинячи сами себе и тому панству, великому князьству Литовскому оборону — на люди служебные, к употребам того самого панства, великого князьства Литовского, а не на што иного». Назначив поветовых и главных поборцев, сейм избрал еще специальную комиссию для наблюдения, чтобы деньги расходовались исключительно на указанную цель. Эта комиссия должна будет дать отчет на ближайшем обычном генеральном сеймике литовском, который соберется перед вальным сеймом.

Эти средства были необходимы Баторию. Покончив с Гданском, он с конца 1577 г. весь отдается московской войне. Во время нее он опирается преимущественно на Литву.

Генеральный сеймик великого княжества — нечто большее, чем простое предсеймовое собрание. С ним решает король такие вопросы, как меры к охране безопасности великого княжества во время войны, как предложения московских послов, важные вопросы, о которых один из «листов» Батория выражается так, что-де их надлежит ведать станам великого княжества, «и никого больше», чем их, это «не заходит». Если то или другое формально регистрировалось на вальных сеймах, то по существу лишь регистрировалось. Сами сеймики генеральные — это съезды особого состава; их «предсеймовый» характер выражался бы в том, что, кроме сенаторов, созывали бы только послы поветовые. На деле было иначе: съезжались «врядники», не входившие в состав сената, а также из поветов послы в большем числе, чем требовал статутовый порядок сеймованья: «межи собою намовивши, — пишет Баторий сеймикам, — две албо три особы, албо похочете ли и больше с посродку себе братю вашу людей добрых ростропных и бачных па тот съезд

у Вильни… прислали бы», чтобы они «сполне з их милостью паны радами и иншими станы, которые на он час до Вилни прибудут», «обмышлевали» «около рушеня нашего до войска и в них потребах земских».

Баторий — в великом княжестве. Тут у него много дела — административного, распорядительного, и он делает его с тем, что называет «съездом», что формально есть «генеральный сеймик», а по существу — литовско-русский сейм старого типа и по составу и по задачам. Великое княжество живет особой жизнью и имеет свое, фактически особое, правительство. На «съездах» таких Баторий утверждает привилеи Полоцкой земли, возвращенной из-под московского владычества, созывает фактические посполитые рушения в виде добровольного похода военных сил великого княжества, который формально не мог быть «посполитым рушением», так как его могли назначать только вальные сеймы, а те назначали только податки на войну. И король, назначая время для похода всех, кто на съезде «тягнуть оферовали» со всех поветов и воеводств, «варует» особым привилеем, что эта мобилизация не может рассматриваться как обязательное «рушенье» по постановлению сейма, не должна считаться нарушением «вольностей и свобод»; станы великого княжества, «не будучи повинны за поступленьем податку (взамен рушенья) на отправу войны тое», так как посполитое рушенье «водле спису унии» возможно только «за уфалою сеймовою — поспол з братьею своею паны поляки», — на этот раз двинулись вполне добровольно, «з милости своее, а не з жадное повинности». На деле же такие мобилизации совершались по призыву короля, за радою панов-радных, по добровольному решению всех станов великого княжества.

Особая организация великого княжества как носительница его особой государственности продолжала функционировать, сохраненная унией, и развиваться. На Варшавском вальном сейме 1581 г. создан главный литовский трибунал. Это важное учреждение явилось естественным следствием унии. Носителем высшей судебной власти в великом княжестве был великий князь. К нему шла апелляция от суда панов-рады и других судов, и дел шло на личный суд короля-великого князя множество. Личный суд постепенно получил организацию судов по поручению — комиссий из сенаторов или суда маршалков, которые рассматривали и докладывали великому князю только те дела, которые почему-либо не считали возможным решить сами. Наконец, для Литвы в эпоху Сигизмундов такой заменой личной судебной деятельности короля стали судебные собрания рады господарской — по две сессии в год. Но юридическое уничтожение особой великокняжеской власти и особой рады с утверждения унии ставило ребром вопрос о создании независимого от этих случайных форм высшего суда. И еще на Люблинском съезде 1569 г. Сигизмунд-Август заявлял, что старая судебная роль непосильна для правителя столь обширного государства и что необходимо заменить королевский суд особым высшим судом.

С этим вопросом в тесной связи другой: каким быть этому высшему суду? Единым для польско-литовского целого, как учреждению, тесно примыкающему к общей верховной власти? Это было невозможно ввиду резкой разницы законов, действовавших в обеих половинах государства. Ведь и для земель Короны пришлось создать не один, а два трибунала — рядом с коронным (т. е. польским) стал луцкий трибунал для русских земель, живших по литовскому статуту; особый судебный порядок пришлось создать и для королевской Пруссии. Представители великого княжества на сейме вальном в Варшаве в 1579/80 г. подняли вопрос об особом главном литовском трибунале, причем они заготовили и устав такого трибунала. Король подписал проект, но сейм закончился без публикации «конституций», и на том дело стало. Утвержден был проект сеймовой конституцией следующего (1581) года, а открыт был трибунал в 1582 г.

Организация трибунала — характерное выражение создавшегося шляхетского гминовладства. Он явился не реорганизацией королевского суда или суда панов-рады, а вырос из строя поветовых судов шляхты. Членов трибунала выбирали поветовые сеймики по два от повета ежегодно с правом переизбрания не раньше как через два года, если только данный сеймик единогласно не выскажется за сохранение полномочий своего избранника. Собрание выбранных «трибуналистов» под председательством выбранного ими из своей среды маршалка и составляет высший апелляционный суд. Его сессии отбывались по очереди в Вильне, Троках, Новгородке и Минске для поветов данного воеводства. Первоначально трибунал не имел даже особой канцелярии: его секретарем бывал земский писарь того повета, где происходила сессия, но вскоре выяснилась потребность в особом трибунальском писаре. Для Жмуди — сессия в Россиенах.

Наконец, в ту же пору идет в великом княжестве большая законодательная работа. Статут 1566 г. не мог не устареть в ряде артикулов после новшеств 1569 и следующих годов. Вопросы о «поправе» статута возникли в 1568 г. на Гродненском сейме; события 1569 г. должны были усилить эту потребность, и на Люблинском сейме назначена комиссия из двух сенаторов и по одному члену от каждого воеводства; при комиссии — «doctor juris utriusque» — ученый юрист, королевский секретарь Августин Ротундус и два писаря земские. «Поправа», по постановлению Люблинского сейма, должна была стоять на почве унии: комиссия должна сличить литовский статут с польским и возможно ближе согласовать с этим последним литовские законы. Вознаграждается комиссия из особого податка по грошу с волоки. По мере работы отдельные поправленные артикулы представлялись на утверждение короля и вальных сеймов.

Ряд артикулов был утвержден на Варшавском сейме 1578 г. и вошел в силу грамотами из королевской канцелярии по всем воеводствам и поветам. Тот же сейм установил следующий порядок: для «поправы» созываются сеймики великого княжества, а с сеймиков

«больший съезд» в том же 1578 г. в Новогрудке,а оттуда поправа должна быть представлена на ближайший коронный сейм к королевскому утверждению.

Но дело не пошло так быстро. В 1582 г. в Волковыйске был созван литовский съезд, не предсеймовый, а специальный для дел великого княжества, и он просит короля, чтобы «та поправа статута, которая ее через депутатов наших вже доканала, в занедбанье не провожона, але ижбы их милость панове-рады рачили межи собою певные особы теперь заразом обрать ипри его королевской милости... той поправы ревидовать», возлагая окончательную редакцию статута на короля и его литовских сенаторов. Но дело еще тянулось. Только в 1584 г. съехались в Вильне «их милость панове-рады и послове — ку сконченью поправы статутовые», но и то доложили королю, что «некоторых артикулов и иных речей до тогож статуту потребных» они не могут «скончить без братьи своей», без своего рода плебисцита сеймиковавшей по поветам шляхты, и просили короля послать на следующие поветовые сеймики все, что возбуждает их сомнение в проекте поправленного статута. Больше всего смутило их предположение назначить податок по 2 гроша с волоки на прогоны послам сеймовым и на общественные здания, как «дома для зложенья книг земских». Усматривая тут наложение постоянной подати, они замечают, что это противоречит основной шляхетской привилегии, «абы вечный плат николи не был вношон на маетности и подданных», и потому они предлагают иной источник потребных средств: составить капитал взносом в течение трех лет определенного сбора и, кроме того, просить короля даровать монетный двор «зо всим начынем мынцарским» на Речь Посполитую. И «зыск с мынцы» покроет расходы на послов и другие поветовые нужды и еще много будет остатка. А средства эти авторы проекта предлагают обратить на выдачу под залог «на певных маетностях» ссуд шляхте с процентом в 2 пенязя с копы грошей в неделю вместо целого гроша и более, что взыскивают частные лица. Учредив такой кредит, предполагалось запретить всякие иные кредитные операции в Вильне. Далее внимание съезда привлекло сохранение старых правил о ремонте и строении замков и мостов. Указывая, что эти правила устарели, съезд предлагает увеличить мыто на купцов и отчислять этот плюс в капитал на выкуп заставленных столовых имений, с тем чтобы доход с восстановленных таким путем государственных имуществ шел на поддержание и развитие укреплений по новой фортификационной системе валами вместо деревянных замков. Мосты же пусть строят и содержат землевладельцы, собирая мостовое в свою пользу. Снова поднимается вопрос о складах при таможнях для товаров, идущих за границу и т. д.

Так шла работа ряд лет до утверждения статута в 1588 г. Дело сличения и сближения литовского статута с польским заменилось переработкой его по новым требованиям житейской практики и стремлениям шляхты при участии сеймиков и генеральных съездов. Отдельные части работы утверждались и входили в силу по утверждении королей Генриха и Стефана «моцью вальных соймов». Совер-

шенно неверно заявление И. И. Лаппо, что не только рассмотрение, но и утверждение поправ было делом «одних литовцев», если взглянуть на дело формально. По существу же коронные сеймы, конечно, не мешались в неинтересные им литовские дела.

Как же определить Люблинскую унию, то, что ею создано? Ее «реальность», формально установленная, на деле весьма сомнительна. Но деятельность Стефана Батория, как и следующих королей, создала более прочные основы этой реальности, чем люблинский акт, прежде всего в объединении сил Польско-Литовского государства и его внешней политики, — объединении не до отождествления, но до более прочной связи, с привлечением польских средств, финансовых и личных, на борьбу против Московского государства и татар.

УКАЗАТЕЛЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Редактор *Н. Рубинштейн* Технический редактор *Л. Кошутина*
Корректоры: *З. Пупол* и *И. Рождественская* Художник *К. Егоров*

Сдано в набор 28/III-1938 г. Подписано в печать 25/VIII-1938 г.
Формат издания 60 × 92 1/16. Объем книги 15½ л. Уч.-авт. л. 17.991
Серия—монография. Тираж 10.000 Уполном. Главлита А-4818. ОГИЗ № 2090
Цена книги 3 р. 60 к. Цена переплета 1 р. 25 к. Заказ № 1780

Набрано в 1-ой образцовой типографии Огиза треста „Полиграфкнига".
Москва, Валовая, 28. Отпечатано с матриц в арт. типография „Печатня".
Ленинград, Прачечный, 6 по заказу № 735